

В. В. Кириенко

Белорусская

ментальность:

**истоки, современность,
перспективы**

Гомель
ГГТУ им. П. О. Сухого
2009

УДК 303.425.5
ББК 60.54
К43

*Рекомендовано к изданию Советом ГГТУ им. П. О. Сухого
(протокол № 4 от 15.12.2008 г.)*

Рецензенты: доктор социологических наук, профессор *В. И. Русецкая*;
доктор социологических наук, профессор *В. А. Клименко*

Кириенко, В. В.

К43 Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 319 с. : ил. : 2 карты.
ISBN 978-985-420-806-0.

В связи с обретением Беларусью государственного суверенитета в обществе появилась потребность в осознании национальной самобытности. Автор монографии одним из первых не только в Беларуси, но и на постсоветском пространстве применил социологические методы измерения и описания такой сложной категории, как менталитет. Разработанная им методика анализа и описания менталитета успешно используется в междисциплинарных исследованиях.

Монография будет полезна философам, политологам, социологам, экономистам, историкам – всем, кто интересуется историей становления белорусского этноса и белорусской нации, материальной и духовной культурой, менталитетом белорусов.

**УДК 303.425.5
ББК 60.54**

ISBN 978-985-420-806-0

© Кириенко В. В., 2009
© Оформление. Учреждение образования
«Гомельский государственный технический
университет имени П. О. Сухого», 2009

Научное издание

Кириенко Виктор Васильевич

Белорусская

ментальность:
**истоки, современность,
перспективы**

Редактор

Н. Г. Мансурова

Компьютерная верстка

М. В. Аникеенко

Дизайн обложки
и оформление

М. В. Дриго

Подписано в печать 15.12.08.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Ризография. Усл. печ. л. 18,60. Уч.-изд. л. 21,89.

Тираж 100 экз. Заказ № 905/163.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Издательский центр

учреждения образования «Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого».
ЛИ № 02330/0131916 от 30.04.2004 г.
246746, г. Гомель, пр. Октября, 48.

*Методология
и методика
исследования
менталитета*

ГЛАВА

1.1. ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ МЕНТАЛИТЕТА

Впервые потребность в изучении национальных особенностей людей возникла у путешественников, купцов, дипломатов, военных. Знание национальных особенностей чужестранцев дипломатам было необходимо для организации эффективного влияния на правящие круги, военным – для определения особенностей в организации стратегии и тактики боевых действий. Купцам сведения об особенностях национального характера жителей чужих стран были необходимы для оптимальных методов торгово-посреднической деятельности, а также для определения рынков сбыта соответствующих товаров. Любители экстремальных путешествий с целью усиления впечатления от увиденного описывали просто фантастические, очевидно нереальные вещи. Древние греки были уверены, что в причерноморских степях живут кочевники скифы – гибриды лошади с человеком – кентавры. А путешественник Афанасий Никитин писал в своем труде «Хождение за три моря»: «В Индийской земле кони не водятся, в их земле рождаются быки да буйволы – на них ездят и товар и иное возят, все делают... а из съестного только овощи, а для Русской земли товара нет. А здесь люди все черные, все злодеи, а женки все гулящие, да колдуны, да тати, да обман, да яд, господ ядом морят» [96, с. 3].

Поскольку изучение национальных особенностей производилось и по различной методике и для различных целей, описывая национальный характер, одни из исследователей акцентировали внимание на особенностях темперамента и внешнего вида, другие делали акцент на системы базовых ценностей – отношение к труду, к окружающему миру, к существующей власти и другим людям, к основам семейного устройства, к жизни и смерти. Об особенностях национальных характеристик писали Геродот, Гиппократ, Корнелий, Тацит, Страбон.

Не применяя термин «менталитет», российские философы, историки, писатели А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев, П. А. Чаадаев, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Н. О. Лосский, В. О. Ключевский, А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, А. И. Солженицын детально изучали особенности формирования и проявления «русского характера», «загадочной русской души». Л. Н. Толстой, великий знаток и совесть «русской души», описывает «неожиданное» проявление у графини Натали, воспитанной в традициях французской культуры, спонтанного проявления чувства исконно русской мелодии и хореографии. «Где, как, когда всосала в себя из этого русского воздуха, которым она дышала, – эта графинечка, воспитан-

ная эмигранткой-француженкой, – этот дух, откуда она взяла эти приемы, которые *pas de ch le* давно бы должны были вытеснить. Но дух и приемы эти были те самые, *неподражаемые, не изучаемые, русские*» (выделено мною. – В. К.) [86, с. 514]. Ф. Тютчев в результате длительного и кропотливого сопоставления мироощущений и мировоззрений, характерных для представителей западноевропейских и восточнославянских народов, пришел к парадоксальному, на первый взгляд, выводу, что «умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию можно только верить» [87, с. 187].

Большинство исследователей *русского характера* сходятся в том, что решающим фактором в его формировании явились крестьянский образ жизни подавляющей части населения и критические природно-климатические условия с относительно коротким летом и продолжительной зимой. К примеру, российский историк В. О. Ключевский описывал особенности русского человека, предопределенные основными элементами русской равнины – лесом, степями, реками [48, с. 68]. Соответствие между необъятностью бесконечной русской равнины и русской души, между географией физической и географией душевной отмечал российский философ Н. А. Бердяев.

Рис. 1.1. Белорусский пейзаж. *Фотография*

Повышенный интерес географов, этнографов, историков к изучению национального характера белорусов зафиксирован в XIX – начале XX столетий. Мощным импульсом для активного изучения национальных особенностей белорусов стали политические события, произошедшие в середине XIX столетия на территории Беларуси восстания 1830–1831 и 1863–1864 годов. Российские исследователи конца XIX столетия отмечали, что белорусы отличаются бережливостью, почти скупостью, расчетливым ведением хозяйства, трудолюбием, мало гармонирующим с их физической слабостью. По описаниям исследователей, они отличались гостеприимством, склонностью к веселью и доверчивостью. Манера держать себя и говорить отличается от великорусской своей медлительностью, сдержанностью, отсутствием злопамятства, способностью уходить в мир мечтаний и воображения [73, с. 156–157].

Рис. 1.2. Белорусы. С гравюры начала XIX века

Изучение феномена менталитета и национального характера на системной основе стало возможным только в рамках междисциплинарного исследования как обществоведческих, так и естественно-природных наук. При этом интегрирующую функцию в изучении феномена менталитета выполняют социологические науки. Одним из теоретических предтеч разработчиков феномена ментальности является классик социологии

Эмиль Дюркгейм. Формулируя основные постулаты развития общества, он пришел к выводу, что основным «скрепом», оформляющим социум в пространстве и времени, являются *коллективные представления*. В отличие от индивидуального сознания, которое зависит от психики индивида, коллективное сознание едино для всей группы и не только не зависит от индивидуального сознания входящих в него людей, но само посредством укорененных в социальной жизни норм морали и нравственности, религиозных верований, мифов и легенд выстраивает рамки поведения членов социума. Коллективные представления, так же как и ментальные характеристики, формируются и поддерживаются не отдельными индивидами и не одним поколением, а социумом в нескольких поколениях, так как «социальные факты в известном смысле независимы от индивидов и являются внешними по отношению к индивидуальным сознаниям... Общество имеет в качестве своего субстрата совокупность ассоциированных индивидов» [29, с. 232]. Социальная реальность, социальные факты, в представлении Э. Дюркгейма, не сводятся отдельно ни к физическим, ни к экономическим, ни к психическим детерминантам, но образуют новую социальную реальность с новыми характеристиками, присущими только социальной общности. Человек у Дюркгейма представляет собой двойственную реальность, в которой взаимодействуют две субстанции, две сущности: *индивидуальная* и *социальная*. При этом социальная реальность доминирует над индивидуальной: не общество возникает из индивидов, но индивид из общества. Поэтому в дихотомических рядах «индивидуальные факты» – «социальные факты», «индивидуальные представления» – «коллективные представления», «индивидуальное сознание» – «коллективное сознание» индивидуальные элементы и методологически, и онтологически выступают в качестве производных от коллективных, социальных [29, с. 31].

Базируясь на приоритетности социальных механизмов над индивидуальными, Э. Дюркгейм совершенно определенно сделал вывод, что «социальный феномен не зависит от личной природы индивидов. Причина заключается в том, что в сплаве, из которого он возникает, все индивидуальные признаки, разнообразные по определению, взаимно нейтрализуются и сглаживаются» [29, с. 235]. Коллективные представления в концепции Э. Дюркгейма являют собой не сумму представлений индивидов, но новое производное качество, ибо «коллективная жизнь, целиком располагаясь в коллективном субстрате, посредством которого она связана с остальной частью мира, тем не менее не растворяется в этом субстрате. Она одновременно зависит от него и отличается от него, так же как функция соотносится со своим органом» [29, с. 239]. Таким образом, несводимость менталитета этноса к сумме ментальных характеристик индивидов, образующих социум, базируется на положении Э. Дюркгейма о несводимости социума к сумме характеристик индивидов, образующих этнос. «Коллективное чувство... выражает не

только то, что было общего между всеми индивидуальными чувствами. Оно есть результирующая совместной жизни, продукт действий и противодействий, возникающий между индивидуальными сознаниями... Если все сердца бьются в унисон, то это не вследствие самопроизвольного и предустановленного согласия, а потому, что их движет одна и та же сила и в одном и том же направлении. Каждого увлекают все» [29, с. 36]. Менталитет, несмотря на свою «психологичность», в такой же мере является и социальным феноменом. Это вполне соответствует положению Э. Дюркгейма о том, что «социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [29, с. 39], и что «социальный факт узнается лишь по той внешней принудительной власти, которую он имеет или способен иметь над индивидами... Он существует независимо от индивидуальных форм, принимаемых им при распространении» [29, с. 36–37].

Следует отметить, что Э. Дюркгейм, раскрыв общесоциологические механизмы формирования и функционирования коллективных представлений, не анализировал естественно-природные причины, предопределяющие специфические этнонациональные проявления коллективных представлений. Эта проблема решалась его теоретическими преемниками – группой французских этносоциологов и этно-психологов, создателей и авторов журнала «Анналы экономической и социальной жизни».

Рис. 1.3. Наводнение весной в местечке Креслав Двинского уезда.
Фотография

Значительный вклад в разработку проблем взаимодействия процессов индивидуализации и социализации, взаимодействия личности и социума, подготовивший теоретическую почву для социологической разработки феномена менталитета, внес американский социолог Толкотт Парсонс [65]. В своих социальных построениях сформулировал фундаментальный вывод о реальности *системы социального действия*, в рамках которого субъект деятельности *actor* находится в постоянной взаимодейственности с окружающей средой – климатом, географическим ландшафтом, другими *actor*ами (под которыми он понимал как отдельных индивидов, так и социальные группы). Следует подчеркнуть, что Т. Парсонс не допускал сведения характеристик социума и личности к окружающим *физическим, социокультурным* или иным условиям их существования. Так, отмечая взаимодействие биологического организма индивида с физическим, социальным и культурным окружением, он указывал на недопустимость сведения личности к любому из перечисленных компонентов. Личность, в определении Т. Парсонса, представляет собой *аналитически независимую структуру*. Система социального действия у Т. Парсонса имеет сложную иерархическую структуру, состоящую из четырех подсистем, каждая из которых выполняет одну из базовых функций:

1. *Биологическая (органическая) система*, которая посредством свойственного человеку ощущения и восприятия обеспечивает соединение материального и идеального миров, выполняет функцию *адаптации* и таким образом обеспечивает установление благоприятных условий социализации.

2. *Система личности* является результатом социализации личности, освоения ею существующих социальных нормативов, выполняет функцию *целеполагания и целедостижения* и обеспечивает актуализацию потенций *актеров*.

3. *Социальная система*, которая определяет предпочтительные и запрещенные способы взаимодействия *актеров*, обеспечивает социальную солидарность и таким образом выполняет функцию *интеграции*.

4. *Система культуры*, представляя собой совокупность идей, идеалов, ценностей, общепринятых норм, актуализирует как осознанные, так и скрытые социальные нормативы поведения и выполняет *латентную функцию*.

Подчеркивая социальную сущность культурной системы, Т. Парсонс отмечает, что как пассивное освоение культуры – обучение, так и активное творчество в создании новых элементов культуры не позволяют человеку без взаимодействия с другими субъектами создавать элементы культурной системы. Социокультурные ценности создаются и поддерживаются представителями нескольких поколений больших социальных групп, при этом базовые элементы культурной системы не изменяются в течение жизни нескольких поколений. Общие социокультурные ценности, поддерживаемые большинством членов общества нескольких поколений, и являются высокоустойчивыми структурными социальными опорами, аналогичными опо-

рам, которые создают генетический или биологический вид [65, с. 496]. Таким образом, парсоновская система культуры удовлетворительно объясняет воздействие менталитета на поведение *акторов* – как отдельных индивидов, так и социальных групп.

Российско-американский социолог Петерим Сорокин, анализируя взаимодействие социальных и психологических компонентов социума, отмечает, что, поскольку социокультурные, или надорганические, явления являются ментальными по своей природе, разница между психологическими и социологическими исследованиями является относительной. П. Сорокин отмечал, что исследователь, изучая структуру общества его культуру и через них объясняя определенные ментальные черты и феномены, должен быть готовым к тому, что его исследование будет социологическим. При этом граница между социологическими и психологическими методами является зачастую весьма неопределенной, о чем свидетельствует социальная психология, которая является наукой одновременно столь же психологической, сколь и социологической.

Методологическую ценность для осмысления сущности и понятия менталитета и его теоретической экспликации представляют труды немецкого ученого Карла Густава Юнга. По аналогии с социологическим феноменом *коллективные представления* Эмиля Дюркгейма, на социально-психологическом уровне К. Г. Юнг обосновал феномен *коллективного бессознательного*. Признавая приоритетность сознательной деятельности человека, вместе с тем К. Г. Юнг установил, что «мы обязаны признать существование некоего коллективного психического субстрата. Этот субстрат я назвал бы «коллективным бессознательным» [95, с. 90].

Коллективное бессознательное, по Юнгу, являет собой хранилище латентных слоев памяти человечества, состоящее из мощных первичных психических образов – *архетипов* (греч. *arche* – начало, *typos* – образ), которое представляет собой врожденные идеи, воспоминания, определяющие потребность всех людей воспринимать, переживать и реагировать на объекты и события определенным образом. В результате согласованных действий в социуме формируются универсальные модели восприятия и реакции на типичные ситуации. *Архетипы* представляют собой образование, которое организует процесс сопричастности индивида и единого с ним окружающего природно-социального мира во всем многообразии сложных, противоречивых взаимодействий. В юнговских социально-психологических построениях именно *архетип* имеет ключевое значение для понимания менталитета как спрессованной коллективной памяти, ибо «архетип в силу своей способности объединять противоположности служит посредником между бессознательным основанием и сознанием. Он перекидывает мост между современным бытием, которому постоянно угрожает утрата собственных корней, и естественной, бессознательной, ин-

стинктивной целостностью первобытных времен. Благодаря этому посредничеству уникальность, особенность и односторонность нашего современного индивидуального сознания снова обретает связь со своими естественными расовыми корнями» [95, с. 113]. Существенным в теории К. Г. Юнга является то, что архетипы изначально амбивалентны, «все архетипы имеют как позитивную, благоприятную, светлую сторону, которая указывает вверх, так и ту, которая указывает низ – частично негативную и неблагоприятную, частично хтоническую, но в остальном просто нейтральную» [95, с. 308]. Каждый из архетипов в конкретных социальных условиях может проявить как конструктивно-созидательные, так и в деструктивно-разрушительные качества. Таким же образом и менталитет как таковой, и его каждая характеристика в отдельности, будучи изначально амбивалентными, свои социальные качества проявляют в процессе их реализации в конкретных социальных ситуациях.

**Рис. 1.4. Мужчины Игуменского павета Минской губернии.
Фотография**

Следует подчеркнуть, что в юнговских архетипах ментальность заложена не только содержательно, но и оформленно. Наряду с наиболее разработанной категорией «архетип» К. Г. Юнг использовал и категорию «ментальность». В его представлении, в отличие от *архетипов*, являющихся проявлением бессознательных психических процессов, *ментальность* «вмонтирована» в образно-эмоциональные мифы, которые несут в себе запечатленный опыт предшествующих поколений. Если «архетипы предстают как произвольные выявления бессознательных процессов, о существовании и смысле которых можно только догадываться» [95, с. 88], то «ментальность не изобретает мифы, она их переживает» [95, с. 89].

Теоретические положения К. Г. Юнга опровергают представления о том, что архаичные мифы, сказки и предания для цивилизационного об-

щества становятся не более чем пережитками, никоим образом не влияющими на общечивилизационное развитие по матрицам общечеловеческих ценностей. Реальность последних десятилетий более чем убедительно доказала правомерность утверждения К. Г. Юнга о том, что «мифология племени – это его живая религия, потеря которой – всегда и везде, даже среди цивилизованных народов, – является моральной катастрофой» [95, с. 90]. Память о «примитивных», «детских» этапах становления социума является обязательным условием обеспечения его целостности. Поэтому, сколь бы устаревшими и нелепыми ни казались в глазах современного цивилизованного человечества архаичные «остатки», – общество без них развиваться не в состоянии. «Наше дифференцированное сознание пребывает в постоянной опасности отрыва от своих корней и поэтому нуждается в компенсации, которую может дать еще существующее детство» [95, с. 90].

Анализируя сложнейшую геополитическую и социокультурную ситуацию первой половины XX столетия, К. Г. Юнг приходит к драматичному, но... увы, верному заключению о том, что «хотя наша прогрессивность во множестве случаев может привести к восхитительному исполнению желаний, она в равной степени накапливает и гигантский прометеев долг, который время от времени приходится выплачивать в виде ужасающих катастроф. Веками человек мечтал о полете, а все, что мы получили взамен, – это град бомбардировок...» [95, с. 99]. Выход из драматической ситуации К. Г. Юнг видел в восстановлении разорванной цепочки прошлого, настоящего и будущего, ибо «если младенческое состояние коллективной души подвергается вытеснению вплоть до полного исключения, то содержание бессознательного расстраивает сознательные намерения и тормозит, искажает, даже разрушает их реализацию. Прогресс жизнеспособен только при их взаимном сотрудничестве» [95, с. 100], ибо «с потерей прошлого настоящее утрачивает свое значение, ценность и способность к переоценке» [95, с. 93]. Отметим, что анализируя диалектику взаимоотношений прогрессивного и консервативного (сдерживающего) идеалов в социальном развитии, К. Юнг отмечал, что «сдерживающий идеал всегда более примитивен, более естественен (как в хорошем, так и в плохом смысле) и более “морален” в том, что он сохраняет верность закону и традиции. Прогрессивный идеал всегда более абстрактен и менее естественен и “морален” в том, что он требует предательства традиции» [95, с. 99–100]. Вместе с тем, несмотря на драматизм социального хаоса современного ему мира, вызванный неумными желаниями отказаться от «устаревшего» прошлого, К. Юнг постоянно подчеркивал необходимость социального развития, социального прогресса, так как приверженность «моральности», традиционности без развития, без прогресса ведет к трагическим результатам, ибо «отсталость может быть ближе к естественности, но ей в свою очередь всегда угрожает болезненное пробуждение» [95, с. 100].

Существенное методологическое значение в изучении менталитета представляют глубинные разработки К. Юнгом естественно-психологических закономерностей направленности (инвариантности) личности. В его трактовке *коллективное бессознательное* как хранилище латентных следов памяти человечества реализует подсознательную энергию (либидо) посредством нескольких инвариантов, главными из которых являются *экстраверсия* и *интроверсия*.

Лица, обладатели экстравертной инвариантности – *экстраверты* характеризуются врожденной предрасположенностью направлять свою подсознательную энергию вовне и, соответственно, получать энергию, импульсы для собственной «подзарядки» из внешнего мира. Экстраверты нуждаются в большом количестве взаимодействующих с ними субъектов. Оценки референтных социальных групп для них являются более значимыми, чем собственные оценки. Экстраверты видят, ощущают и оценивают себя и окружающий мир не столько собственными глазами, сколько глазами других, вследствие чего они изначально *социоцентричны*.

Индивиды с интровертной инвариантностью – *интроверты* характеризуются предрасположенностью устремлять свои либидо внутрь себя. Актуализация собственной подсознательной энергии (либидо) у интровертов осуществляется посредством преимущественно собственных мыслей, чувств, фантазий. Приспособление к внешнему миру у них затруднено, вследствие чего *интроверты* подсознательно избегают взаимодействия с большими социальными группами. Данная инвариантность реализации подсознательной энергии (либидо) является объективной причиной естественной *антропоцентричности* интровертов.

Проблема *ментальности* как научной категории впервые была сформулирована социальными историками школы «Анналов», попытавшимися переориентировать обществоведение, во-первых, с изучения так называемых «объективных», социально-экономических отношений на анализ «субъективных», нравственно-психологических и социокультурных элементов общественных отношений и, во-вторых, произвести переакцентацию оценок социальных событий с позиций официальных доктрин на анализ неотрефлексированных алгоритмов жизнедеятельности народных масс. «...Обращение к ментальности как к фундаментальному слою сознания предполагает не только различие ментальности и идеологии, но и различие установок широких масс и элиты. ...Поворот, который осуществила школа “Анналов”, и был поворотом к культуре “безмолвствующего большинства”, к противопоставлению “ученой” и “фольклорной” культуры, к постижению народной культуры и народного менталитета, к изучению массовых представлений, существующих по большей части неотрефлексированно» [74, с. 53]. С этой целью представители нового направления социологии, объединенные вокруг журнала «Анналы экономической

и социальной истории», «обратились к глубоким “пластам залегания” исторической памяти – ментальности, увидев в ней систему образов и представлений социальных групп, все элементы которой тесно взаимосвязаны и сопряжены друг с другом и функции которой – быть регулятором их поведения и бытия-в-мире» [74, с. 51].

В представлении перворазработчиков категории *mentalite*, ментальность представляет собой систему «образов... которые... лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [28, с. 48–49]. Изначально категория «менталитет» (от позднелат. *mentalis*, произведенного от лат. *mentis* – ум, *alis* – другие, от фр. *mentalite* – образ мышления) обозначала наличие у каждой социокультурной общности некоего общего «нравственного инструментария», своеобразной «психологической оснастки», которая позволяет всем членам общества воспринимать окружающие их события более или менее одинаково, что и обеспечивает их синхронизированные действия. Эта «оснастка» обеспечивает ощущение индивидами своей одинаковости среди «своих» и различия, несходства с «чужими». Представители школы «Анналов» особо подчеркивали, что ментальность представляет собой не простой набор характеристик, а *систему* взаимосвязанных качеств, обеспечивающих синхронное поведение членов социальной группы. При этом связи между характеристиками являются более важным элементом, чем отдельные характеристики.

Термин «ментальность» в науку ввел французский философ, социолог, этнограф Люсьен Леви-Брюль в 1922 году в своей работе «Первобытное мышление». Опираясь на сформулированное Э. Дюркгеймом понятие «коллективные представления», используя этнографический материал о жизни народов Африки, Австралии, Океании, находящихся на разных этапах социокультурного развития, он сформулировал положение, в соответствии с которым определенным социально-культурным структурам соответствуют определенные типы коллективного мышления. Леви-Брюль, в частности, указывал, что коллективное первобытное мышление, в отличие от мышления цивилизованного общества, ориентировано на установление не логико-аналитических, а мистико-пра-логических (дологических) отношений. «Мышление первобытных людей может быть названо пра-логическим с таким же правом, как и мистическим. Это, скорее, два аспекта одного и того же основного свойства, чем две самостоятельные черты. Первобытное мышление... должно быть названо *пра-логическим*, если рассматривать его с точки зрения ассоциаций» [55, с. 62–64]. Л. Леви-Брюль, развивая идеи о коллективных представлениях Э. Дюркгейма, пришел к выводу, что они формируются не в результате индивидуального жизненного опыта, а внедряются в его сознание через общественную среду. Сформированный им «закон сопричастности» (*партиципации*) раскрывает механизм синхронизиро-

ванного взаимодействия людей в сферах, не поддающихся опытно-логическому освоению каждым конкретным человеком. «То, что мы назвали естественной причинной зависимостью между событиями и явлениями, либо вовсе не улавливается первобытным сознанием, либо имеет для него минимальное значение. Первое место в нем, а часто и все сознание, занимают различные виды мистической партиципации» [55, с. 63]. В соответствии с *законом партиципации* ментальное восприятие является эмоционально насыщенным, мистическим, субъективизированным. Таким образом, в понятие «ментальность» Л. Леви-Брюль вкладывал общность восприятия мира первобытными людьми, принципиально отличающегося от восприятия современными людьми. Центральной особенностью менталитета Л. Леви-Брюль считал *нечувствительность к логическим противоречиям*, зафиксированным в преданиях, мифах, сказаниях, в которых описываемые предметы являются одновременно и самими собой, и чем-то «иным»; и рациональными, и священными.

В настоящее время категория «менталитет» широко используется в понятийных аппаратах культурологов, психологов, социологов, политологов, философов, историков, экономистов, правоведов, она все больше становится инструментом междисциплинарного изучения социально-гуманитарных процессов. Сущность, характеристики и функции менталитета изучали и изучают представители различных социально-гуманитарных наук, поэтому подходы к изучению менталитета, определение его предметного поля и выделение его сущностных характеристик и функций также различаются.

Представители *культурологического направления* рассматривают менталитет как совокупность представлений, воззрений, «чувствований» общностей людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, оказывающих влияние на исторические и социокультурные процессы. Исходя из того, что в абсолютном большинстве случаев поступки людей определяются синтезом рационального и чувственного, сознательного и подсознательного, представители культурологического направления содержание менталитета определяют тем уровнем общественного сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, от ментальных привычек и приемов сознания. Так, российский исследователь А. Я. Гуревич под ментальностью понимает «социально-психологические установки, способности восприятия, манеру чувствовать и думать. Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания, не отрефлексированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков. Идеи на уровне ментальности – это не порожденные индивидуальным сознанием, завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определяется социальной средой; восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, ис-

кажает и упрощает» [78, с. 129]. Менталитет, с точки зрения культурологов, представляет собой некую интегральную характеристику людей, живущих в определенной культуре, которая позволяет описать своеобразие ощущения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него. «Когда мы говорим о ментальности, то имеем в виду прежде всего не какие-то осознанные и более или менее четко формулируемые идеи и принципы, а то конкретное наполнение, которое в них вкладывается» [24, с. 454].

Представители *психологического направления* в исследовании менталитета в качестве базовых механизмов функционирования ментальных характеристик выделяют психологические константы на индивидуальном уровне и исследуют архетипы коллективного бессознательного. По определению представителя российской психологической школы И. Г. Дубова, «...менталитет раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умозаключений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с детерминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающую указанную общность от других» [59, с. 14]. В. Е. Семенов определяет менталитет как «исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и бессознательных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом настроении» [76, с. 8].

Рис. 1.5. Сельский пейзаж. Начало XX века. *Фотография*

Социокультурное направление определяет менталитет как специфический синтез чувствований, верований, воззрений, характерных для данной эпохи, географической области и социосферы. Здесь менталитет исследуется в качестве инструмента, позволяющего сформировать интегральную характеристику социальной группы, объясняющую ее особенность синхронного рефлексирования на те или иные обстоятельства. «Ментальность (или менталитет) – это интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, с их особым способом восприятия мира, образом мыслей, иерархией жизненных ценностей, формами бытового и социального поведения» [77, с. 310]. Шведский исследователь О. Даун в результате комплексного исследования с применением количественных методов (психологических тестов и опросов, проведенных по репрезентативным выборкам) и качественных измерений (глубинных интервью со шведами и иммигрантами, а также культурно-антропологических наблюдений), а также материалов средств массовой коммуникации, путевых заметок, материалов исследования шведского общества, проведенных иностранными учеными, описал характерные черты шведов, проявляющиеся в межличностных отношениях: боязнь коммуникации, застенчивость, которую шведы рассматривают скорее как положительное, чем отрицательное качество, сдержанность и скрытность, избегание конфликтов, честность, независимость и самодостаточность, эмоциональную холодность и уныние. В качестве «центральной характеристики» шведской ментальности Даун рассматривает индигентное качество *duktig*, понимаемое как компетентность в самом широком смысле слова, включая моральное обязательство человека быть таковым [83, с. 133].

Представители *социологического* направления исследуют ментальность как исторически обусловленные социальные настроения, социальные установки и стереотипы, сложившиеся в определенных исторических условиях. На непосредственную связь менталитета с социальной деятельностью указывает А. П. Огурцов, который фиксирует, что «...и практика, и социально-экономические отношения, и все формы поведения должны быть рассмотрены как производные от этих инвариантных образов и представлений, с помощью которых индивиды осмысливают мир и свое место в нем. Ведь структуры ментальности обладают и бóльшей исторической длительностью, и бóльшей устойчивостью относительно изменений общественно-политической истории. Менталитет поэтому и менталитет, что он определяет опыт и поведение индивида и социальных групп» [74, с. 51–52]. На социально-деятельную сущность менталитета указывает белорусский историк Б. Лепешко. «Ментальность как таковую не определяют те или иные константы того или иного социума, она всегда действует опосредованно: через литературные произведения, идеологические концепты, правовые доктрины. Проще говоря – через интеллектуальную и практическую (трудовую), политическую и т. д. деятельность человека... тот или иной государствен-

ный выбор, та или иная подвижка в общественном сознании во многом коренится в феномене коллективной ментальности» [56, с. 62].

Социологично определяет менталитет И. К. Пантин, который обозначает его «как выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, как некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах. ...В менталитете определенной нации откладывается ...ее исторический опыт, перипетии ее формирования и развития. Менталитет – это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся “коду” в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические» [74, с. 30]. Из своего определения менталитета И. К. Пантин выводит его практическую функцию, заключающуюся в том, что «проблему менталитета можно поставить как... социально-историческую, *объясняющую ряд составляющих национально-государственного существования*» [74, с. 30]. (выделено мною. – В. К.) Представляется, что именно социально-эвристическая функция менталитета – оптимизация моделирования национального общественного обустройства через декодировку характеристик национального менталитета является достаточным мотивом в социологической разработке феномена менталитета. В данном контексте следует признать верным утверждение, что «при определении этноса как группы, *ключевой характеристикой* которой является *осознание людьми своей к ним принадлежности, именно ментальность – наиболее подходящая категория при изучении социально-культурных особенностей народов*» (выделено мною. – В. К.) [83, с. 132].

Рис. 1.6. Белорусы деревни Волчин Каменецкого района в свадебных нарядах. Начало XX века

Обобщение приведенных характеристик исследуемого феномена, а также анализ проведенных автором исследований в области менталитета позволяет нам следующим образом определить его предметное поле, характеристики и функции.

Менталитет – социально-культурный сознательно-бессознательный феномен, который представляет собой слой исторической памяти, «спрессованного» социального опыта как предыдущих, так и ныне живущих поколений, предопределяющий синхронизацию переживаний и алгоритмов социального действия большинства членов социума, обеспечивая его целостность в пространстве и времени в различных условиях общественного развития.

Ментальные нормы являются эмоционально насыщенными, трудно формулируемыми и, как правило, зафиксированными в передающихся от поколения к поколению социокультурных императивах поведения: обычаях, традициях, верованиях. Ментальные характеристики чаще всего проявляются не столько на уровне строгого формально-логического анализа, сколько «проговариваются» в пословицах, поговорках, мифах, былинах, преданиях, сказках, анекдотах. Принципиальной особенностью ментальных характеристик является то, что они могут быть определены, во-первых, только через сравнение, сопоставление с аналогичными характеристиками у других наций или социальных групп и, во-вторых, при сопоставлении ментальных характеристик одного и того же народа, но в различное время.

Базовым свойством менталитета является его органическая связь с этносом. Менталитет, будучи структурообразующим элементом этногенеза, сам в свою очередь формируется, сохраняется и воспроизводится в этносе. В силу того, что нация, как правило, является собой полиэтничное образование, национальный менталитет представляет собой синтез, сплав ментальных характеристик этносов, образовавших нацию. Менталитет нации «шире», но «мельче» менталитета этноса. Исходя из этого положения, автор в своем исследовании также опирается на теоретические положения и выводы этнологии, этносоциологии и этнопсихологии.

Основными факторами этногенеза и причинами формирования этнонационального менталитета являются:

– *природно-климатические условия формирования этноса, по терминологии Л.Н. Гумилева, – «кормящий ландшафт».* Принципиальной особенностью взаимодействия этноса и природного ландшафта является то, что на ранних этапах становления этнос и его менталитет практически полностью зависят от природного ландшафта, приспосабливаясь к нему; на стадии зрелости этнос приспосабливает природу к сформированным потребностям, создает искусственный ландшафт. При смене (изменении) среды обитания этнос, его менталитет не только приспосабливаются к природным условиям, но и сами изменяют природный ландшафт, приспо-

сабливают его к собственным требованиям, приводят его в соответствие с собственным менталитетом;

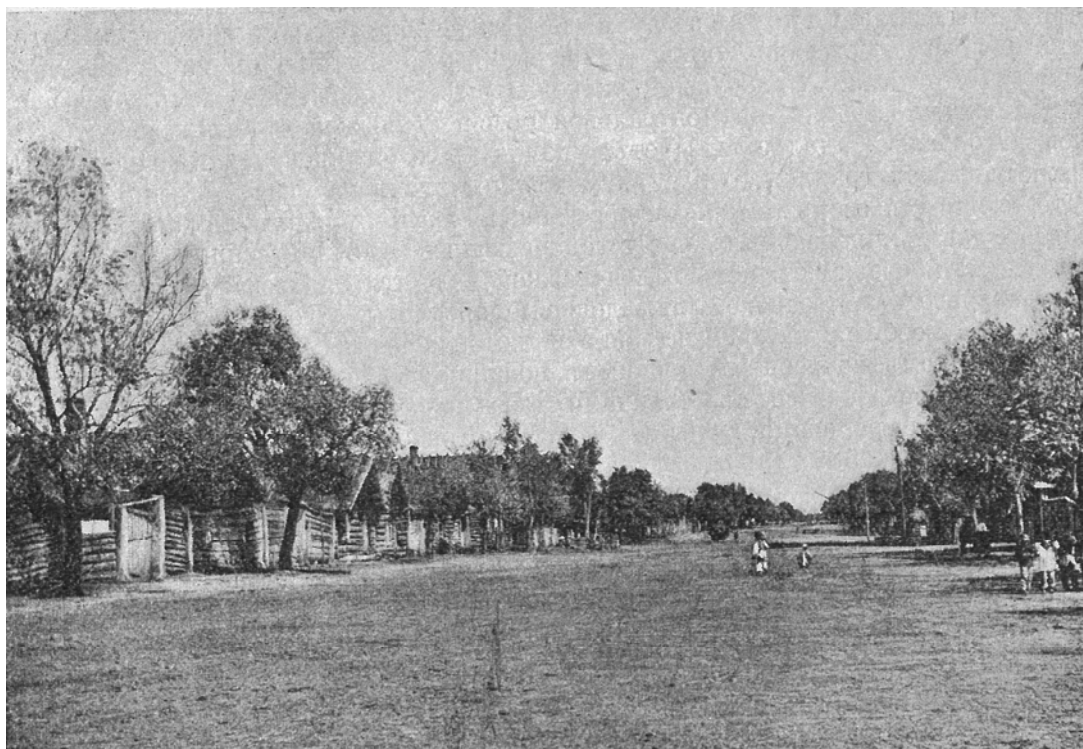

Рис. 1.7. Главная улица в деревне Шарпиловка Гомельского уезда Могилевской губернии. Начало XX века. *Фотография*

– *геополитические* условия, предопределяющие как эволюционное, добровольное, положительно комплиментарное взаимодействие, взаимодополнение и взаимообогащение этнонациональных культур, так и насильственные, экстенсивные формы навязывания одним этносом социокультурных ценностей другим этносам, либо эклектическое соединение органически не соединимых элементов различных культур;

– *социокультурные* условия, которые в значительной мере формируются под воздействием природно-климатических и геополитических условий и выражаются в системе социальных отношений, ценностных ориентациях, нормах, стандартах поведения, привычках, обрядах, типах хозяйственной жизни;

– *психоэнергетические особенности типичных представителей этноса*: тип высшей нервной деятельности, *пассионарность*, которые корректируют воздействие природно-географической среды, геополитических и социокультурных условий на процесс этногенеза. Этнотипы, обладающие высокой психоэнергетической энергией (преобразующей пассионарностью), приспособливают природный ландшафт, социокультурную и геополитическую заданность к собственным ментальным характеристикам. Эт-

носы или субэтноты, образовавшие этнос, обладающие низкой психоэнергетической способностью (приспособительной пассионарностью), взаимодействуют с географической, социокультурной и геополитической средой преимущественно за счет собственного приспособления;

– *межэтническое и межконфессиональное взаимодействие* является одним из важнейших условий формирования специфики этнонационального менталитета. В процессе этнонациональной идентификации именно конфессионально-культурные маркеры оказываются наиболее значимыми, определяющими границы между «мы» и «не-мы», «своими» и «чужими». История южных славян, в том числе и новейшая, демонстрирует, что этногенетически близкородственные, но исторически подвергшиеся влиянию различных конфессий, сербы и хорваты сформировали различающиеся менталитеты. Тогда как межэтническое и культурно-конфессиональное взаимодействие субэтноты, образовавших белорусский этнос, под воздействием различающихся версий христианства – православия и католичества, обеспечило формирование специфического – восточно-западного, но цельного, единого белорусского этноса.

В вертикальном разрезе существуют следующие типы, или уровни, менталитета: «групповой», «этнический», «национальный». Менталитет этноса является базовой формой, на основе которого в результате интеграции культур, как правило, двух или более этносов формируется этнонациональный менталитет. Этнонациональный менталитет в полной мере не совпадает и с ментальными характеристиками половозрастных, профессиональных, других социальных категорий и групп населения и в то же время на высшем уровне синтезирует все эти черты в единое целое. Подчеркнем, что менталитет по своему определению не может быть индивидуальным, поскольку ментальные характеристики становятся таковыми только при условии их многократного повторения несколькими поколениями социума. Менталитет проявляет, «являет себя» в действиях индивидов, но формируется и воспроизводится только в социальных образованиях в нескольких поколениях. *Индивидуальная ментальность* выражает обладание индивидом вариативной системой ментальных характеристик с учетом его половозрастных, профессиональных, конфессионально-культурных и других индивидуальных характеристик, но в пределах этнонационального менталитета. Поэтому употребление понятия «индивидуальный менталитет» может рассматриваться только в качестве художественной метафоры. Категория «менталитет» несет в себе научно-практическую ценность именно потому, что она раскрывает механизмы синхронного во времени и диахронного в пространстве поведения социальных групп и социальных общностей.

Важным свойством менталитета является то, что он представляет собой не простой набор автономных, изолированных друг от друга характе-

ристик, а *агрегатную систему* взаимосвязанных, взаимодополняющих и взаимоограничивающих друг друга ментальных элементов. Вследствие чего изменение одной из ментальных характеристик вызывает изменение остальных. При этом степень воздействия доминирующих характеристик на другие более значима, чем средневыраженных, а воздействие слабовыраженных на доминирующие характеристики проявляется в минимальной степени.

Рис. 1.8. Белорусы. Конец XIX века. Фотография

Ввиду того что основным «хранилищем» менталитета является подсознательный уровень психики, его сущностной чертой является *латентность*, скрытость от непосредственного наблюдения. В периоды устойчивого, стабильного развития общества, «общественного консенсуса» этнонациональные отличия представляются незначительными, не оказывающими существенного влияния на геополитические, экономические, социокультурные процессы. Опыт деятельности полиэтнических государств, в том числе советский и югославский, подтвердил, что, в связи с тем что в периоды общественного согласия ослабляются центробежные и усиливаются центростремительные межэтнические тенденции, различающиеся ментальные характеристики этносов проявляются на уровне культурно-бытовых различий (национальная кухня, одежда, музыка, литература, поэзия, архитектура). В данном контексте этнонациональные особенности создают поликультурную, «многоцветную» гармонию различающихся, но комплиментарных, взаимодополняющих культур. В периоды социального консенсуса в общественном сознании возникает иллюзия существования и

в дальнейшем, как минимум, оптимальной модели социального и политического устройства общества для всех народов. Достигнутый в Советском Союзе межэтнический и межнациональный консенсус позволил советским идеологам объявить о создании беспрецедентной новой исторической общности – советского народа. В периоды общественных кризисов безобидные ментальные различия перерастают в принципиальные, доходящие до антагонистических, этнонациональные противоречия.

Менталитет конкретного этноса тяготеет либо к *социоцентризму*, в таком случае система координат выстраивается от первичности и приоритетности социума, коллектива, либо к *антропоцентризму*, и тогда система координат выстраивается от первичности и приоритетности личности индивида. Как и любые системы, социоцентристские и антропоцентристские типы менталитета имеют как сильные, положительные, так и слабые стороны. Сильной стороной *антропоцентристской* модели менталитета является стремление к достижению личной свободы и независимости, к власти над миром вещей и другими людьми. Слабой стороной антропоцентристского менталитета является проблематичность идентификации индивида с другими людьми, чувство тревоги и одиночества, необходимость в каждой проблемной ситуации принимать собственное, единоличное решение и лично нести за него ответственность. Сильной стороной *социоцентристской* модели менталитета является чувство «включенности» в обширную и целостную социальную структуру с субординированными социальными ролями, опора на мнение, опыт, поддержку социума, обеспечение достаточно полной идентификации индивида с социальной группой. Слабой стороной социоцентристского менталитета является заложенная возможность ослабления чувства личной ответственности за решения и поступки, возможность «растворения» индивида в группе, утраты, в том числе и добровольной, собственной индивидуальности.

Важнейшей особенностью менталитета является то, что его характеристики с наибольшей интенсивностью проявляются у этносов, обладающих социоцентристскими, эмпатическими характеристиками, в которых публичная синхронизация действий индивидов является обязательным условием жизнедеятельности любого социального образования. Именно по этой причине французские аналитики школы «Анналов» обнаружили *mentalite* не в европейских цивилизованных странах с антропоцентристскими культурами, а в «нецивилизованных», традиционно-патриархальных обществах с ярко выраженной социоцентристской культурой.

Категории «менталитет» и «культура» взаимно связаны между собой. Принципиальная схема их взаимодействия выглядит следующим образом. Ментальные характеристики «базируются» в подсознательной части психики, они скрыты от непосредственного наблюдения. Их индикаторами, как правило, являются социокультурные алгоритмы

поведения, проявляющиеся в эмоционально-насыщенных обычаях, традициях, стереотипах и предрассудках. Культура представляет собой продукт многовековой деятельности этноса в конкретных природно-географических, геополитических и социокультурных условиях и представляет собой сложную, иерархически организованную систему устойчивых во времени особенностей жизнедеятельности, потребностей, способов их удовлетворения, ценностно окрашенной информации, передающихся из поколения к поколению при сохранении их базовых компонентов. Понять своеобразие культуры нации, этноса, иной социальной общности возможно, только уяснив их неотрефлексированные ментальные характеристики. В свою очередь, декодировать этнонациональные ментальные характеристики возможно, только предварительно проанализировав их отличительные социокультурные алгоритмы деятельности этноса (нации).

Важнейшим атрибутом менталитета является его устойчивость, *константность*. Свойство устойчивости менталитета, его базовых характеристик актуализируется в кризисных ситуациях, когда появляется острая необходимость изменения направления и способов коллективного действия. Вместе с тем менталитет и его отдельные характеристики в такой же мере обладают сущностным свойством *динамичности*, как и *устойчивости*. Под воздействием изменяющихся социокультурных, геополитических, хозяйственно-экономических, природно-географических и иных факторов структура менталитета эволюционирует, в ней ослабляются одни и усиливаются другие характеристики. Соотношение, субординация динамических и статических характеристик менталитета в конечном счете и определяют поведение этнонационального образования в критических условиях системных кризисов.

Этнонациональное образование, как и любая другая сложная система, имеет свое «центральное поле», носителем которого является доминирующая часть этноса, и «пограничные зоны», носителями которых являются пассионарные социальные слои, отличающиеся от носителей «центрального поля» либо повышенным социальным радикализмом, либо повышенным социальным консерватизмом. Данное обстоятельство и предопределяет наличие различающихся между собой не только межэтнических, но и внутриэтнических ментальных характеристик. Именно это обстоятельство позволило В. Е. Семенову сформулировать вывод о том, что в полиэтничной России «бóльшая разница обнаруживается между представителями разных российских менталитетов в одном городе, чем между представителями одних и тех же менталитетов в разных городах» [76, с. 8]. Знаковые политические события – президентские или парламентские выборы, общенациональные референдумы – являются детонатором, приводящим в движение «пограничные слои», дестабилизирующие социальную статику. При этом

один из «пограничных слоев» испытывает большую нагрузку «на сжатие», другой – такую же нагрузку, но на «растяжение». Социальные слои, расположенные в «центральной зоне», стремятся привести социальную конструкцию в соответствие с базовыми ментальными характеристиками. Поскольку сверхвысокая пассионарность пограничной части этноса долго поддерживаться не может, то при ослаблении источника «возмущения» инерционные силы, в соответствии с «законом маятника», возвращая социальную конструкцию в прежнее состояние, обеспечивают очередной перегиб, но теперь уже в другую сторону. Поэтому при волюнтаристском, без учета этнонациональных ментальных особенностей навязывании форсированных либо замедленных темпов и масштабов социального реформирования значительная часть энергии этноса затрачивается на разрушение, а не на оптимальную модернизацию самой социальной конструкции.

Важнейшим свойством менталитета является особенность коллективного неотрефлексированного ощущения *времени* и *пространства*. По определению С. Кара-Мурзы, «на картине мира (в конечном счете на представлении пространства и времени) строится социальная философия и видение общества и государства. Находясь в пределах физического линейного времени, человек субъективно ощущает его в нелинейном, социально-психологическом измерении. Именно в ощущении пространства и времени люди в конечном счете выходят за рамки физической линейности. Пространство и время наполняются социальным содержанием. За двадцать тысяч лет цивилизации человек остался существом с сильным космическим чувством, с ощущением себя в центре Вселенной как родного дома. Он воспринимал Природу как целое, а себя как часть природы... Ощущение времени задавалось Солнцем, Луной, сменами времен года, полными работами – время было циклическим. У всех народов и племен был миф о вечном возвращении» [31, с. 473]. В ментальном ощущении не только индивида, но и социума *время* не только *идет*, но и *летит*, *тянется*, *останавливается*, *возвращается* и *уходит в никуда* – «*события канули в лету*». В ощущении время может восприниматься и как *счастливое*, *золотое*, и как *трудное*, *проклятое*. Таким же образом и *пространство* измеряется не только физически, линейно, но и социально-психологически, нелинейно: оно бывает не только *большим* или *маленьким* в одномерном, двухмерном или трехмерном измерении, но и социальным – *своим*, *чужим*, *общим*, *ничьим*. Пространство в социально-психологической системе координат может быть как *священным*, так и *проклятым*. Рай может быть и на физически дискомфортной территории – «с милым рай и в шалаше», а ад и на физически комфортной территории – «с немилым ад и во дворце». У разных этносов и в различных культурах существуют свои представления об оптимальных конфигурациях пространства. Так, представители западноевропейских и североамериканских цивилизаций комфортно живут

в линейном так называемом «прямоугольном мире». В окружении искусственных, имеющих, как правило, строгую геометрическую планировку поселений и форму сооружений, взгляд европейцев и американцев ищет прямые линии улиц, сооружений, зданий, дорог. Оставшаяся часть незаселенной природы также упорядочена, разделена на «квадраты». Представители этносов и наций, сохранивших элементы традиционной культуры, имеют негеометрическое социально-психологическое пространственное восприятие. Не только естественный ландшафт: лес, болото, река, – но и традиционные поселения, как правило, не имеют прямых линий: планировка улиц, домов, дорог подчинена логике непрямолинейной природы – руслу реки, линии оврагов, гор и т. п.

Рис. 1.9. Осушительный канал в Речицком уезде Минской губернии.
С гравюры конца XIX века

Синхронизированное ощущение пространства и времени в конечном счете определяет неотрефлексированную ментальную специфику коллективного мироощущения и мировоззрения социума, определяет границы, разделяющие территории и временные отрезки, в пределах которых находятся или находились «свои» и «другие».

Особенностью менталитета, так же как и отдельных ментальных характеристик, является их *амбивалентность*. Менталитет социальной группы, этноса или нации, как и его отдельные характеристики, изначально не являются ни положительными, ни отрицательными. Гармоничными или дисгармоничными, позитивными, конструктивными или

деструктивными ментальные характеристики становятся только в процессе социального действия.

Этнонациональный менталитет структурно дифференцируется по следующим *социально-стратификационным* признакам.

Культурно-конфессиональный признак, в соответствии с которым этнос (нация) дифференцируется на сегменты, в пределах которых индивиды ощущают свое единство со своими (*мы, свои*) и различие с другими (*не-мы, они, чужие*) по принадлежности к определенной культуре, в значительной степени облекаемой в конфессиональные «одежды». Исторический опыт свидетельствует, что религиозные принципы и догматы оказывают существенное влияние на формирование культуры и менталитета этноса. Религия, являясь важнейшим структурообразующим остовом этнонациональной культуры, опирается на базовые, «вечные» социальные ценности, апеллирует к досознательным, иррациональным элементам сознания. Иррациональные религиозные начала органично «стыкуются» с дологическими структурами менталитета, что и определяет сложные процессы взаимодействия религии и менталитета. Не менее значимым является процесс влияния ментальных этнонациональных характеристик на религиозную конструкцию – как на выбор конфессии, так и на приспособление религиозных догматов, норм и правил, в том числе и публичных ритуалов к собственным социокультурным заданностям, собственному менталитету.

В силу латентности и амбивалентности ментальных характеристик различающиеся культурно-конфессиональные нормы в периоды общественного консенсуса обогащают друг друга, в периоды социальных обострений актуализируют разрушительные потенции. «Балканский котел», неоднократно являвший миру свои «сюрпризы», наглядно демонстрирует сложные механизмы взаимодействия и противодействия этногенетических и культурно-конфессиональных составляющих этнонационального менталитета. Историческая реальность заключается в том, что в процессе взаимодействия с инокультурными и иноконфессиональными этносами однокоренные славянские этносы получили различные, а зачастую существенно различающиеся культурно-конфессиональные прививки. Так, если народу Болгарии в постоянном противостоянии с Турцией в целом удалось сохранить православную моноконфессиональность, то современное население Македонии, соседствуя с Болгарией и Албанией, наряду с православной версией христианства исповедует и ислам. Славянские народы Словении и Хорватии, получившие в свое время мощные римско-католические культурно-конфессиональные прививки из Италии, тяготеют к западноевропейскому геополитическому вектору развития. Самым напряженным узлом межкультурно-конфессиональных противоречий на Балканах являются пра-

вославнокультурные Сербия и Черногория, включающие в себя исламский анклав Косово. Именно здесь сконцентрированы самые болевые точки межкультурно-конфессионального взаимодействия, сыгравшие роль детонатора современных мощных геополитических потрясений.

Социально-гендерный признак, который дифференцирует этнос (нацию) не столько по биологическому, сколько по социально-психологическому ощущению собственной *маскулинности/феминности*. Социальный конструкт гендерных различий, являющийся продуктом этногенеза, через семью, учреждения образования, средства массовой информации, другие социальные институты формируют определенный набор половых различий, обеспечивает воспроизводство культурно обусловленных социальных ролей мужчины и женщины.

Рис. 1.10. Свадебные костюмы крестьян Лепельского уезда.
Фотография

Естественно различающиеся роли мужчины и женщины в репродукции и воспитании детей предопределили социально-гендерные нормативные стереотипы «отцовства» и «материнства». В различных культурах эталоны *мужественности* и *женственности*, содержание понятий «быть женщиной» и «быть мужчиной» различаются. Образ «маскулинное/феминное – Я», выполняя ориентировочно-коррекционную функцию, организует процессы идентификации социально-половой роли

В процессе этногенеза мужчина и женщина оказались приспособленными к различающимся социальным функциям: мужчины – к преобразованию окружающего мира, женщины к сохранению стабильности. Социальный гендерный стереотип предопределяет, что женский способ существования реализуется через глубокие переживания (интроверсию), вследствие чего женщины субъективнее и чувствительнее к человеческим взаимоотношениям и их мотивам, в качестве базового у них доминирует мотив избегания неудач. Мужской способ существования характеризуется направленностью творческого импульса вовне, на преобразование внешнего мира и утверждения себя в нем, вследствие чего у него доминирует мотив достижения успеха. Есте-

и структурирует систему гендерных приоритетов. Вместе с тем, модифицируя генные стереотипы мужчины и женщины, социальный механизм не способен изменить качественные различия базовых биологических структур и социальных функций мужчины и женщины. Гормональные, психологические, морфологические, естественно-природные различия между мужчиной и женщиной имеют не количественный, а качественный характер. Таким образом, и на естественно-биологическом, и на социально-культурном уровне представляется продуктивным естественное разделение и взаимодополнение социальных ролей мужчины и женщины.

Проблематичность «стыковок» культур Востока и Запада, даже в таких гарантах Всеобщей декларации прав человека, как Франция, предопределяется и тем обстоятельством, что французские граждане – выходцы из Алжира, и этнические французы по разному воспринимают содержание понятия *достойного отношения к женщинам*. Французы – носители коренной европейской культуры считают унижительным для студенток – этнических алжирок носить средневековую одежду, тогда как последние, будучи носителями восточной культуры, считают недопустимым, унижительным «оголеть» голову. Поэтому решение правительства «помочь» этническим алжиркам стать «полноправными» француженками терпит фиаско прежде всего со стороны студенток алжирского происхождения.

Социально-возрастной аспект менталитета дифференцирует этнос (нацию) не столько по биологически-возрастным, сколько по социально-возрастным особенностям. Сущностное свойство этнонационального менталитета проявляется в воспроизводстве базовых ментальных норм при одновременном их развитии, модификации. Поэтому как межпоколенное социокультурное единство, так и социально-возрастное социокультурное различие являются необходимым условием динамической устойчивости менталитета. Естественными субъектами изменения является молодое поколение, старшее поколение также естественно стремится к утверждению и воспроизводству устоявшихся ментально-культурных норм. Вследствие того что у представителей одного и того же поколения представления о культурных нормах не совпадают, индивиды, принадлежащие к одному биологически-возрастному поколению, могут относить себя к различным социально-возрастным поколениям, и наоборот, представители различных биологически-возрастных поколений относят себя к одному социально-возрастному поколению.

Рис. 1.11. Глубокое. Замковая улица. Начало XX века. Фотография

Аграрно-урбанистические структуры определяют единство и различие «сельского» и «городского» сегментов этнонационального менталитета. Естественным полем формирования этноса, его культуры и менталитета является сельско-аграрный сегмент, а естественным «хранилищем» этнонационального менталитета является сельско-аграрная культура. Ввиду того что вплоть до начала XX столетия более 95 % представителей белорусского этноса было локализовано в сельской местности, белорусские культура и менталитет имели сельско-аграрную «одежду». Исторически население городов Беларуси в отличие от моноэтничного сельского белорусского населения были полиэтничными, с доминированием небелорусских этносов. Культура и менталитет городских жителей были в минимальной степени белорусскими. В течение XX столетия под воздействием геополитических, социокультурных, научно-технических процессов, вместе с принципиальным изменением производительных сил и производственных отношений в Беларуси, и социальная структура, и система социальных отношений подверглись существенному изменению. Этнонациональный менталитет современных белорусов представляет собой уникальную конструкцию, которая удерживает в себе в качестве базовых национально-аграрные культурные элементы, обогащенные интернационально-урбанистическими (в первую очередь – великорусскими, украинскими, польскими, еврейскими) социокультурными элементами.

Социально-профессиональное сегментирование этнонационального менталитета определяется объективно различающимися условиями деятельности различных слоев населения в специфических сферах материаль-

ного и духовного воспроизводства. Представители социальных слоев, профессиональная деятельность которых связана с изучением и использованием национально-специфических элементов материальной и духовной культуры (аграрная отрасль, национальная литература, филология, этнография, история, народное творчество), опираются на этнонациональные традиции, обычаи, отечественную духовную и материальную культуру, объективно тяготеют к глубокому освоению собственных культурно-ментальных особенностей. Социальные слои, профессиональная деятельность которых связана с интернациональной материальной и духовной культурой (техника и технология, экономика, международная деятельность, изучение и преподавание иностранных культур, языков и т. п.), объективно ориентируются на глубинное освоение элементов интернациональной культуры. Необходимым условием динамической устойчивости этнонационального менталитета является диалектическое соединение национальных и интернациональных элементов в материальной и духовной культуре. Однако, попытки эклектического соединения несовместимых элементов материальной и духовной культуры активизирует разрушительные потенции ведут к формированию мозаичного ментального портрета и разрушению целостности этнонационального образования.

Стратификационно-имущественные дифференцирующие элементы этнонационального менталитета базируются на различающихся возможностях социальных слоев и социальных групп в обладании и распоряжении материальными и духовными благами. Конкретный этнонациональный тип менталитета определяет собственные допустимые пределы имущественной дифференциации. Поскольку представители этнонационального образования идентифицируют друг друга в качестве «своих» по законам сопричастности, соучастия, до тех пор пока не разрушается чувство справедливости между «своими», центростремительные силы доминируют над центробежными силами. При этом целостность этноса подвергается разрушению не столько тогда, когда происходит общее снижение материального благополучия, сколько при превышении допустимых границ имущественного расслоения. Социокультурный феномен «нуворишей», «новых русских», «новых белорусов» базируется не только на «нестыковке» достижений наднационального материального тела благ западной цивилизации и духовного этнонационального тела отечественной культуры, сколько на превышении допустимой нормы материального расслоения. Белорусское – «так, как у всех», «не хуже, чем у других», «как у людей, так и у меня» выражает сущность народной правды, равенства по отношению к родичам.

В настоящее время категория «менталитет» активно используется историками, политологами, экономистами, правоведами, культурологами, психологами, философами, социологами. В способности обеспечения междисциплинарной интерпретации социальных процессов, выявления связи

между мироощущением, умонастроением социума и социальными процессами заключается важнейшая *социально-инструментальная* функция менталитета. Междисциплинарность и полифункциональность феномена менталитета определяет необходимость объединения творческих усилий исследователей всего комплекса социально-гуманитарных наук – этнологов, социологов, историков, философов, этнопсихологов, лингвистов, культурологов, филологов. При этом «стержнем» менталитета являются его этносоциальные характеристики, а базовыми функциями – социально-деятельные.

1.2. МЕНТАЛИТЕТ КАК УСЛОВИЕ И СЛЕДСТВИЕ ЭТНОГЕНЕЗА

Как уже отмечалось выше, менталитет, укорененный в *культуре*, в традициях и обычаях, предрассудках и суевериях, является важнейшим структурообразующим элементом, сущностным условием и следствием происхождения и существования этноса, который является естественным носителем и хранителем менталитета. История полиэтнических государств (в том числе и новейшая) достаточно убедительно доказала, что менталитет как базовый интегрирующий механизм укоренен не в нацию, а в этнос.

Следует подчеркнуть, что близкие по смыслу категории «этнос», «народ», «нация» имеют как общие, так и различающиеся механизмы происхождения и сущностные характеристики. Если *этнос* представляет собой естественное природно-культурное социальное образование, то *нация* является цивилизационно-государственным образованием. Категория *народ* в восточнославянской традиции несет на себе значительный общественно-публицистический налет и выражает переходную ступень социальной общности от *этноса* к *нации*. К примеру, под «народным искусством», «народной культурой» в отличие от «элитарного искусства», «элитарной культуры» понимается массовая по своей сути этническая культура, искусство этноса. Подчеркнем, что в других национальных культурах категории *этнос*, *народ* и *нация* не имеют такого различия. Например, в германской культуре категория «этнос» является синонимом понятия «народ» (Volk), соответственно *Volkskunde* в переводе обозначает науку о собственном народе, а *Volkerkunde* переводится как наука о других народах [60, с. 27].

Самое общее различие, которое, по мнению большинства исследователей, существует между категориями *этнос* и *народ*, заключается в том, что *народ* привязан к определенной *территории проживания*, *этнос* же привязан только к *территории происхождения*, поэтому его диаспоры, не

переставая быть этносом, существуют в составе различных народов и государственных образований. Характерной чертой *этноса* является его публичная социальная монолитность, *народ* же всегда социально стратифицирован. *Народ* (например, советский) в большинстве случаев является полиэтничным социальным образованием, *этнос* по определению не может быть таковым.

Разработкой проблем сущности этноса занимались и занимаются представители различных социологических школ и направлений. По определению М. Вебера, *этнос* представляет собой такую социальную группу, члены которой «обладают субъективной верой в их общее происхождение по причине схожести физического облика или обычаев, или того и другого вместе» [84, с. 60]. Л. Гумилев, которого зачастую безосновательно обвиняют в избыточном натурализме, биологичности понимания этногенеза, понимает этнос как «коллектив людей..., противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам (“мы” и “не мы”), имеющий свою особую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения» [19, с. 285]. Российский этнограф Ю. В. Бромлей определяет этнос как исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназваниях. Кроме этноса в узком смысле слова Ю. В. Бромлей выделяет этнос в широком смысле слова – «этносоциальный организм, примером которого может служить нация, обладающая экономической и политической общностью» [12, с. 112]. Е. М. Бабосов, исходя из природно-социальной сущности этноса, определяет его как специфическую природно-социальную и антропологическую общность людей, возникшую и развивающуюся «на основе единства природно-ландшафтных условий, кровного родства, языка, особенностей внешнего облика, общей культуры и религии. Этнос характеризуется наличием устойчивого самосознания и самоназвания (этнонизма)... для этноса характерна комплиментарность, т. е. наличие симпатии или антипатии к другим этносам (“свои”, “чужие”))» [5, с. 143–144]. Российский этнопсихолог Т. Г. Стефаненко с психологических позиций определяет этнос как «группу людей, осознающих себя ее членами на основании любых признаков, воспринимаемых как естественные и устойчивые этнодифференцирующие характеристики» [82, с. 20]. В таком же ключе В. Тишков предлагает «*общее определение этнической группы как общности на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях. Этими другими могут быть не обязательно контактирующие этнические общности, но и такие более широкие социальные и культурные коалиции, как, например, государственные образования*» [84, с. 115]. Сдвиг

сущностных признаков этноса на субъективно-психологическое поле пре-допределил и соответствующие характеристики этноса. По определению В. А. Тишкова, этнос представляет собой «группу людей, члены которой имеют общее название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности» [84, с. 60]. Отметим, что субъективно-психологический подход без вычленения объективных этнодифференцирующих характеристик и механизмов их взаимодействия не раскрывает социально-природные характеристики этноса, вследствие чего вряд ли может быть принят.

По определению коллектива авторов Института этнологии и антропологии РАН во главе с Ю. В. Бромлеем, единство этноса определяется как синхронными механизмами взаимодействия индивидов в пространстве, и таким образом обеспечивающими этническую целостность в определенных территориальных границах, так и диахронными, обеспечивающими преемственность социокультурных межпоколенных связей этноса во времени. Поэтому если утрата культурных норм для нации является бедой, то для этноса утрата собственной культуры обозначает разложение, распад и смерть [12, с. 112]. Именно менталитет, укорененный в культуре, является «скрепом», удерживающим этнос от распада в самых сложных, в том числе и кризисных социальных ситуациях.

Проанализировав изложенные подходы, правомерно сделать заключение, что *этнос представляет собой уникальное социально-природное образование, основными факторами формирования которого являются природно-климатические условия, социокультурная и геополитическая среда, сформировавшие социокультурные и генетические наследственные характеристики субэтносов, на базе которых формировался этнос. Базовыми характеристиками этноса являются общие ценности, представления, мифы, предания о происхождении и общих предках, а также базовые алгоритмы жизнедеятельности, в том числе тип хозяйственной жизни, общие алгоритмы межгруппового, межличностного и межэтнического взаимодействия в социальной, экономической, политической, интимно-личностной сферах. Этнос является продуктом естественно-культурного развития, и его целостность как в пространстве, так и во времени обеспечивается внутренними социокультурными механизмами, ментальными нормами. Комплекс ментальных характеристик оказывает существенное влияние на процесс этногенеза; в процессе этногенеза менталитет в свою очередь сам подвергается модернизации.*

В отличие от этноса, образование, развитие и существование которого преопределяется естественно-историческими условиями, основным «скрепом» *нации и межнационального образования* являются цивилизационные договорные механизмы. Поэтому образованию нации, как правило, предшествует образование государства, которое и является важнейшим

механизмом, обеспечивающим необходимые нациообразующие условия. «Идея нации, – считает В. А. Тишков, – рождается среди народов, не обязательно культурно однородных, как политическая программа для создания суверенных гражданских сообществ, и уже государство создает нацию» [75, с. 162].

Следует отметить, что в оценке взаимодействия процессов этногенеза и становления государственности, этноса и государства существуют множество различающихся позиций. Наиболее радикальные из них представлены в концепциях В. А. Тишкова и А. А. Налчаджяна. Так, В. А. Тишков с позиций этнического инструментализма утверждает, что этническая общность, так же как и нация, создается государством. «То, что государство создает нации, а не наоборот, стало уже академическим трюизмом, но государства также создают и этничность, т. е. этнические общности, из имеющегося в доступности культурного и социального материала» [84, с. 124]. Противоположной точки зрения придерживается А. А. Налчаджян. Он полагает, что одним из условий стабильности государства является его *моноэтничность*. В представлении А. А. Налчаджяна, «поскольку этноцентризм – неизбежное явление, то, повторяем, намного правильнее создавать моноэтнические государства: этнические границы должны совпадать с государственными границами, если мы хотим, чтобы было меньше конфликтов. При этом, конечно, надо соблюдать принцип исторической справедливости: *каждый этнос должен получить те территории, на которых происходили все основные этапы его этногенеза*. В состав моноэтнических государств можно включить только такие дополнительные территории, которые либо никому не принадлежат, либо нет другого этноса, который бы имел на эти территории больше исторических прав, чем данный этнос. Вполне очевидно, что те или иные нации или этнические группы, которые осуществляли акты геноцида и овладели территориями других народов, должны лишиться их. Они преступники, и их владение нелегитимно» [60, с. 372–373]. В тексте совершенно очевидно витает дух не только обиды представителя армянского народа на турков, и даже не только желание отмщения им, но и восстановления «исторической справедливости», т. е. пересмотра границ. Об ошибочности и опасности указанной позиции говорит тот научный факт, что этнос не является раз и навсегда определенной данностью, привязанной к конкретным государственным границам, но что он живет, развивается, перемещается не только во времени, но и в пространстве. В этой связи следует подчеркнуть правомерность утверждения В. А. Тишкова в той части, что «культурный облик и границы этнических групп гетерогенны и подвижны, и они не обладают давним и строгим набором общеразделяемых характеристик и ценностей» [84, с. 125].

Одной из сущностных особенностей этногенеза является то, что в периоды системных кризисов, девальвации базовых социальных ценностей, снижения эффективности прежних цивилизационных, геополитических интегрирующих механизмов происходит усиление активности этнонациональных центров. Усиление центробежных и ослабление центростремительных тенденций в функционировании как советского общества, так и государств социалистического лагеря в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия актуализировали процесс *реэтнизации*, удаления с этничности табуирующих блокировок, восстановления утраченных этнических характеристик. По определению одного из теоретиков и практиков современных этнонациональных отношений Р. Г. Абдулатипова, «жизнь доказала, что этносы, нации-этносы являются весьма стабильными и устойчивыми общностями, даже на фоне государств, которые распадаются и исчезают» [2, с. 17].

Одной из объективных причин протекания процесса реэтнизации в противоречивых, зачастую иррациональных формах в 80-х – 90-х годах прошлого столетия является особенность протекания этногенеза – в условиях стабильного развития общества в форме этнонационального культурно-бытового взаимодействия и взаимодополнения, в периоды дестабилизации социальных отношений, «разогрева» этноса – в форме «этнического взрыва». В соответствии с теорией Л. Гумилева в кризисных условиях общественного реформирования происходит пассионарный разогрев этноса, ибо «с точки зрения истории общественных отношений “смутное время” – кризис; для истории культуры – упадок; для этнической истории – взрыв пассионарности и связанный с ним перегрев, охлажденный пролитой кровью. Пассионарность как огонь: она греет и сжигает. Тяжко, когда ее мало, страшно, когда ее много; оптимальная точка где-то посередине, но задержаться на ней, увы, нельзя, потому что всегда идет процесс либо накала, либо охлаждения» [20, с. 126]. «Взрывная» фаза этногенеза вызывает к жизни самые глубинные слои ментальности, как правило, не поддающееся простому логическому анализу. В свое время на аналогичное свойство архетипов указывал К. Г. Юнг: «Архетип исходит не из физических фактов, но описывает то, как душа переживает психический факт; при этом душа часто действует столь самовластно, что даже отрицает осязаемую реальность или выдвигает утверждения, которые игнорируют» [95, с. 89]. Говоря о реэтнизации в условиях национального и этнического возрождения, Ю. В. Арутюнян отмечает, что «апелляция к национальному отразилась на всех сторонах жизни и не в последнюю очередь на культуре. Процесс возрождения и активизации этнической атрибутики в культуре множественен. Но со всей очевидностью в нем выражается два среза культурного багажа – “рациональный” и “эмоциональный” [4, с. 70]. По этой причине процесс реэтнизации, как и любой социальный процесс, будучи двусторонним, поми-

мо конструктивно-созидательных актуализирует и дремлющие деструктивно-разрушительные свойства. А ввиду того, что проснувшееся этнонациональное сознание оперирует не столько социальными реалиями, сколько эмоционально-психологическими рефлексиями, сложная, многообразная и противоречивая социальная реальность отодвигается на задний план.

Актуализация этнонациональных процессов в Советском Союзе и в странах так называемого социалистического лагеря обуславливалась не только объективной потребностью наций и этносов выстроить свою жизнь в соответствии со своими собственными социокультурными алгоритмами, своим собственным менталитетом, но и острым стремлением этнонациональной элиты (политической, экономической, культурной) к собственному самоутверждению и реализации своих целей, далеко не всегда совпадающих с коренными интересами этноса. Коллизии, происходящие на постсоветском и постсоциалистическом пространстве, особенно в полиэтничных России и Югославии, откровенные спекуляции на этнонациональных чувствах наглядно продемонстрировали, что естественные этнические различия в периоды социального хаоса трансформируются в противоестественный межэтнический антагонизм. По утверждению В. А. Тишкова, в периоды возрождения этнических ценностей «для элит этническая идентичность сама становится ресурсом состоятельности, а не некоей заданности, на службу которой они призваны. Гораздо чаще этнический фактор служит лидерам, а не лидеры служат этнической общности. Именно поэтому элиты изобретают и конструируют историко-культурную традицию, чтобы утвердить свой статус и легитимность» [84, с. 124]. Аналогичной точки зрения придерживается и Ю. В. Арутюнян, когда отмечает, что «...национализм в полном смысле слова можно охарактеризовать как способ (средство) выживания элиты. Элита многое сделала, чтобы актуализировать худшее в прошлом во взаимодействиях разных этносов... стремясь удержаться “наверху” любыми способами» [4, с. 81]. Именно под влиянием парада этнонациональных суверенитетов конца XX – начала XXI столетия авторитетный российский этнолог В. А. Тишков сформировал тезис, что *«этническая идентичность – это не только постоянно меняющееся представление о том, что́ есть группа, но это всегда борьба за контроль над данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы. Это борьба не только политическая. Она имеет место в сфере науки и религии, в области языковых отношений, символики, исторических и территориальных представлений и т. д.»* [84, с. 123].

Таким образом, логика исследования менталитета требует анализа *этногенеза* – происхождения, существования и развития этноса, и поэтому привлечения понятийного аппарата, методологии и методики этнологии. Социология и этнология имеют не только общий объект исследования, и в значительной степени совпадающий предмет исследования – этнос как есте-

ственно-природное социальное образование, но в значительной степени совпадающий категорийно-понятийный аппарат. Реальность такова, что современная социология может плодотворно развиваться, используя понятийно-категорийный аппарат, теорию и методологию этнологии, точно так же как и этнология, используя теоретическую базу и понятийно-категорийный аппарат социологии. Для того «чтобы правильно понять глубинную природу и социальную сущность этничности как специфического социального феномена, отмечает Е. М. Бабосов, необходим не только этнологический, но и социологический подход к этому феномену, позволяющий исследовать и интерпретировать этнические и национальные общности как существенные компоненты социальной структуры общества» [5, с. 139]. Пограничная наука, возникшая на стыке этнологии и социологии, – этносоциология разрабатывается благодаря взаимодействию этнологии и социологии и изучает социальные аспекты развития и формирования этнических общностей, их взаимодействие, закономерности коллективного поведения, а также характер и типы взаимосвязи индивидов с социальной средой.

Таким же образом теоретическая база, понятийно-категорийный аппарат социальной психологии тесно переплетается с этнопсихологией. И в данном случае объект и предмет исследования двух наук также в значительной степени совпадают. «Предметное поле этнопсихологии включает в себя вопросы этнических особенностей психики людей, национального характера, этнического самосознания и этнической самоидентификации, культурно-психологических характеристик этнических групп, рас, семейно-родственных отношений в разнообразной культурной среде» [75, с. 27].

В современной этносоциологии существует несколько теорий этногенеза. Наиболее разработанными среди них являются:

Эволюционно-историческая теория этничности, сущность которой заключается в анализе этногенеза в процессе исторического развития с доминированием социального, а не биологического начала. Разработчики данной концепции (И. Г. Гердер, С. М. Широкогоров, Ю. В. Бромлей) считают, что формирование этносов осуществляется в условиях длительного исторического развития, а определяющими условиями этногенеза являются общность территории, языка и культуры. При этом каждый из элементов является необходимым, но не достаточным условием; в качестве этнообразующих они проявляются только в процессе взаимодействия.

Примордиализм (от англ. primordial – изначальный, ископаемый, первобытный) – концепция этногенеза, в которой этничность трактуется в качестве объективного, первородного, врожденного свойства индивида, приобретенного по факту рождения. Здесь этничность является «кровнородственным» свойством человека и закодирована в его генетическом коде. В соответствии с теорией примордиализма этничность рождается в семье, первом микромире человека, ее нельзя создать или разрушить искусственно. Поскольку важнейшим атрибутом этничности является

язык, на котором разговаривает мать, то точно так же как никто не может выбрать своих родителей, никому из индивидов не дано выбрать ни свой родной язык, ни свой этнос.

Инструментализм не рассматривает процесс этногенеза, но анализирует реакцию этнической группы на конкретные социальные ситуации. Инструменталистский подход в отличие от примордиалистского направлен не на изучение причин этничности, а на выявление функций, реализуемых этносами в конкретных социальных ситуациях. В соответствии с инструменталистской теорией этничность «призывается из запаса», когда в ней появляется потребность. Сложные социальные ситуации становятся пусковым механизмом запуска ресурсов этничности. Наибольшая потребность в привлечении ресурсов этничности осуществляется в периоды межэтнических конфликтов.

Наиболее радикальные последователи инструменталистской теории отрицают сколь-либо устойчивые природно-генетические детерминанты в формировании и существовании этноса. Вряд ли возможно согласиться с выводами В. А. Тишкова, излагающего с крайних инструменталистских позиций полную зависимость этноса от государственных институтов. С его точки зрения, «вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения этносов имеет место совсем другой процесс – это путешествие индивидуальной/коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев системы и возникают в результате дрейфа идентичности» [84, с. 123]. На основании данных положений он приходит к выводу, что этнос представляет собой не столько объективно существующую социально-природную данность и даже «не только постоянно меняющееся представление о том, что есть группа, но это – всегда борьба за контроль над данными представлениями, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и целостность группы» [84, с. 123].

Конструктивизм (структурная теория этничности) связан с деятельностью норвежского ученого Ф. Бардта, который в работе «Этнические группы и границы» (1969) попытался снять односторонность подходов примордиализма и инструментализма в трактовке этногенеза. Не отрицая первородности, кровнородственности членов этноса, Ф. Бардт дополняет этнические характеристики социальными. При этом социальные характеристики имеют более значимое влияние, чем природные. В понимании конструктивистов, этнос представляет собой общность людей, объединенных между собой в процессе взаимодействия с другими этносами на основе социокультурной самоидентификации. Этничность, в представлении конструктивистов, обозначает не столько общность происхождения, сколько веру в общепризнанный миф об общности исторической судьбы членов этноса.

Определенную эвристическую ценность представляет *динамическая теория этногенеза*, которая базируется на положениях о том, что этнос, его характеристики обладают устойчивыми, но не жестко зафиксированными, раз и навсегда заданными характеристиками. Как совершенно справедливо отмечает В. А. Тишков, в противном случае не только ученые, но и политики могут подпасть под опасную позицию, что все члены этнического образования «должны практиковать одну и ту же религию, говорить на одном языке, носить одинаковые одежды, есть одну и ту же пищу, петь одни и те же песни» [84, с. 64].

К наиболее популярным относятся и *культурологические теории этногенеза*. Так, в XIX веке получили широкое распространение попытки разгадки «русской души», «русского характера» через славянские культурные традиции и обычаи. В соответствии с одной из наиболее распространенных гипотез, получившей название *свивания*, русский характер выводился из распространенной на Руси практики тугого пеленания, свивания младенцев. Из практики чередования длительной недвижимости младенца в тугих пеленках и кратковременного его освобождения для купания выводились такие базовые характеристики великорусского этноса, как способность длительное время находиться в состоянии бездеятельности, а затем концентрироваться на выполнении сверхсложных задач. Традицией *свивания* объяснялась политическая импульсивность великоруссов, необъяснимая для европейцев способность долгое время находиться под влиянием сильной власти и кратковременными периодами разрушительной революционной деятельности. По определению русского социолога П. Сорокина, «пеленочный детерминизм», будучи не лишены некоторой истины, вместе с тем явно упрощенно трактует связь русского национального характера с культурой пеленания младенцев.

Одна из *психологических концепций этногенеза* объясняет чувство этнического патриотизма, родства через механизм *импринтинга* – первичного запечатления ребенком окружающей среды своего раннего детства, и таким образом психологической привязке к родной среде формирования. Сторонники этой концепции утверждают, что не природно-географический ландшафт как таковой, а его запечатление в памяти, образующее когнитивно-эмоциональный комплекс, практически не поддающийся разрушениям, и является основной причиной формирования эмоционально-иррациональной привязанности к «самой лучшей» маме и к «самому лучшему» природному окружению (всякий кулик свое болото хвалит). Чувство ностальгии, терзающее душу славян, в поисках «лучшей жизни» оказавшихся на чужбине, объясняется тем, что механизм импринтинга с наибольшей силой проявляется у этносов, обладающих эмпатической, эмоционально-чувственной, социоцентристской культурой.

Наиболее полно и последовательно этногенез разработан в *теории географического детерминизма*, в которой основным фактором, определяющим его специфику, являются природно-климатические условия. На

это обстоятельство обращали внимание еще древние исследователи. Геродот, описывая обычаи, нравы, культуру народов и окружающую людей природу, в своем труде «История» отмечал, что «подобно тому как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов» [15, с. 91]. На основании личных наблюдений он сделал классическое описание обычаев, обрядов побратимства и погребения, чтимых богов и мифов о происхождении населения Скифии. Описывая характер скифов, Геродот выделяет необычный для греков кочевой образ жизни, их неприступность, суровость и даже жестокость. Особенности населения Скифии Геродот связывал с особенностью природного ландшафта: полноводными реками, хорошо орошаемыми водой, богатыми травой равнинами [15, с. 199].

Положения о связях национальных особенностей, народного духа с окружающей природной средой зафиксированы в исследованиях древнегреческого философа и медика Гиппократ. В своем труде «О воздухах, водах и местностях», описывая особенности народов по физической конституции, здоровью, нравам, обычаям, государственному строю, он объяснял их различиями в природных условиях, ландшафте, климате [16, с. 229–230]. Описывая механизмы взаимодействия окружающей природы и жителей, ее населяющих, Гиппократ отмечает, что «важнейшие причины природных изменений, а кроме них также сама страна, в которой кто-либо воспитывается, и воды, ибо ты найдешь, что большею частью формы людей и нравы отражают природу страны» [16, с. 229]. Исследуя физическую сущность человека, он отмечал, что «...так точно и остальное все, что производится из земли, следует природе самой земли. Таковы природы и формы наиболее противоположные; исходя из них следует рассматривать все остальное, – и ты не ошибешься» [16, с. 230]. В русле географического детерминизма описывали национальные особенности народов исследователи Корнелий, Тацит, Страбон [60, с. 43].

Французский просветитель XVIII столетия Ш. Монтескье также был уверен, что климатические условия оказывают непосредственное воздействие на характер и склонности людей. Так, в странах с плодородной почвой ввиду того что людям, занятым земледелием, некогда думать о свободе, у них преобладает дух зависимости. А в странах с неблагоприятными природно-климатическими условиями люди больше думают о свободе, торговле, чем об урожае.

С позиций географического детерминизма процесс этногенеза рассматривает российско-американский социолог П. Сорокин, когда отмечает, что «будь иными географические (например, флора и фауна, конфигурация земной поверхности – распределение гор и долин, суши и моря) и климатические условия, – иной была бы и история человечества (иным был бы,

например, “жилищный” вопрос, иными были бы занятия человечества; не будь «домашних» животных – лошадей, ослов, мулов и т. д., – иными были бы условия человеческого труда; при ином распределении суши и воды иными были бы политические границы государств и занятия его обитателей и т. п.)» [79, с. 523].

Наиболее полно сложную связь, существующую между природно-климатическими условиями и зарождением и развитием этноса, описал российский социоэтнолог Л. Н. Гумилев [19]–[23]. Именно природно-географическая среда, по терминологии Л. Н. Гумилева – «кормящий ландшафт», является важнейшим и необходимым условием начала этногенеза. Существенным в теории этногенеза Л. Н. Гумилева является положение о том, что влияние ландшафтных условий на формирование этноса в различные периоды его формирования существенно варьируется. На ранних этапах его становления в силу объективных причин социум оказывается полностью подчиненным окружающей среде. Не обладая необходимыми возможностями противодействия природе, «географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. – все это накладывает особый отпечаток на организмы» [23, с. 190].

Связь природно-климатических условий с этногенезом является двусторонней. Если первоначально на процесс этногенеза максимальное влияние оказывают природно-климатические условия, то в дальнейшем развитии этноса более значимыми становятся социальные условия, ибо «этнос – не зоологическая популяция, а системное явление, свойственное только человеку и проявляющее себя через социальные формы, в каждом случае оригинальные, ибо хозяйство страны всегда связано с кормящим ландшафтом, уровнем развития техники и характером производственных отношений» [23, с. 232]. Таким образом, этнос не только приспособливается к природному ландшафту, но осваивая естественно-научные знания, создавая систему машин и механизмов, он приспособливает природный ландшафт к своим собственным социокультурным пристрастиям, своему менталитету.

Следует подчеркнуть, что соотношение естественно-природного и искусственного ландшафтов, участвующих в формировании различных этносов, существенно различается. В отличие от западноевропейских этносов, на процесс этногенеза которых вместе с естественным ландшафтом в течение нескольких столетий существенное влияние оказывал и искусственный урбанизированный ландшафт, формирование белорусского этноса до конца XIX столетия происходило в условиях практически нетронутого естественного ландшафта. В отличие от Центральной России и Урала, юго-

восточной части Украины, где со времен петровских реформ создавались крупные промышленные центры, строились города с искусственным ландшафтом и урбанизированными социальными отношениями, в Беларуси планомерное развитие крупной индустрии началось только во второй трети XX века. К концу XIX века немногим более 10 % населения Беларуси проживало в городах и так называемых местечках. Жизнь остальных представителей белорусского этноса была фактически включена в естественно-природные процессы. Девственная природа Беларуси явилась решающим фактором синтеза синкретического типа культуры взаимодействия белорусов с окружающим миром. Белорус скорее обожествлял, созерцал природу, чем пытался покорить и переделать ее.

Существенным в теории Л. Н. Гумилева является положение о несводимости процесса этногенеза только к природно-климатическим условиям. Более того, по его утверждению, «этногенез хотя и обуславливается географическими условиями, но происходит по другим причинам, для вскрытия которых приходится обращаться к другим наукам» [23, с. 197]. Отметим, что и Э. Дюркгейм, рассматривая общество как сложную, многоуровневую и многоплановую систему, также требовал при изучении социальных процессов оперировать знаниями не только социологии, но и химии, биологии и психологии. «Знание психологии еще больше, чем знание биологии, составляет необходимую пропедевтику для социолога. Но оно будет полезно ему лишь в том случае, если он, овладев им, освободится от его влияния и выйдет за пределы данных психологии, дополняя их специфическим социологическим знанием» [29, с. 127].

1.3. СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ И ПРОЯВЛЕНИИ МЕНТАЛИТЕТА

Процесс формирования и проявления ментальных характеристик реализуется через механизмы *стереотипизации и идентификации* сопоставления и сравнения ментальных характеристик собственного этноса с ментальными особенностями других этносов.

По определению Т. Г. Стефаненко, под *социальными стереотипами* понимаются «упрощенные, схематизированные образы социальных объектов, характеризующиеся высокой степенью согласованности индивидуальных представлений» [83]. Ю. А. Левада определяет стереотип как готовый шаблон, своеобразную «литейную форму», в которую отливается, формируется общественное мнение. Важнейшими атрибутами стереотипов

являются предельно стандартизированные и упрощенные способы выражения идентичности и предзаданность по отношению к актам общения [54, с. 13–21].

Несмотря на некоторые различия в определении предмет и функций *социального стереотипа*, в самом общем плане его следует определить как *систему, обеспечивающую некритическую адаптацию индивида и социума к сложным и быстро меняющимся социокультурным условиям*.

Основными функциями *этнонационального стереотипа* являются:

– *компенсаторная функция*, которая обеспечивает восполнение недостающей информации о характеристиках как собственного, так и других этносов.

– *адаптивная функция*, позволяющая представителям этнической группы достаточно быстро приспосабливаться к особенностям как своего, так и иных этносов.

– *стабилизирующая функция* обеспечивает устойчивость, воспроизводимость этнических стереотипов в течение нескольких поколений.

– *функция избирательности*, которая предопределяет выделение членами этнической группы определенных положительных и (или) отрицательных ментальных характеристик как своего, так и иных этносов, при этом «не замечая» другие, несущественные характеристики.

– *амбивалентность стереотипа* проявляется в том, что одни и те же социальные качества у собственного и у иных этносов могут оцениваться не только с различной степенью интенсивности, но и с различными, в том числе и с противоположными модусами.

Этнонациональные стереотипы проявляются в следующих основных формах:

– *автостереотип* – сформированное в общественном мнении представление о базовых, сущностных характеристиках собственного этноса.

– *гетеростереотип* – существующее в общественном мнении представление о базовых, сущностных характеристиках иных этносов.

Взаимодействие, взаимоотношение *автостереотипа* и *гетеростереотипа* и определяет специфику взаимодействия в системах «Мы» – «Другие», «Свои» – «Чужие». Данные системы координат позволяют индивиду и этнической группе определять и удерживать собственную «самость» – сходство со «своими» и отличие от «других».

По своим функциям механизм *социальной идентификации* имеет много общего с механизмом *социальной стереотипизации*. И один и другой процессы направлены на фиксирование общего и особенного у собственного и иных этносов в системах дихотомических пар «Я» и «Не-Я», «Мы» и «Не-Мы». При этом процесс *стереотипизации* осуществляется на базе ранее сформированных ценностей, представлений, предрассудков как о «себе», так и о «других». Тогда как процесс *идентификации*, помимо стереотипных данных, предполагает включение и познаний, полученных в

результате собственного опыта. Именно поэтому механизм этнической идентификации представляет особую значимость в процессе формирования как собственного автопортрета, так и ментальных портретов других этносов.

Следует подчеркнуть, что близкие понятия «этничность» и «этническая идентичность» вовсе не тождественны друг другу. *Этничность* является аскрептивной (предписываемой обществом) характеристикой, под которой понимается объективное отношение индивида к таким константам, как этническая принадлежность родителей, место рождения, язык, культура. Тогда как *этническая идентичность* также включает в себя такие характеристики, как типичные физические и психоэнергетические отличия представителей этноса, природно-климатические особенности занимаемой этносом территории, язык, культуру, типы хозяйствования и т. п., но не сводится только к ним. Помимо этих данностей *этническая идентичность* включает в себя и зачастую трудно фиксируемые и описываемые, субъективные, иррациональные элементы – процессы переживания, избирательности, эмоциональную оценочность к объективным этническим характеристикам. Социопсихолог Г. Н. Солдатова определяет, что этническая идентичность фиксируется через «разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиции, места происхождения (территории) и государственности. Общие знания связывают членов группы и служат основой ее отличия от других этнических групп» [84, с. 108]. Как совершенно справедливо отмечает Б. Ф. Поршнев, «рассмотрение социально-психической, в том числе этнопсихической, общности только изнутри, только в плане внутреннего сцепления и уподобления является фикцией. Именно противопоставление своей общности другой всегда способствовало фиксации и активному закреплению своих этнических отличий и тем самым скрепляло общности» [69, с. 99]. Для анализа процессов этнической идентификации Поршнев Б. Ф. рассмотрел социальную модель, состоящую из двух родо-племенных групп. «Если бы они никогда не встречались друг с другом, то каждый индивид в группе “А” и не ощущал бы, что он принадлежит к какой-то общности. Как они не отличались друг от друга внутри нее, так они не отличали себе подобных от каких-либо иных. Это была бы лишь объективная общность. Для того чтобы появилось субъективное “мы”, требовалось повстречаться и обособиться с какими-то «они»... только ощущение, что есть “они”, рождает желание самоопределиваться по отношению к “ним”, обособиться от “них” в качестве “мы”» [69, с. 81].

Экстремальные геополитические и социально-экономические условия становления советского общества – первая мировая война, революция, трансформировавшаяся в гражданскую войну, восстановление народного

хозяйства, международная изоляция, Великая Отечественная война и вновь восстановление разрушенного народного хозяйства, «холодная» война, «железный занавес» – все эти обстоятельства по-своему расставляли маркерные индикаторы, определяющие границы между «нашими» и «другими», «своими» и «чужими», «друзьями» и «врагами». Не только для американцев, англичан и немцев, но и друг для друга в это время большинство советских этносов – были русскими. А в годы второй мировой войны не только советские этносы, но и все, кто вел борьбу с фашистами, в том числе англичане и американцы, были «нашими», «своими» и даже «друзьями» (встреча на Эльбе советских и американских солдат). После второй мировой войны для советских этносов «своими» стали народы стран социалистического лагеря, в том числе и бывшие враги – восточные немцы, а бывшие союзники – американцы, англичане и французы стали «чужими». Ослабление «железного занавеса», снижение интенсивности «холодной» войны, «оттепель» и «перестройка» в очередной раз переставили реперные точки этнонациональной идентификации.

По мере усложнения межэтнического и межкультурного взаимодействия, актуализации межэтнических и межнациональных связей, в том числе увеличения количества полиэтничных браков и людей со сложным этническим происхождением, усиления глобализационных процессов в этнонациональной идентификации, объективные этнические критерии ослабевают при одновременном усилении тенденции этнической идентификации через «субъективные» признаки – признание или непризнание культуры, традиций, норм поведения как собственного, так и иных этносов. К примеру, А. С. Пушкин, будучи по своим объективным этническим признакам «арапом», тем не менее был самым что ни на есть русским по культуре. Общеизвестно, что старославянский литературный язык именно благодаря произведениям «арапа» Пушкина стал русским. Несмотря на свои южные этнические корни, Пушкин, по собственному определению, в ссылку ехал «с милого севера в сторону южную». Тогда как этнически достаточно «чистый» европеец А. Блок утверждал: «скифы мы, азиаты мы».

Таким образом, *этническая идентификация представляет собой процесс осознания и отношения индивида к культуре, истории, материальным и духовным ценностям «своей» и «иных» этнических групп, степени отождествления себя с ними.*

Следует подчеркнуть, что жители центральных территорий, ввиду отсутствия либо незначительности собственного опыта межэтнического взаимодействия, как при аутоидентификации, так и при гетероидентификации других этносов в большой мере пользуются сложившимися стереотипами, тогда как население приграничных регионов использует преимущественно собственный опыт практического межэтнического, межнационального взаимодействия. Интенсивные процессы аутоидентификации и гетероиден-

тификации собственной и соседних этнических групп, определение реперных точек, фиксирующих границы, разделяющие территории проживания «своих» и «чужих» этносов, осуществляются на «стыках» расселения этносов (наций). К тому же вследствие того, что национально-государственные границы не совпадают с гетерогенными границами проживания этносов, население приграничных территорий как аутоидентификацию, так и гетероидентификацию осуществляет в процессе сопоставления «своих» и «других» не только по разные стороны государственных границ, но и внутри собственной территории. Таким образом, население приграничных регионов этническую идентификацию осуществляет, во-первых, посредством рефлексии представителей своего этноса, на самих себя и на своих соседей – «мы – белорусы» и «другие – не белорусы» и, во-вторых, через предполагаемые рефлексии иных этносов на себя – какими представляют нас, белорусов, другие этносы.

В формирование процесса этнической идентификации существенный вклад внесла *теория комплиментарности* Л. Н. Гумилева. В соответствии с ее базовыми положениями одно из необходимых последствий этногенеза заключается в том, что энергия, выделяющаяся в его процессе, аналогично биополю, создает вокруг себя *этническое поле*, характеризующееся единой частотой колебаний. *Пассионарии* – индивиды, обладающие большой этнической энергетикой, тянутся друг к другу и вследствие *пассионарной индукции* “заряжают” своими идеями, передают свой ритм колебаний, обостряют чувство этнической идентичности и ведут за собой остальных. Действия этнических полей проявляются и при взаимодействии соседних этносов. В случае если этносы обладают одинаковыми или гармоничными этническими полями, возникает состояние *комплиментарности*, проявляющейся чаще всего в неосознанной, а зачастую и иррациональной тяге, стремлении друг к другу. В концепции этногенеза Л. Гумилева, процессы взаимодействия этносов организуются на основе комплиментарности следующих разновидностей:

– *положительная комплиментарность*, которая проявляется как спонтанная симпатия двух или более этносов без попыток изменить друг друга. Этносы принимают друг друга такими, какие они есть;

– *отрицательная комплиментарность* проявляется в спонтанной антипатии, попытках каждого из этносов изменить другой, сделать его более «правильным». Эти несовместимые взаимоотталкивающие действия этносов у Гумилева получили название «химеры»;

– *нейтральная комплиментарность* проявляется как безразличие этносов по отношению друг к другу, при этом интересы этносов не сталкиваются и не пересекаются.

На основании данной методологической базы российские этносоциологи Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробизева, А. А. Сусоколов выделили семь основных типов этнической идентификации:

– *нормальная идентичность*, когда образ своего этноса, своего народа воспринимается как положительный, а отношение к его культуре, истории является позитивным;

– *этноцентрическая идентичность* выражается в некритическом предпочтении своей или иной этнической группы и самоидентификации с ней;

– *этнодоминирующая идентичность* подразумевает такой тип идентичности, при котором этническая идентичность доминирует над гражданской, профессиональной, семейной идентичностью;

– *этнический фанатизм* подразумевает абсолютное доминирование этнических интересов и целей (в том числе и иррациональных) над всеми другими и готовность идти ради них на любые жертвы;

– *этническая индифферентность* проявляется в полном равнодушии к проблеме собственной этничности, к этническим ценностям собственного и других народов;

– *этнический нигилизм* представляет собой отрицание этнических, этнокультурных ценностей, этничности как таковой, проявляется в форме космополитизма;

– *амбивалентная этничность* представляет собой явно не выраженную этническую идентичность, является характерной для смешанной этнической среды.

Несмотря на некоторую условность, недостаточную социологическую строгость в определении критериев и функциональной содержательности описанных типов этнической идентичности (например, *этнодоминирующая идентичность* в реальной действительности может трансформироваться в *этнический фанатизм*, а *этническая индифферентность* в *этнический нигилизм*), указанная дифференциация показывает сложность, противоречивость и обратимость процессов этнической ауто- и гетероидентификации.

Линейная биполярная модель этнической идентичности [83, с. 269–277] представляет собой плоскость, на которой располагаются полюса континиума.

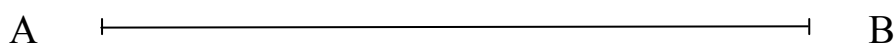

Рис. 1.1. Линейная биполярная модель этнической идентичности: А – высокий уровень идентификации со своей этнической группой (позитивная или негативная идентичность); В – высокий уровень идентификации с чужой этнической группой (измененная или ложная идентичность)

Последователи линейной биполярной модели этнической идентификации исходят из того, что каждый индивид, осуществляя этническую ауто- и гетероидентификацию, определяет свою значимость и согласовывает свое поведение с собственной либо с иной референтной для него этнической группой. Одновременно ощущать идентичность со своей и чужими этниче-

скими группами здесь невозможно. Вряд ли возможно согласиться с такой прямолинейностью, ведь практика межэтнического взаимодействия показала, что жизнь большинства индивидов не «вписывается» в простое противопоставление «хорошего» и «плохого» этносов, что процесс этнической идентификации не только не исключает, но и предполагает, осуществляя положительную идентификацию с собственным этносом, одновременно в качестве положительных выделяя хотя бы отдельные характеристики иных этносов, и наоборот, осуществляя отрицательную идентификацию с собственным этносом, вместе с тем признавать какие-то ментальные характеристики собственного этноса в качестве положительных.

Представляется, что с целью повышения эвристической результативности эмпирического социологического исследования целесообразно применение критериев, фиксирующих как вектор, так и глубину этнической идентификации. В этих целях нами введены следующие критерии измерения этнической идентификации:

- 1) отношение (вектор) к собственному этносу;
- 2) интенсивность идентификации с собственным этносом;
- 3) отношение (векторы) к иным этносам;
- 4) интенсивность идентификации с иными этносами.

С учетом данных критериев нами построен модельный ряд векторности и интенсивности этнической идентификации.

Рис. 1.2. Модельный ряд векторности и интенсивности этнической идентификации:
А – этнический нигилизм; В – этнический плюрализм;
С – нормальная этническая идентификация; Д – этнический изоляционизм; Е – этнический фанатизм

Нормальная этническая идентификация характеризуется признанием, уважением социокультурных ценностей собственного этноса при одновременном уважительном отношении к культуре, ценностям других этносов и готовности к их творческому, конструктивному освоению.

Этнический изоляционизм проявляется в некритическом признании социокультурных ценностей собственного этноса в качестве положительных при пассивном отношении к ценностям других этносов.

Этнический фанатизм выражается в некритическом признании социальных ценностей, культуры собственного этноса как совершенных и единственно возможных, при активном отторжении социокультурных ценностей иных этносов.

Этнический плюрализм проявляется в уважительном отношении к истории, ценностям, культуре, традициям, нормам жизни как собственного эт-

носа, так и к ценностям, культуре, традициям, нормам жизни иных этносов. *Этнический плюрализм* от *нормальной этничности* отличается не вектором (направленностью), а интенсивностью и качеством отношений как к собственному, так и иным этносам. Подчеркнем, что в случае *нормальной этничности* члены этноса самостоятельно воспроизводят собственную культуру, а культуру иных этносов воспринимают в готовом виде, а при *этническом плюрализме* этнос активно участвует в воспроизводстве и потреблении как собственной культуры, так и культуры иных, значимых для него, этносов.

Этнический нигилизм проявляется в безразличном отношении как к социокультурным ценностям собственного этноса, так и к культуре и социальным ценностям иных этносов. Но поскольку ни индивид, ни тем более этнос не может существовать во внекультурном пространстве в принципе, то в реальности происходит бессистемная фрагментация различных, в том числе и несовместимых культур. В данном случае вместо продуктивной *интеграции* культур происходит фрагментарное, эклектичное включение элементов более агрессивной культуры в более «послушную», более толерантную культуру.

Эвристические возможности данной модели обуславливаются тем, что она вместо альтернативного противопоставления: или «свой», или «чужой» (или/или) позволяет построить многополярную реперную систему, в пределах которой индивид способен осуществлять собственную идентификацию, во-первых, с несколькими этносами, а во-вторых, без жесткого противопоставления на «своих» и «чужих».

Модель двух измерений этнической идентичности [83] включает в себя несколько векторов идентификации и позволяет зафиксировать поликоординатную, разноплановую связь с иными этносами.

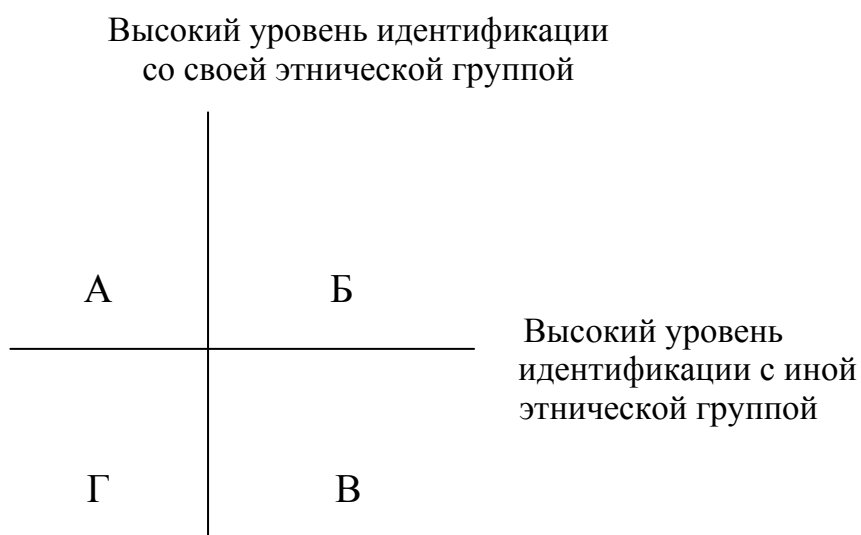

Рис. 1.3. Модель двух измерений этнической идентичности:

А – моноэтническая идентичность со своей этнической группой;
Б – биэтническая идентичность; **В** – моноэтническая идентичность с иной этнической группой; **Г** – маргинальная этническая идентичность

Моноэтническая идентичность со своей этнической группой предполагает осуществление идентификации на основании «объективной», «кровнородственной» этничности. Предполагается, что благоприятные социально-экономические, социокультурные условия усиливают позитивную моноэтническую идентификацию. В этих условиях она проявляется в здоровом патриотизме, гордости за свой народ, свою культуру, свою историю. Крайние проявления моноэтнической идентификации чреватые *гиперэтничностью*, которая проявляется в формировании враждебных стереотипов иных этносов.

Моноэтническая идентичность с чужой этнической группой проявляется в отрицании значимых ментальных характеристик у представителей собственного этноса и признании значимых характеристик у иного (иных) этноса. Гипотетически конечным результатом данного типа идентификации является ассимиляция, «растворение» в ином, доминантном этносе. Подчеркнем, что ввиду того что этнос имеет не только социальное, но и естественно-природное происхождение, может идти речь не о полной ассимиляции, а только о социально-психологической. Поскольку естественно-природный компонент в этногенезе в сравнении с социокультурным является более консервативным, то такой тип ассимиляции потенциально содержит возможность восстановления утраченных этносоциальных черт. В этом смысле следует согласиться с утверждением В. А. Тишкова о том, что в современной истории *«политическая ассимиляция (или интеграция) почти всегда идет впереди этнокультурной ассимиляции и далеко не всегда неотвратимо вызывает последнюю»*. Этничность обладает собственной динамикой и собственным расчетом. Чем быстрее идет экономическое развитие общества и чем ощутимее личностно-групповой материальный успех, тем быстрее идет ассимиляция, но только до определенного момента, когда состоятельность и утвердившийся статус в основном обществе снова смогут потянуть к поиску корней» [84, с. 106].

Биэтническая идентичность проявляется в дуалистической, бикультурной ориентации индивида, когда он для себя в качестве рефертных выбирает два или более этносов. В оптимальном варианте биэтническая идентичность позволяет индивиду конструктивно синтезировать ценности различных культур. В неудачном варианте, в случае если субъект не включен устойчиво ни в одну из культур, происходит *фрагментизация*, эклектическое соединение несовместимых элементов из разных культур.

Маргинальная идентичность проявляется в отрицании значимых социальных качеств как у собственного, так и у иных, «чужих» этносов. В данном случае у индивида проявляется *этнический нигилизм*, а он сам оказывается в положении *этнического маргинала*.

На базе описанной модели с учетом как сильных, положительных сторон, так и недостатков автором построена модифицированная модель

этнонациональной идентификации. Ее применение позволило произвести этнонациональную идентификацию и построить ментальные автопортрет белорусов и гетеропортреты «иных» этносов: русских, украинцев, поляков, литовцев, немцев, американцев. Кроме того, опрос русских, украинских и польских респондентов обеспечил возможность построения и ментальных автопортретов и ментальных гетеропортретов белорусов в представлении русских, украинских и польских респондентов.

1.4. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Исходя из междисциплинарности феномена менталитета, в работе был применен комплексно-системный подход к объекту исследования. В рамках этого подхода использовались как специфические социологические методы исследования: включенное наблюдение, контент-анализ документов, массовый опрос, интервьюирование, изучение предпочтений, так и методы междисциплинарного исследования: системного, компаративного, корреляционного, структурно-функционального, этноисторического и кросскультурного исследования.

Исходя из того что количественные оценки ментальных характеристик могут быть получены только в условиях их одновременной оценки у представителей нескольких наций, в качестве сравниваемых выбраны восточнославянские нации, имеющие не только общие территориальные границы, но и в значительной степени общие историю и культуру: белорусы, русские, украинцы. В качестве сравниваемых определены также нации, государственные территории которых граничат с Беларусью, вследствие чего оказавшие определенное влияние на формирование культуры и менталитета белорусов: поляки и литовцы. С целью предоставления респондентам реперов западного вектора ментальной идентификации в качестве сравниваемых были определены нации, олицетворяющие Запад, ментальные характеристики которых для белорусских респондентов являются легкоузнаваемыми, находятся на слуху: немцы и американцы.

Эмпирической базой работы являются данные социологических исследований, осуществленных под руководством автора в 2003 году. Белорусская выборочная совокупность сформирована на базе Гомельской и Гродненской областей Беларуси и включает 1511 респондентов. Выбор регионов обусловлен тем обстоятельством, что они являются трансграничными на культурно-цивилизационных осях «Север – Юг», «Восток – Запад». Культура и менталитет жителей Гомельской области формировались в условиях интенсивного взаимодействия белорусского этноса с вос-

точнославянскими – великорусским и украинским, тогда как культура и менталитет жителей Гродненской области формировались в условиях интенсивного взаимодействия с западнославянским (польским) и балтскими (литовским и латышским) этносами. Сопоставление ментальных самооценок у носителей юго-восточной и северо-западной культур Беларуси позволило зафиксировать как общебелорусские, так и различающиеся региональные ментальные характеристики.

С целью построения ментальной интрамодели своих соседей и экстрамодели ментального портрета белорусов в представлении русских, украинских и польских респондентов были сформированы подвыборки в приграничных с Беларусью Брянской области (Россия) – 587 человек, Черниговской и Киевской областях (Украина) – 523 человека, Люблинском и Бяло-Подлясском воеводствах (Польша) – 415 человек. Методологически это предопределено тем, что процесс этнической идентификации осуществляется через взаимодействие двух взаимосвязанных механизмов: во-первых, идентификации как сознания внутреннего единства, схожести со «своими», а во-вторых, как противопоставления себя другим. Опрос белорусских, российских, украинских и польских респондентов был проведен в рамках единой программы исследования. Выбор трансграничных белорусских, российских, украинских и польских регионов был обусловлен тем обстоятельством, что определение собственного ментального портрета и ментальных портретов своих соседей респондентами осуществляется в процессе как *стереотипизации* (некритическом использовании ранее сформированных представлений об особенностях собственного и иных этносов), так и *идентификации* (использовании собственного опыта взаимодействия с иными этносами).

Сформировать подвыборки и провести анкетный опрос американских, немецких и литовских респондентов не представилось возможным, поэтому в исследовании представлены только их ментальные экстрамодели в представлении белорусских респондентов.

Характеристики белорусской, российской, украинской и польской подвыборок представлены в табл. 1.1.

Таблица 1.1

Характеристики белорусской, российской, украинской и польской подвыборок

Показатели	Подвыборка			
	белорусская	русская	украинская	польская
Всего, чел.	1511	587	523	415
мужчины	48,3 %	45,4 %	46,7 %	43,3 %
женщины	51,7 %	54,6 %	53,3 %	56,7 %
Тип поселения				
областной центр	31,6 %	32,0 %	38,3 %	39,4 %
районный центр	39,8 %	30,5 %	38,7 %	35,9 %
село	28,7 %	37,5 %	23,0 %	24,7 %

Окончание табл. 1.1

Показатели	Подвыборка			
	белорусская	русская	белорусская	польская
Социальное положение				
руководитель	1,9 %	1,5 %	2,9 %	0,2 %
специалист	22,4 %	24,4 %	30,0 %	28,6 %
рабочий	37,5 %	28,3 %	10,1 %	23,6 %
предприниматель	9,2 %	6,1 %	13,0 %	12,4 %
студент	17,9%	29,2 %	30,9 %	23,3 %
безработный	1,4%	0,2 %	1,0 %	0,2 %
пенсионер	9,7%	10,3 %	12,1 %	12,0 %
Национальность				
белорус	78,1 %	4,8 %	–	–
русский	11,8 %	92,5 %	8,6 %	0,2 %
украинец	2,6 %	2,7 %	87,8 %	–
поляк	6,8 %	–	2,1 %	99,8 %
другая	0,6 %	–	1,5 %	–
Образование				
среднее	69,6 %	67,9 %	64,6 %	61,4 %
высшее, незаконченное высшее	30,4 %	32,1 %	35,4 %	38,6 %
Место работы				
государственное предприятие, учреждение	49,2 %	40,9 %	21,4 %	25,8 %
негосударственное предприятие, фирма	12,6 %	13,8 %	19,9 %	26,6 %
частный предприниматель	9,1 %	6,1 %	14,7 %	12,4 %
студент	17,9 %	29,2 %	30,9 %	23,3 %
другое	11,2 %	10,0 %	13,1 %	11,9 %

Репрезентативность белорусской подвыборки исследования обеспечена по следующим параметрам: а) в разрезе регионов, где отклонение параметров выборочной совокупности от генеральной составило 3,3 %; б) по основным этническим группам – белорусам, русским, полякам и украинцам отклонение составило от 1,2 до 4,5 %; в) гендерной совокупности – 2,9 %; г) по представительности групп населения в разрезе городской и сельской местности – 7,8 % в сторону превышения респондентов из городской местности. Последнее отклонение объясняется тем, что респонденты – студенты вузов, постоянно проживающие в сельской местности, в анкете указали городской тип поселения.

Ментальная самоидентификация белорусов и ментальная идентификация белорусами других этносов, а также идентификация другими этносами белорусов осуществлялась в условиях сопоставления значимости 20 ментальных характеристик для каждой из перечисленных семи национальностей. При этом респонденты должны были определить для каждой национальности не более восьми наиболее значимых ментальных качеств из предложенных в анкете: стремление к личной свободе; трудолюбие; уважение тради-

ций, следование им; точность, аккуратность; коллективизм; индивидуализм; толерантность; патриотизм; теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость, сострадание; обязательность, верность слову, принятому решению; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; духовность; законопослушание; предприимчивость, расчетливость; гостеприимство; уважение младшими старших и забота старших о младших; соревновательность, конкуренция; созерцательность, мечтательность; стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Результаты анкетного опроса показали, что все двадцать индикаторов – ментальных характеристик – оказались узнаваемыми. При этом величина самой узнаваемой ментальной характеристики отличается от самой туманной менее чем в 2 раза. Этот факт говорит о корректности формулировки индикаторов ментальных характеристик. Вместе с тем, как и предполагалось, «плотность» узнавания ментальных характеристик имеет некоторые различия, что показано в табл. 1.2.

Таблица 1.2

Средневзвешенные оценки ментальных характеристик, %

Ментальные характеристики	Средневзвешенная оценка
Стремление к личной свободе, независимости	47,0
Трудолюбие	38,3
Уважение традиций, следование им	40,5
Точность, аккуратность	26,9
Коллективизм	32,2
Индивидуализм	33,3
Толерантность	30,2
Патриотизм	40,8
Теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание	33,1
Обязательность, верность слову, принятому решению	27,9
Чувство локтя, стремление оказать помощь представителю своей нации	34,0
Духовность	28,2
Законопослушание	32,0
Предприимчивость, расчетливость	32,9
Гостеприимство	36,4
Уважение младшими старших и забота старших о младших	33,0
Соревновательность, конкуренция	30,2
Созерцательность, мечтательность	25,0
Стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям	29,9
Стремление к медленным, постепенным общественным изменениям	27,6

Одно из предположений рабочей гипотезы социологического исследования заключалось в том, что у различных национальностей одна и та же характеристика будет оценена с различной степенью интенсивности. Исследование подтвердило эту часть рабочей гипотезы. Так, в оценке белорусских респондентов наибольшая «плотность» ментальных характеристик зафиксирована у представителей следующих национальностей:

- точность, обязательность зафиксирована у немцев (84,3 %);
- стремление к личной свободе – у американцев (77,5 %);
- гостеприимство – у белорусов (76,1 %);
- трудолюбие – у белорусов (74,6 %);
- теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть, сострадание – у белорусов (72,7 %);
- толерантность – у белорусов (67,0 %);
- коллективизм – у русских (65,1 %);
- законопослушание – у немцев (65,1 %);
- индивидуализм – у американцев (61,7 %);
- патриотизм – у русских (60,9 %).

На другом полюсе, в качестве минимально присутствующих, белорусы зафиксировали следующие ментальные характеристики:

- точность, аккуратность – у украинцев (6,6 %);
- индивидуализм – у белорусов (14,5 %);
- толерантность – у литовцев (14,9 %);
- коллективизм – у немцев (15,5 %);
- духовность – у американцев (18,8 %);
- уважение младшими старших и забота старших о младших – у американцев (25,3 %);
- чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации – у поляков (26,9 %).

Следует обратить внимание и на «разброс» оценок одних и тех же ментальных характеристик у представителей различных национальностей. Например, точность, аккуратность у немцев, в представлении белорусов, оценена выше, чем у украинцев в 12,6 раза; коллективизм у русских выше, чем у литовцев в 4,2 раза; индивидуализм у американцев выше, чем у белорусов в 4,3 раза; стремление к личной свободе, независимости у самих белорусов оказалось в 2,6 раза ниже, чем у американцев.

Следует подчеркнуть, что в исследовании зафиксирован незначительный эффект *нарциссизма*: некоторое завышение белорусскими респондентами уровня собственных положительных ментальных характеристик. Так, «самыми лучшими» белорусы оказались по следующим качествам: гостеприимству; трудолюбию; толерантности; теплоте и сердечности в отношениях между людьми, совестливости и состраданию. Вторые позиции у белорусов зафиксированы по проявлению коллективизма и духовности.

В связи с тем что по условиям анкетирования каждый респондент должен был из 20 ментальных характеристик отметить не более 8, то их «плотность» у каждой нации не должна была превышать 40 %. Результаты «узнавания» белорусскими респондентами собственных ментальных характеристик и ментальных характеристик представителей других национальностей приведены в табл. 1.3.

Таблица 1.3

**Узнаваемость ментальных характеристик
в оценке белорусских респондентов**

Национальность	Процент от числа опрошенных	Рейтинг
Белорусы	39,4	1
Русские	36,4	2
Немцы	36,1	3
Американцы	35,2	4
Литовцы	28,8	5
Украинцы	27,8	6
Поляки	27,1	7

Как и следовало ожидать, самое «прорисованное» лицо оказалось у белорусов. Достаточно хорошо белорусские респонденты очертили ментальные портреты русских, немцев, американцев. Более «туманные» лица оказались у литовцев, украинцев и поляков.

Количественное определение собственных ментальных характеристик и определение белорусскими респондентами этих же характеристик у представителей других национальностей позволило построить интрамодель белорусского ментального автопортрета (белорусы о белорусах) и экстрамодели ментальных портретов русского, украинца, поляка, литовца, немца и американца (белорусы о русских, украинцах, поляках, литовцах, немцах и американцах), а также модели ментальных портретов белорусов в представлении русских, украинских и польских респондентов (русские, украинцы и поляки о белорусах). По степени выраженности ментальные характеристики разделены на три группы. Ментальные характеристики, на присутствие которых указало более 50 % опрошенных респондентов, отнесены к *доминирующим*; характеристики, на которые указало от 25 до 50 % респондентов, определены как *средневыраженные*, а ментальные характеристики, на которые указало менее 25 % респондентов, отнесены к *слабоприсутствующим*. При построении идеального ментального портрета к *безусловно положительным* отнесены ментальные характеристики, положительная оценка которых составила не менее 85 %; к *умеренно положительным* отнесены ментальные характеристики, которые не менее 70 % респондентов оценили как положительные и не более 25 % как отрица-

тельные; к *отрицательным* отнесены ментальные характеристики, оценки которых оказались ниже.

Сложность феномена менталитета, взаимосвязанность и динамичность его характеристик обусловили использование в исследовании *метода социологического моделирования*. Примененный в исследовании метод социологического, в том числе графического, моделирования в форме лестничной диаграммы обеспечил преобразование количественных оценок ментальных характеристик в образ, наглядно представляющий субординацию и динамику свойств менталитета. Методологически применение графических моделей обосновывается изоморфизмом между геометрией и алгеброй, математическим и графическим языками, позволяющим численные значения социальных процессов представить в виде графических образов. Размещение в одной графической модели численных данных идеального ментального портрета и автопортрета либо каждого из них, но измеренного в разное время, позволило зафиксировать как потенциальную динамическую напряженность, так и реальную динамику изменения ментальных моделей.

Авторская методика, предполагающая одновременное осуществление процессов аутоидентификации (белорусы о себе), гетероидентификации белорусами иных этносов (белорусы об иных этносах), идеализации (соответствие идеальному ментальному типу) и гетероидентификации белорусов иными этносами (иные этносы о белорусах), обеспечила построение четырехмерной ментальной модели портрета современных белорусов.

*Базовые
детерминанты генезиса
белорусского этноса
и менталитета белорусов*

глава

2.1. ПРИРОДА В ФОРМИРОВАНИИ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА

В соответствии с получившей широкое распространение концепцией географического детерминизма одним из базовых компонентов, определяющим возникновение и развитие этноса, является природно-географическая среда обитания. По терминологии Л. Н. Гумилева, именно «кормящий ландшафт», природно-географическая среда являются важнейшим и необходимым условием начала этногенеза – формирования этноса. Вслед за С. В. Колесником под ландшафтом Л. Н. Гумилев понимал «участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий собой целостную и взаимообусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой» [23, с. 19].

В соответствии с наиболее популярными догматами этногенетической теории наиболее благоприятными условиями для формирования и развития этносов являются прибрежные равнины между 30-й и 45-й параллелями. Именно здесь возникли «великие цивилизации прошлого в Европе, Азии и Африке» [92, с. 155]. Территория Беларуси расположена между 51°16' и 56°10' параллелями и далеко не в прибрежных равнинах. Прародинной племен и субэтносов, впоследствии сформировавших белорусский этнос, была девственная природа бассейнов Верхнего и Среднего Днепра, Припяти, Западной Двины и Немана. С точки зрения классической этнографии, белорусский «кормящий ландшафт» не является комфортным. Лесные массивы, переходящие в болота, полноводные реки, в периоды разлива превращающие в водные стихии огромные территории земли, широкая сеть озер, заболоченные территории, переходящие в песчаные и супесчаные земли, являлись малопригодными для сельскохозяйственного возделывания. Природно-климатические условия Беларуси, «кормящий» белорусов ландшафт создали предпосылки для формирования неизнеженного, осторожного и неспешного в своих действиях белорусского этноса.

Теоретическое положение Л. Н. Гумилева, согласно которому этносы зарождаются и благополучно существуют только на территориях, сочетающих два и более типов ландшафтов [23, с. 257], подтверждается на примере природно-географических условий формирования белорусского этноса. «Кормящий» белорусов ландшафт представлен сочетанием многообразных, характерных только для прародины белорусов ландшафтных

типов. «Дика и величественна, разнообразна и изменчива природа Беларуси. Много в ней таких особенностей, каких вы не встретите нигде, разве на Крайнем Севере. Воды, болота, земля и леса составляют канву, на которой тысячелетия избороздили самые причудливые узоры, то открывая их наготу, то закутывая гущею непроходимых лесов и болот и делая почти недостижимыми для человеческого глаза. ...Бассейны рек, пронизывающих Белоруссию, придают ей совершенно отличные черты. Так, по течению Немана и его притоков... местность холмиста, весьма живописна, разнообразна. ...Неман, протекая по северо-восточной границе, придает особую картинность местности, вообще возвышенной, перерезанной холмами, среди коих пространные надбережные долины... Совершенно другое зрелище представляют нам побережья Днепра. Здесь природа величественна, сурова. Нет того разнообразия, той игривости картин, какие видим по течению Немана» [30, с. 329].

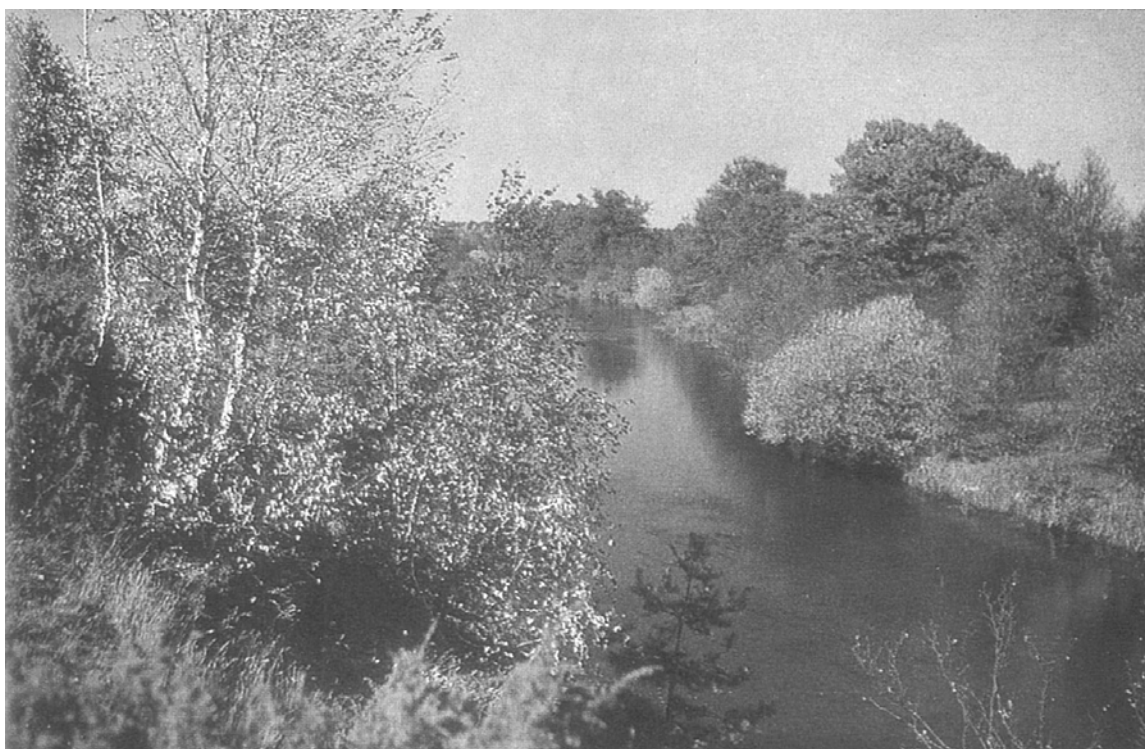

Рис. 2.1. Неман в верхнем течении. Фотография

Именно благодаря своей девственной экзотичности в сравнении с ландшафтами, формировавшими родственные великорусский, малоросский и польский этносы, с точки зрения продуктивности природно-климатические условия формирования белорусского этноса были более чем скромными. «Область Верхнего Поднепровья и Беларуси только восточным своим краем захватывает северо-западный угол Среднерусской возвышенности, орошаемый Волжской и Окской речной сетью, центром же своим лежит в полосе возвышенных волоков между речными бассей-

нами Черного и Балтийского морей (Днепром и Припятью, Зап. Двиной и Неманом). К северу от этих волоков местность носит характер приозерной, холмистой, балтийской страны с ее типичным моренным ландшафтом; к юго-западу от волоков тянутся бесконечные болотистые малопроезжие, оригинальные низины и трясины Полесья, а к юго-востоку – широкие, слегка волнистые плоскогорья с ландшафтом среднерусских нечерноземных местностей. Малоплодородная, глинисто-песчаная почва Верхнего Поднепровья и Беларуси способствовала скоплению здесь лесных богатств и болотных образований, но мало благоприятствовала земледелию, отсутствие здесь особенно ценных ископаемых богатств не содействовало развитию горных промыслов» [73, с. 111].

Малоплодородный «кормящий ландшафт» существенное влияние оказал на формирование таких базовых ментальных характеристик белорусов, как трудолюбие и толерантность. Исследователи, описывая границы расселения белорусского этноса, отмечали, что «...лишь только кончаются плодородные земли, сейчас же начинаются жилища белорусов, ...намеренно обгающие друг друга жилища, чтобы не потеснить и не обидеть беднейшего соседа» [30, с. 456].

В сравнении с другими местами расселения белорусских этносов более благоприятными были природно-климатические условия западной части территории современной Беларуси. Здесь «климатические условия области представляются весьма благоприятными. Волнистая и отчасти холмистая поверхность равнины прекрасно орошена; в широкой полосе, между Западной Двиной и Неманом, богата озерами; местами, как, например, в южной части своей, болотиста; а повсеместно обилует текучими водами и лесною растительностью, покрывающей не менее четверти пространства области» [30, с. 220]. Природно-климатические условия западной части современной Беларуси (Гродненская губерния) в сравнении с остальными землями создавали более благоприятные предпосылки для рентабельного земледелия. Земледельческий потенциал Гродненской губернии выгодно отличался не только от других белорусских губерний, но и от соседних – Виленской и Ковенской. Поэтому «весьма естественно, что при хорошем климате и почве, плодородие которой усиливается достаточным удобрением благодаря находящимся в пользовании литовских крестьян пастбищам, Литовская область не только производит при средних урожаях довольно хлеба для местного потребления, но и высылает свои хлебные избытки за пределы губернии» [30, с. 224].

Существенное отличие имеет южная часть природного ландшафта Беларуси. Здесь «кормящий ландшафт» представлен уникальным сочетанием лесов и болот. Белорусское Полесье вне сомнения представляет собой самостоятельный тип ландшафта, принципиально отличающегося как от Витебского Поозерья, так и Гродненского Понеманья, а также и от центральной возвы-

шенной зоны. Ландшафт Полесья, состоящий из топей, болот и лесов, на своих обитателей действовал особенным способом. Здесь люди жили в «небольших поселениях, расположенных на песчаных холмах, возвышающихся среди болот и покрытых слоем наносной почвы. Легко, наконец, составить себе понятие, какова жизнь этих болотных обитателей, когда мы вспомним, что со вскрытием рек воды их сливаются с водами такого множества рукавов, притоков, ручьев и образуют одно громадное озеро, на котором кое-где виднеются небольшие острова. Это-то и есть те холмы, о которых мы упомянули, с их несчастными жителями, в течение двух-трех месяцев совершенно отрезанными от всяких сообщений с людьми. Даже между собой эти жители холмиков с трудом, подвергаясь нередко большой опасности, могут сообщаться на лодках» [30, с. 341]. Сложность уникального полесского ландшафта не позволяла строго определить и территориальные границы Полесья. «Собственно Полесье, т. е. долина Припяти, занимает три южные уезда Минской губернии, Пинский, Мозырский и Речицкий; но по однородности почвенных условий к этому же Полесью относят все пространство, начинающееся за Слонимом, Слуцком и Бобруйском и тянущееся на юг до Ковеля, Клевая и Радомысля, включая также всю местность от Буга до Днепра, между Кобриным и Лоевом. Вся эта площадь называется Полесьем» [30, с. 340].

Рис. 2.2. Припять у Мозыря. Фотография

Лирически выраженные размышления об очаровании девственной природы Я. Колас передал в стихотворении «Палессе»:

Край лясоў, край балот
І туманаў гнілых!
Хоць і бедна ў цябе,
Хоць у лозах тваіх
Вецер жудасна ўвоснь шуміць,
А ўсе міл ты мне... Чым?
А не ведаю сам,
А твой вобраз маім
Прыглядзеўся вачам.
Да цябе мае сэрца ляжыць.
Я люблю твой прастор,
Гмах шырокі балот,
Дзе бубняць бугаі,
Дзе красуе чарот
І дзе травы, як мора, ляглі.
Калі лес там, дык лес:
Можна тыдзень дыбаць;
А прастор, дык прастор –
І канца не відаць,

Не ахопіш, не змерыш зямлі. [50, т. 1, с. 354].

Девственная, неурбанизированная природа Беларуси «очаровывала» исследователей, описывавших ее: как древнегреческих (Геродот), так и польских и российских, одинаково считавших Беларусь своей территорией. Этнограф Е. Ф. Карский, в конце XIX столетия изучавший Беларусь, отмечал, что «изобилие болотистых мест является причиной множества пастбищ и лугов, часто, впрочем, малодоступных не только для человека, но и для животного, так как они покрывают трясины (дрыгву); последнее попадает в изобилии в разных местах, так что свежему человеку, побывавшему в Белоруссии впервые, кажется, что здесь процесс творения, состоящий в отделении воды от земли, еще не завершен вполне, а продолжается до сих пор, что грязь в Литве и Белоруссии – пятая стихия (слова, приписываемые Наполеону I)» [32, с. 51].

Рис. 2.3. Белорусский ландшафт. Фотография

Не может не вызвать у читателей уважение и восхищение поэтичное описание белорусского ландшафта и самих белорусов в научном труде Российского императорского русского географического общества, в котором, в частности, отмечается, что «Беларусь с ее величественными Днепром и Двиной, с ее дремучими лесами, с непроходимыми тундрой и болотами, – царство волков и коз, леших и русалок, царство ведьм и чаровниц... хотя и рано признала христианство, но надолго сохранила древние языческие предания и обряды. Белорус и теперь чтит своего домашнего пената “Чура”, он и до сих пор знает богов каждого времени года и даже опишет наружность каждого. Он помнит наружность Ярилы, и теперь Ладой закликает весну; он умеет увертываться перед лешим в лесу, подчас даже надует его; он знает, как подразнить русалок, но не поддаться им. Он чествует свою Лялю, богиню весны Цецю, когда она является красивой, полной женщиной, со спелыми колосьями на голове и с плодами в руках, – его кормилицу, богиню лета; но он умеет задобрить и страшного Зюзю, грозного, смертоносного Карачуна. Ляля, Цеця и Зюзя – имена, известные только в Беларуси. Белорус вам расскажет, как Церешка добыл цвет папоротника и как вдруг стал могучим и умным. Только белорус знает подземного Жижеля (огонь), распространителя лесных пожаров» [30, с. 236]. Выделяя отличительные характеристики белоруса, исторический источник отмечает, что он отлича-

ется сильно развитым воображением и впечатлительностью. Он охотно уходит в мир мечтаний, воображения. Девственная природа Беларуси являлась одним из факторов синтеза удивительного типа культуры взаимодействия белорусов с окружающим миром. Белорус скорее созерцал, обожествлял природу, чем покорял и переделывал ее. У жителей белорусских лесов и болот нетронутая природа, помимо очарования ею, способствовала формированию механизмов приспособления к ней. Неспособность сколько-нибудь существенно изменить природные условия сформировала у белорусов не только рационально-деятельные, но и созерцательно-приспособительные алгоритмы поведения.

Именно природные условия становления белорусского этноса сформировали важнейшее свойство культуры белорусов, ее *синкретичность* – целостность, неделимость человека, общества и природы, его окружающей. Традиционная культура белорусов не противопоставляет человека обществу (*грамаде*), общество не противопоставляется природе – окружающему ландшафту, растительному и животному миру. Каждый человек обладает теми же качествами, которыми обладают его *родичи* (как у людей, так и у меня), а предметы природы также одушевлены и обладают теми же свойствами, что и люди. Это соединение рациональных и иррациональных начал в оценке самого себя, окружающих людей и окружающей природы создает ощущение Родины: *родные люди, родная природа, родная деревня, родной город*.

Рис. 2.4. Полесское язычество. С гравюры начала XX века

Леса явились важнейшей составной частью естественного ландшафта, определявшего генезис белорусов. К концу XIX столетия площадь, занятая лесом, составляла: в Минской губернии – 38 % всей территории, в Могилевской – 35,3 %, в Смоленской – 34 %, в Витебской – 33 %, в Гродненской – 25 %, в Вилейской – 24,3 %, в Черниговской – 15 %. [32, с. 50–51]. Приведенные данные наглядно иллюстрируют «лесоцентричность» Беларуси. Подчеркнем, что самыми лесными являлись собственно белорусские губернии – Минская и Могилевская, и самыми малолесными являлись периферийные губернии – Виленская и Черниговская.

Рис. 2.5. Зимний лес. Фотография

В силу своей «растворенности» в природной стихии и приняв христианство, белорусы не смогли расстаться со своими «языческими» богами. По определению И. Абдираловича, «Страціўшы ў сабе вольнага паганца, што маліўся пню, зьліваўся духам з вялікімі сіламі зямлі, паяў прыгожыя песьні, сустрачаючы веснянкамі вясну або хаваючы Купалу, што мог вольна адпавядаць і вольнаму дыханьню ветру і руху свае душы, – страціўшы ўсе гэта, беларус ня ўбачыў нічога прынаднага і ў новым складзе жыцьця» [1, с. 11].

Природный ландшафт, особенно его полесская часть с труднопроходимыми чащобами и болотами, менее других восточнославянских

земель подвергавшаяся инокультурному влиянию, естественным способом «законсервировала» древневосточнославянскую культуру. «На мировоззрении белоруса отразились следы далекого прошлого. Повсеместно в России еще сохраняются в большей или меньшей степени следы языческих культов и верований. Но белорусу в этом отношении бесспорно принадлежит первенство. Это и в настоящее время еще страна, о которой можно сказать словами поэта: «там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит» [73, с. 158].

Соглашаясь с концепцией Л. Гумилева о взаимодействии этноса и его природного окружения в той части, что «на Земле нет ландшафта, не испытывавшего когда-либо воздействия человека... искусственные, т. е. урбанистические, ландшафты известны с глубокой древности» [23, с. 198]. Следует подчеркнуть, что степень влияния естественно-природного и искусственного ландшафтов, участвующих в формировании различных этносов, существенно различается. В отличие от западноевропейских этносов, на формирование культуры и менталитета которых вместе с естественным ландшафтом в течение нескольких столетий существенное влияние оказывал урбанизированный ландшафт, менталитет белорусов до конца XIX столетия формировался в условиях практически нетронутого естественного ландшафта. В отличие от Центральной России и Урала, юго-восточной части Украины, где со времен Петровских реформ создавались крупные промышленные центры, строились города с искусственным урбанизированным ландшафтом и урбанизированными социальными отношениями, в Беларуси формирование крупной индустрии началось только в XX веке. К концу XIX века около 10 % населения Беларуси и только 2 % белорусского этноса проживало в городах и так называемых местечках. Жизнь остальных белорусов была фактически включена в природные процессы.

Большинство исследователей белорусского этноса, его художественной культуры, его фольклора указывают на то обстоятельство, что народные песни белорусов отличаются драматичностью, порой безысходностью. Таким же драматическим образом рефлексировали классики белорусской литературы на положение белорусского народа. Представители классической западноевропейской культуры, выросшие и сформировавшиеся в условиях урбанизированных природного и социокультурного ландшафтов, относились к природе и крестьянству с романтических позиций «сверху». Дом-крепость и газон, без которых трудно представить себе образ англичанина, являются элементами искусственного ландшафта. Поэтому для западноевропейской городской культуры характерна сентиментальная романтизация крестьянского образа жизни (пастушок со свирелью, девушка-цветочница). Классики русской и польской художественной культуры, в большинстве своем вышедшие из дворянско-помещичьей среды, также не были лишены ро-

мантизации природы и сельской, крестьянской жизни. Для них отношение к природе и крестьянству было скорее с позиции «рядом».

В отличие от плеяды русских и польских писателей и поэтов, большая часть которых родилась и получила первоначальное образование и воспитание в помещичьих усадьбах, большинство классиков белорусской поэзии и прозы – явления исключительно природно-сельские, а если быть более точным, то природно-хуторские. Якуб Колас, Янка Купала, Иван Мележ родились и сформировались в условиях сельско-хуторской среды. Для них не только городские, но даже и местечковые условия были чужими. Будучи связанным очень сложными отношениями с окружающей природой, мироощущение белорусских классиков, их базовые алгоритмы формировались в естественно-природных условиях. Белорусская хата, березки и сосны, лес и поле, болото, на котором люди, вне сомнения, элементы естественного ландшафта – условия жизни белорусского этноса. Белорусские классики могли описывать и природу, и крестьянскую жизнь исключительно «изнутри». Отсюда непонятная для многих, но совершенно естественная для белорусского художественного творчества – суровая реальность, откровенный драматизм, переходящие в безысходность.

**Рис. 2.6. Я. Купала и Я. Колас.
С картины Г. Бржозовского**

Как и белорусские классики, русский поэт Сергей Есенин, будучи крестьянским сыном, до конца своей жизни так и не смог оторваться от своей сельской «пуговины». У Есенина, так же как и у Я. Колоса и Я. Купалы, лирика уходит своими корнями в ту реальную действительность, которая окружала поэта.

Есенинская любовь к родному краю естественна. Это не просто чувство – это его философия жизни, краеугольный камень его мироощущения. Есенин близко к сердцу принимал народные страдания, боль людей, кому «незавидная...» в жизни выпала доля. Поэт глубоко знал жизнь крестьянской Руси, был кровно связан с жизнью русского крестьянства – все это способствовало тому, что он смог стать истинно народным, национальным поэтом и в ярких реалистических произведениях сказать есенинское правдивое слово о главных событиях своей эпохи.

2.2. РОДОВАЯ (ЯЗЫЧЕСКАЯ) КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ БЕЛОРУСОВ

Вряд ли следует доказывать, что христианизация оказала конструктивное влияние на формирование культуры, менталитета восточных славян. Но также не следует недооценивать и того обстоятельства, что христианская культура накладывалась не на пустое место. Сложившийся в течение нескольких столетий стереотип о несовершенстве, убогости дохристианской «языческой» культуры славян не позволяет и сегодня в полной мере понять, осознать сложную структуру формирования и функционирования культуры, менталитета восточных славян вообще и белорусов в частности. Не вызывает сомнения тот факт, что к началу христианизации восточные славяне уже обладали достаточно сложной системой взаимодействия человека и общества, общества и природы. Сложившаяся эстетико-магическая система мировоззрения древних славян обеспечивала условия для построения и воспроизводства основ социального взаимодействия. Дохристианская культура была адекватным мировоззренческим ответом древних славян на необходимость выживания в суровых природных условиях. Невозможность не только подчинить себе природу, но и просто выжить в суровых условиях без взаимопомощи с другими людьми сформировали у них базовый алгоритм поиска путей к согласию, компромиссу, гармонии с окружающим миром, людьми и природой.

Мировоззренческая картина славян в своей основе была построена на вере в сверхъестественные силы не только окружающей природы, но и своих предков. Эти представления были оформлены и передавались

от одного поколения к другому через устные предания, легенды, мифы, былины, сказания. Существенным недостатком восточнославянской дохристианской культуры было отсутствие ее письменных носителей. Носителями былины и преданий были гуслиеры и волхвы. Они передавали их от одних родичей к другим, от старших поколений – к младшим. Волхвы также выполняли функции связи между Богами и людьми, к ним же обращались люди для разрешения житейских споров. Поэтому в период христианизации восточных славян уничтожение волхвов-колдунов фактически обозначало уничтожение профессионалов – носителей древнеславянской культуры.

Реальный процесс «уничтожения» языческих волхвов затянулся на столетия. Для православной церкви и через пять столетий они представляли реальную угрозу. Этот факт подтверждается материалами «Стоглава», одного из самых древних церковных документов, направленных на борьбу с сохранившимися языческими обрядами и суевериями, где говорится, что «По погостам и по селам ходят лживые пророки, мужики и женки, и старые бабы, наги и босы, и волосы стростив и распустья, трясутся и убиваются. А сказывают, что им являются святая Пятница и святая Анастасия и велят им заповедати хрестияном каноны завечати. Они же заповедают крестьяном в среду и в пятницу ручного дела не делати, и женам не прясти, и платья не мыти, и каменя не разжигати».

В дохристианский период славяне имели своих небесных покровителей. Пантеон Богов славян, так же как и греческий пантеон олимпийских Богов, не был чем-то противопоставленным земной жизни людей. Жизнь Богов и жизнь людей были переплетены тысячами нитей. Славянский Бог *Велес* не только распоряжался подземным миром, но и опекал пастухов и домашний скот. Бог огня *Жижель* в подземной кузнице ковал оружие. При переусердствовании или обиде на людей он мог перегреть землю так, что загорались болота и леса. Бог холода *Зюзя* не только охлаждал перегретую землю, но мог в наказание заморозить людей. От Бога *Тура* зависела жизнь диких зверей и успехи славян на охоте. Богиня *Мара* посылала людям не только сны, мечты, но и мучила их ночными кошмарами. *Перун* властвовал над громом и молниями, он же заведовал и военными делами. *Купала* одаривал урожаем и достатком усердных людей и посылал недород на нерадивых. *Дажбог*, *Ярило*, *Коляда* и *Хорс* были богами солнца. Они опекали земледельцев и ремесленников, дарили людям тепло.

Главным Богом, возглавляющим Пантеон славянских божеств, был *Род* (*Сварог*, *Стрибог*). *Род* был творцом жизни, оплодотворял Землю и все живое, управлял ветрами и небесными явлениями. *Роженницы* – *Лада* и *Макошь* богини любви и весеннего пробуждения – были посланницами *Рода*. Помощниками *Лады* были покровители влюбленных *Леля* (*Ляля*) и *Полель*. *Род* управлял не только людьми, но и всем остальным Пантеоном славянских божеств. Правомерно предположить, что дохристианская ре-

лигия восточных славян по своей сути была *родовой религией*. Поэтому более продуктивным было бы вместо неопределенно-унизительного названия «язычество» пользоваться понятием «родовая религия древних восточных славян». Ведь «язычество» совершенно неопределенный термин, возникший в христианстве для определения всего дохристианского. Древнегреческая и древнеримская культура, мифы и легенды Древней Греции, верования кельтов, германцев и скандинавов – все подпало под понятие «язычество». Под понятие «поганое язычество», в свое время, подпала и культура древних славян.

В процессе христианизации славян греко-иудейский вариант христианства, выросший на принципиально отличающейся (в прямом и переносном смысле слова) восточноевропейской почве, был обречен на существенную модернизацию. Восточнославянское православие было вынуждено принять в себя целые пласты древнеславянской культуры, «языческой» религии славян. *Великдень*, у древних славян приуроченный к солнечному равноденствию, после которого день становился длиннее ночи, трансформировался в *Пасху*. Впрочем у белорусов и сегодня православная Пасха сохранила свое языческое название – *Великдень*. Приуроченное ко дню солнечного равноденствия языческое *Купалье*, праздник воды и огня, со сдвигом на один день трансформировалось в христианский праздник «Рождество честного славного пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна» и в белорусской народной культуре получивший компромиссное название *Иван Купала*.

В выпущенной в свет в 1901 году книге «Народная Русь: сказания, поверия, обычаи русского народа» отмечается, что на состоявшемся в 1511 году в Москве Стоглавом соборе (получившем свое название от итогового документа, состоявшего из 100 глав) были приняты меры для объединения Русской православной церкви, в частности для борьбы с раскольниками и еллинизмом (язычеством) рассказывается о купальских празднествах, что во время них «пожар запалив предсказаху по древнему некоему обычаю»; что «против праздника Рождества Великого Иоанна Предтечи и в ночи на самый праздник, и во весь день до ночи мужи и жены, и дети в домах и по улицам и ходя и по водам, глумы творят всякими играми и всякими скомрашествами и песни сатанинскими и плясками, гусльми и иными многими видами и скаредными образованиями. И егда ночь мимо ходит, тогда отходят к роще с великим кричанием, аки бесни, омываются водою».

Приблизительно в это же время летописец псковского Панфилова монастыря, описывая эти празднества «во градах и в селех», утверждал, что «в годину ту сатана красуется, яко же сущии древни идолослужителие бесовский праздник сей празднуют» [51, с. 256].

Праздник воды, земли и огня, дошедший до нас из глубины древних времен, практически и в настоящее время полностью сохранил свою

природно-языческую сущность. Об особенной значимости в мировоззрении белорусов двух главных природных стихий *воды* и *огня* говорит то обстоятельство, что купальские обряды проводились на берегу омывающих рек, озер, любых других водоемов, а главным предметом *Купалья* был очищающий костер, через который необходимо обязательно перепрыгивать. Место для проведения ритуала выбирали на высоком берегу реки или озера, а главная часть праздника происходила ночью возле костра. В купальскую ночь особенно реально проявлялась синкретичность мировоззрения белорусов, единство окружающей природы и человека, амбивалентная сущность окружающего мира. В эту ночь ведьмы отнимают у коров молоко, нечистые силы разъезжают на крестьянских лошадях, русалки выходят из воды и очаровывают парней. Русалок боятся, но от контакта с ними не уходят. Русалки, как и окружающие белорусов реальные животные – медведи, волки, не являются изначальными антиподами, врагами людей. Более того, сущность русалки определялась ее страдающим началом, поэтому с ней нужно было договориться – проводить ее «до бору», а самой вернуться «до дому».

Следует подчеркнуть, что в отличие от других народных праздников, в значительной степени адаптированных христианством, Купалье «встроить» в христианский календарь не удалось. Только следующий за купальской ночью день в христианском календаре посвящен Иоанну Крестителю. С присущей белорусам толерантностью они трансформировали необычное иудейское имя *Иоанн* в привычное *Иван*, и таким образом народное поверье образовало синкретическое название всего праздника – *Иван Купала*.

Языческий праздник в честь зимнего солнцестояния – Коляды – приспособили к Рождеству Христову.

На специфическое для белорусов взаимопереплетение «языческой» и православно-христианской религии обращали внимание исследователи Беларуси второй половины XIX века. По утверждениям исследователей, «у белорусов разнообразный и бесконечный цикл обычаев, примет и суеверий, как и следует быть у неудачливого, но исконного и исключительного земледельца. Из группировки этих верований составляется полная мифология, вся языческая славянская вера до христианского культа, сохранившаяся под шумок борьбы двух коренных исповеданий (православного и католического) и безличного третьего (унии)» [3, с. 455].

Особенно сильно взаимопроникновение христианских и дохристианских культов сформировалось в Полесье. Тот же источник сообщает, что «набожность среди населения в Пинском крае очень сильна. Исполнение религиозных обрядов соблюдается повсеместно. И несмотря на это, христианская обрядность до такой степени перепутана здесь с древнеязыческой, что народ не умеет даже отличить одну от другой. ...Консервативное начало развито в народе так сильно, что он не посмел

бы даже нарушить в чем-либо запретов прошлого и не исполнить того или иного обряда, установленного обычаем» [3, с. 350].

В процессе узаконивания христианских норм и ценностей как единственно правильных вытесненное христианством из официальной культуры ощущение своего единства с родом и природой переместилось в область фантастики, в предания, сказки, мифы, суеверия, обряды, ворожбу, заговоры и гадания. И сегодня, спустя тысячу лет после официального принятия православной версии христианства, не только народные обряды и праздники, но и сам жизненный строй восточных славян в значительной степени подчинен природно-родовому мироощущению. Несмотря ни на что и в настоящее время родовая культура в жизни белорусов является структурообразующей. *Род* и после официальной христианизации остался главным началом, пронизывающим всю жизнь восточных славян. Об этом говорит тот бесспорный факт, что все самые важные, интегрирующие принципы, связывающие в единую систему механизмы взаимодействия человека с обществом, общества с природой, у восточных славян имеют один и тот же корень *род*:

плодородный	народ
породненный	природа
народный	родник
урод	родственник
награда (бел. – узнагарода)	Родина
город	предок (бел. – продак)
родитель	предания
рождение (бел. – нараджэнне)	родословная (бел. – радавод)
родной	огород
родимый	благородный
возрождение (бел. – адраджэнне)	безродный
недород	выродок
урожай (бел. – ураджай)	чужеродный
роженица (бел. – парадзіха)	урод
народность	инородный
	юродивый

По своему содержанию производные от корня *род* понятия условно делятся на три смысловые группы:

- 1) *кровно-родственные*;
- 2) *социально-родовые*;
- 3) *природные*.

Первыми по происхождению и по социальной нагрузке являются категории, выражающие *кровно-родственные* отношения:

предок (бел. – *продак*)
предание
родитель

роженица (бел. – *парадзіха*)
родной
родственник
родословная (бел. – *радавод*)

Так, *родословная* (бел. – *радавод*) у восточных славян, говоря современным языком, выстраивает генеалогическое древо происхождения и взаимоотношения всех членов *рода*, *родственников*. В отличие от западноевропейцев и североамериканцев, восточные славяне были обречены жить *не вопреки* и даже *не рядом с другими*, а *только вместе с родичами*, с *родными*. Отсюда принципиальным для поведения восточных славян являлось чувство *лада*, *синхронизации*, согласования своих действий не только в производственной, но и в личной, бытовой сфере. «Так, как у людей», «не хуже, чем у людей», «как люди, так и я» – базовые алгоритмы взаимосвязи и взаимодействия восточных славян и в пространстве, и во времени. В условиях неписьменной культуры, отсутствия каких-либо письменных документов, удостоверяющих личность, ответ на вопрос: «Какого ты роду, племени?» – был решающим при определении социального статуса незнакомца. Знать свой *род*, своих *родичей* до пятого поколения было совершенно естественно. Знания о своих *предках* славяне получали из устных *преданий*. «Преданья старины глубокой» и были важнейшим элементом дохристианской, дописьменной культуры восточных славян. Устная форма преданий – основного источника знаний о жизни как современников, так и предков – предполагала высокую коммуникативность, естественное славянское гостеприимство. Ведь любой путник, странник был носителем знаний о мире, поэтому любой из них был желанным гостем. Категория *родной*, в первоначальном значении обозначавшая только принадлежность индивида к роду, со временем дополнительно приобрела и интимно-личностное значение. Во втором значении *родным* мог стать и представитель другого *рода*. *Роженица* (бел. – *парадзіха*) – женщина, дающая жизнь новому члену *рода*, была важнейшим, неотъемлемым, в очень сильной степени сакральным звеном в продолжении рода. Женщина, лишенная способности рожать, была неполноценной и даже опасной. Женское бесплодие рассматривалось как кара за грех. Процедура родов сопровождалась целым набором обрядов, родившую женщину одаривали. Чем больше было детей у женщины, тем более значимым был ее социальный статус.

Родители, *предки* (бел. – *продкі*) занимали главное место в славянском мире не только при жизни, но и после ее окончания. *Родительский день* (*Радуница*) до настоящего времени у белорусов является самым сакральным, самым главным интимно-родовым праздником, святодействием. По своему значению неформализованной обязательности он перекрывает

все остальные культовые праздники. На дохристианскую родовую сущность Радуницы указывает ее ритуально-обрядовая структура. В «Стоглаве», одном из самых древних дошедших до нас письменных документов Российской православной церкви, постановления которого были направлены против удерживающихся дохристианских «еллинских» (языческих) обычаев, праздник Радуницы описан следующим образом: «В троицкую субботу по селом и по погостом сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробом умерших с великим воплем. И егда начнут играти скорморохи во всякие бесовские игры, они же от плача преставшее, начнут скакати и плясати и в долони бити и песни сотонинские пети на тех же жальниках, обманщики и мошенники» [97].

Уход за могилками, обильное, щедрое угощение выполняют функцию встречи не только живущих родственников с усопшими, но и живущих друг с другом родственников. Ритуальное обязательное «кормление» усопших родственников реализует иллюзию не только духовной, но и «плотской» связи между живыми и усопшими родственниками.

Особенно реально значимость этого пережившего тысячелетие святодействия проявляется на землях, опаленных Чернобылем. Мертвые родовые поселения, из которых по злой воле ушли жители, в этот день приобретают сюрреальный облик. Пустые глазницы домов, разрушенные подворья, одичавшие сады, заросшие пашни и приусадебные участки и... «живое» кладбище, приведенные в порядок, покрытые коврами, скатертями могилы родичей. Могилы предков в родительский день для людей, изгнанных Чернобылем из родных мест в чужие края, становятся местом встреч не только живых родичей с усопшими, но и живых с живыми. Не подвластная воле и сознанию сила, зов предков, заставляет людей, рассеянных по Беларуси, и не только по Беларуси, собираться в этот день на могилах предков. Для чего собираются здесь родичи? Для того, чтобы почувствовать свою причастность к своему *роду*, своей *Родине*, своему кусочку *природы*. Сколько времени еще сохранится у белорусов одна из базовых ментальных характеристик «неразрывности с родом»? Сказать трудно. История показала, что этот «зов предков» позволил в течение нескольких столетий достаточно мирно сосуществовать «подпольной» языческой, родовой, религии с официальной православно-христианской.

Народность, в соответствии с определением, представляет собой сложное этническое образование, объединенное общим родовым началом.

Вторая группа производных от *рода социально-родовых* понятий выражает не столько кровно-родовые, сколько социально-родовые формы взаимодействия *родичей*, к каковым относятся:

награда (бел. – *узнагарода*)

народ

народный

родимый

безродный

выродок

чужеродный

урод

инородный

благородный

Категория *благородный* в первоначальном смысле обозначала человека, рожденного от благого, хорошего рода, в настоящее время приобрела социальную характеристику *благого*, хорошего скорее по воспитанию, чем по рождению человека. Понятие *выродок* у восточных славян обозначает человека, утратившего в процессе беспутной жизни изначальные социально-родовые качества, а понятие *урод*, скорее всего, человека, который родился без значимых родовых характеристик. Широко используемое в православной христианской культуре понятие *юродивый* как отличный от других людей, богом избранный человек, скорее всего, является трансформированным понятием *уро́да*, как не соответствующего по каким-то характеристикам типичным представителям *рода*. По-видимому, близкие по смыслу *чужеродный* и *инородный* различаются между собой таким образом, что если *инородный* обозначает человека, принадлежащего к *нейтрально иному роду*, то категория *чужеродный* обозначает индивида, принадлежащего к *чуждому, чуждому роду*. Категория *безродный* носит социально нормативную, осуждающую нагрузку. Вследствие того что в кровно-родственном измерении человек не может быть *без рода* в принципе, то очевидно, что здесь акцент делается на *социально-родовое беспамятство* и реально обозначает человека, *не помнящего или не знающего родства*. Считалось, что на обычный при встрече вопрос: «Какого ты роду-племени?» – человек должен был назвать родственников до пятого поколения. В противном случае он казался *безродным*. И наоборот, *породненный* – это тот, кто не является кровным родственником, но принял, признал нормы и ценности данного рода. Специфической формой *породнения* у восточных славян является *кумовство*. Поскольку на кума и куму возлагаются *родительские* функции в воспитании крестника, то фактически они входили в состав самых близких родственников. Кум и кума подбирались на добровольной основе, и таким образом родители крестника подбирали нормативно-желательных социальных «родственников».

Сегодня *породненными* могут быть не только люди и семьи, но и *города*, и государства. В настоящее время практически утратила свое первоначальное кровно-родственное значение и приобрела преимущественно социальную нагрузку категория *народ*. *Народ* в современном понимании обозначает социальное объединение, состоящее из нескольких *народностей*, но, по-прежнему, удерживает в себе самые главные, самые сакральные *родовые* характеристики. И в современных условиях, несмотря на все перипетии в переоценке ценностей, почетное звание «*народный*»

при оценке творческого потенциала человека или коллектива является главным. Категория *награда* (бел. – *узнагарода*) олицетворяет социальное признание *Родины* за выдающиеся заслуги перед *народом*.

Третья группа производных от корня *род* является выражением связи рода с окружающим ландшафтом:

<i>родник</i>	<i>природа</i>
<i>огород</i>	<i>урожай</i> (бел. – <i>ураджай</i>)
<i>город</i>	<i>недород</i>
<i>плодородие</i>	

Этот ряд понятий выражает четкую взаимосвязь *рода* с окружающим природным миром. *Природа* в ощущении славян выражает не просто ландшафт, а именно ту часть естественного окружения, в которой живет *род*. *Природа* у восточных славян ассоциируется с лесом, полем, болотом, которые окружают и в которых живет *род*. *Родник* восточные славяне воспринимали не в качестве простого источника воды, а в качестве жизненно-го источника, питающего *род* влагой. *Огород* – это участок огороженной земли, обеспечивающий *род* продуктами. Для восточных славян аграрно-продуктивная и сакрально-магическая сущности земли были неразрывными. «Мать-сыра земля» была не только насыщенной влагой, питающей корни растений и рождающей урожай почвой, но и *Родиной*, где жили их предки, где живут и будут жить потомки – *родственники*. «Из земли мы вышли, и в землю войдем» – истина, которую задолго до христианства освоили наши предки. Именно поэтому земля у славян была *родной*. И сегодня еще сохранился обычай, покидая родные места, брать с собой на чужбину горсть родной земли. А в том случае, если человека хоронят не в родной земле, первой в могилу нужно бросить горсть земли, привезенной с *Родины*.

Древние славяне знали, что земля *плодородна* только в том случае, если ее оплодотворит земледelec. Ритуально-магический праздник «первой борозды» выполнял функцию ненасильственного, любовного воздействия *плодотворного* пахаря на *плодородную* землю. Праздник «зажинок», или первого снопа, выполнял ту же сакральную функцию. С матерью-сырой землей нужно было полюбовно, по-родственному, договориться о предстоящем жнивье. Первый сноп не обмолачивался, он и был ценой полюбовного сговора как с *природой*, так и с усопшими *родственниками*. *Урожай* – это условие выживания рода, и наоборот, *недород* обрекает род на мучение и вымирание. Не случайно славянское понятие *плодородие* состоит из двух составляющих: *плод* и *род*. Это сложное понятие взаимообусловлено его двумя частями. *Плод* имеет значение только в приложении к *роду*. А *род*, в свою очередь, должен быть *плодовитым*. В настоящее время ставшие действительно народными «дожинки» – это пережившая тысяче-

летие форма благодарности людей матери-земле за подаренный урожай. Поскольку *урожай* принадлежит всему *роду*, то им нужно поделиться со всеми *родственниками*. В Беларуси была широко распространена «бонда» – народный обычай угощать родственников, односельчан свежениной, медом, фруктами. Демонстрация *урожая*, щедрое угощение выполняло сакральную функцию связи *родственников* друг с другом и *природой*.

Понятие *город* в первоначальном значении обозначал огороженную землю, обеспечивающую защиту *рода* от внешней вражеской среды. С течением времени он приобретал социально-территориальное значение. В настоящее время город среди всех типов населенных пунктов стал самым *безродным*.

Самое главное производное от *рода* понятие *Родина* у восточных славян выражает сложные взаимосвязи человека, во-первых, с *родом*, *родней*, *предками*, во-вторых, с ландшафтом, окружающим *род* – *природой* и, в-третьих, с особенными отношениями, в которых люди ощущают себя *родными*, *родимыми*. Поэтому самым главным и самым святым мужским долгом у славян был долг защищать Родину. Утратив любую из трех компонент, образующих неперебиваемое на другие неславянские языки понятие *Родины*, славянин ощущает чувство дискомфорта. Всем известна мучающая оказавшихся на *чужбине* славян и непонятная для других этносов *ностальгия*. Это мучительное чувство у славян возникает, даже если они выезжают в эмиграцию со своими *родными*. Но нельзя с собой взять могилы *предков*, нельзя взять с собой *природу*. В отличие от американцев, у белорусов Родина – не абстрактное, аморфное понятие. У американца Родина – там, где хорошо; у белоруса хорошо там, где его Родина. «Где родился – там и пригодился». Следует отметить, что важнейшая особенность славянского феномена – Родины – заключается в том, что в критические времена ее масштабы расширяются до границ государства – Отечества (Отечественная война 1812 г. и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. тому доказательство). В мирное, стабильное время ее масштабы сужаются до границ «малой Родины». Просчеты советских идеологов в патриотическом воспитании заключались в игнорировании именно этой закономерности.

Следует подчеркнуть, что не только чужеземная эмиграция, но и современные чернобыльские события показали, что переезд со своей «малой Родины» даже на сравнительно недалекое расстояние и даже всей деревней, всем родом для многих чернобыльцев оказался непосильной нагрузкой. Родная природа, могилы предков оказались сильнее страшного атома. «Чернобыльцы», покинувшие разоренные родовые гнезда, вынуждены были делать нелегкий выбор: возвратиться к могилам своих предков, к своим, после атомной катастрофы ставшими «своими – чужими», огороду и полю, болоту и лесу – своей малой Родине, но при этом разорвать связи с родственниками, оставшимися на чужбине. Если бы знали

об этом руководители, принимавшие непростое решение о переселении чернобыльцев, может быть, не наделали бы такой массы социальных просчетов, не рассеялось бы по белу свету столько людей, ставших *бездомными*. Проводимая в настоящее время государственная политика по наведению порядка на земле, по возрождению малых городов и сел, помимо других социально-экономических последствий, работает и на восстановление «малых Родин» – *родовых* гнезд белорусов, на восстановление их *родовой* памяти, *родового* сознания.

Ослабление в славянском мире значимости *родового* мужского начала неизбежно сказывается на дееспособности всех социальных структур. Но в первую очередь это сказывается на основе социальной организации – *семье*. Неполные семьи, социальные сироты – прямые следствия деградации мужского, родового начала. Ведь если отбросить лукавство и называть вещи своими именами, то под понятием неполной семьи реально понимается материнская, безмужняя и безотцовская семья. На первый взгляд, складывается парадоксальная ситуация – после развода жена в большинстве случаев носит фамилию бывшего мужа, отчество детей отражает мужскую родовую линию, но фактически главой семьи становится женщина. Почему разведенная женщина оставляет фамилию бывшего мужа? Потому что на уровне подсознания ощущает, что лишать детей отцовской *родовой* линии опасно. А поменяв фамилию на девичью, она в *родовом* ощущении неизбежно «разводится» с детьми.

По каким причинам в славянском мире происходит беспрецедентная деградация семейных ценностей? Одна из причин заключается в том, что у славян, при всех перипетиях, семья и в XXI веке не становится нуклеарной по американскому образцу, в которую входят только муж с женой и их несовершеннолетние дети. Как известно, в нуклеарной семье дети, достигшие совершеннолетия, социально перестают быть детьми. В славянском мире дети социально-психологически остаются таковыми, пока живы их родители. Как ни парадоксально, но одна из важнейших причин, провоцирующих воспроизводство неполных семей, заключается в том, что женщина при принятии решения о разводе ощущает себя частью прежней – отцовско-материнской, патриархально-родовой семьи. Не только мать с отцом, но и дедушка и бабушка, братья и сестры, тети и дяди, другие родственники не только окажут материальную помощь, но и возьмут внука или внучку на воспитание, т. е. станут их фактическими родителями. Американке надеяться не на кого, поэтому она тысячу раз взвесит возможные последствия и вступления в брак, и его расторжения. В славянском мире иначе. Противоположное соединение американского понимания личной свободы со славянским ощущением ответственности всего рода за каждого своего родича и породило эту горючую смесь «свободно-безответственного» семейно-брачного поведения.

В восстановлении мужского родового начала в семье славянские женщины фактически заинтересованы больше, чем мужчины. *Феминизм* – совершенно естественное явление индивидуалистической западной культуры, в условиях коллективистской культуры проявляется в своей совершенно противоестественной, неадекватной форме. Ведь в славянском мире девушки выходят *замуж*, т. е. идут *за мужем*, а юноши *женятся*, т. е. ведут за собой жену. В славянском менталитете, в славянской народной культуре как мужчина, так и женщина, не состоящие в семейно-брачных отношениях, являются социально неполноценными, ущербными. *Не женатый* (не имеющий жены) мужчина, *не замужняя* (не имеющая мужа) женщина являются социально неполноценными нарушителями социальной нормы. При этом, в соответствии со славянскими традициями, отношение к семейному положению мужчины более жесткое, чем к женщине. Синонимом *неженатого* мужчины является *холостой* мужчина, который совершенно определено выражает социальную пустоту (сравните – холостой ход, холостой выстрел, выхолостить что-либо). Очевидно, что это обстоятельство связано с большей социальной ответственностью мужчины за создание семьи. В отличие от женщины, которая на природно-генетическом уровне «встроена» в семью, в семейные отношения, у мужчины на этом уровне чувство семейственности выражено слабее. Девочки уже на первых этапах социализации играют в «дочки-матери», другие семейно-бытовые игры, тогда как мальчики в этом возрасте играют в «войну», заневестившиеся девушки при всяком удобном случае гадают, пытаются узнать о своем «суженом-ряженом», у юношей в славянской культуре подобных ритуалов не существует.

Чем больше эфемерного «равенства» в условиях славянской коллективистской славянской культуры будут добиваться феминистки, тем больше будут «размываться» мужские, родовые начала. И речь здесь, конечно, не идет о формально-юридическом, а о фактическом восстановлении ответственного мужского родового начала. Способность организовать самодостаточность семьи, обеспечить ее не только хозяйственно-бытовую, но эмоционально-интимную устойчивость, сформировать чувство ответственной согласованности, рациональной взаимодействия, взаимной ответственности членов семьи – удел и крест мужчины. И никакая экономическая компенсация – будь то алименты или любая другая «финансовая поддержка» – не способна компенсировать отсутствие мужского влияния в семье, мужской линии в воспитании детей. В неполной материнской семье мальчик не может выстроить для себя образ реального семейного мужчины и мужа, девочка – лишена возможности построить свою собственную модель будущей жены, равно как и модель будущего мужа. Безотцовщина – социальный «приговор», существовавший в традиционном славянском мире, в новое время становится нормой.

Чрезвычайно важно, чтобы общество, все государственные институты не только как можно раньше осознали, что восстановление «размытого» мужского родового начала – это не прихоть, не мускулиная рефлексия на неумные претензии феминисток, а жесткая необходимость восстановления, по своей сути, мужских ответственности, служения Родине и жертвенности во имя общих целей. Мужские начала – благородство, ответственность, честь, воля, способность преодолевать трудности – не передаются по наследству автоматически, не продаются и не покупаются, но являются продуктом сложной системы воспитания, в первую очередь семейного.

Потеря значимости в обществе мужского родового начала публично проявилась в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века и явилась важнейшим индикатором деградации советского общества. Публичный отказ от службы в Вооруженных Силах, небывалое в славянском мире шельмование Вооруженных Сил, других силовых структур, возможно, не самое главное, но самое яркое проявление деградации мужского начала в обществе. Быть больным и обиженным для мужчины оказалось престижнее и выгоднее, чем быть здоровым и сильным. Сформированные на этих социально-нравственных началах семьи были обречены на ущербное существование. «Откосившие» от службы в армии мальчики, став мужьями, были обречены на такую же линию поведения и в семье. Девочки, биологически, психологически и социально взрослеющие на три-четыре года раньше мальчиков, выйдя замуж за своих ровесников, обречены оставаться в семье старшими. Круг замкнулся.

Семья, семейные ценности нуждаются и в общественной, и в государственной защите. Неполные семьи неспособны обеспечить даже простое воспроизводство нации. Коэффициент рождаемости в Беларуси за период с 1990 по 2007 год снизился с 14,0 до 10,7, а коэффициент смертности возрос с 10,8 до 13,7 [71].

Процесс депопуляции является более чем убедительным показателем утраты традиционной славянской самодостаточной ценности – семьи. Одинокие, «внесемейные», мужчины оказываются неспособными к преодолению жизненной неустроенности. По определению Е. М. Бабосова, *сверхсмертность* мужчин проявляется в самой дееспособной, в том числе и с точки зрения репродуктивности, возрастной группе 20–39 года. В 2007 году в этой возрастной группе смертность мужчин превысила смертность женщин более чем вчетверо [71, с. 61].

Процесс распада семей жестко коррелирует с тенденцией возрастания суицидов, где также печально лидируют мужчины. Если в 1990 году число умерших от самоубийств составляло 34,5 мужчин и 8 женщин на каждые 100 тыс. человек, то в 2007 году этот показатель у мужчин возрос до 55,9, у женщин остался на прежнем уровне [71, с. 196].

Печальная статистика свидетельствует, что семья нуждается не только в материальной защите, что наряду с материальной поддержкой институту семьи необходим целый комплекс социально-психологических, социально-нравственных механизмов, утверждающих самодостаточную ценность семейной жизни. Все государственные институты должны работать на общенациональную цель: настоящие белорусы – семейные белорусы, дети, «брошенные» сегодня, возвратятся «брошенными» стариками завтра.

2.3. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭТНОГЕНЕЗА БЕЛОРУСОВ

Наряду с природно-географическим ландшафтом на формирование белорусского этноса, его культуры и менталитета существенное влияние оказывали геополитический ландшафт и этноконфессиональные условия. В соответствии с теорией этногенеза Л. Гумилева «этногенез хотя и обуславливается географическими условиями, но происходит по другим причинам, для вскрытия которых приходится обращаться к другим наукам» [30, с. 197]. Ведь если на ранних этапах формирования этноса максимальное влияние на его специфику оказывают природно-климатические условия, то в дальнейшем развитии для него более значимыми становятся социальные условия, ибо «этнос – не зоологическая популяция, а системное явление, свойственное только человеку и проявляющее себя через социальные формы, в каждом случае оригинальные, ибо хозяйство страны всегда связано с кормящим ландшафтом, уровнем развития техники и характером производственных отношений» [23, с. 232].

Географическое расположение Беларуси на культурно-цивилизационных осях «Север – Юг» и «Запад – Восток» предопределило ее срединный геополитический статус – *флуктуации* (fluctuation – от лат. колебание) между культурно-цивилизационными Севером и Югом, Востоком и Западом. В Беларуси, географически расположенной в самом центре Европы, встретились, переплелись и разграничились два основных типа культуры, два типа цивилизации: западная (европейская) и восточная (евразийская). «Стыковка» Запада и Востока редко носила мирный, дружелюбный характер, западные и восточные чужестранцы в Беларуси не всегда были зваными и желанными. Правда, Беларусь в средние века счастливо избежала агрессивно-насильственного насаждения как восточной культуры, восточных ценностей через татаро-монголов, так и западной культуры, западных ценностей

через крестоносцев. Одна и другая волны докатывались до Беларуси ослабевшими, адаптированными более многочисленными и мощными славянскими этносами – великорусским и польским. В силу этих причин восточное влияние Беларусь восприняла в значительной степени ослабленное и адаптированное великорусской культурой, а западное влияние – ослабленное и адаптированное польской культурой.

Выросшее в средние века мощное российское государство служило притягательной силой для политиков как с Востока, так и с Запада. В противостоянии с Востоком россияне были обречены на стратегическое одиночество. Россия в течение почти трех веков принимала на себя основной удар и закрывала Европу от татаро-монгольского нашествия. Иная стратегическая ситуация была в западной политике России. С одной стороны, Россия «закрывала» собой белорусов от восточных набегов, с другой стороны, Беларусь, помимо своей воли, принимала на себя первые удары от непрошенных гостей с Запада. Кто бы и с какой бы целью ни шел на Москву с Запада: немцы, шведы, французы, поляки – все они неизбежно оставляли «следы» не только на земле, в материальной культуре, но и в духовной, нравственной, мировоззренческой культуре и геномном коде белорусов. Точно так же как и гости (как званые, так и незваные) не уходили домой бесследно: они уносили с собой не только военные, материальные трофеи, но и часть белорусской материальной и духовной культуры.

Таким образом, история распорядилась так, что Беларусь, в том числе и без ее согласия, в течение столетий являлась местом, где «притирались», адаптировались друг к другу две культуры – восточная и западная. Воздействие собственно восточных и западных культур на белорусскую культуру было, как правило, военно-агрессивным, но сравнительно непродолжительным и малоэффективным. Это обуславливалось одной из важнейших черт белорусского менталитета – сильным внутренним защитным иммунитетом против его насильственного «окультуривания». Воистину всенародное партизанское движение в Беларуси во время Великой Отечественной войны – подтверждение этому. Иная ситуация складывалась во взаимодействии белорусской культуры с великорусской и польской культурами. В разное время различные части Беларуси входили в состав Киевской Руси, Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза. В составе этих государственных образований белорусы находили защиту и возможность как для самореализации, так и восприятия достижений материальной и духовной культур своих более мощных славянских соседей.

В исторической ретроспективе можно по-разному оценивать последствия как русификации, так и вестернизации, в том числе полонизации и германизации, для духовной и материальной культуры современной Бела-

руси. Можно сколько угодно долго рассуждать о том, что было бы, если бы... Случилось то, что случилось: белорусы живут в совершенно конкретной социоисторической заданности: последствия влияния соседних культур, даже если они и не всегда были мирными, необратимы, они давно «вплелись» в структуру этнического, а затем национального самосознания белорусского народа, стали неотъемлемой частью белорусской культуры, белорусского менталитета.

Находясь в постоянном взаимодействии с Востоком (Россией) и Западом (Польшей), белорусский этнос вырабатывал свои специфические восточно-западные, присущие только ему, характеристики. Поэтому все попытки отнести белорусский этнос только к Востоку или только к Западу обречены на трагическое разочарование. Именно этой драматичностью наполнено эссе И. Абдираловича «Адвечным шляхам», изданное в 1921 году в г. Вильно. Отметим, что издание эссе пришлось на один из самых трагических периодов в истории белорусского этноса. В это время в результате так называемого «мирного рижского договора» западные белорусские территории вошли в состав Польши, а значительная часть восточной территории Беларуси вошла в состав Российской Федерации. Таким образом, ко времени написания данного эссе Беларусь состояла только из шести поватов Минской губернии. Беларусь действительно была расколота на «Восток» – Россию и «Запад» – Польшу. Исходя из вышеизложенного, И. Абдиралович ретроспективно рефлексировал, что «мы, беларусы, вагаліся паміж двума культурнымі тыпамі, няведаючы, да якога прытуліцца. Нам падабалася ўсходняя прастата, шчырасць, адпаведнасць выгляду нутранай сутнасці, якія вызначаюць чалавека ўсходу. Калі ен добры да няго, дык можа палажыць за яго сваю душу; калі ен кажа, што любіць, дык не зробіць ніякае прыкрасці... Гэта грунтоўная рыса ўсходу нам вельмі падабалася, але ўгледжваючыся ў жыццёвыя абставіны, мы прыкмецілі, што правесці ея цалкам у жыцці – немагчыма» [1, с. 15].

Альтернативой восточному, великорусскому вектору с его максимализмом, И. Абдиралович выстраивал западный, польский вектор с его либерально-демократическими ценностями. «Заходняе цвярозае пачуццё здавалася нам зусім адпаведным да сапраўдных абставін жыцця. З гэтага пачуцця выпывае зах.-эўрапейская цяжкінасць да розных кірункаў людскай думкі і яе праявіў, з гэтага вынікае і тое вельмі прыемнае асабістае захаванне заходняга эўрапейца, якое сваёй далікатнасцю так адзначае яго ад простага і грубага ўсходу...

Ен прынес нам найлепшыя ідэі: гуманістычныя, ліберальныя, демократычныя, але разам с пэўнымі словамі заўсёды змяшчаліся гвалт духоўны і эканамічны, эксплеатацыя, уціск, зьявага. Пэўныя словы і блія дзеі неяк дзіўна і незразумела для нас ўжываліся ў заходнім

жышці» [1, с. 15–16]. Ощущение безысходности обусловило некорректную формулировку проблемы безальтернативного выбора между «душевым, но простым и грубым» Востоком и «гуманистичным, но расчетливым и эксплуататорским» Западом и привело И. Абдираловича к драматическому выводу, что «жышце вымагала сінтэзу, згарманізаваньня абодвух кірункаў, але гэта, як убачым, зрабілася немагчымым» [1, с. 15].

В этой связи следует отметить, что, не разделяя взглядов А. Ф. Рогалева по поводу нединамичности, пассивности белорусского этноса, нельзя не согласиться с ним в том, что как русификация, так и полонизация белорусов в итоге способствовала «сохранению белорусами своей этнической самобытности. Импульсы с Запада и Востока, из Европы и Руси-Евразии, объективно уравновешивая, нейтрализуя в определенном смысле друг друга, создавали тот необходимый “микроклимат”, который и обеспечивал существование Беларуси на протяжении семи веков на стыке двух миров. Беларусь всегда была открыта и Западной Европе, и России, поэтому и сохранила себя как культурная этническая и политическая целостность» [72, с. 243]. Во-первых, при отсутствии динамичности, неактивности белорусы не смогли бы сохранить свою целостность. Полагаем, что автор здесь, скорее всего, непредумышленно произвел подмену понятий *активность* и *агрессивность*. Белорусский этнос действительно никогда не был агрессивным, но «памяркоўная» активность, способность не инициировать активные конфликты совсем не эквивалентна пассивности и покорности. События Великой Отечественной войны, когда вся Беларусь стала «партизанской» республикой, более чем достаточная доказательная база конструктивной активности белорусского этноса. Во-вторых, Беларусь не только сохранила свою целостность и самобытность, находясь под влиянием двух миров – Европы и России-Евразии, но и сами эти миры смогли пережить страшные времена средневековых межэтнических, межконфессиональных и межнациональных катаклизмов в значительной мере и благодаря *неагрессивной активности* белорусского этноса. Именно благодаря своей неагрессивности, толерантности белорусский этнос выполнил свою важнейшую миссию мягкого размежевания и вместе с тем непрекращающихся интеграционных процессов между европейскими Востоком и Западом.

Одним из существенных факторов формирования белорусского этноса и его менталитета явился процесс непрекращающегося *межэтнического взаимодействия*. Исследователь белорусского этноса Е. Ф. Карский отмечал, что особенность процесса взаимодействия белорусов с другими этносами в том числе определялась и различием естественных природно-географических границ, разделяющих белорусов с соседними этносами. Так, «...менее всего доступна для сношений южная граница Белоруссии, по

которой проходят знаменитые Пинские болота, остальные же три стороны в настоящее время не представляют препятствий к взаимным сношениям... Этим обстоятельством объясняется то, что белорусы легко воспринимают особенности западных, северных и восточных своих соседей» [32, с. 52]. Как уже было отмечено выше, варяги, французы, немцы, татары – кто бы и куда бы ни двигался с европейского севера на юг или с юга на север, с европейского запада на европейский восток или с востока – на запад, – все оставляли свои следы в материальной и духовной культуре, в генокоде белорусов. Но основные национальные характеристики белорусов сформировались в процессе взаимодействия с этносами, с которыми белорусы делили свою территорию, и с этносами-соседами.

**Рис. 2.7. Рыбный промысел полешуков.
С гравюры второй половины XIX века**

Следует подчеркнуть, что в силу природно-географических и геополитических условий белорусы меньше других восточнославянских этносов подверглись ассимиляции. «Белорусское племя искони занимало ту самую территорию, на которой оно живет и поныне... Никакие иные народы никогда не занимали этой территории. Таким образом, белорусское племя сохранило наибольшую чистоту славянского типа» [26, с. 25]. По оценкам этнографов, «белорусы представляют собой едва ли не самый чистый тип славянского племени. Это объясняется тем, что белорусское племя в своем историческом прошлом не сливалось с другими народностями, тогда как

великоруссы, занимая земли финских племен, смешивались с ними, а малорусское племя представляет собой очень пеструю смесь древнерусских племен с тюркскими народностями. Белорусская народность никогда не подвергалась завоеванию неславянского племени... Слияние с Литвой, а затем с Польшей не могло повлиять на изменение белорусского типа, так как и из Литвы, и из Польши переходило в русские земли исключительно дворянство, притом вообще в небольшом числе» [73, с. 137].

Характерно, что и западноевропейские исследователи конца XIX века придерживались похожей концепции. Так, немецкий этнограф А. Филиппсон в работе «Европа», изданной на русском языке в 1896 году, отмечает, что «белорусы, вероятно, чистые славяне (5,8 млн), заселяют верховье Западной Двины, Немана и Днепра. Это самая отсталая часть русских» [88, с. 647]. Следует подчеркнуть, что «чистота» древневосточнославянского этноса обеспечивалась в первую очередь на территориях Беларуси, не граничащих с территориями славянских этносов. На границах проживания с однокоренными восточнославянскими этносами была иная ситуация. Самой трудноопределяемой, с точки зрения этнической идентификации, была восточная граница, разделяющая территории расселения великорусского и белорусского этносов. Условной природной границей, разделяющей великоруссов и белорусов, была водораздельная территория между бассейнами Волги и Днепра. «Размытость» естественной природно-географической границы территорий проживания великоруссов и белорусов (особенно в северо-восточной части Беларуси) подтверждает верность концептуального положения Л. Н. Гумилева о том, что «там, где границы между ландшафтными регионами размыты и наблюдаются плавные переходы от одних географических условий к другим, процессы этногенеза будут менее интенсивными» [23, с. 192]. В том числе и по указанной причине аутоидентификация как для белорусского, так и для великорусского этносов представлялась трудноразрешимой. Отсутствие природно-географических границ, разделяющих однокоренные великорусский и белорусский этносы, сформировало особую доверительную форму отношений между белорусами и великорусами.

Формирование белорусского этноса, особенно его восточного сегмента (восточные районы современных Гомельской, Могилевской и Витебской областей), исторически осуществлялось во взаимодействии с двумя вариантами великорусского этноса. С середины XVII века, после произошедшего «раскола», формально – в православной российской церкви, а фактически – в великорусском этносе, реально существовало два великорусских субэтноса. Как отмечал Л. Гумилев, неконструктивный, а потому непримиримый церковный ритуально-обрядовый спор между партиями Никона и Аввакума на самом деле «выражал раздвоение русского этноса, с последующим выделением субэтноса старообрядцев» [23, с. 280] (выделено мною. – В. К.).

После трагического для великорусского народа раскола часть ревнителей старой веры выселилась на южные и западные рубежи Российского государства. «В первые десятилетия раскола основная масса старообрядцев-поповцев устремилась к расселению по двум направлениям: на Дон и в Черниговский край – в район Стародубья» [52, с. 61]. Вместе с московскими беглецами под Стародуб последовали приверженцы «старой веры» из Костромы, Калуги, Орла, Великих Лук, Ярославля, Вязьмы, других мест. Вокруг Стародубья ими были построены слободы Понуровка, Семеновка, Злынка, Зыбка (нынешний Новозыбков). После очередной неудачной попытки вернуть непокорных беглецов на свои прежние места проживания часть ревнителей старой веры перешла польскую границу и, оказавшись на территории Беларуси, обосновала свои поселения на берегу Сожа, в том числе и свою всероссийскую раскольничью «столицу» Ветку.

Рис. 2.8. Старообрядцы Двинского уезда. Конец XIX века. Фотография

Великорусские старообрядцы, сохранившие вместе со старыми церковными обрядами и древневосточнославянские алгоритмы социальных и производственно-хозяйственных отношений, оказали существенное влияние на формирование белорусского этноса. «Старообрядцы-великорусы белорусских губерний резко отличаются от соседних народностей, сохраняя свой национальный тип, язык и приверженность к “старой вере”. И это понятно, так как они не сливаются со своими соседями» [73, с. 205]. Именно эти «островки» дореформенной самобытной старовосточнославянской культуры оказали благодатное влияние на формирование рационально-деятельных характеристик культуры белорусского этноса. Одной из сфер деятельности ста-

рообрядцев белорусских губерний была торговая и ремесленная деятельность, которую они успешно делили с евреями. По утверждению очевидцев, «из старообрядцев выходят *очень дельные торговцы*, иногда весьма богатые, и *ремесленники*; многие занимаются *подрядами*. Ведя *трезвую жизнь*, отличаясь *природной сметкой, физической крепостью*, имея *опору* в случае *материальной* нужды у *своих единоверцев*, старообрядец является *прекрасным работником, торговцем и подрядчиком*, заслуживающим *всеобщее доверие*. В западном крае относятся к старообрядцам с *большим уважением* как к *деловым людям*, хотя и *не всегда их долюбивают*. По сравнению с торговцем и ремесленником-евреем старообрядец *отличается гордостью и недоступностью*. Он не продаст *гнилой товар* за *свежий* по дорогой цене и, раз назначив цену на товар, *неохотно ее сбавляет*, старообрядец-торговец столь же *неохотно открывает мелкий кредит*. Во всех этих отношениях еврей податливее. Впрочем, несмотря на конкуренцию евреев, *старообрядцы очень хорошо устраивают торговые и ремесленные дела*» [73, с. 206] (выделено мною. – В. К.).

Неоценимый вклад внесло старообрядчество в образовательную культуру восточных белорусов. Ветка – «столица» российского старообрядчества – вместе с прилегающими к ней слободами была известна как значимый центр иконописи и книгопечатания. Ветковские иконо- и книгописцы были известны и желанны во всех старообрядческих общинах Российской империи. По существовавшим в старообрядческих общинах нормам грамоте обучались все сословия, причем не только мальчики, но и девочки. Существенным было также и то, что образование у старообрядцев было по своей сути внегосударственным, народным. Обучение грамоте, в том числе и сельских детей, осуществлялось по собственной инициативе старообрядческих общин и на их же деньги. При монастырях и церквях создавались школы грамоты. Кроме грамоты специальные учителя, переходя из одной слободы в другую, давали детям первоначальные профессиональные знания.

Следует подчеркнуть, что старообрядческие поселения сохраняли древневосточнославянские алгоритмы общинной жизнедеятельности. «Попав в старообрядческую общину, человек оказывался в особой системе, которую сплачивал мощный стержень – единоверие...». Постоянное спасение от репрессий и стремление выжить выдвигало из рядов общины наиболее способных личностей, которым доверяли не только отправление культа, но и казну. Так появились купцы-миллионеры, которые обязаны были заботиться о благосостоянии своих единоверцев. Приходилось налаживать свое производство, сбыт товаров, торговые связи и связи с правительством. Многогранная деятельность выявляла в этих людях предпринимательские качества, которые впоследствии помогли им крупно обогатиться.

Старообрядчество за два с половиной столетия своего присутствия в Беларуси оказало несомненное позитивное воздействие на формирование ра-

циональных производственно-хозяйственных и культурно-бытовых отношений среди жителей Восточной Беларуси. По сути дела, старообрядчество на востоке Беларуси оказывало на рационализацию производственно-хозяйственной и культурно-бытовой жизни влияние, сопоставимое по степени с влиянием, которое оказывали поляки и полонизированные шляхтичи на западе Беларуси. Несмотря на то, что полонизированная шляхта и старообрядцы практически не взаимодействовали между собой, историки зафиксировали у них много общего. «...Экономическая активность старообрядцев сыграла историческую роль огромной важности, а именно, ту же миссию, что и протестантизм» [94, с. 88] (выделено мною. – В. К.).

Взаимодействие и размежевание белорусского этноса с *малороссийским* (украинским) осуществлялось на южных границах, особенностью которых было то, что они проходили по полесским болотам. «Именно здесь, в Пинском Полесье, там, где оно входит в Гродненскую губернию и составляет естественную и действительную границу двух племен, малороссийского и белорусского, в особенности характерно выразилось в народах разделение племенной разницы... То же самое повторилось и на Днепре, где южнее Гомеля, близ устья Припяти, кончается север Украины и начинается южная граница белорусского племени. Народ здешний также нечто среднее, отставшее от одного и не приставшее к другому» [30, с. 440]. С позиций этнологии, уверенно отнести приграничное население либо к белорусскому либо к украинскому этносам не представлялось возможным. «...На юге и юго-западе Минской губернии весьма заметны следы скрещивания малороссийского и белорусского племени» [73, с.137].

**Рис. 2.9. Полешук.
Фотография**

Но в целом, в силу существенно отличающихся природно-ландшафтных, геополитических и межэтнических условий существования, малороссийский этнос имел существенные различия как с великорусским, так и с белорусским этносами. Так, германский этнограф А. Филиппсон отмечал, что «малороссы своим особым наречием, смуглым высокорослым типом, южным, подвижным, деятельным и поэтическим темпераментом резко отличаются от белокурых, малоподвижных, меланхолических белорусов, равно как и от великоруссов, близко родственных между собой» [88, с. 647]. Условия обитания жителей Полесья существенно отличались от среды обитания других субэтносов, образовавших белорусский этнос. Взаимосвязь ландшафтной территории с по-

лесскими обитателями была столь существенной, что население получило устойчивое название *полешуков*. Природно-климатические и социокультурные условия Полесья селекционировали особенный социопсихотип полешуков, главной отличительной особенностью которых являлось естественное стремление к гармонизации отношений всех со всеми: индивида с социумом, индивида и социума – с природой. В качестве базового алгоритма для полешука была настроенность на поиск компромисса со всеми людьми: как с ближними, так и с дальними. Выработанный веками алгоритм гармонии, согласия был главным и во взаимоотношениях с природными силами. Водяные, лешие, домовые для полешуков были хоть и коварными, но скорее «своими», чем «чужими».

Название жителей Полесья долгое время употреблялось в качестве идентифицирующего и противопоставляющего *белорусам*. В этой связи следует отметить, что, несмотря на существенные культурные, бытовые отличия, полешуки были одним из субэтносов, образовавших белорусский этнос. Зафиксируем, что мы солидарны с позицией М. Ф. Пилипенко в той части, что «территория современной Беларуси в общевосточнославянский период, наряду с другими восточнославянскими землями, называлась Русью, а в пределах Руси на юге называлась Полесьем, а на севере – Белой Русью» [66, с. 129].

На северо-западных границах формирование белорусского этноса, его менталитета и культуры происходило в тесной взаимосвязи с *балтскими этносами*. Имеющие близкородственные индоевропейские этногенетические корни, белорусы литовцы и латыши внешне были похожи друг на друга. Культурная и генетическая близость балтских и славянских этносов позволили исследователям XIX века не разделять их. Так, немецкий этнограф А. Филиппсон определял, что «к славянам в более широком смысле слова принадлежат протестанты – латыши в Курляндии и Южной Лифландии (1,4 млн) и католики-литовцы (1,2 млн) на нижнем Немане» [88, с. 642].

Вместе с общими чертами, белорусы и прибалтийские этносы имели и существенные различия. Так, языки литовцев и латышей существенно отличались от восточнославянских. Кроме того, балтское население в свое время получило достаточно устойчивые культурные германские и польские «прививки». В отличие от белорусов, в большинстве исповедующих православие, на территории балтских этносов были распространены католическая и протестантская версии христианства. Все это и предопределило толерантные, уважительно-соседские, но не ассимилирующие отношения белорусов со своими северо-западными соседями. Самым заметным и самым существенным звеном в межэтническом взаимодействии с балтскими этносами было белорусско-литовское взаимодействие. Длительное время находясь в составе одних и тех же государственных образований – Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а затем и Речи Посполитой,

белорусский и литовский этносы формировались не только в похожих природно-географических, но и в сходных государственно-политических условиях. Так же как и у белорусов, основным занятием литовцев была сельскохозяйственная деятельность. Так же как и белорусы, литовцы «кроме земледельства, скотоводства, огородничества, пчеловодства и т. п. вообще земледельческих занятий, являются чернорабочими при рубке леса, в речном сплаве, землекопами на железнодорожных постройках и, наконец, работниками на фабриках и заводах, оставляя ремесленность, особенно развившуюся в городах и местечках области, мелкую торговлю в руках евреев» [30, с. 225]. У литовцев, так же как и у белорусов, аграрный образ жизни носил не только производственный, но и сакральный характер. Все важнейшие сельскохозяйственные работы непременно сопровождались соответствующими обрядами. Особенным, сакральным смыслом и у белорусов, и у литовцев был наполнен конец сельскохозяйственного года – сбор урожая, жатва были наполнены сакральным смыслом. «Из всех сельских занятий жатва – самое уважаемое и любимое. На жатву все спешат охотно, а по ее окончании не только крупные землевладельцы, но и более зажиточные крестьяне совершают *дожинки*, почти одинаково, как у литовцев, так и белорусов. ...После угощения, в котором, конечно, водка играет главную роль, является деревенская музыка, зажигаются костры, песни и пляски продолжаются до глубокой ночи» [30, с. 25].

Рис. 2.10. Литовцы. С гравюры второй половины XIX века

Мировоззрение литовцев, сформированное под влиянием схожей с белорусской девственной природы, в очень сильной степени было природно-языческим. Христианство у литовцев так же, как и у белорусов, было удивительным образом переплетено с язычеством. В реальной духовной жизни у литовцев «прежние идолы, прежние праздники применялись к христианским, получали новое название, и этим довольствовались. Народ, напр., чтит вербу, в которую, по преданию, обратилась богиня плодородия, окружал ее и поклонялся ей. Духовенство повесило икону на вербе, и народ продолжал молиться перед нею. Духовенство радовалось, что молятся перед иконой; народ радовался, что не запрещают молиться перед вербой» [30, с. 33]. Несмотря на то что в своем большинстве белорусы исповедовали православие, а литовцы – католицизм, нахождение в составе единого государственного образования, постоянные межэтнические контакты сформировали у белорусов и литовцев идентичные христианско-языческие обряды и ритуалы. Не разделяя некоторых выводов Е. Е. Ширяева об особенностях межэтнического взаимодействия белорусского этноса со своими соседями, следует признать объективными его выводы о том, что «белорусский и литовский народы на протяжении многих столетий жили мирно, составляя единое целое. Власть, армия, столица были едиными. Единство заключалось не только в общей государственности, но и в культуре. Канцлерами и гетманами княжества были литовцы и белорусы. Великие князья имели смешанное литовско-белорусское происхождение. На протяжении многих столетий у белорусов и литовцев была одна судьба. Не случайно в феврале-июле 1919 года... была образована Литовско-Белорусская республика со столицей в Вильно» [93, с. 18].

Исторически как со стороны великорусского, так и польского этносов за большей частью белорусского этноса закрепилось название «литвины». Но следует подчеркнуть, что широко распространенное название центральной и западной части современной Беларуси «Литва», а ее жителей «литвины» носило не этнонациональную, а государственно-политическую нагрузку. На это обстоятельство указывает М. Ф. Пилипенко. «Наименование центральной части “Белой Руси” “Литвой”, а белорусов этого региона «литвинами» обусловлено рядом факторов, и прежде всего особенностями политической истории населения этого края, а именно его близостью к центру государства Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а со второй половины 16 в. – Великого Княжества Литовского, которое называлось часто Литвой» [66, с. 109].

Другим балтским этносом, во взаимодействии с которым происходило становление белорусского этноса, были северные соседи – латыши. К концу XIX столетия около 300 тыс. латышей компактно проживало в Витебской губернии. Они были коренными жителями Подвинья, раньше

белорусов пришедшими на эти земли. Культура, быт, уровень благосостояния и тип хозяйственной деятельности белорусских латышей в значительной степени совпадали с культурой, бытом, благосостоянием и типом хозяйственной деятельности белорусов. Большинство витебских латышей были католиками и протестантами. В том числе и по этой причине взаимовлияние белорусского и латышского этносов было сдержанно толерантным. И тем не менее оно имело место. «Чем ближе к белорусским поселениям, тем заметнее изменяется общий вид латышского поселка. Лифляндский латыш предпочитает селиться особняком; витебские же латыши живут, как и белорусы, небольшими селениями» [73, с. 209].

Рис. 2.11. Латыши. С гравюры второй половины XIX века

В мировоззрении латышей, так же как и их соседей – литовцев и белорусов, христианские начала удивительным образом переплетались с древнеязыческими. Весь уклад их жизни был подчинен установлению гармонии с природой. Основным занятием латышей, так же как и белорусов, был сельскохозяйственный труд. Поэтому «обрядовый и годичный круг празднеств латышской народности сопровождается почитанием аграрных божеств. Очень древние верования сказываются и в тех обрядах, которые сопровождают важнейшие моменты в жизни латыша – рождение, брак и смерть. В родильных и крестильных обрядах большую

роль играет “Лайма” – богиня судьбы, доля. Лайма считается покровительницей вообще женщин и в особенности родильниц. Она плетет судьбу человека и в особенности определяет брак женщин» [73, с. 211].

Сходные природно-климатические условия, неагрессивные, пассивно-созерцательные характеристики латышей, литовцев и белорусов, когда ни одна сторона не осуществляла по отношению друг к другу экспансивных действий, вместе с различающимися языками и религиями, объясняют тот факт, что, несмотря на мирное многовековое соседское сотрудничество, переходных белорусско-литовских и белорусско-латышских межэтнических образований так и не было образовано.

Рис. 2.12. Евреи. С гравюры второй половины XIX века

Одним из неславянских этносов, с которыми белорусы продолжительное время делили свою территорию и свою судьбу, были *евреи*. В отличие от других этносов, взаимодействие с которыми осуществлялось в основном в приграничье, евреи проживали на всей территории Беларуси, вследствие чего одним из важнейших элементов формирования менталитета и культуры белорусского этноса была еврейская культура, «с которой также нужно считаться как с одним из важнейших этнографических и культурно-исторических элементов области» [30, с. 232]. Не вдаваясь в подробности политических коллизий, в результате которых евреи были вытеснены из

Южной и Западной Европы на территорию Беларуси, отметим, что последние здесь нашли достаточно комфортные условия. «Племена, которые в силу исторических причин попадали в среду белорусов в более или менее значительном количестве, не подвергались ассимиляции и сами не подвергали ассимиляции белорусов. Таковы евреи» [26, с. 25]. Толерантным белорусам импонировали многие положительные национальные качества новых соседей: трудолюбие, настойчивость, изворотливость, способность попробовать счастье в каком-нибудь новом предприятии, легкость передвижения из одного места на другое в поисках работы или прибыли; национальная еврейская сплоченность, расчетливость, переходящая в скупость.

Рис. 2.13. Тип еврея Могилевской губернии. Фотография

Белорусы, приоритетным занятием которых было земледелие, практически полностью уступали евреям торговлю и ремесло. «Большая часть промышленности и торговли Беларуси находится в их руках. Ни поляк, ни белорус не проявляют такой склонности к торговле и ремесленным занятиям. Поэтому занятия торговлей, промышленностью и ремеслами почти монополизированы в руках евреев» [73, с. 223–224]. В целом белорусы и евреи обладали различающимися, но не антагонистическими, а скорее взаимодополняющими ментальными характеристиками, которые и обеспечивали, по определению Л. Гумилева, положительную комплиментарность, этническую совместимость. «Еврейский вопрос» – некорректное закрепившееся в русской литературе понятие – в Беларуси не был актуальным. На самом деле при обострении в Российской Империи «еврейского вопроса» фактически шла речь о негативной оценке практики не-

которых самых богатых евреев ссужать деньги под проценты, «в рост». В Беларуси, в отличие от других мест проживания, «еврейский вопрос» не возникал по той простой причине, что крупных евреев-ростовщиков здесь не могло быть из-за того, что такой потребности у белорусов просто не было. Кроме того, основная масса еврейского населения Беларуси влачила такое же нищенское существование, как и сами белорусы. Следует также подчеркнуть и то обстоятельство, что в связи с тем что евреи в Беларуси проживали в основном городах и местечках, а этнические белорусы – в сельской местности, то следов синтеза белорусской народной и еврейской культур не зафиксировано. Следы еврейской культуры в культуре белорусов зафиксированы преимущественно в урбанизированной городской и местечковой жизни.

Рис. 2.14. Еврейская синагога. Фотография

Существенное влияние на формирование белорусского этноса оказал близкий по культуре и языку *западнославянский польский этнос*. Западная граница, разделяющая белорусский и польский этносы, была наполнена сложными, интенсивными и часто драматическими событиями. Поляки во взаимодействии с германцами раньше восточных славян получили достаточно устойчивые западноевропейские культурные «прививки». Западноевропейские архитектура и градостроительство, музыка, живопись, передовая агротехника в земледелии, рационализированные товарно-денежные взаимоотношения – все это польский этнос усвоил раньше вос-

точнославянских этносов. Будучи проводником более активной, чем православие, католической версии христианства, более сильные западнославянские соседи постоянно стремились к религиозной экспансии на Восток. Интенсивному процессу проникновения польской культуры и языка в культуру и язык белорусского этноса способствовали такие политические события, как заключение союза между Великим Княжеством Литовским, Русским и Жемойтским и Польским Королевством (Кревская уния 1385 г.) и последующее объединение этих государств в единое мощное федеративное государство Речь Посполитую (Люблинская уния 1569 г.). Политическая интеграция западных и северо-западных соседей существенно ослабила русскую (белорусскую) составляющую в новом государственном образовании. В конце XVII века на территории Беларуси польский язык был введен в качестве государственного [66, с. 62].

Рис. 2.15. Глубокский костел и монастырь кармелитов. *Фотография*

После создания единого польско-литовского государства – Речи Посполитой – для освоения и закрепления новых территорий польское правительство систематически переселяло на земли Литвы и Беларуси своих подданных. Реальная картина взаимодействия поляков и белорусов на территории Беларуси была такова, что «поляки, землевладельцы и вообще дворяне, бывшие чиновники, учителя, артисты и другие лица, преимущественно из привилегированных сословий, живут по деревням и в городах. К ним также принадлежат однодворцы и граждане из польской шляхты, не

доказавшие прав своих на дворянство. В городах, как губернских, так и уездных, а равно в местечках, мещанское христианское сословие принадлежит также к полякам, как усвоившие польский язык и большею частью признавшие себя поляками» [30, с. 284].

Большая часть городского и местечкового населения западной и центральной Беларуси к концу XIX века в той или иной степени была полонизированной. Значительная часть западных белорусов собственную самоидентификацию производила по религиозно-конфессиональному признаку (мы – католики). Особенно рельефной полонизации были подвергнуты города западной и центральной части Беларуси, большую часть населения которых составляли поляки, евреи и полонизированные белорусы. Городская культура Центральной и Западной Беларуси во второй половине XIX века по преимуществу была польской. «Хотя в Минске большинство жителей из низших сословий православного исповедания, – общий народный характер города чисто польский. Разговорный общеупотребительный во всех слоях общества язык – польский. В западных губерниях мерилom национальности могут служить евреи. В Витебске, в Могилеве, где русский язык господствующий, – евреи по-польски почти совсем не говорят; в Минске же, так же как в Вильно, Гродно и Ковно, все евреи очень хорошо говорят по-польски» [30, с. 361].

Активными проводниками польской культуры в Беларуси было *шляхетское сословие*, в своем большинстве состоявшее из воспринявших польскую культуру белорусов. Как правило, они проживали обособленно, в *шляхетских околицах* и *застенках*. Основную массу белорусских шляхтичей в XIX столетии составляли так называемые *панцирные бояре*. В польско-литовском государстве они представляли военно-служивый класс низшего разряда. Система панцирного боярства, по сути дела, была аналогом российского казачества. За службу в пехотных, так называемых *панцирных*, войсках им раздавались небольшие участки земли, преимущественно на восточных окраинах Речи Посполитой. Таким образом, на восточных окраинах Смоленской, Витебской и Могилевской губерний были образованы целые поселения панцирных бояр, в которых «шляхта живет или отдельными семьями в деревнях, или хуторами, или же целыми селениями. Ряд таких селений встречается в Мстиславском уезде: ряд шляхетских деревень идет по *Сожскому* водоему; такими же деревнями усеяно течение реки *Друти*. В Минской губернии шляхетские поселения большими группами находятся в Новогрудском, Игуменском и Слуцком уездах» [73, с. 202].

Шляхтичи, так же как и крестьяне, свою жизнь обеспечивали сельскохозяйственным трудом, но в отличие от крестьян были освобождены от крестьянских повинностей. Чем очень гордились. После раздела Речи Посполитой, в результате чего Беларусь вошла в состав Российской империи, кроме незначительной части, сумевших доказать свое дворянство, панцирные бояре были переведены в разряд государ-

ственных крестьян или мещан. «Указом 1866 года панцирные бояре были переданы в ведение общегубернских по крестьянским делам учреждений, а указом 27 марта 1873 года панцирные бояре сливались с городскими и сельскими обывателями. Сами же бояре, сидевшие на земле, приобретали права крестьян-собственников. Безземельные приписывались к городскому сословию» [67, с. 82].

Рис. 2.16. Волковыск. 1916 год. Фотография

Несмотря на то что к концу XIX столетия бывшие шляхтичи юридически ничем не отличались от белорусских крестьян и мещан, они тем не менее дистанцировались от крестьян, неохотно смешивались с ними. Культура, быт, манеры поведения бывших шляхтичей отличались от культуры и быта коренного белорусского населения и являли собой смешение белорусских и польских культур и языков. «Бывшую шляхту легко отличить от крестьян. Прежде всего, она в сильной мере подверглась полонизации. В шляхетском селе где-нибудь под Новогрудком или Игуменом слышится польская речь с сильной примесью белорусской; напротив, заднепровская и подвинская шляхта говорит по-белорусски, но с сильной примесью польского языка. Громадное большинство шляхты исповедывает католичество, меньшинство – православие. Польское влияние отразилось на одежде и привычках шляхтича. Шляхтич сбривает бороду, одевается в черный или серый суконный кафтан, на голове носит картуз свободного покроя. Шляхтянка носит кофту и юбку из ситца, одевается в пальто старинного покроя.

Хата шляхтича в общем сходна с белорусской; отличается она от последней большим размером и тем еще, что имеет чистую горенку. В горенке найдется голландская печь, стены оклеены обоями, или оштукатурены и выбелены, на стенах висят лубочные картинки и зеркальце. Нечего говорить о том, что шляхтич не чуждается предметов городской обстановки: самовар, керосиновая лампа, фаянсовая посуда и другие предметы обихода, ситец, фабричное сукно и т. п. составляют необходимое дополнение деревенских изделий» [73, с. 201].

Рис. 2.17. Шляхтичи. С гравюры конца XIX века

Несмотря на то что представители шляхетского сословия неохотно шли на породнение (женитьбу, а тем более замужество) с белорусами, исследователи белорусского этноса сходились во мнении, что белорусская шляхта вне сомнения сыграла положительную роль в прозападном окультуривании быта, культуры, в том числе агротехники белорусского этноса. Почти столетие спустя после официального включения белорусских территорий в состав России и соответствующего изменения официального культурного вектора с польского на российский представители официальной российской науки констатировали, что «продолжительное и отчасти славное историческое прошлое Литовской области (Гродненской, Виленской и Ковенской губерний) – во время ее единения с Польшей – дало этой области такие культурно-исторические элементы и черты, которые не могли исчезнуть, испариться в одно столетие и не могут быть уничтожены искусственно. Польское или ополячившееся дворянство и даже мелкое шляхетство со своим родным языком, находящим точку опоры в богатой и дорогой каждому поляку литературе, со

своей религией и историческими преданиями, с высокой для своего времени и достаточно состоятельной культурой, не может быть ни уничтожено, ни даже вытеснено и надолго еще останется одним из важнейших культурно-исторических элементов области» [30, с. 232].

Таким образом, несмотря на сложные, порой драматические отношения между белорусским и польским этносами, следует отметить, что благодаря белорусско-польскому взаимодействию белорусы раньше великорусского этноса освоили многие элементы западноевропейской культуры.

2.4. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ БЕЛОРУСОВ

В XX столетие Беларусь вступала с ярко выраженным аграрным типом хозяйствования. В сельских населенных пунктах проживало 90 % всего населения, в том числе 98 % этнических белорусов. *Культура, менталитет белорусского этноса к началу XX века были сельскими, аграрными.* «Беларусь прежде всего аграрная страна. От 60 % (в Гродненской губ.) до 85,5 % (в Смоленской) ее населения, по данным 1897 г., заняты сельским хозяйством... Собственно же белорусы по национальности на 91 % хлеборобы. Таким образом, Беларусь (кроме ее крайнего запада) является наиболее аграрным районом из всех районов бывшей России» [26, с. 437].

Рис. 2.18. Кузница при дороге. С гравюры конца XIX века

Исследователи, сравнивающие сельскохозяйственные угодия, природную плодородность почвы Беларуси с другими регионами Российской империи, отмечали ее малопродуктивность. Так, этнограф Е. Ф. Карский отмечал, что «Белоруссия лежит в области дерново-подзолистых почв, вследствие чего кроме подзола здесь преобладает песок, глина, изредка другие породы. В общем, почва малопродуктивна, чернозем составляет редкое явление и больше занят другими племенами, напр., литовцами в Виленской губернии» [32, с. 50].

Особенные природно-географические условия, скудность «кормящего» ландшафта не позволяли белорусам концентрироваться в больших поселениях. К началу XX столетия сельское население Могилевской, Витебской и Минской губерний было рассредоточено в 60 тыс. населенных пунктов. Из них 34 тыс. поселков являлись крестьянскими, 7 тыс. 700 – владельческими усадьбами, 3 тыс. 300 хуторов, 3 тыс. 700 поселков разносословных собственников, 3 тыс. 200 караулов в лесах и вдоль дорог. Среднее крестьянское поселение состояло из 17 дворов, в котором проживало 103 жителя. В каждом среднестатистическом сельском дворе (семье) проживало 6 человек [30, с. 477].

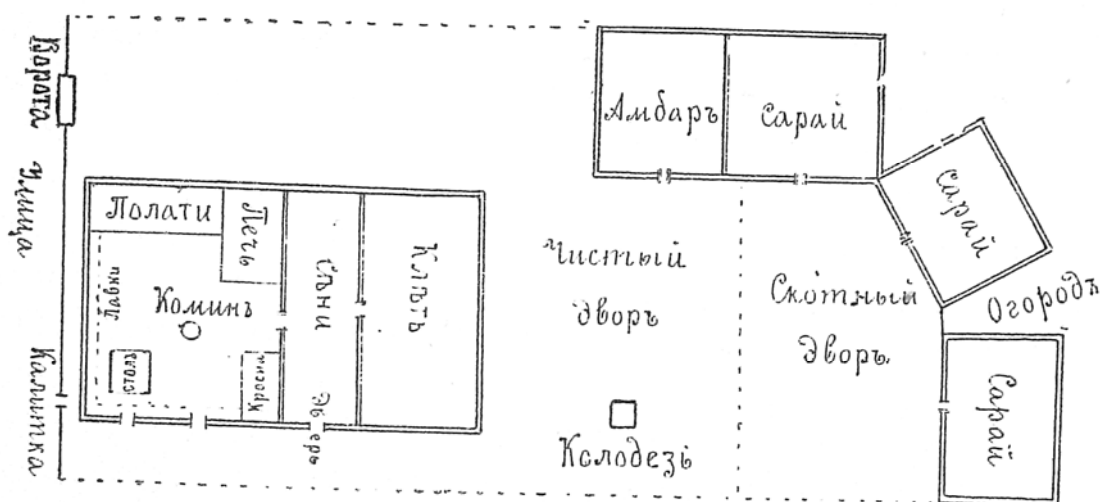

Рис. 2.19 План усадьбы крестьянина деревни Углы Дерновичской волости Речицкого уезда

Самые крупные сельские населенные пункты были представлены в Могилевской губернии, где в среднестатистическом сельском поселении проживало 183 человека; в Минской губернии среднестатистический сельский населенный пункт состоял из 142 жителей; в Смоленской губернии – из 98 жителей. Самые малочисленные поселения были типичны для Витебской

губернии, здесь в среднестатистическом населенном пункте проживало 58 человек. По величине сельских населенных пунктов и способу ведения хозяйства белорусские губернии делились на «северные» и «южные». «По людности селений рассматриваемая область может быть разбита на две полосы – северную (Витебская и Смоленская губернии, со значительным участием так называемого “моренного ландшафта” и северным типом хозяйства), обладающую наиболее мелкими селениями, и южную (Минская и Могилевская губернии), обладающую более крупными селениями, составляющими по величине переход к Малороссийским» [73, с. 132].

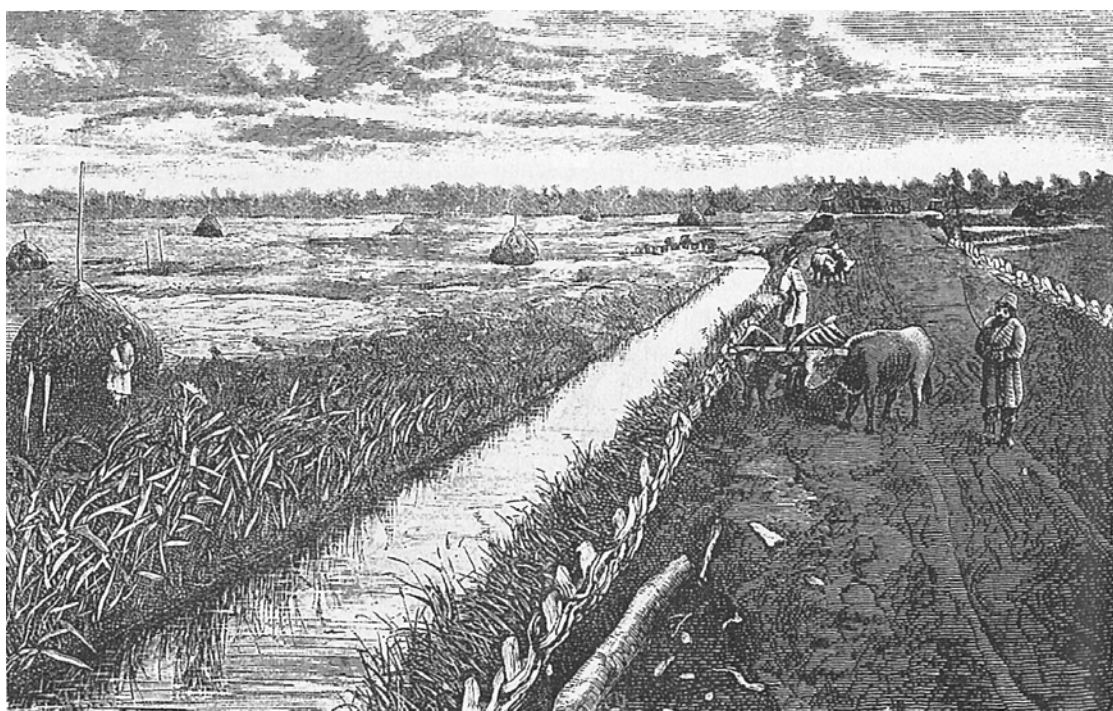

Рис. 2.20. Крестьяне Лепельского уезда. Фотография

Структура сельских поселений западных губерний отличалась от структуры сельских поселений восточных белорусских губерний более малочисленными поселениями. В Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях сельское население проживало в 50 тыс. поселков, из которых 26 тыс. представляли крестьянские поселки, 12 тыс. – хутора и околицы, 6,5 тыс. – застенки, 5 тыс. – владельческие усадьбы; 4 тыс. лесных и других караулов. Средний крестьянский поселок состоял из 13 дворов; во всех остальных поселениях насчитывалось до 5 дворов. В среднем крестьянском поселении в западных белорусских губерниях проживало 90 жителей, т. е. в каждом крестьянском дворе проживало чуть более 7 человек [30, с. 477]. Следует подчеркнуть, что Гродненская губерния по плотности населения и величине сельских поселений отличалась от соседних Виленской и Ковенской. В Гродненской губернии на среднее крестьянское поселение приходилось 176 жителей, а в ее юго-восточной части – Беловежской (Слонимском, Кобринском и Пружанском уездах, в которых

компактно проживали этнические белорусы) – 203 человека, тогда как в Виленской и Ковенской губерниях в среднестатистическом сельском населенном пункте проживало 72–74 человека [30, с. 222].

Минимальные запасы природных ископаемых не способствовали развитию ремесел и торговли, поэтому важнейшим способом жизнеобеспечения у белорусов было земледелие. «Белорусы-земледельцы по преимуществу и пахари исключительные, давно уже выговорившие заветное правило: “умирать собираешься, а хлеб сей”. На тех землях, с которых великорусы давно уже убежали в отхожие промыслы, эти основывают надежды на существование с упрямством, настойчивостью и постоянством. При этом труд и надежды обращаются на каменистые и песчаные почвы и на такие земли, которые не успели отдохнуть под паром и по несколько лет не уваживались» [30, с. 455].

**Рис. 2.21. Земледелие. На осушенном болоте.
С гравюры начала XX века**

Диспропорции в пахотной земле и луговых угодьях, примитивная агротехника не позволяли белорусским крестьянам содержать необходимое количество скота, вследствие чего пашня не получала достаточное количество навоза, урожайность была крайне низкой. Так, при посеве 1 меры зерна урожай озимых составлял: у крестьян Минской губернии – 2,85 меры; Могилевской – 2,35; Витебской – 2,2. «Даже при невысоких урожаях по всей тогдашней России (в среднем сам 4, с колебаниями вверх до сам 10-ти) бе-

лорусские губернии занимали последнее место» [26, с. 361]. И только в Гродненской губернии в результате соединения оптимальных природно-климатических условий с прогрессивной агротехникой, перенесенной из Польши, отмечалась более высокая продуктивность сельскохозяйственного труда. Соотношение количества посеянных семян и собранного урожая составляло 1 : 3,7. «Наибольший сдвиг в области сельского хозяйства чувствуется в Гродненской губ.: поля обрабатываются прилежно, по заведенному исстари порядку. Впрочем, кое-где вводится плодосмен и даже выписываются сельскохозяйственные машины... тонкорунное овцеводство выражается в крупной цифре 250 тыс. штук. Встречается посев кормовых трав, урожай в имениях достигает сам 10» [26, с. 365].

В условиях рискованного земледелия Беларуси, где всего лишь один недород обрекал на вымирание членов всего рода, любое непроверенное новшество было недопустимым. В силу этой жесткой необходимости крестьянский алгоритм выживания требовал не столько освоения новых знаний, новых технологий, сколько старательного усвоения, повторения уже проверенных временем. Определяя наиболее характерные алгоритмы хозяйственного поведения белорусского крестьянина, М. В. Довнар-Запольский отмечал, что «общий фон хозяйства – это рутина, усвоенная в течение столетий, – агрономические знания покоились на вековой традиции, навыках и особенно на приметах» [26, с. 363]. «Поспешишь – людей насмешишь», «семь раз отмерь, один раз отрежь», «утро вечера – мудренее» – правила не придуманные, но созданные самой жизнью белорусского крестьянина.

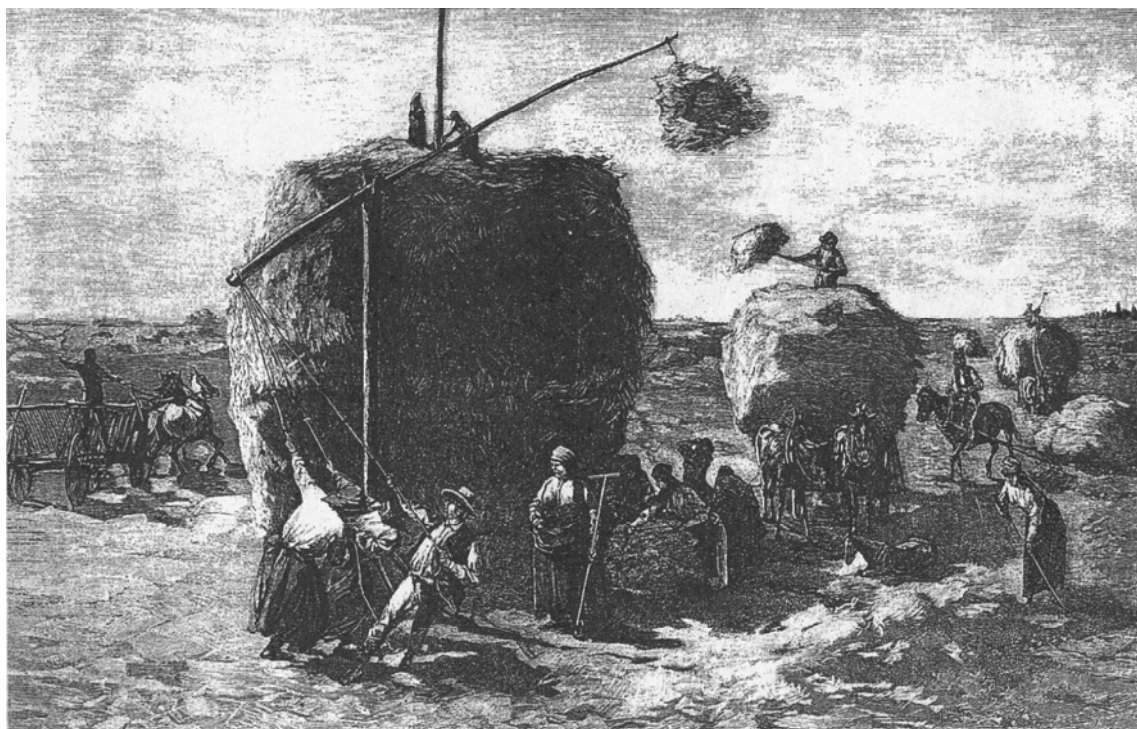

Рис. 2.22. Деревня Тришин. Конец XIX века.
С 1968 года в границах города Бреста. *Фотография*

Белорусские крестьяне свою жизнь могли обеспечить только изнуряющей интенсивной трудовой деятельностью. Даже в сравнении со своими ближайшими родственниками – русскими и украинцами – белорус выделялся тем, что «это самый трудолюбивый человек, которого скупая почва и природа-мачеха выучили беспримерному терпению, безграничной готовности ко всякой работе, но у него отнялись руки. Он перепробовал многое, но нигде не нашел удачи... природа наделила его слишком мягким и нежным характером» [30, с. 449].

Сельскохозяйственный труд для белорусов был не только производственным, но и глубоко социальным процессом. Выживание в экстремальных условиях не в противоборстве, а в сотрудничестве со своими соседями сформировало у белорусских крестьян убеждение в том, что земля, не являющаяся объектом личного труда, не может находиться в индивидуальной собственности. Она является собственностью Бога и не может быть подвержена купле-продаже, ибо, в формулировке Я. Купалы, «бесплатна для нас даў зямлю гэту бог!» [53, с. 84] и передал ее людям в пользование. Каждый конкретный промежуток времени земля может принадлежать лишь тому, кто ее обрабатывает. Не случайно именно с землей связаны самые сакральные восточнославянские мифологемы. «Мать-сыра земля», «земля-матушка», «земля-кормилица» зафиксировали понимание того, что земля воплощает в себе плодородие, женское начало. Ухаживать за землей, поддерживать ее плодородие, оплодотворять это плодородное начало – не только право, но и обязанность мужчин, поэтому земляные наделы передавались по мужской линии.

Базовые алгоритмы взаимодействия, взаимопомощи белорусов коренятся в их крестьянском образе жизни. Включенность в природу, зависимость от природно-климатических циклов, необходимость выживания в экстремальных условиях сформировали у белорусов базовые алгоритмы: *жить не вопреки другим и даже не рядом с другими, а совместно с другими; чувство синхронности, необходимости согласования действий* не только в производственно-хозяйственной жизни, но и в бытовой и глубоко личной жизни. Алгоритмы взаимопомощи, взаимообмена, милости к обездоленным, направленные на выравнивание материального достатка всех крестьянских дворов общины, зафиксированы в социоцентристской системе координат – «так, как у людей», «не хуже, чем у людей», «как люди, так и я». Для белорусов, в распоряжение которых досталась малопродуктивная земля, пески и болота, где даже упорный труд не приносил излишеств, максимуму «бедность – не порок» никто специально не придумывал, она рождена средой обитания.

**Рис. 2.22. Сельскохозяйственный труд. Стогование сена.
С гравюры конца XIX века**

Положение крепостного крестьянина в Беларуси в значительной степени предопределялось различающимися правовыми нормами и традициями, существовавшими в Московской Руси и Великом Княжестве Литовском, Русском и Жемойтском. Так, в Московской Руси крепостничество носило государственный характер: физически дворянин по отношению к государству был таким же крепостным, как и его крепостной крестьянин по отношению к нему. Дворянин получал от своего государя крепостных крестьян только для того, чтобы, пользуясь их повинностью, исполнять государственные повинности. Таким образом, широта полномочий дворянина по отношению к своим крепостным определялась широтой собственных обязанностей, возложенных на него государем.

В ВКЛ крепостное право формировалось на основе западноевропейских традиций, в соответствии с которыми на своей территории помещик являлся государем, а крепостные были его личными подданными. Широта власти польского помещика над людьми, живущими в панском поместье, определялась правами самовластного государя: он сам издавал законы, судил и наказывал своих подданных, вплоть до смертной казни.

Десятилетия, предшествовавшие отмене крепостного права, были тяжелыми для крестьян на территории всей Российской империи. Но в Беларуси с учетом «национального вопроса» положение крестьян было самым трагичным. По национально-культурному признаку положение белорусских

крепостных крестьян существенно отличалось от положения своих как восточных, так и западных соседей – польских или великорусских крестьян. И в Польше и в России помещики-владельцы крестьян в большинстве своем были одной с ними национальности, культуры и вероисповедания. В Беларуси же, как правило, панами-помещиками были или поляки, или, с XVIII века, русские дворяне. Немецкий источник конца XIX столетия сообщает, что «в северной части Западной России земледельческое население состоит из белоруссов (только на нижнем течении Немана из литовцев); помещиками являются большей частью поляки, которые вместе с евреями составляют городское население» [88, с. 653]. М. В. Довнар-Запольский также резюмирует: «В Беларуси крепостное право носило какой-то тяжелый характер, удушливый, чувствуется полное отчуждение помещиков от интересов деревни, от всей жизни. Разница религии и культуры отдаляла помещика от его крепостной деревни, и белорусский помещик скорее всего напоминает собой южно-американского плантатора. В Великороссии, несмотря на огрубение нравов, все же иногда чувствуется даже в 19 в., в наиболее тяжелую эпоху, некоторая спайка между помещиком и крестьянином, некоторая заинтересованность, по крайней мере у некоторой части помещиков, в благосостоянии крестьян. В Беларуси и этого не чувствуется» [26, с. 385–386]. Размышляя о нелегкой доле белорусских крестьян начала XX столетия, в стихотворении «3 песень мужычых» Янка Купала писал:

Гора нам бедным, гора загнаным,
 Мучаць нас чорныя долі,
 Стогнем пад царам, стогнем пад панам,
 Стогнем мы дома і ў полі. [53, т. 3, с. 323]

Осознавая трагическую пропасть, которая разделяет панов-помещиков и народ, в буквальном и образном смысле слов разговаривающих на разных языках, поэт в стихотворении с «говорящим» названием «Я не для вас...» пишет:

Я не для вас, паны, о не,
 Падняць скібіну слова рвуся
 На запусцелым дзірване
 Сваей старонкі Беларусі,
 Я не для вас, паны, о не!

 Я не для вас, паны, о не,
 Пяю. Вам не паняць мучэння;
 Вам ваша сэрца не дрыгне
 На голас брытняга цярпення.
 О, не дрыгне, паны, о не! [53, т. 1, с. 151–152]

Не изменилось положение крестьян и после реформы 1861 года, когда освобожденные от крепостного права белорусские крестьяне стали «свободными» и от земли. И после реформы частное землевладение в Беларуси оставалось дворянским. Так, по данным 1887 года, в Минской губернии 93,4 % всех частных земельных угодий принадлежало дворянам. В Витебской губернии дворянство имело 84,4 % частной земли, в Могилевской – 82,3 % частной земли было в собственности дворян [67, с. 89]. Стихотворение «Белоруссия» – плод горьких раздумий Я. Коласа о послереформенном положении крестьян:

Где ни глянешь – то клеймо
Нищеты, страданья...
Носят панцины ярмо
Бедные крестьяне.
Крепко держат их в руках
Колонисты – «паны».
Старой каторги в людях
Еще живы раны. [50, т. 1, с.408]

В XX столетие белорусское крестьянство вступало в крайне бедственном состоянии. Опираясь на военно-конские переписи, М. В. Довнар-Запольский приводит данные, свидетельствующие об общем падении жизненного уровня белорусских сельхозпроизводителей. Данные переписи фиксируют «нарастание процента безлошадных хозяйств, который с 15 % в 1893 г. подымается до 20 % в 1912 г. Безлошадные хозяйства – это уже настоящий деревенский пролетариат. Но мало того, растет в тот же период процент однолошадных хозяйств, т. е. хозяйств пролетарского или полупролетарского типа, возрастая с 39,1 до 47,4 %.

Процент крепкого середняка тоже несколько снижается, ибо в 1893 г. имеющих две лошади было 25 %, а через 20 лет их оказалось 21,7 %. Редуют и ряды заможного крестьянства... почти 20 % в 1893 г. имело 3 и более лошадей. Через 20 лет и этот процент снизился наполовину (10,7 %)» [26, с. 438].

Первая мировая война, основные разрушительные события которой развернулись на территории Беларуси, последовавшие за ней революционные события еще больше усугубили положение белорусского крестьянства. В стихотворении с красноречивым названием «Вясна 1915-ая» Я. Купала описывает трагическую ситуацию Первой мировой войны, где выделяет драматичность судьбы крестьянина, у которого военное лихолетье, непредсказуемость результатов его труда заставляет разрушать свои вековые крестьянские алгоритмы:

Не выйшаў сейбіт на загон, як ен калісь ішоў,
Как з верай і надзеяй кінуць зерне на прыплод, –
А сее... от, абы!.. бо сеяць звык ен з прадвякоў,
Хоць і не знае, хто пажне, хто з'есць яго ўмалот. [53, т. 3, с. 298]

Наблюдая за разореными войной селами и заросшими бурьяном пашнями, Я. Колас задает риторический вопрос:

Дзе ж вы, дзе, браты-сяляне,
Што нідзе вас не чуваць?
Ды баяцца на пытанне
Межы свой адказ даваць.
.....
І трывожна шэпчуць гоні,
На пытанне шэпчуць мне:
«Ці пабіты, ці ў палоне,
Ці скалечаны ў вайне» [50, т. 1, с. 343].

Процесс урбанизации белорусского населения, переток сельских жителей в города не были вызваны естественными причинами, эти процессы в значительной степени были predeterminedены крестьянской безысходностью.

В отличие от Центральной и Уральской России, юго-восточной Украины, где еще со времен Петровских реформ централизованно создавались урбанизированные промышленно-индустриальные очаги, Беларусь вплоть до XX века оставалась ярко выраженной аграрной территорией. Промышленность Беларуси второй половины XIX века не переросла стадию ремесленных мастерских. «То, что тогдашние статистические сведения называли фабриками и заводами, большей частью были только более развитыми ремесленными мастерскими, ибо в среднем на каждую фабрику и завод приходилось всего 5,7 рабочих (данные 1866 г.)» [26, с. 441]. Если же к промышленным предприятиям отнести только те, на которых работало более 10 человек, то «тогда в Беларуси можно было бы насчитать без винокуренных заводов всего 156 фабрично-заводских предприятий с 9,4 тыс. рабочих... Но половину всего этого производства и рабочих приходилось на Гродненскую губернию» [26, с. 441].

Рис. 2.24. Белорусы. Начало XX века. Фотография

Несмотря на то что общее количество населения Беларуси во второй половине XIX столетия увеличилось вдвое, удельный вес городского населения оставался стабильным. «Столь бедная страна не создала... условий для развития городского и рабочего классов. 79 городов всех 6 губерний, без многочисленных местечек, которые вообще ошибочно было бы включать в состав городского населения, были населены 400 тыс. жителей, что составляет 7–10 % для отдельных губерний» [26, с. 366]. Самым крупным из городов на территории современной Беларуси был Минск, в котором проживало более 90 тыс. человек. В других губернских городах – Могилеве и Витебске, а также в Двинске проживало свыше 40 тыс., в Гродно, Гомеле и Бобруйске – свыше 30 тыс. населения. Наибольший удельный вес городского, в том числе и местечкового, населения был в Витебской губернии – 14,6 %; в Минской губернии в городах и местечках проживало 10,6 %; в Могилевской – 8,7 %, а в Смоленской – 7,8 % населения [73, с. 131–132]. У М. В. Довнар-Запольского данные о городском населении несколько отличаются от указанных выше, но и по его оценкам, «процент городского населения с 12,1 в 1863 г. пал несколько к концу столетия до 11,5 в 1897 г. и поднялся только до 13,4 % в 1914 г., когда начало чувствоваться уже дуновение индустриализации» [26, с. 435].

Динамика роста городского населения Беларуси (в современных границах) характеризуется следующим образом. По переписи населения

1897 года, в городах проживало около 650 тыс. человек, что составляло 10 % всего населения; по состоянию на 01.01.1913 года городских жителей было 990 тыс., а их удельный вес равнялся 14 %; по переписи 1939 года – около 1900 тыс. (21 %); на 01.01.1950 года городское население составляло около 1600 тыс. (21 %); по состоянию на 1960 год городскими были 2600 тыс. жителей, что составляло 32 % населения; по переписи 1970 года, в городах проживало 3900 тыс. человек (43 %); по переписи 1979 года, городскими были более 5200 тыс. жителей Беларуси, что составляло уже 55 % населения [9, с. 9]. В 1989 году в белорусских городах проживало более 6,5 млн. человек, удельный вес городского населения составлял 65,4 %; по переписи населения 1999 года, в городах зарегистрировано около 7,0 млн человек, что составляло 69,3 % всего населения Беларуси [61, с. 16–17].

Следует подчеркнуть, что удельный вес белорусского этноса на территории Беларуси являлся стабильно доминирующим, «титულным» (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Национальный состав населения Беларуси в XX столетии [8, с. 243]

Этносы	Год						
	1897	1926	1959	1970	1979	1989	1999
Белорусы	78,2	80,6	81,1	81,0	79,4	77,9	81,2
Русские	4,9*	7,7	8,2	10,4	11,9	13,2	11,4
Поляки	2,3	2,0	6,7	4,3	4,2	4,1	3,9
Украинцы	...*	0,6	1,7	2,1	2,4	2,9	2,4
Евреи	13,7	8,2	1,9	1,6	1,1	1,1	0,3
Другие	0,9	0,9	0,4	0,6	0,8	0,8	0,8

*Русские и украинцы – общим количеством.

Зафиксированные в табл. 2.1 данные показывают, что к концу XIX столетия удельный вес белорусского этноса на территории современной Беларуси составлял 78,2 %, евреев – 13,7 %; русских и украинцев – 4,9 %; поляков – 2,3 %. Но этнический состав населения белорусских городов к концу XIX столетия существенно отличался от территориального: среди жителей городов белорусы составляли 17,1%; русские – 16,7 %; поляки – 6,1 %; евреи – 57,5 %. В различных губерниях Беларуси национальный состав городов варьировался, но везде зафиксирована общая закономерность – удельный вес белорусского этноса в городских поселениях был существенно ниже удельного веса всего населения. К примеру, национальный состав городского населения Виленской губернии выглядел следующим образом: литовцы – 1,8 %; белорусы – 7,6 %; русские – 18,1 %; поляки – 26,6 %; евреи – 43 % [93, с. 95].

Рис. 2.25. Городское население Орши. Начало XX века. Фотография

Несущественно изменялся этот показатель и в различающихся по величине городах. По данным 1909 года, в самом крупном городе Минске в это время проживало 90,9 тыс. человек. Здесь удельный вес белорусов составлял 8,2 %; русских – 34,8 %; евреев – 43,3 %; поляков – 11,4 %; татар – 1,3 %; немцев – 0,8% [28, с. 249–250]. В бывшей старообрядческой «столице» – Ветке в это же время проживало 10,3 тыс. человек, из которых 3 тыс. (примерно 29,0 %) относили себя к христианам (старообрядцам и православным), а 7,3 тыс. человек (примерно 71,0 %) – к иудеям [64, с. 87]. По данным переписи 1926 года, белорусы в общем составе населения составляли 80 %; русские – 7,7 %; поляки – 0,1 %; евреи – 8,2 %. Но городское население по-прежнему было полиэтничным. Удельный вес белорусского этноса в городах по-прежнему был намного меньше, чем в целом по республике. От 40 до 60 % населения белорусских городов составляли евреи [18, с. 343].

К концу первой трети XX столетия полиэтничные, поликонфессиональные города (местечки) для этнических белорусов психологически были инокультурными. Этот аспект в художественной форме в стихотворении с характерным названием «Немцы» запечатлел Ф. Богушевич. (Подчеркнем, что для восточных славян понятие «немцы» было идентификацией «не-мы», «другие», «чужие», «немые», – не умеющие говорить на нашем языке).

Не люблю я места (па расейску – горад).
Надта там цяснота і вялікі сморад.
А паноў як маку, ды сярод гароду,
Апроч таго, пропасць рознага народу!
Наш брат як увойдзе, – сам сябе баіцца:
Ці ісці без шапкі, ці гдзе пакланіцца?
Дык надта ж стыдна, каб не памыліцца:
Пакланіцца немцу, ці якому жыду! [6, с. 37]

Урбанизация, рост городов и городского населения Беларуси сопровождались целым шлейфом социокультурных последствий. Поскольку города прирастали за счет сельского белорусского населения, рост численности городского населения сопровождался их «белорусизацией». В результате происходило в своей основе плодотворное «смешение» двух типов культур – городской полиэтничной и сельской белорусской. С одной стороны, белорусский этнос осваивал сложившуюся к началу XX столетия полиэтничную городскую культуру, с другой стороны, белорусы – выходцы из села – делали «прививки» сельской культуры в городскую. Горожане – белорусы в первом поколении не могли в одночасье оставить крестьянские обычаи, традиции, свой образ жизни. Приусадебный участок, домашняя животноводческая «ферма», сельские общинные отношения – все это стало естественным для городских окраин. В результате «смешения» городской и сельской культур формировалась новая, отличная и от городской, полиэтничной, и от сельской, белорусской, синтетическая культура. Постепенное изменение этнонационального состава городов, увеличение в нем доли белорусского населения предопределило изменение этноконфессионального «лица» городов Беларуси.

Существенную социокультурную и этнонациональную трансформацию города Беларуси претерпели в результате военных действий и оккупации во время Великой Отечественной войны. В послевоенный период большинство городов не столько восстанавливались, сколько строились с новой планировкой и новой архитектурой. Отметим, что послевоенное восстановление, планирование и строительство белорусских городов осуществлялось в основном самими белорусами. Во второй половине XX столетия белорусы не только осваивали созданную другими этносами городскую культуру, они создавали собственную городскую культуру.

В середине XX столетия Беларусь трансформировалась из аграрной в преимущественно индустриальную страну. К этому времени выросло не только количество городских жителей, но выросли сами города. За послевоенный период в результате интенсивной урбанизации, пришедшейся на 1950–1980 годы, в городах с населением более 100 тыс., проживало свыше 46 % населения. Интенсивный рост городов и городского населения осуще-

ствлялся за счет сельского, в основном белорусского, населения, которое только за послевоенный период уменьшилось на 45 % [8, с. 246–247].

Бурный рост промышленности, строительство таких общесоюзных гигантов индустрии, как Гомсельмаш, Минский тракторный, Минский и Белорусский автомобильные заводы, Белорусский металлургический завод, освоение нефтяных месторождений, создание комплекса предприятий радиопромышленности и нефтехимии, во-первых, принципиально изменил и профессионально-культурные условия жизни белорусов, во-вторых, потребовал привлечения специалистов из промышленно развитых российских и украинских регионов. С другой стороны, участие Беларуси в таких всесоюзных программах, как освоение целинных и залежных земель, строительство БАМа, освоение нефтяных месторождений севера России предопределили выезд коренных белорусов на постоянное место жительства за пределы Беларуси. Эти встречные процессы «уравновешивали» национальную картину, поэтому, несмотря на миграционные процессы, удельный вес белорусского этноса удерживался в стабильном состоянии.

Динамика изменения национального состава Беларуси и белорусских городов во второй половине XX столетия представлена в табл. 2.2 [68, с. 16–17].

Таблица 2.2

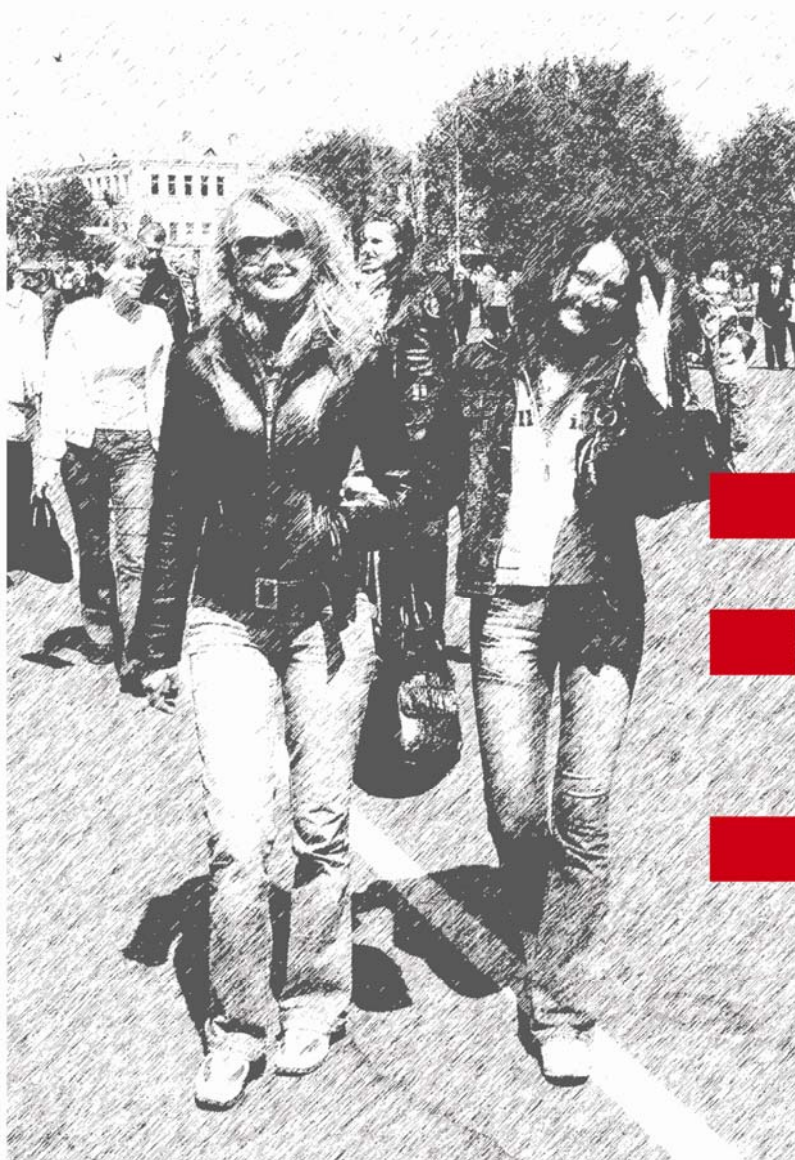
Изменение национального состава Беларуси и белорусских городов во второй половине XX столетия

Этносы	Год									
	1959		1970		1979		1989		1999	
	всего	город	всего	город	всего	город	всего	город	всего	город
Белорусы	81,1	67,0	81,0	69,3	79,4	71,5	77,9	73,0	81,2	78,0
Русские	8,2	19,4	10,4	19,7	12,0	18,7	13,2	17,0	11,4	13,9
Поляки	6,8	3,4	2,7	4,3	4,3	2,8	4,1	3,0	3,9	3,1
Украинцы	1,7	3,4	3,7	2,4	2,4	3,6	2,7	3,5	2,3	2,7
Евреи	1,8	5,8	3,8	1,4	1,4	2,5	1,1	1,7	0,3	0,4

Таким образом, процесс урбанизации в Беларуси в течение XX столетия трансформировал белорусское общество одновременно по нескольким направлениям. Во-первых, бурный рост городского населения принципиально изменил соотношение сельского и городского населения. Это следствие является общим для всех государств ближайшего окружения. Во-вторых, рост городского населения Беларуси сопровождался их «белорусизацией». За период с 1897 по 1999 год удельный вес белорусского этноса в городах вырос с 17,1 до 78,8 %. В результате фашистского геноцида против еврейского населения во время Великой Отечественной войны и «перестроечной» миграции евреев в Израиль, США, другие

страны удельный вес еврейского этноса в белорусских городах уменьшился с 57,5 % в 1897 году до 0,4 % в 1999 году. Следует также подчеркнуть, что удельный вес в составе городского населения трех славянских этносов – русских, украинцев и поляков – на протяжении столетия оставался стабильным. Этот факт подтверждают природную толерантность белорусов: белорусизация городов осуществлялась не за счет вытеснения других этносов, а вместе с ними. В-третьих, к середине XX столетия произошло относительное выравнивание соотношений между национальными составами населения Беларуси и населения белорусских городов. С этого времени удельный вес белорусского этноса среди городского населения Беларуси стал доминирующим и соответствующим составу всего населения страны.

*Ментальная
идентичность
белорусов*

Глава

3.1. РЕТРОСПЕКТИВНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО ПОРТРЕТА БЕЛОРУСА XIX СТОЛЕТИЯ

Поскольку менталитет представляет собой устойчивый и вместе с тем развивающийся сознательно-бессознательный феномен, обеспечивающий единство этнонационального образования не только в пространстве, но и во времени, для определения сущности ментальных характеристик современных белорусов и прогнозирования их развития в будущем необходимо провести сопоставление ментального портрета современных белорусов с характеристиками типичных живших ранее белорусов. Реализация этой задачи предопределила осуществление ретроспективной реконструкции ментального портрета типичного белоруса второй половины XIX столетия.

Как мы уже отмечали выше, специальных комплексных исследований национально-этнических особенностей белорусов до середины XIX столетия не велось. Более или менее систематическое изучение природно-климатических, хозяйственно-экономических, социокультурных, этноконфессиональных особенностей Беларуси и белорусов было вызвано потрясениями Российской империи восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 годов.

Несмотря на то что Беларусь юридически с конца XVIII столетия находилась в составе Российской империи, она по-прежнему оставалась буферной зоной: Западным краем – для России и «усходнімі крэсамі» для Польши. В течение полувека для населения Беларуси кроме нового административного деления не только не произошло изменений в лучшую сторону, но в результате соединения худших черт польского панства и русского самодержавия произошло усугубление бедственного положения белорусских крестьян. «В западном крае коренное население Беларуси и после падения польского государства шла та же польская жизнь, в иных случаях... даже подкрепленная русской властью» [70, с. 86]. Фактически белорусское крестьянское население после присоединения к Российской империи подвергалось двойной эксплуатации. Ведь отношения крестьян и помещиков в Российской империи и Речи Посполитой существенно различались. Если в России в эпоху Петра I крестьяне наравне с помещиками юридически считались государевыми слугами, то в Польше крестьяне принадлежали непосредственно пану-помещику, и государство фактически не вмешивалось в их отношения. После вхождения в состав Российского государства сложилась ситуация, когда, с одной стороны, пан-помещик по

традиции оставался для крестьян государем, с другой стороны, самодержавие усиливало эту зависимость. «Белоруссия была новая страна с теми же помещиками и крестьянами; помещики были поляки (не столько чистые поляки, сколько ополяченные старые русские землевладельцы), ... с другой стороны, Белоруссия доставила новый материал для раздачи крестьянам; здесь, как и в Малороссии, «освобождаемый» от Польши русский народ оставался в руках польских помещиков, и крепостное право упрочилось силой русской администрации» [70, с. 25].

Политические разделы Речи Посполитой и присоединение белорусской территории к России не привели к культурной этнонациональной интеграции великорусского и белорусского народов. Смутные этнокультурные знания о людях, населяющих белорусские земли, обусловили совершенно противоречивые представления о них. Одни искренне считали, что белорусы – это ополяченные и потому «испорченные» русские, другие были уверены, что белорусы – близкие родственники поляков, но «испорченные» культурой «москалей». В силу перечисленных причин как со стороны российской власти, так и со стороны польской культурной элиты были предприняты попытки изучения особенностей населения Беларуси. «Первые зачатки этнографических изучений Белоруссии относятся к началу XIX столетия, ... однако, можно сказать, до половины XIX века она все еще находилась в польской опеке; поэтому и первое изучение ее началось со стороны поляков. Вызвано оно было общим романтическим увлечением народностью, зашедшим с запада, но на первых порах ничего выдающегося в отношении Белоруссии не дало. Однако тогдашние русские ученые и таких работ по изучению белорусов не имели и поэтому довольствовались переводом польских статей» [32, с. 178].

У представителей польской культурной элиты – уроженцев «*ушходніх крэсаў*» – пьянящий дух освободительного восстания 1830–1831 годов и последовавших за ним репрессий обострили ностальгические ощущения своей малой родины, сформировали идиллические картины единства народа – помещиков и крестьян, якобы существовавшие до утраты Польшей своей государственности. По свидетельству А. Н. Пыпина, один из белорусских поляков А. Рыпинский, родившийся в Беларуси, по его пониманию, «далеко от гнезда родной речи Пястов, от сильной польщизны», был убежден, что его малая родина «это Русь, *насколько она есть и будет польскою*, составляет нераздельную часть нашего дорогого отечества... Живет здесь простой народ славянского племени, издавна породнившегося с семьей ляхов, честный, но убогий и мало известный даже собственной отчизне его, Польше, хотя он любит ее выше всего» [70, с. 63]. Далее автор утверждает, что белорусский народ отверг чужих властителей (имеется в виду московских. – В. К.) и «он выбрал себе, наконец, Польшу за мать, бросился вместе с Литвой в ее заботливые объятия и прильнул к ней со своей сыновней любовью» [70, с. 63]. Говоря о языке, на ко-

тором разговаривают белорусы, которых он считал *русинами*, автор отмечает, что «этот язык не так силен, как у украинцев, менее отатарен, чем у жителей Москвы или Казани, не в такой степени церковный, как галицийский, но все-таки имеет свою оригинальную народную печать, которая значительно отделяет его от всех тех языков и этим самым... всего больше приближает его к польскому» [70, с. 64]. Знаменитый собиратель белорусских народных песен Ян Чечот называл их не белорусскими, а «кревицкими». В его представлении, «кревицкое наречие занимает середину между польским, российским и украинским: украинский, или полянский, в своем строе и стихосложении более сходен с польским, кревицкий – с российским» [70, с. 76–77]. Этнический поляк Адам Мицкевич, родившийся и выросший на белорусской Новогрудщине, обращался к своей малой Родине с проникновенными словами: «O Litwo! Ojczyzno moja...» (О, Литва! Моя отчизна...). Другой этнический поляк, также родившийся и выросший на земле белорусской, Михал Клеофаст Огинский написал свой знаменитый и поныне вызывающий особое душевное состояние полонез «Прощание с Родиной».

К середине XIX столетия сформировалась уникальная ситуация, когда родившиеся и выросшие на территории Беларуси, привязанные и искренне любящие свою малую Родину этнические поляки или местные жители, освоившие польскую культуру, идентифицировали себя с поляками. «В местном патриотизме произошло довольно странное соединение весьма разнородных элементов: этот патриотизм был «белорусский», но сущность его была польская. Он был белорусский – по любви к территориальной родине, ее пейзажной и бытовой обстановке, но вся жизнь самого белорусского народа понималась с чисто польской точки зрения» [70, с. 87]. У российской власти такой белорусско-польский патриотизм вызывал болезненную реакцию. «Той эпохе польской литературы и общественности у нас приписывают обыкновенно или явную, или затаенную интригу и пропаганду полонизма; ... в отношении польских патриотов к западному краю гораздо больше было простой исторической привычки смотреть на этот край, как на давнюю часть их польского отечества, – тем больше, когда с русской стороны в те годы общественный интерес к этому краю почти не существовал» [70, с. 69].

Таким образом, к середине XIX столетия как у российских государственных деятелей, так и у польской элиты знания об этнокультурных особенностях присоединенных земель носили разрозненный, а зачастую искаженный, тенденциозный характер. «Как в старину самые настоящие русские западного края были, по понятию людей московского царства, «литовские люди», так и теперь люди «белорусские» были порядочно чужды русскому обществу: история была малознакома, народные стремления – маловразумительны» [70, с. 25]. В этнографических материалах зачастую «под именем польского народа описываются белорусы или литовцы, тогда как даже ученые (например, знаменитый Линде) считали

белорусов, или кривичей, как тогда называли это племя в польской литературе, отраслью польского племени» [73, с. 120]. Поскольку изучение самобытности, *самости* населения Беларуси со стороны российских исследователей было вызвано политическими событиями и государственным заказом, то в этих работах доминирующим был политический аспект. Российские исследователи не столько изучали самобытные характеристики населения Беларуси, сколько искали подтверждения тому, что «край этот русский, ...западно-русская или белорусская народность даже не существует: до такой степени она составляет то же единое русское племя без всякого отличия от его коренной массы, что «Белоруссия» есть только географический термин» [70, с. 8]. Другой этнограф также откровенно указывает, что российским исследователям «пришлось доказывать, что Западный край есть русский по громадному большинству населения и вместе с тем православный; пришлось точно определить в нем количество белорусов и напомнить историю постепенного их забвения» [32, с. 202].

Следует отметить, что одной из важнейших причин, затрудняющих изучение Беларуси и белорусов, является территориальная неопределенность Беларуси. За присоединенными землями закрепилось официальное название Западного (Северо-Западного) края. Как правило, названием «Белоруссия», происхождение которого было непонятно, пользовались российские этнографы и филологи. «Историки, кажется, до сих пор не доискались, когда в первый раз появляется имя «Белой Руси». Официальное употребление этого имени – в царском титуле – начинается с 50-х годов XVII века, с литовского похода царя Алексея Михайловича; в латинских документах *Alba Russia* известна уже в XVI веке» [70, с. 38]. В одном из первых российских изданий о белорусской территории – официальном путеводителе «Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ее Императорского Величества в Белорусские наместничества», изданном в 1780 году, в связи с путешествием по белорусским землям императрицы Екатерины II отмечается: «Название *Белоруссии*, или *Белой России*, разные писатели различно производят; иные думают, что сие название произошло от снегов; другие – от обыкновения восточных народов называть российских государей *белыми царями*; иные же – от освобождения податей (ибо все неплатежные земли исстари в России назывались *Белыми землями*), ...но все сие догадки неосновательны» [70, с. 98–99].

В фундаментальном труде, вышедшем в свет в 1882 году, «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» третий том состоит из двух частей: «Литовское Полесье» и «Белорусское Полесье». Автор этого труда А. К. Киркор к Литовскому Полесью отнес Виленскую, Ковенскую и Гродненскую губернии, а к Белорусскому Полесью – Минскую, Могилевскую, Витебскую и Смоленскую губернии. В энциклопедическом труде, напечатанном в 1905 году, «Полное географическое описание нашего Оте-

чества» том 9 называется «Верхнее Поднепровье и Белоруссия». В этой работе М. В. Довнар-Запольский и Д. З. Шендрик к белорусским губерниям безусловно отнесли Минскую, Могилевскую и Витебскую и с определенными оговорками – Смоленскую.

Но официальное административное деление белорусских территорий было иным. В начале XX столетия в северо-западных губерниях было два генерал-губернаторства – Виленское (для губерний Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской) и Белорусское (для Могилевской и Витебской). [73, с. 113]. Таким образом, в данном случае не только Смоленская, но и Минская губернии административно были «небелорусскими».

У ученых, прежде всего этнографов и филологов, были свои представления о Беларуси и белорусах. Этнографы А. Ф. Риттих в 1875 году и Е. Ф. Карский в 1903 году, социальный историк В. М. Довнар-Запольский в 1919 году в результате изучения языка, традиций, особенностей быта населения определили ареал расселения этнических белорусов. Несмотря на некоторые различия в методологии и времени изучения, границы локального проживания этнических белорусов у трех исследователей практически совпадают. Следует подчеркнуть, что на составленных ими картах вместе с территориями, на которых этнические белорусы составляли абсолютное большинство, внесены и места, где их удельный вес был незначительным. Это обстоятельство было учтено Е. Карским, который сделал расчеты, в соответствии с которыми оказалось, что в 1903 году этнических белорусов насчитывалось 8 317 961 человек (табл. 3.1) [32, с. 169].

Таблица 3.1

Губерния	Общее количество населения	Этнических белорусов	Удельный вес, %
Минская	2426357	1 755 069	72,3
Могилевская	1918069	1 650 069	86,0
Виленская	1751565	1 076 435	61,5
Витебская	1620541	976 638	60,3
Смоленская	1671074	947 826	56,7
Гродненская	1678000	861 640	51,3
Черниговская	–	700 000	–
Тверская	–	125 000	–
Ковенская	–	60 000	–
Псковская	–	42 400	–
Калужская	–	41 029	–
Орловская	–	38484	–
Сувалкская	–	22 390	–
Курляндская	–	20 981	–

Таким образом, если из перечисленных Е. Карским губерний отнять те, на территории которых проживало незначительное количество этнических белорусов, то в соответствии с его расчетами самой «белорусской»

была Могилевская губерния, второе место по «белорусскости» занимала Минская, третье – Виленская, четвертое – Витебская, пятое – Смоленская, шестое – Гродненская. На седьмом месте по удельному весу белорусского населения была Черниговская губерния. Но в данном случае следует отметить, что в то время в состав Черниговской губернии входили «белорусские» уезды, которые в настоящее время находятся в составе современной Брянской области.

Следует также подчеркнуть, что, во-первых, в приграничье этническое происхождение, а тем более этническую идентификацию методами изучения языка и быта, которым и пользовались этнографы, определить проблематично, а во-вторых, этносы и нации обживали территории диффузно, без привязки к будущим государственным границам. В-третьих, в приграничье сформировались переходные, «смешанные» субэтносы, которые обладали характеристиками как одного, так и другого этноса. И наконец, при военных переделах территорий, в той или иной мере населенных этническими белорусами, меньше всего апеллировали к национально-этническим признакам. Так было, когда в результате трех разделов Польши к Российской империи отошли не только земли, населенные малорусами и белорусами, но и территории Польской Короны, населенные этническими поляками. Эта же логика была и при переделе государственных территорий в результате Рижского Мирного договора, когда к Польше отошли Западная Украина и Западная Беларусь. Ведь если следовать логике «исторической справедливости», то в данном случае следовало предварительно воссоздать Великое княжество Литовское, в состав которого до разделов Польши и входили белорусские территории.

Историческая данность заключается в том, что в результате сложных, зачастую драматических, политических трансформаций, многократного изменения межгосударственных и внутригосударственных границ к середине XX столетия за пределами установленной А. Ф. Риттихом, Е. Ф. Карским и М. В. Довнар-Запольским этнографической Беларуси оказались: три уезда бывшей Гродненской губернии, на территории которых локально проживали этнические белорусы: *Бельский*, *Белостокский* и *Сокольский*, и два уезда, в свое время входивших в Сувалковскую губернию: *Августовский* и *Сейненский* – вошли в состав Польши. Три уезда бывшей Псковской губернии: *Великолукский*, *Опочецкий* и *Торопецкий* и три уезда бывшей Тверской губернии: *Зубцовский*, *Осташковский* и *Ржевский*, на территории которых локально проживали этнические белорусы, в настоящее время входят в состав России.

Та же самая ситуация сложилась с территориями локального проживания белорусов в Черниговской губернии. В данном случае *Городнянский* и *Новгород-Северский* уезды вошли в состав Черниговской области, а *Мглинский*, *Новозыбковский*, *Стародубский* и *Суражский* уезды находятся в составе современной Брянской области. В состав этой же области во-

шли и *Брянский* и *Трубчевский* районы бывшей Орловской губернии. Аналогичная картина и с территориями локального проживания белорусов в Смоленской губернии: все семь уездов, относимых этнографами к *белорусской области*: *Бельский*, *Дорогобужский*, *Ельнинский*, *Красненский*, *Поречский*, *Рославльский*, *Смоленский*, находятся в составе российской Смоленской области. В составе Российской Федерации находятся *Жиздринский* и *Масальский* уезды бывшей Калужской губернии и три уезда бывшей Тверской губернии: *Зубцовский*, *Осташковский* и *Ржевский*, в которых локально проживали этнические белорусы.

Отметим, что приведенный выше анализ ни в коей мере не преследует любые действия по восстановлению некоей «исторической справедливости» в исправлении национально-государственных границ. Он направлен исключительно на уточнение ареала проживания непосредственных предков современных белорусов. Ведь исследователи XIX столетия, изучая антропологические особенности, особенности языка, быта, традиций и обычаев, описывали как белорусов, проживающих на территории современной Беларуси, на базе которых и сформирован социогенотип и менталитет современных белорусов, так и тех белорусов, которые в результате этнической ассимиляции стали составной частью в образовании социогенотипов русского населения, проживающего в приграничных областях Смоленской и Брянской областей, украинцев в Черниговской области, поляков на восточных границах Польши.

Подчеркнем, что специфика этнографического изучения требовала глубокого изучения этнокультурных и языковых характеристик на границах расселения этносов. По этой причине именно в приграничье этнографы особенно тщательно описывали типичные характеристики, отличающие один народ от другого. Так было и при описании исследователями этнографических характеристик белорусов второй половины XIX столетия. К примеру, Е. Карский, выделяя особенности, отличающие белорусов от великорусов в Трубчевском и Брянском уездах, отмечал, что «к западу от Десны наблюдается несомненно белорусский тип: белые и коричневые колпаки – валенки, у стариков рубахи с откладными воротниками и прямым разрезом посередине» [32, с. 42]. В труде М. Попроцкого «Калужская губерния», изданном в 1864 году, отмечается, что «Жители Калужской губернии говорят великорусским языком, но в произношении весьма многих слов жителями Масальского и западной части Жиздринского уездов заметно соседство Белоруссии» [32, с. 201]. В Масальском уезде жителей его западной части – белорусов называют *полехами*, а жителей восточной части – великорусов называют *полянами* [32, с. 42]. В работе М. Домонтовича «Материалы» по Черниговской губернии, вышедшей в 1865 году, указывается: «В Малороссии жители задеснянской части Черниговской губернии известны под общим названием «литвинов». Этим именем малороссияне зовут вообще всех белорусов, полагая отличительными их чертами дзек-

ные, а в одежде – белый цвет и лапти. Признаки эти имеют и черниговские литвины, отличаясь ими от коренных малороссиян» [32, с. 201]. В этом же источнике сообщается, что «чистый тип белоруса является только в полной силе в уездах: Мглинском, Суражском, Новозыбковском, Стародубском и отчасти Городнянском» [32, с. 201]. Другой источник также сообщает: «Вот для образца тот уголок Черниговской губернии (уезды Мглинский и Суражский), который населен белорусами чистого, беспримесного типа... Здесь живут... необлыжные белорусы, которых даже перестали называть литвинами» [30, с. 450].

При сравнении великорусов – жителей восточной зоны Смоленской губернии и белорусов – жителей ее западной части, исследователи отмечают, что «Восточный житель (великорус)... – сметлив, деятелен, заботлив во всем, изворотлив в отыскании средств к жизни, зажиточен и опрятен, бодр и свеж видом. Жители западной полосы Смоленской губернии (белорусы) вялы, малорослы, мешковаты, ...любовь к труду соединена с терпением и некоторым добродушием» [30, с. 455–456]. Здесь же называются такие отличительные черты смоленского белоруса, как лукавство и скрытность, уклончивость от прямых ответов, скопидомство, доходящее до скаредности. «Даже если у белоруса имеются еще достаточные запасы хлеба, он питается хлебом из смеси овса, гречихи, ячменя и ржи, смолотых на домашних жерновах, куда непременно добавлены шелуха и солома. Такая пища вместе с болотным климатом определяли физическое «худосочие», проявляющееся в недуге волос, называемом *колтуном* (*plisa polonica*) [30, с. 456].

Ввиду того что территории проживания описанных выше белорусов оказались за пределами государственных границ Беларуси, они не могли участвовать в формировании социогенотипа современных белорусов, так как в результате этнической ассимиляции стали составными элементами формирования социогенотипов, проживающих в приграничных регионах русского и украинского народов.

По мнению большинства исследователей, в силу уникальных обстоятельств белорусы ко второй половине XIX столетия в большей мере, чем великорусы и малорусы, сохранили старославянские черты. Антрополог Л. Нидерле в своей работе «Человечество в доисторические времена» отмечал, что уникальный комплекс исторических, геополитических и естественно-природных причин создал условия для сохранения и воспроизводства древнеславянских характеристик, при этом «более чистыми представителями которых в отношении антропологическом в настоящее время являются белорусы» [32, с. 56]. Этнограф Е. Карский чистоту белорусского племени выводил из природно-географических условий этногенеза белорусов. В силу того что территория, занятая племенами, впоследствии образовавшими белорусский этнос, отличалась из-за «обильных болот и лесов малодоступностью, а неудобная почва еще более отвлекала от нее внимание соседей; ...сама при-

рода брала их, так сказать, под свою защиту и способствовала удержанию древних начал и старинного типа во всей его чистоте» [32, с. 55–56]. Аналогичной точки зрения придерживались и Д. З. Шендрик и М. В. Довнар-Запольский, которые отмечали, что «Белорусы представляют собой едва ли не самый чистый тип славянского племени. Это объясняется тем, что белорусское племя в своем историческом прошлом не сливалось с другими народностями, тогда как великоруссы, занимая земли финских племен, смешивались с ними, а малорусское племя представляет собой очень пеструю смесь древнерусских племен с тюркскими народностями» [73, с. 137].

По мнению исследователей, наиболее чистый тип белорусов сохранился на территориях, граничащих с балтскими народами (латышами и литовцами). На северных границах проживания белорусов этническая ассимиляция не происходила ввиду их нейтральной комплиментарности. Иная ситуация складывалась на территориях, граничащих с великорусским и малорусским этносами, с которыми у белорусов была положительная комплиментарность, вследствие чего «на юге и юго-западе Минской губ. весьма заметны следы скрещивания малорусского и белорусского племени, а в Смоленской – белорусского и великорусского, притом настолько сильного, что границы того и другого племени в этой губернии до сих пор окончательно не установлены».

В описании основных физиологических характеристик, внешнего вида белорусов большинство исследователей XIX столетия достаточно единодушны. Так, в одном из самых первых трудов российского географического общества «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» в томе «Верхнее Поднепровье и Белоруссия» М. В. Довнар-Запольский и Д. З. Шендрик отмечают, что «по наружности белоруса очень нетрудно отличить от двух других разновидностей русского племени – великорусов и малорусов. Прежде всего он среднего роста, скорее приземист; он не так широк и плотен, как великорус... Белорус отличается светлым цветом кожи, а женщины очень часто обладают весьма тонкими чертами лица. Светлые или светлорусые волосы являются преобладающими среди белорусского населения, точно так же как и серый или голубой цвет глаз. Таким образом, у белоруса нет того высокого роста и той стройности, которой обладает малорус, и нет той осанистости, степенности, которая составляет украшение великорусского типа» [73, с. 136–137]. Этнограф Е. Карский также отмечал, что «господствующий тип белорусский – среднего роста блондин с голубыми глазами и жидкой растительностью на бороде [32, с. 579]. А. К. Киркор утверждал, что «белорусы отличаются как от великорусов, так и от литовцев и латышей. Они среднего роста, от 2 аршин 3 вершков (156 см) до 2 аршин 7 вершков (173 см). Волосы русые, лицо большей частью круглое» [30, с. 284].

Отметим, что антропологические наблюдения о росте белорусов согласуются с беспристрастными военными измерениями новобранцев. Так, статистические данные о среднем росте призывников из белорусских губерний представлены в табл. 3.2 [30, с. 137].

Таблица 3.2

Губерния	Рост, мм
Смоленская	1634
Виленская	1642
Могилевская	1637
Минская	1634

Авторитетный антрополог Л. Нидерле также выделяет указанные выше характерные черты белорусов. «Отличительное их свойство – светлая комплексия, светлые волосы и голубые глаза» [32, с. 55]. М. В. Довнар-Запольский, соглашаясь с описанием внешнего вида типичного белоруса, сделанного Е. Карским и А. К. Киркором, в том, что «это тип светловолосых и голубоглазых людей», добавляет, что «славяне принадлежат к типу длинноголовых, и в настоящее время этот тип преобладает в среде белорусов» [26, с. 26]. На длинноголовость белорусов указывает и Е. Карский. Ссылаясь на книгу Л. Нидерле «O původu slovanů»*, опубликованную в 1896 году в Праге, Карский приводит данные о том, что все славяне в старину были длинноголовыми, но под влиянием климата и смешения с другими нациями стали в большинстве своем короткоголовыми. По наблюдениям А. Нидерле, в конце XIX столетия «длинноголовость наблюдается редко: чаще всего у русских, а из последних наиболее у белорусов» [32, с. 55].

Необходимо отметить, что «длинноголовость» и «круглолицость», так же как и цвет волос, зависели от того, где проводилось наблюдение. В данном случае следует сделать оговорку, что, в отличие от широко распространенного представления о всеобщей светловолосости и серо- или голубоглазости типичного белоруса, истина заключается в том, что субъектами формирования генотипа современного белоруса были как светловосые и светлоглазые, так и темноволосые и темноглазые субэтносы. Этнографы и антропологи сходились во мнении, что «светловолосость» и «длинноголовость» белорусов северных территорий по мере приближения к южным границам переходили в «круглолицость» и «темноволосость». Так, описывая внешний вид жителей пинского Полесья, М. В. Довнар-Запольский отмечает, что «Пинчук по всему физическому строению, по языку и по одежде отличается от белорусов... Пинчук редко бывает высокого роста; почти всегда он среднего роста, широкоплеч, плотного сложе-

* «O původu slovanů» – о происхождении славян

ния. Высокорослые и сухопарые составляют исключение. Лицо пинчука широкое, круглое, со значительно более выдающимися скулами, чем у белоруса. Цвет волос преобладает черный; светлорусых очень мало, и они встречаются преимущественно среди женщин. Женщины также вообще крепкого сложения, коренасты, круглолицы и большей частью с серыми глазами» [73, с. 194].

Сложность этнонациональной идентификации вообще, и языковой в частности, в значительной степени была predetermined и тем, что интерес к определению собственной национально-этнической идентичности был актуализирован не столько белорусским населением, сколько со стороны своих восточных и западных соседей – Польши и России. Исследователи Беларуси сходились во мнении, что простой народ не знает понятия национальности и свою этнонациональную идентификацию не производит от белорусскости. На западных границах расселения белорусов самоидентификация населения, как правило, происходила по признаку вероисповедания. Е. Карский отмечает, что «Народ с трудом различает народность, но никогда не смешивает православного с католиком; всякого католика он обыкновенно и называет поляком. Если простолюдина белоруса здешнего из католиков спросить, почему он не говорит по-польски, если по его словам он поляк, то он ответит, что он человек простой и по-пански, т.е. по-польски, говорить не научился. Единственное место, где он изучает польский язык, это костел» [32, с. 577]. В других местах, где сферы влияния католической и православной конфессий не были четко разграничены, наблюдалась аналогичная ситуация. «На вопрос: кто ты? простолудин отвечает – русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком; иногда свою родину называет Литвой, а то и просто скажет, что он «тутэйшій (tutejszy) – здешний, конечно, противопоставляя себя лицу, говорящему по-великорусски, как пришлому в западном крае» [32, с. 114]. Особенность этнонациональной идентификации белорусского народа «от обратного» в художественной форме передал Янка Купала. В стихотворении с характерным названием «Тутэйшы» поэт следующим образом осуществляет свою идентификацию:

Я не чыноўнік і не граф, не князь,
Таксама – я не турак і не грэк,
І нават не паляк і не маскаль,
А проста я тутэйшы чалавек! [53, т. 3, с. 215]

Здесь же, говоря о языке, на котором говорят его земляки, Я. Купала отмечает:

«А вось якой я мовай гавару,
Хоць пры, каб сцяміць, к знахару па лек...
Ну што? скажу: *тутэйшая* яна,
Як я і сам тутэйшы чалавек! [53, т. 3, с. 216] (выделено мною. – В. К.)

Отметим, что самоощущение «тутэйшасці» у белорусов не вызывало комплекса этнонациональной неполноценности. В стихотворении «Кажух і вата» на спор, кто из них более значим, поэт отвечает:

Вата кажа: «Што ты значыш
Мне кажух касматы?
Я чужыя знаю землі –

Ты ж сяло да хату!»
«Праўда, праўда, – тут гаворыць
Ёй кажух-маруда, –

Я жыхар зусім *тутэйшы*,
Ты ж адно – *прыблуда!*» [53, т.3, с. 231]. (выделено мною, В.К.)

В стихотворении «Я не для вас...», в котором заложена смысловая нагрузка идентификации «от обратного», поэт пишет:

Я не для вас, паны, о не,
Над долей плачу *свайго* люду,
З гразёй змяшалі б вы мяне
Сваей нікчэмнасцю *прыблудаў*.

Я не для вас, паны, о не! [53, т. 1, с. 152] (выделено мною. – В. К.)

Таким образом, Я. Купала через отрицание принадлежности к *чиновникам, графам, князьям, туркам, грекам* и вообще пришедшим людям – *приблудам* произвел и социальную и этнонациональную идентификацию белоруса как *тутэйшага* человека.

Процесс этнонациональной идентификации белорусского народа был затруднен и тем, что по различным причинам формирование национальной белорусской интеллигенции во второй половине XIX столетия находилось в зачаточном состоянии. С одной стороны, опасаясь новых национальных волнений и восстаний, Российское государство класс городских чиновников и специалистов пополняло за счет выходцев из великорусских губерний. «Польские восстания, разлившиеся по всей Белоруссии, дали повод... к замене польского языка русским, к усилению великорусского элемента в западных губерниях, в числе этих мер поднятие православия и изменение системы воспитания» [73, с. 121]. С другой стороны, и местные жители, получившие образование, в поисках лучшего места стремились уехать в более обжитые края. «...О местной белорусской интеллигенции, подобной, например, малорусской, речи быть не может, так как ее не существует. Независимо от того, к какому классу общества принадлежит образованный белорус, прошедший среднюю или высшую школу, он охотно оставляет свой родной край и ищет места на чужбине» [73, с. 136]. Я. Колас в стихотворении «Песня над калыскай» ситуацию «грамотного» отходчества описал в обращении матери к своему сыну:

А мо ў школку пойдзеш ты,
Будзеш чалавекам, –
Без навукі цяжка жыць
Гэтым трудным векам.

.....
Кінеш матку, па чужых
Ты па людзях пойдзеш,
І на шчасце нападзеш,

Долю сваю знойдзеш. [50, т. 1, с. 37–38]

Языковая ситуация в Беларуси к концу XIX столетия была сложной. Носителями родного, *тутэйшага* языка были сельские жители, которые общались между собой на языке своих отцов и дедов. При этом этнические белорусы юго-западной, центральной и северо-восточной частей Беларуси говорили на отличающихся друг от друга наречиях. В отличие от общерусского и украинского литературных языков, «отшлифованных» А. С. Пушкиным и Т. Г. Шевченко, литературный белорусский язык к концу XIX столетия не был создан. Переехав в город или местечко, бывшие сельские жители осваивали либо польский либо русский язык, так как для продвижения по административной линии необходимо было освоить русский язык и поступить в один из российских университетов, либо освоить польский язык и поступить в Варшавский или Виленский университеты. А учитывая, что большая часть городов Беларуси состояла из еврейского населения, то городскими языками были польский, русский и еврейский. Но чаще всего это был симбиоз польского с белорусским или великорусского с белорусским с примесью еврейского. «В городах среди местного мещанства слышится или польская речь, или великорусская с сильной примесью белорусской фонетики... Горожанин уже гнушается богатым запасом белорусских песен и сказок, жадно усваивая солдатскую, фабричную песню или какой-нибудь романс в безобразной переделке» [73, с. 136].

Реальность была таковой, что спустя столетие после включения белорусских земель в состав Российской империи интеграционные процессы в сфере культуры вообще, а в языковой сфере в частности, осуществлялись в минимальной степени. Если в городах и местечках Витебской и Могилевской губерний уже получили распространение русская культура и русский язык, то в Виленской, Гродненской и Минской губерниях по-прежнему доминирующей культурой была польская культура, а бытовым языком был польский.

Ситуацию с формированием национального литературного языка в полном отчаянии ключе описывает и М. Богданович. В своем обращении к землякам он пишет:

Народ, Беларускі Народ!
 Ты – цёмны, сляпы, быццам крот.
 Табою ўсягды пагарджалі,
 Цябе не пушчалі з ярма
 І душу тваю абакралі:

У ей нават мовы няма! [11, с. 181] (Выделено мною. – В. К.)

О письменной грамотности белорусского населения свидетельствуют беспристрастные данные военной статистики о грамотности новобранцев, призываемых на воинскую службу. Так, среди призывников белорусских губерний количество грамотных, подтверждаемых свидетельством учебного заведения, зафиксировано следующим образом (табл. 3.3):

Таблица 3.3

Губерния	Год	
	1895	1899
Минская	5,8	6,9
Могилевская	7,5	9,0
Витебская	7,9	9,6
Смоленская	12,2	13,4

К приведенным данным следует сделать ряд пояснений. Во-первых, письменная грамотность городского и сельского населения в Беларуси существенно отличалась в пользу городского населения. Но среди городского населения удельный вес этнических белорусов составлял не более 10–15 %. Поэтому удельный вес грамотных, имеющих школьное образование, новобранцев-белорусов реально было существенно меньшим. Классик белорусской литературы Я. Купала не слишком преувеличивал, когда в художественной форме в стихотворении «Мужик» утверждал:

Чытаць, пісаць я не умею,
 Не ходзіць гладка мой язык,
 Бо толькі вечна ару, сею, –
 Бо я мужык, дурны мужык. [50, т. 1, с. 17]

Следует также отметить, что этот же источник сообщает, что на каждого грамотного, получившего систематическое образование, приходилось 3–4 новобранца, «умеющего читать и писать или только читать». Таким образом, данные военной статистики показывают, что в конце XIX столетия около 60 % призывников в Смоленской губернии были полностью неграмотными; в Могилевской и Витебской более или менее грамотным был каждый третий, в Минской губернии – каждый четвертый новобранец. Приведенные данные выстраивают белорусские губернии на оси «Восток – Запад» таким образом, что самой образованной была самая восточная Смоленская, а самой неграмотной – самая западная – Минская губерния. Такая векторность объ-

ясняется тем, что субъектами письменной грамотности в то время были российские учителя, языком грамотности – русский язык, а степень владения русским языком смещалась с восточных границ проживания смешанного великорусского/белорусского населения к западным границам, где сельско-белорусский язык в той или иной степени был полонизированным. Особенность продвижения грамотности с востока на запад обуславливалась и наличием библиотек, книжных магазинов, лавок, типографий и литографий. Так, в Смоленской губернии к 1903 году их насчитывалось 122, в Витебской – 81, в Могилевской – 77, в Минской – 48 [30, с. 126].

Базовые ментальные характеристики белорусов были сформированы не просвещением и миссионерами, их сформировали суровые условия их жизни. «Жизнь этих людей, обреченных на вечную борьбу с природой и умеющих однако побеждать те жизненные препоны и затруднения, которые им ставят на пути их природа, должна быть сложиться иначе, нежели у их соседей. Она выработала особые черты, взгляды, понятия, выработала без всякого постороннего влияния науки, школы» [30, с. 345]. Уникальные природно-географические условия жизни белорусов сформировали синкретичный тип культуры, слитость человека и общества, общества и природы. Ф. Кудринский в книге «Белорусы», изданной в 1904 году в г. Вильно отмечает, что «характерной чертой для белоруса следует признать его умение сосредоточиться, подолгу останавливаться на наблюдаемом явлении... Порою его ум очень широкий по захватам мысли... Но природная боязнь ко всему широкому заставляет ум белоруса съежиться, обуздать самого себя. Трудно найти на свете человека менее требовательного, чем белорус. Постоянное «себе на уме», обдумывание своего положения, вечные счеты... сделали его чувственным ко всем неожиданностям. Белорус принимает к сердцу неприятности, которые ставят его в тупик. Он не знает русского «авось»... Белорус всю свою жизнь повторяет «а зараз»... и никогда не торопится. Он более всего любит покой и обожает праздники... Белорус необыкновенно терпелив...» [72, с. 234]. В другом источнике указывается на аналогичные типичные для белоруса характеристики: «Белорус отличается бережливостью, почти скупостью, расчетливым ведением хозяйства. На работе отличается выдержкой, мало гармонирующей с его физической хилостью. Белорусы – прекрасные рабочие на таких трудных работах, как гонка плотов, барж, при земляных и мостовых работах. Белорус отличается гостеприимством, склонностью к веселью и доверчивостью, ...отсутствием злопамятности. ...Манера держать себя и говорить отличается от великорусской своей медлительностью, сдержанностью... При отсутствии предприимчивости белорус однако отличается сильным развитием воображения и впечатлительностью. Он охотно уходит в мир мечтаний, воображения». Из того же источника следует, что «отсутствие злопамятности в белорусе резко бросается в глаза всякому, кто с ним стал-

квивається. Вообщє, он обладає кроткой натурой. Вєсьма возможно, что эта черта, плохо понятая поверхностными наблюдателями, создала легенду о принижєнности, забитости белорусов» [73, с. 156].

В качестве важнейшей черты, присущей белорусам второй половины XIX столєтия, этнографы выделяли *трудолюбие*, хотя точнее это качество было бы назвать *привычкой к труду*. Нами сделано данное уточнение в связи с тем, что скорее всего у белорусов не было *любви к труду* как такому (*трудоголизма* в современной терминологии). *Трудовитость* или *привычку к труду* белорусского народа являлась адекватным ответом на экстремальные условия их жизни. О значении труда в жизни крестьян Я. Колас рассуждает в стихотворении «Мужик»:

Бо з працы хлеб свой здабываю,
Бо зношу лаянку і крык,
І свята рэдка калі знаю, –
Бо я мужык, дурны мужык.
.....
Заліты потам горкім вочы;
Ці я малы, ці я старык, –
Працую, як той вол рабочы, –
Бо я мужык, дурны мужык. [53, т. 1, с. 17]

Привычка к труду белорусов не передавалась по наследству в гєнах, она определялась социальными условиями, поддерживалась сложившимися социальными нормативами. Я. Колас в стихотворении «Беларусам» призывает:

Ўстаньце, хлопцы, ўстаньце, браткі!
Ўстань ты, наша старана!
Ўжо глядзіць к нам на палаткі
Жыцця новага вясна.
Ці ж мы, хлопцы, рук не маем?
Ці ж нам сілы бог не даў?
Ці ж над родным нашым краем
Промень волі не блішчаў?
Выйдзем разам да работы,
Дружна станем, як сцяна,
І прачнецца ад дрымоты
З намі наша старана! [50, т. 1, с. 24].

Выработанная веками *привычка к труду*, вместе с *миролюбием*, *толерантностью*, *покладистостью* белорусов, позволили им освоить самые непригодные для жизни территории. Описывая границы размежевания белорусов со своими соседями, исследователь отмечает, что «...лишь только кончаются плодородные земли, сейчас же начинаются жилища белорусов,

.... намеренно обегаящие друг друга жилища, чтобы не потеснить и не обидеть беднейшего соседа» [30, с. 456].

Отличительные черты белорусов, в том числе их усердие и трудолюбие, особенно рельефно проявлялись на границах со своими соседями. Так, исследуя южную границу расселения белорусов, исследователь отмечает, что «...на характере жителей южного или Черниговского полесья отразились резкие черты контраста... В то время когда сочный и крепкий чернозем успел обленить «полеви́ков» в степи, из полешуков, несмотря на их вообще небольшой рост, при худом питании, живущих на неблагоприятной почве, в самых дурных бытовых условиях, выродился народ трудолюбивый, проворный и решительный» [30, с. 437].

Включенность в природу, зависимость от природно-климатических циклов выработали у белорусов понимание возможности выживания в экстремальных условиях *не вопреки другим и даже не рядом с другими, а вместе с другими*, сформировали чувство *синхронности, лада*, согласовывания своих действий как в производственно-хозяйственной, так и сугубо личной жизни, выраженные в базовых алгоритмах нравственности – «так, как у людей», «не хуже, чем у людей», «как люди, так и я».

Важнейшей чертой белорусов, сформированной жизнью в экстремальных природных условиях, была *толерантность*, настроенность на поиск компромисса, а не на противопоставление человека социуму и природе. *Толерантность* белорусов проявлялась не только в терпимости, уважении культуры и обычаев соседей, но и в устойчивости к их насильственному воздействию. Это качество и обеспечивало сохранение этнокультурной целостности белорусского этноса. Российские исследователи отмечали: «В то время когда повсюду происходили разные энергичные движения, доходившие до крайнего фанатизма, – белорусы оставались всегда и неизменно совершенно безразличными и равнодушными. Еще до сих пор никто не мог указать, чтобы какой-нибудь уголок этой неподвижной страны увлекся учением соседей» [30, с. 457]. Невоинственность, покладистость или, говоря современным языком, – *толерантность* белорусов по-разному оценивалась современниками. Например, М. Богданович рассматривал эту черту как приниженность и обращался к своему народу со словами:

Збудзіўшысь ад грознай бяды,
Ўвесь поўны смяротнай жуды,
Ты крыкнуць не вольны «Ратуйце!»
І мусіш ты «Дзякуй» крычаць.
Пачуйце жа гэта, пачуйце,
Хто ўмее з вас сэрцам чуваць! [11, с. 181]

Такие базовые ментальные характеристики белорусов, как *трудолюбие* и *толерантность*, *потребность искать компромиссное решение в любой ситуации* далеко не всегда служили им хорошую службу. В Витебской и Могилевской губерниях широко использовалась практика сдачи помещиками своих

крестьян на посторонние заработки. «Эти бедные люди употребляются главным образом на постройку больших дорог и каналов. Помещик берет обязательство поставить какое-то количество людей по условленной плате, а подрядчик обязуется кормить их во время работы. Правительственные инженеры, наблюдающие за работами, не требуют от подрядчика в пользу этих несчастных ничего сверх того, что требуется для поддержания их жизни. Что же касается до денег, которые получает за них помещик, то правительство не вмешивается в это. Эти несчастные провели дороги в окрестностях Царского Села» [73, с. 110]. Эта практика красноречиво описана в стихотворении Н. А. Некрасова «Железная дорога», в котором практически документально описаны нечеловеческие условия труда на строительстве железной дороги, связывающей две столицы Российской империи.

...Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус;
Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли, колтун в волосах;
Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!
Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!
Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.
Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынеси эту дорогу железную –
Вынесет всё, что господь ни пошлет!
Вынесет всё – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит дорогу себе,
Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе. [62, с. 123]

Несмотря на доминирующие драматичные, а иногда безысходные акценты в описании жизни белорусского народа, как со стороны россий-

ских исследователей, так и со стороны белорусских классиков на рубеже XIX и XX столетия все явственнее стали звучать оптимистичные, самоутверждающие национальное самосознание нотки:

Не крычы, пан: «Прэч з дарогі!»
Што з таго, што я мужык?
А ўжо гнуцца, як убогі,
І я, бачыш ты, адвык.
Не адзін ты гонар маеш
І ў мяне ён трохі ёсць;
Дык дарма ты, пан, гукаеш –
Я табе больш не «псякосць» [50, т. 1, с. 308]

Я. Купала в стихотворении «Мужык» после описания трудной, обделенной судьбы белорусов жизнеутверждающе восклицает:

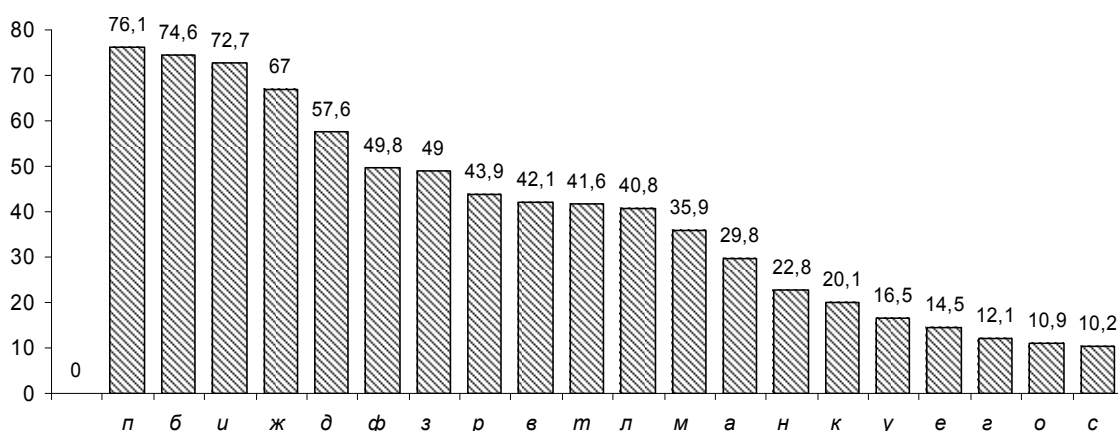
Але хоць колькі жыць тут буду,
Як будзе век тут мой вялік,
Ніколі, браткі, не забуду,
Што чалавек я, хоць мужык.
І кожны, хто мяне спытае,
Пачуе толькі адзін крык:
Што хоць мной кожны пагарджае,
Я буду жыць! – бо я мужык! [53, т. 1, с. 18]

Он же в классическом произведении «А хто там ідзе?», вызвавшем большой резонанс, спрашивает и отвечает:

А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромністай такой грамадзе?
– Беларусы.
А што яны нясуць на худых плячах,
На руках ў крыві, на нагах у лапцях?
– Сваю крыўду.
А куды ж нясуць гэту крыўду ўсю,
А куды ж нясуць на паказ сваю?
– На свет цэлы.
А хто гэта іх, не адзін мільён,
Крыўду несць наўчыў, разбудзіў іх сон?
– Бяда, гора.
А чаго ж, чаго захацелась ім,
Пагарджаным век, ім, сляпым, глухім?
– Людзьмі звацца. [53, т. 1, с. 257]

3.2. МЕНТАЛЬНЫЙ АВТОПОРТРЕТ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУСОВ

Применение графических моделей ментальных портретов позволило наглядно представить субординацию ментальных характеристик как в автопортретах (самооценках), так и в гетеропортретах (оценки ментальных характеристик друг у друга). По данным социологического исследования, собственный ментальный автопортрет белорусы (рис. 3.1) определили, в первую очередь, следующими *доминирующими* характеристиками: гостеприимством; трудолюбием; теплотой и сердечностью в отношениях между людьми, совестью и состраданием; толерантностью; коллективизмом.

**Рис. 3.1. Модель субординации характеристик
в автопортрете белорусов (белорусы о белорусах), %:**

а – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие;
в – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность;
д – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм;
жс – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
з – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми,
 совесть и сострадание; *к* – обязательность, верность слову,
 принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь
 представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных
 ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость,
 расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших
 и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция;
т – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым,
 радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным,
 постепенным общественным изменениям

Средневыраженными в ментальном автопортрете белорусов определены: стремление к медленным, постепенным общественным изменениям; патриотизм; уважение младшими старших и забота старших о младших; уважение традиций, следование им; созерцательность, мечтательность; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;

духовность. И наконец, в качестве *слабоприсутствующих* белорусские респонденты в автопортрете зафиксировали: стремление к личной свободе, независимости; законопослушание; обязательность, верность слову, принятому решению; стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; точность, аккуратность; предприимчивость, расчетливость; соревновательность, конкуренция.

Существенное значение для возникновения у респондентов ощущения «комфорта», «стабильности» или «дискомфорта» представляет степень совпадения оценок собственных ментальных характеристик с их идеальным уровнем. Программа социологического исследования включает в себя такую возможность. В процессе анкетирования респонденты определили каждую из двадцати ментальных характеристик как положительную, отрицательную либо нейтральную. Результаты оценок белорусскими респондентами идеального уровня ментальных характеристик представлены в табл. 3.1.

Таблица 3.1

**Идеальные оценки ментальных характеристик
с точки зрения белорусских респондентов**

Рейтинг	Ментальная характеристика	Оценка респондентов, %		
		положительная	нейтральная	отрицательная
1	Трудолюбие	95,9	1,5	2,6
2	Теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание	95,1	1,4	3,5
3	Уважение младшими старших и забота старших о младших	94,2	2,3	3,5
4	Стремление к личной свободе, независимости	93,4	2,8	3,8
5	Обязательность, верность слову, принятому решению	93,2	3,6	3,2
6	Точность, аккуратность	92,9	2,8	4,3
7	Гостеприимство	92,7	3,3	3,9
8	Уважение традиций, следование им	92,2	2,5	5,3
9	Чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации	90,8	3,1	6,1
10	Законопослушание	90,5	3,0	6,5
11	Патриотизм	87,7	4,0	8,2

Рейтинг	Ментальная характеристика	Оценка респондентов, %		
		положительная	нейтральная	отрицательная
12	Коллективизм	78,1	3,9	18,0
13	Духовность	77,1	3,7	19,2
14	Толерантность	76,1	3,5	20,5
15	Соревновательность, конкуренция	74,3	4,3	21,4
16	Предприимчивость, расчетливость	71,5	4,4	24,1
17	Стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям	63,4	3,8	32,8
18	Стремление к медленным, постепенным общественным изменениям	37,5	4,5	57,9
19	Созерцательность, мечтательность	36,9	5,0	58,1
20	Индивидуализм	32,2	4,4	63,4

Отметим, что при оценке предложенных ментальных характеристик белорусские респонденты в первую очередь пользовались знаком «+» (положительная оценка), во вторую очередь – знаком «-» (отрицательная оценка) и только в третью очередь – знаком «0» (нейтральная оценка). Средняя плотность положительных оценок составляет 78,3%; средняя плотность отрицательных оценок – 18,3%; средняя плотность нейтральных оценок равняется 3,4%.

Как и предполагалось, в рабочей гипотезе исследования распределение положительных, отрицательных и нейтральных оценок каждой из двадцати ментальных характеристик оказалось различным. В качестве самой положительной ментальной характеристики опрошенные белорусы зафиксировали «трудолюбие», которое знаком «+» отметили 95,9% респондентов. Самой отрицательной определен «индивидуализм», так полагают 63,4% опрошенных. Расположение ментальных характеристик в их, с точки зрения респондентов, идеальных пропорциях позволило построить идеальный ментальный портрет (рис. 3.2).

Графическое изображение идеального ментального портрета идеальной нации, в представлении белорусов, наглядно демонстрирует существенно различающиеся количественные оценки желательного уровня ментальных характеристик, которые в соответствии с оценками респондентов разделены на четыре группы:

- 1) безусловно положительные;
- 2) умеренно положительные;
- 3) нейтральные;
- 4) отрицательные.

К безусловно положительным отнесены ментальные характеристики, положительная оценка которых превысила 90 %, а отрицательная составила менее 10 %. К таковым респонденты отнесли:

- трудолюбие. Приведенная положительная оценка данной ментальной характеристики составила 93,3 %;
- теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание (91,6 %);
- уважение младшими старших и забота старших о младших (90,7 %);
- обязательность, верность слову, принятому решению (90,0 %);
- точность, аккуратность (88,6 %);
- стремление к личной свободе, независимости (89,6 %);
- гостеприимство (88,8 %).

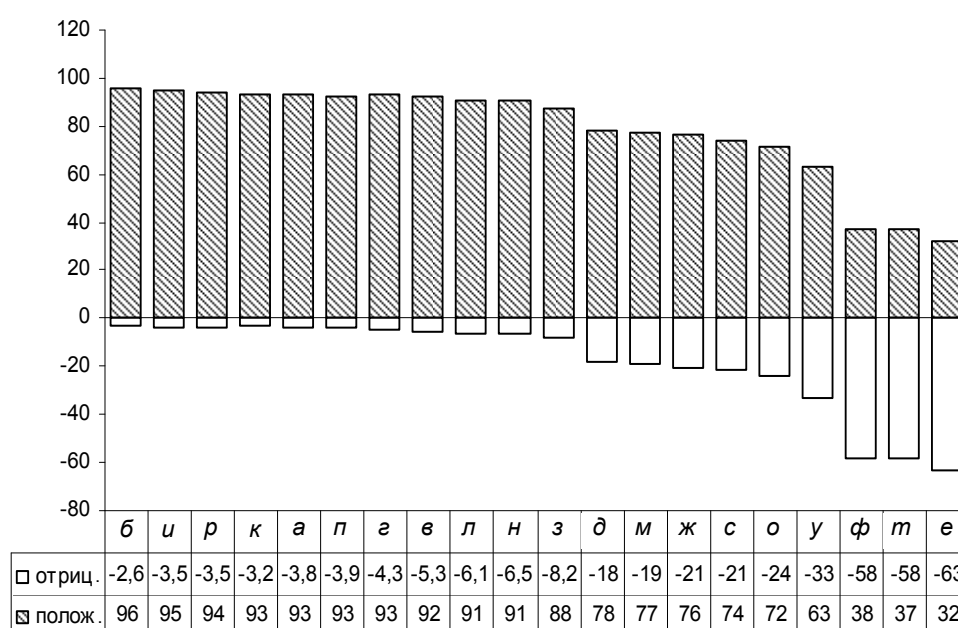

Рис. 3.2. Модель субординации характеристик в идеальном ментальном портрете, %:

а – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие;
в – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность;
д – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм;
жс – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
з – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание; *к* – обязательность, верность слову, принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных ценностей надматериальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость, расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция;
т – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям

К *умеренно положительным* отнесены ментальные характеристики, которые не менее 70 % респондентов оценили как положительные и не более 25 % – как отрицательные. В данную группу вошли:

- уважение традиций, следование им. Приведенная положительная оценка составила 86,9 %;
- чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации (84,7 %);
- законопослушание (84,0 %);
- патриотизм (79,5 %);
- коллективизм (60,1 %);
- духовность (57,9 %);
- толерантность (55,6 %);
- соревновательность, конкуренция (52,9 %);
- предприимчивость, расчетливость (47,4 %).

К *нейтральным* отнесены ментальные характеристики, которые менее 70 % респондентов оценили как положительные, при этом уровень отрицательных оценок не превысил уровень положительных. По мнению белорусских респондентов, в данную группу входит:

- стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям. Приведенная оценка составила 30,6 %.

К *отрицательным* отнесены ментальные характеристики, отрицательные оценки которых оказались выше положительных. К ним белорусские респонденты отнесли:

- созерцательность, мечтательность. Приведенная отрицательная оценка – 21,2 %;
- стремление к медленным, постепенным изменениям в обществе (-20,4 %);
- индивидуализм (-31,2 %).

Для построения сегментированной модели ментального портрета ментальные характеристики были сгруппированы по следующим смысло- и целеобразующим признакам: а) особенностям взаимодействия индивида и общества; б) доминированию рационально-деятельных или социально-духовных характеристик. С этой целью все ментальные характеристики были распределены на двух дихотомических осях.

На первой дихотомической оси (рис. 3.3) были распределены ментальные характеристики, выражающие особенности взаимодействия индивида и социума.

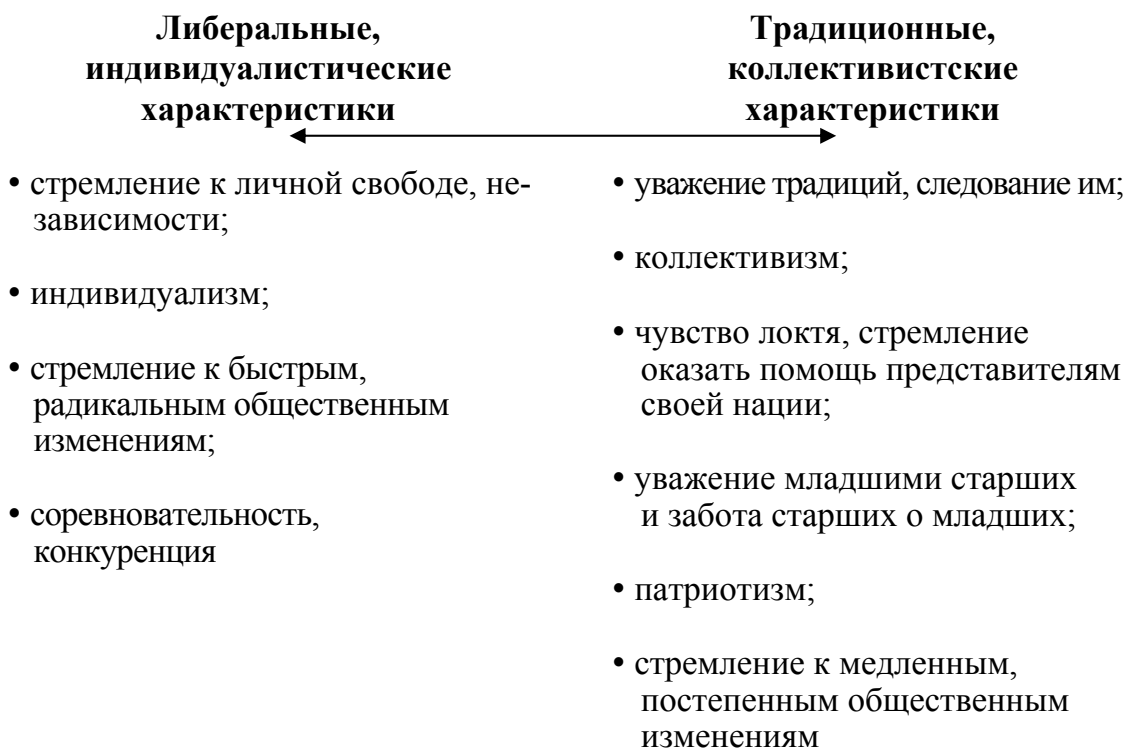

Рис. 3.3. Ментальная характеристика взаимодействия индивида и социума

На второй дихотомической оси размещены ментальные характеристики по доминированию в них рационально-деятельных или социально-духовных начал.

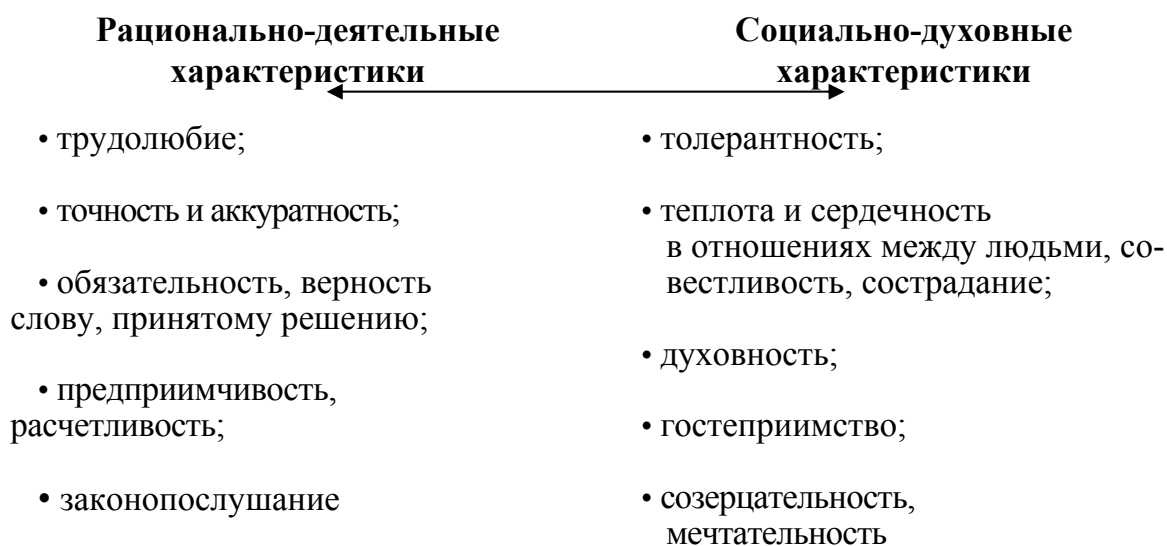
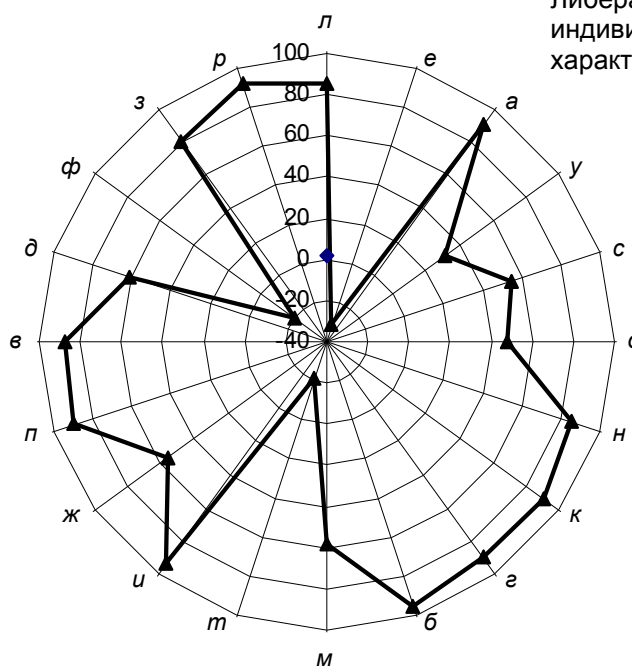

Рис. 3.4. Ментальная характеристика по доминированию рационально-деятельных или социально-духовных начал

Группировка ментальных характеристик в их идеальном измерении по указанным выше признакам позволила получить сегментированную модель идеального, в представлении белорусских респондентов, ментального портрета (рис. 3.5).

Традиционные,
коллективистские
характеристики

Либеральные,
индивидуалистические
характеристики

Социально-духовные
характеристики

Рационально-деятельные
характеристики

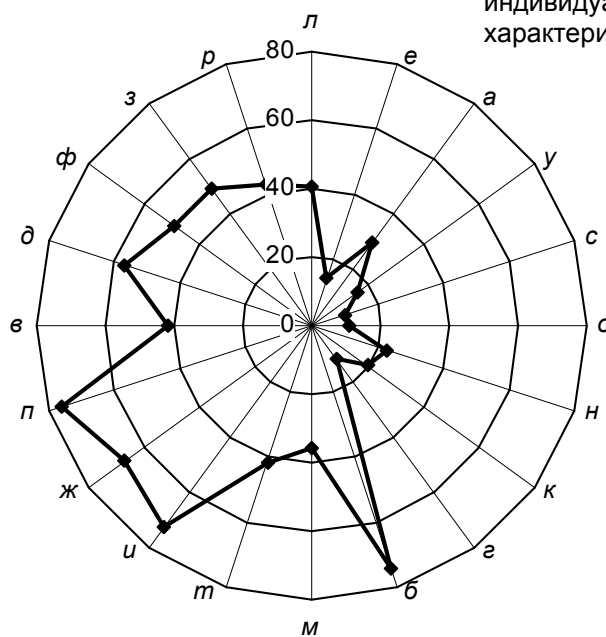
Рис. 3.5. Сегментированная модель идеального ментального портрета:

а – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие;
в – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность;
д – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм;
ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
з – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми,
 совестливость и сострадание; *к* – обязательность, верность слову,
 принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь
 представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных
 ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость,
 расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших
 и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция;
т – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым,
 радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным,
 постепенным общественным изменениям

Количественные самооценки собственных ментальных характеристик, распределенные по смысло- и целеобразующим сегментам, образовали ментальную модель белорусского автопортрета (рис. 3.6).

Традиционные,
коллективистские
характеристики

Либеральные,
индивидуалистические
характеристики

Социально-духовные
характеристики

Рационально-деятельные
характеристики

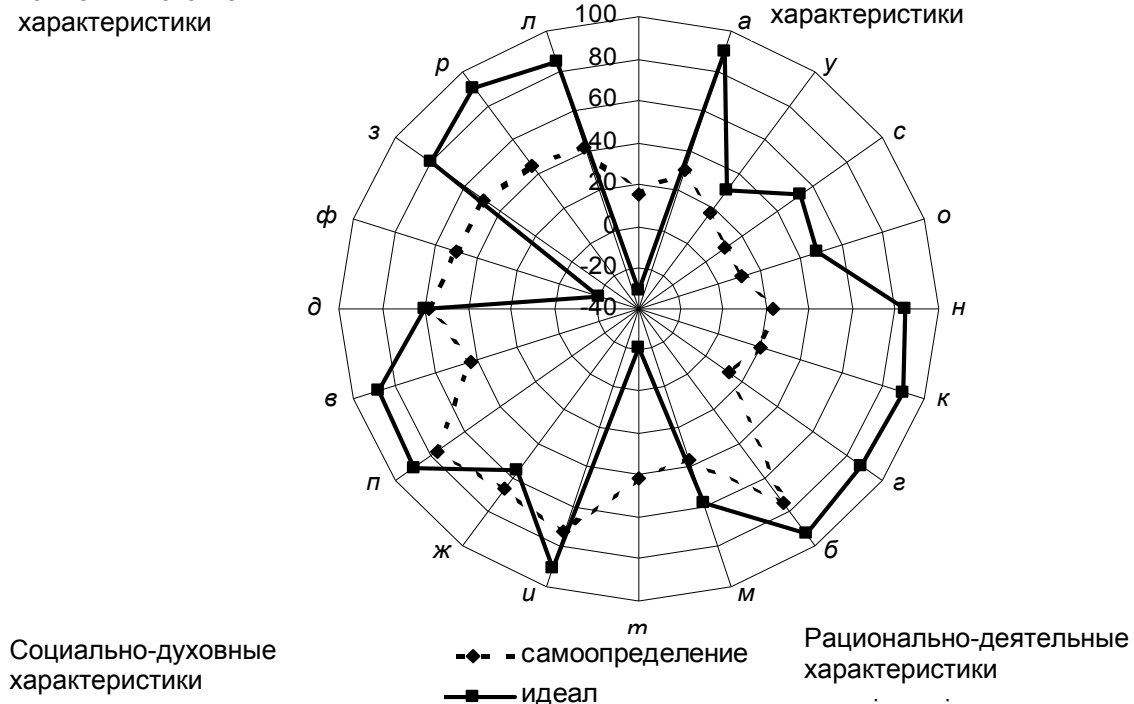
**Рис. 3.6. Сегментированная модель
ментального автопортрета белорусов:**

а – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие;
в – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность;
д – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм;
ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
з – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми,
совестливость и сострадание; *к* – обязательность, верность слову,
принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь
представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных
ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость,
расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших
и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция;
т – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым,
радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным,
постепенным общественным изменениям

При формировании программы исследования предполагалось, что главный механизм социодинамического напряжения, побуждающий белорусов изменять архитектуру ментального автопортрета, будет определяться величиной разницы между самооощущениями уровня собственных ментальных характеристик и представлением об их идеальном значении. Наложение оценок собственных ментальных характеристик на их идеальный уровень, в представлении белорусов, позволило построить динамическую модель ментального портрета современных белорусов (рис. 3.7).

Традиционные,
коллективистские
характеристики

Либеральные,
индивидуалистические
характеристики

Социально-духовные
характеристики

Рационально-деятельные
характеристики

Рис. 3.7. Динамическая модель

ментального портрета современных белорусов:

а – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие;
в – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность;
д – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм;
ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
з – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми,
 совестливость и сострадание; *к* – обязательность, верность слову,
 принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь
 представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных
 ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость,
 расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших
 и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция;
т – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым,
 радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным,
 постепенным общественным изменениям

В зависимости от величины «вилки» между уровнем самооценок и их идеальным уровнем ментальные характеристики разделены на три группы.

«Группа комфорта» сформирована из ментальных характеристик, идеальная оценка которых совпадает или приближается к собственной самооценке. Таковыми, с точки зрения белорусов, являются:

- коллективизм. При оценке данной характеристики респонденты показали, что уровень самооценки данной ментальной характеристики только на 2,5 % не «дотягивает» до идеального уровня;
- гостеприимство (12,7 %);

- стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе (14,1 %);
- трудолюбие (18,7 %);
- теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание (18,9 %);
- духовность (22,0 %).

Белорусские респонденты особо выделили такую ментальную характеристику, как «толерантность». В данном случае респонденты зафиксировали ее превышение в самооценке над идеальным уровнем на 11,4 %. Данная ментальная характеристика формирует у современных белорусов состояние комфорта, самодостаточной стабильности.

«Группу напряжения» составляют характеристики, самоощущение которых существенно превышает их желательный уровень. В эту группу вошли:

- стремление к медленным, постепенным общественным изменениям. «Плотность» самоощущения данной ментальной характеристики превышает идеальный уровень на 70,2 %;
- созерцательность, мечтательность (62,8 %);
- индивидуализм (45,7 %).

Существенное превышение самооценок перечисленных характеристик над их идеальным уровнем будет побуждать белорусов искать способы избавления от них либо их существенного уменьшения.

«Группу дискомфорта» составляют ментальные характеристики, по которым белорусские респонденты ощущают существенное отставание от их идеального уровня. Данная группа состоит из следующих характеристик:

- точность, аккуратность. В оценке данной характеристики респонденты ощущают максимальный дискомфорт, так как самоощущение точности, аккуратности у белорусских респондентов на 76,5 % ниже его идеальной оценки;
- обязательность, верность слову, принятому решению (69,9 %);
- законопослушание (61,2 %);
- стремление к личной свободе, независимости (59,8 %);
- уважение младшими старших и забота старших о младших (46,8 %);
- уважение традиций, следование им (44,8 %);
- чувство локтя, стремление помочь представителям своей национальности (43,9 %);
- соревновательность, конкуренция (42,7 %);
- предприимчивость, расчетливость (36,5 %).

Лидирующая группа *дискомфорта* в расшифровке механизма изменения архитектуры ментального портрета белорусов является определяющей. Ощущение необходимости изменения перечисленных характеристик

и будет являться основным двигателем в модернизации архитектуры ментального портрета белорусов. Подчеркнем, что 4 из 9 ментальных характеристик, подлежащих изменению в сторону увеличения, относятся к *блоку рационально-деятельных* (точность и аккуратность; обязательность, верность слову, принятому решению; предприимчивость и расчетливость; законопослушание). Две ментальных характеристики составляют *блок либеральных, индивидуалистических* (стремление к личной свободе, независимости; соревновательность, конкуренция), а три характеристики относятся к *блоку традиционных, коллективистских* (уважение традиций, следование им; уважение младшими старших и забота старших о младших; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей национальности).

Таким образом, судя по результатам исследований, в ощущении белорусов присутствует поливекторность стремления к изменению ментальных характеристик, обусловленная состоянием, в котором они хотят стать и более рациональными, и антропоцентричными, но не за счет «свертывания» своих социально-духовных, традиционных качеств, а при их расширении. Поливекторная направленность достижения оптимальной величины каждой ментальной характеристики не позволит реализовать их в желательном для респондентов варианте, так как развитие, увеличение одних ментальных характеристик предполагает уменьшение других, и наоборот, «свертывание» одних характеристик будет провоцировать «развертывание» других. Следовательно, в ближайший период коренной трансформации политических, экономических и социальных отношений белорусы будут находиться в состоянии перманентного сложного, напряженного выбора приоритетов.

3.3. СОВРЕМЕННЫЕ БЕЛОРУСЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ДРУГИХ. ДРУГИЕ НАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ БЕЛОРУСОВ

Одна из систем координат определения модуля и интенсивности в изменении архитектуры ментального портрета белорусов определяется сопоставлением самооценок собственных ментальных характеристик с оценками этих же ментальных характеристик у представителей других национальностей.

У русских (рис. 3.8) в качестве *доминирующих* белорусские респонденты выделили такие ментальные характеристики, как гостеприимство; коллективизм; патриотизм; теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание; толерантность.

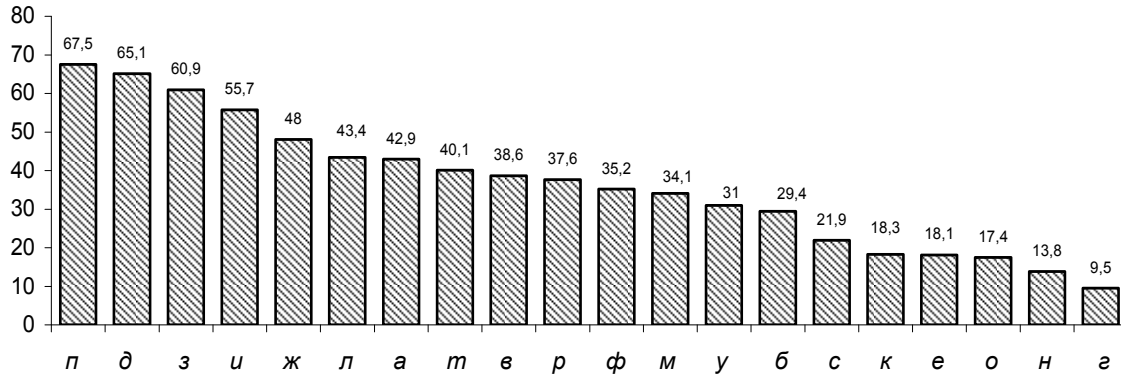

Рис. 3.8. Модель субординации характеристик

в ментальном портрете русских (белорусы о русских), %:

- а* – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие;
в – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность;
д – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм;
ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
з – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми,
 совестливость и сострадание; *к* – обязательность, верность слову,
 принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь
 представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных
 ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость,
 расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших
 и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция;
т – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым,
 радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным,
 постепенным общественным изменениям

В качестве *средневыраженных* в ментальном портрете русских белорусские респонденты определили: толерантность; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; стремление к личной свободе, независимости; созерцательность, мечтательность; уважение традиций, следование им; уважение младшими старших и забота старших о младших; стремление к медленным, постепенным общественным изменениям; духовность; стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; трудолюбие. *Менее всего* русские, в представлении белорусов, обладают: точностью, аккуратностью; законопослушанием; предприимчивостью, расчетливостью; индивидуализмом; обязательностью, верностью слову, принятому решению; соревновательностью, конкуренцией.

Ментальные характеристики украинцев (рис. 3.9) белорусские респонденты расставили в следующей последовательности.

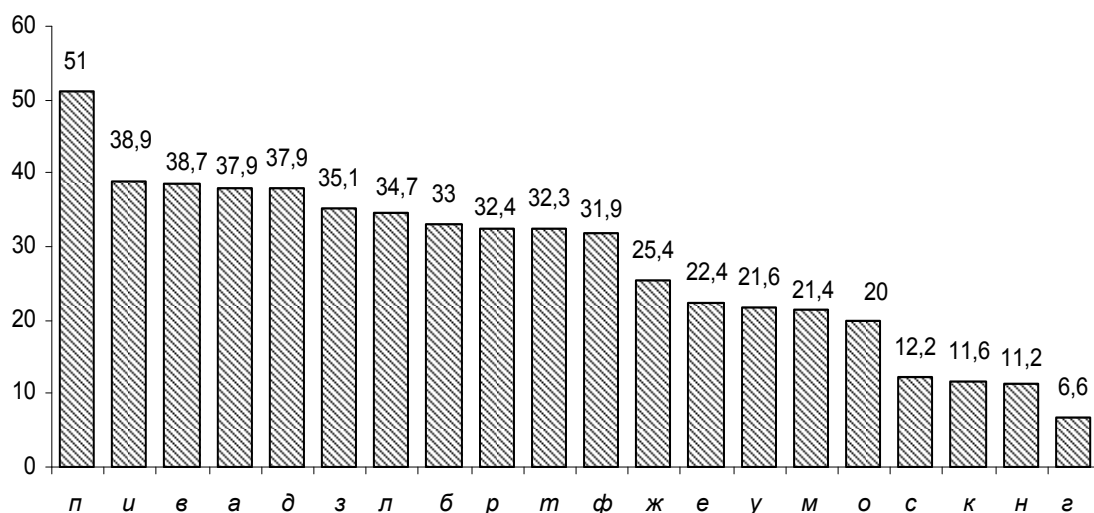

Рис. 3.9. Модель субординации характеристик

в ментальном портрете украинцев (белорусы об украинцах), %:

- а* – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие;
- в* – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность;
- д* – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм;
- жс* – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
- з* – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание; *к* – обязательность, верность слову, принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость, расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция;
- т* – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям

В качестве *доминирующей* в украинском ментальном портрете определена только одна характеристика – гостеприимство. К *средневыраженным* характеристикам у украинцев белорусские респонденты отнесли: теплоту и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание; уважение традиций, следование им; стремление к личной свободе, независимости; коллективизм; патриотизм; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; трудолюбие; уважение младшими старших и забота старших о младших; созерцательность, мечтательность; стремление к медленным, постепенным изменениям в обществе; толерантность. С точки зрения белорусов, у украинцев *менее других* выражены: индивидуализм; стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; духовность; предприимчивость, расчетливость; точность, аккуратность; законопослушание; обязательность, верность слову, принятому решению; соревновательность, конкуренция.

Ментальный портрет американцев (рис. 3.10) белорусские респонденты скомпоновали следующим образом.

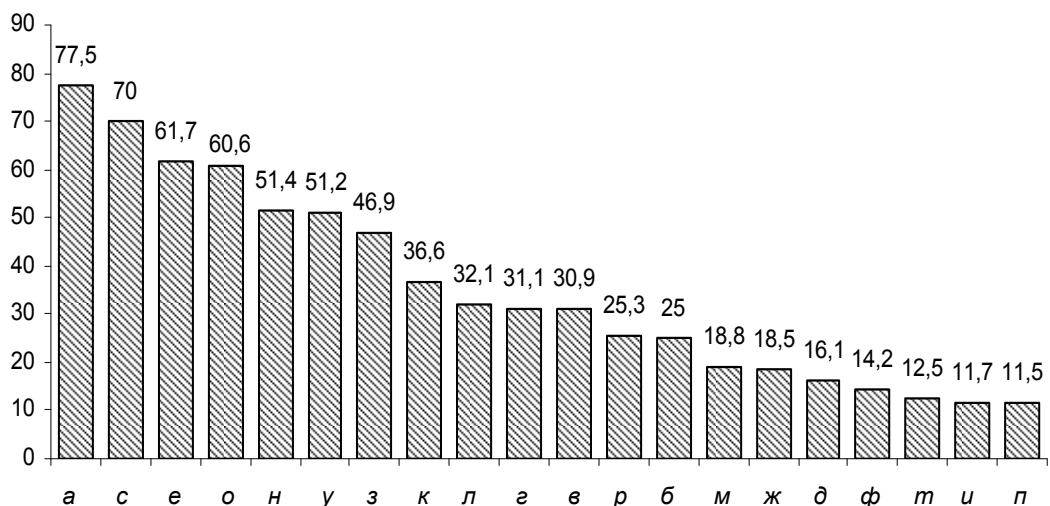

Рис. 3.10. Модель субординации характеристик в ментальном портрете американцев (белорусы об американцах), %:

а – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие; *в* – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность; *д* – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм; *жс* – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям); *з* – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми, сочувственность и сострадание; *к* – обязательность, верность слову, принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость, расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция; *т* – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям

В качестве *доминирующих* названы следующие характеристики: стремление к личной свободе, независимости; соревновательность, конкуренция; индивидуализм; предприимчивость, расчетливость; законопослушание; стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям. В качестве *средневыраженных* у американцев белорусы определили такие ментальные характеристики, как патриотизм; обязательность, верность слову, принятому решению; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; точность, аккуратность; уважение младшими старших и забота старших о младших; трудолюбие. *Самыми незначительными* в ментальном портрете у американцев определены: духовность; толерантность; коллективизм; гостеприимство; теплота и сердечность в отношениях между людьми, сочувственность и сострадание; созерцательность, мечтательность; стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Доминирующими характеристиками в ментальном портрете немцев (рис. 3.11) белорусы зафиксировали следующие: точность, аккуратность; обязательность, верность слову, принятому решению; законопослушание; трудолюбие.

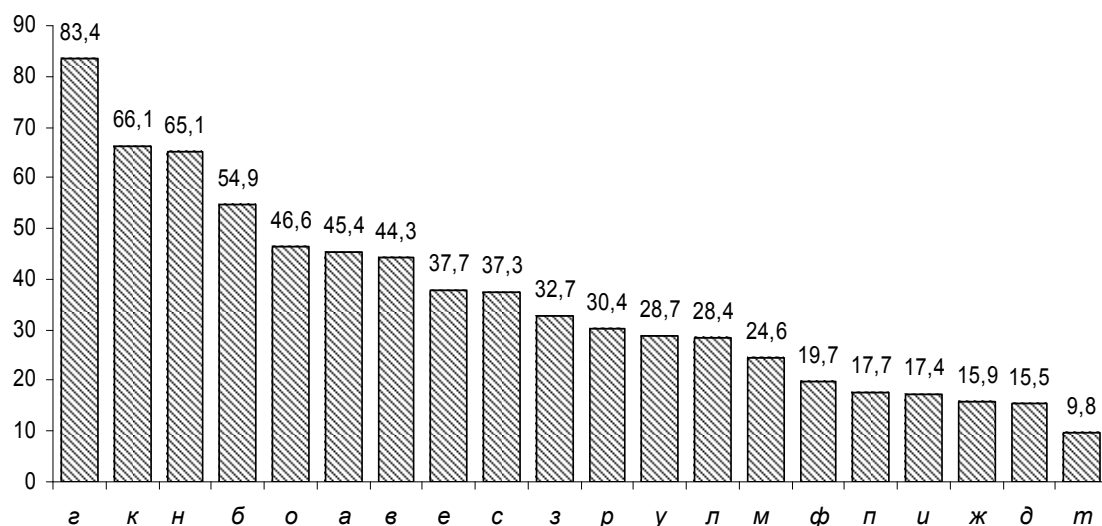

Рис. 3.11. Модель субординации характеристик

в ментальном портрете немцев (белорусы о немцах), %:

а – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие;
в – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность;
д – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм;
жс – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
з – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми,
совестливость и сострадание; *к* – обязательность, верность слову,
принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь
представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных
ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость,
расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших
и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция;
т – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым,
радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным,
постепенным общественным изменениям

К *средневыраженным* немецким ментальным характеристикам белорусские респонденты отнесли: предприимчивость, расчетливость; стремление к личной свободе, независимости; уважение традиций, следование им; индивидуализм; соревновательность, конкуренция; патриотизм; уважение младшими старших и забота старших о младших. В *наименьшей степени* ментальный портрет немцев определяют следующие характеристики: чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; духовность; стремление к медленным, постепенным изменениям в обществе; гостеприимство; теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание; толерантность; коллективизм; созерцательность, мечтательность.

Портрет северо-западных соседей – литовцев белорусские респонденты смоделировали следующим образом. В качестве *доминирующей* (рис. 3.12) зафиксирована одна ментальная характеристика – стремление к личной свободе и независимости.

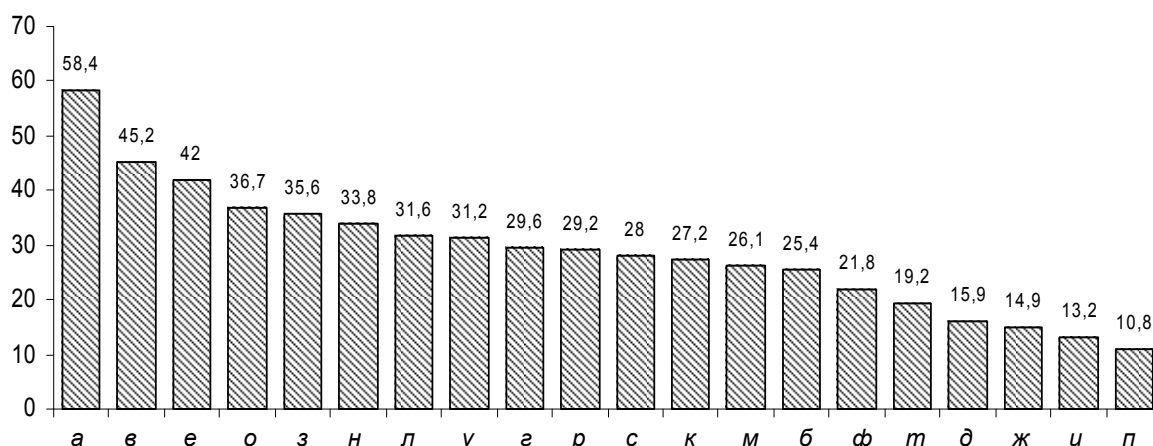

Рис. 3.12. Модель субординации характеристик

в ментальном портрете литовцев (белорусы о литовцах), %:

- а* – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие;
в – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность;
д – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм;
ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
з – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание; *к* – обязательность, верность слову, принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость, расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция;
т – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям

К *средневыраженным* ментальным характеристикам литовцев отнесены: уважение традиций, следование им; индивидуализм; предприимчивость, расчетливость; патриотизм; законопослушание; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям. *Менее других* в оценке белорусских респондентов у литовцев выражены такие ментальные характеристики, как гостеприимство; теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание; толерантность; созерцательность, мечтательность.

Результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что наиболее трудным для белорусских респондентов оказался национальный портрет поляков (рис. 3.13).

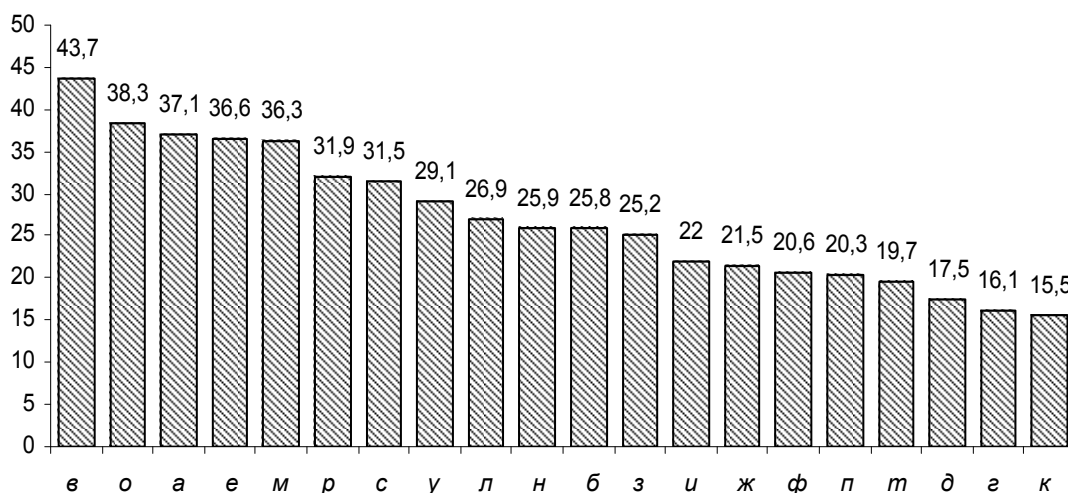

Рис. 3.13. Модель субординации характеристик

в ментальном портрете поляков (белорусы о поляках), %:

а – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие;
в – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность;
д – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм;
ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
з – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми,
 совестливость и сострадание; *к* – обязательность, верность слову,
 принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь
 представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных
 ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость,
 расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших
 и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция;
т – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым,
 радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным,
 постепенным общественным изменениям

Ярко выраженных, *доминирующих* национальных черт у поляков белорусские респонденты не обнаружили. В качестве *среднеприсутствующих* названы такие ментальные характеристики, как уважение традиций, следование им; предприимчивость, расчетливость; стремление к личной свободе и независимости; индивидуализм; духовность; уважение младшими старших и забота старших о младших; патриотизм; трудолюбие; законопослушание; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе. Остальные восемь характеристик в ментальном портрете поляков белорусы определили как *слабовыраженные*.

В соответствии с условиями социологического исследования респонденты приграничных регионов Беларуси, России, Украины определяли как свои собственные ментальные характеристики, так и ментальные характеристики своих соседей. Методика исследования позволила получить следующие соотнесенные пары ментальных портретов:

- 1) белорусы о белорусах; русские о белорусах;
- 2) белорусы о белорусах; украинцы о белорусах;

- 3) русские о русских; белорусы о русских;
- 4) украинцы об украинцах; белорусы об украинцах.

Поскольку программой исследования не предусматривался анкетный опрос литовских, немецких и американских респондентов, то в исследовании представлены результаты односторонних оценок ментальных характеристик:

- 1) белорусы об американцах;
- 2) белорусы о литовцах;
- 3) белорусы о немцах.

Полученные результаты самооценок ментальных характеристик и оценок их друг у друга в представлении белорусских, украинских и русских респондентов представлены на рис. 3.14–3.16.

Традиционные,
коллективистские
характеристики

Либеральные,
индивидуалистические
характеристики

**Рис. 3.14. Белорусы, русские, украинцы
о ментальных характеристиках белорусов:**

а – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие;
в – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность;
д – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм;
жс – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
з – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми,
 совестливость и сострадание; *к* – обязательность, верность слову,
 принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь
 представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных
 ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость,
 расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших
 и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция;
т – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым,
 радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным,
 постепенным общественным изменениям

Сопоставление оценок белорусами своих ментальных характеристик (белорусы о белорусах) с их оценками русскими респондентами (русские о белорусах) показывает, что только в оценке толерантности и выраженности стремления белорусов к медленным, постепенным общественным изменениям оценки несколько различаются. Так, русские респонденты оценили толерантность белорусов и их стремление к медленным, постепенным общественным изменениям в 1,9 раза ниже, чем это определили белорусы сами у себя. Что касается всех остальных ментальных характеристик, то между белорусскими самооценками (белорусы о белорусах) и оценками русскими респондентами белорусских ментальных характеристик (русские о белорусах) в исследовании зафиксировано их практически полное совпадение. Коэффициент корреляции Пирсона между оценками белорусов своих ментальных характеристик и оценками белорусских ментальных характеристик русскими составил 0,93. Такое же совпадение зафиксировано и между самооценками ментальных характеристик русских (русские о русских) и их оценками белорусами (белорусы о русских). В данном случае коэффициент ранговой корреляции Пирсона оказался равным 0,92.

Близость, родство белорусского и русского этносов по-прежнему удерживается в памяти белорусов и россиян. Этот факт подтверждают результаты других социологических исследований. Так, анкетный опрос, проведенный в Санкт-Петербурге, показал, что «в качестве стран, являющихся постоянными друзьями России, петербуржцы прежде всего называют Белоруссию (51 %), Украину (17 %), Китай (13 %), Индию (11 %), Югославию (9 %). Среди западных стран более или менее часто петербуржцы назвали только Финляндию – 8 % (страну-соседа)» [253, с. 20].

Несущественно отличающаяся картина зафиксирована в белорусско-украинских взаимооценках. Так, плотность между самооценками своего национального портрета украинцами и украинских ментальных характеристик белорусскими респондентами по коэффициенту корреляции Пирсона составила 0,75. Что касается совпадения между самооценками собственных ментальных характеристик белорусов и их оценок украинскими респондентами (украинцы о белорусах), то коэффициент корреляции Пирсона составил 0,86.

Следует отметить, что проведенные в Украине социологические исследования, направленные на выявление ближайших «ментальных родственников» украинцев, показали, что к таковым украинские респонденты отнесли:

- русских (53,0 %);
- белорусов (50,7 %);
- поляков (26,1 %).

Результаты другого, независимого от первого, исследования, проведенного в Украине, показали, что своими ближайшими «ментальными» родственниками украинские респонденты назвали:

- русских (61,1 %);
- белорусов (47,9 %);
- поляков (33,9 %) [27, с.102].

Таким образом, проведенные в Украине исследования, выполненные по не зависимым друг от друга методикам, совпадают с результатами нашего исследования.

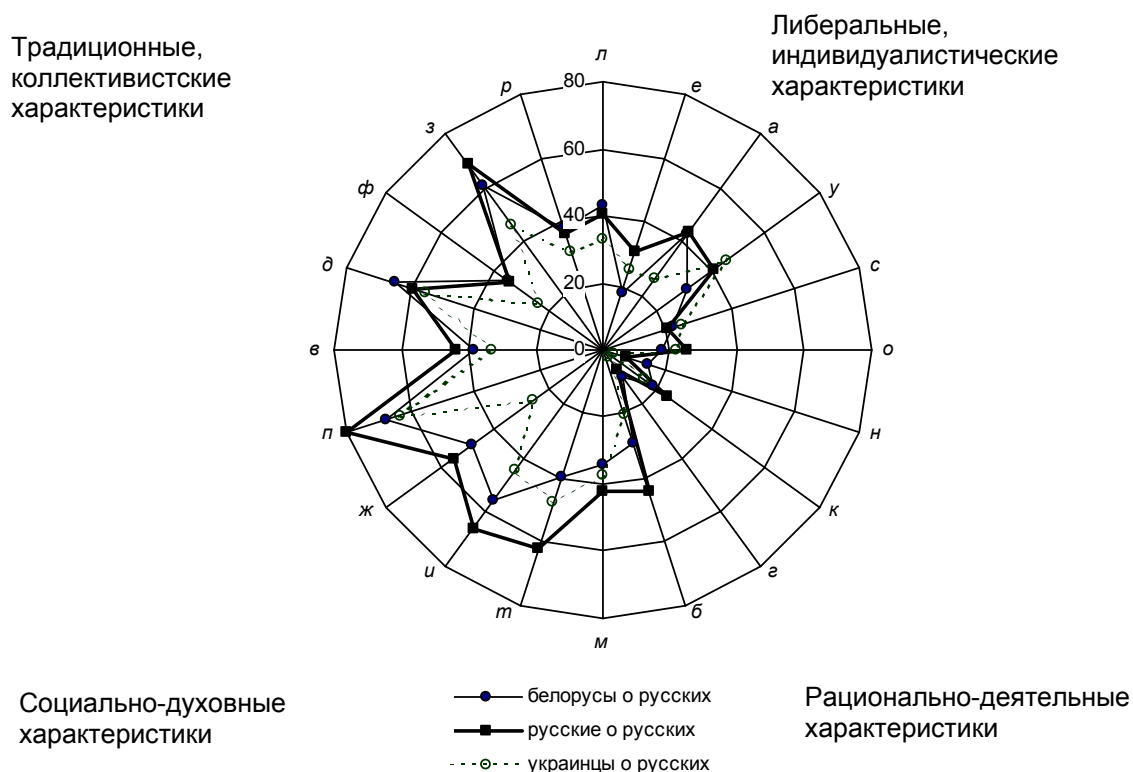
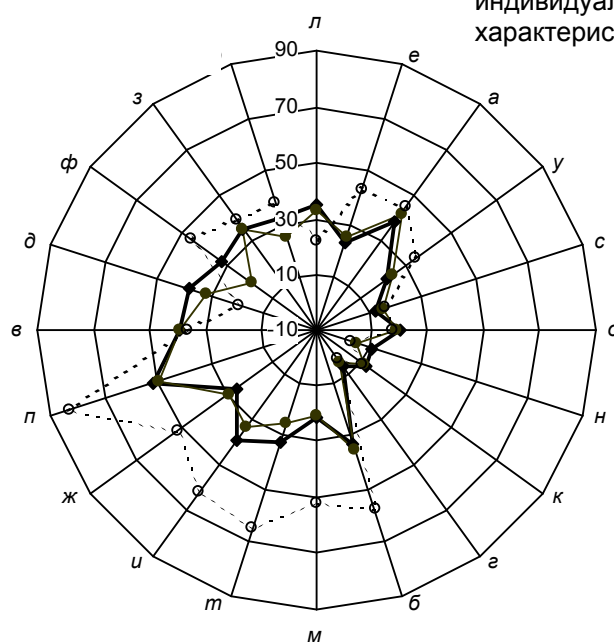

Рис. 3.15. Белорусы, русские, украинцы о ментальных характеристиках русских:

а – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие; *в* – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность; *д* – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм; *жс* – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям); *з* – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми, сочувственность и сострадание; *к* – обязательность, верность слову, принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость, расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция; *т* – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям

Традиционные,
коллективистские
характеристики

Либеральные,
индивидуалистические
характеристики

Социально-духовные
характеристики

—◆— белорусы об украинцах
—●— русские об украинцах
- - -○- - - украинцы об украинцах

Рационально-деятельные
характеристики

**Рис. 3.16. Белорусы, русские, украинцы
о ментальных характеристиках украинцев:**

а – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие;
в – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность;
д – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм;
ж – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям);
з – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми,
совестливость и сострадание; *к* – обязательность, верность слову,
принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь
представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных
ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость,
расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших
и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция;
т – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым,
радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным,
постепенным общественным изменениям

Следует подчеркнуть, что и при ранжировании основных способов выхода общества из кризисного состояния белорусские и русские респонденты из 12 предложенных приоритетов «восстановление связей с братскими, прежде всего славянскими народами» поставили на 4 место, а украинские – на 5 место. Важнее этого способа у русских и белорусских респондентов оказались только «усиление дисциплины, порядка, ответственности», «более решительное проведение реформ, утверждение частной собственности» и «формирование современной законодательной базы».

Украинские респонденты к указанным приоритетам перед славянско-интеграционным поставили еще «опору на свои собственные национальные силы». Таким образом, ощущение исторического, культурно-духовного родства у русских, украинских и белорусских респондентов зафиксировано в осознанной инструментально-деятельной потребности в усилении восточнославянских интеграционных процессов.

Существенно отличающаяся картина зафиксирована при сопоставлении самооценок ментальных характеристик белорусов с аналогичными характеристиками литовцев и поляков. Такие качества литовцев и поляков, как трудолюбие, гостеприимство, теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание, толерантность, коллективизм, в сравнении с белорусской самооценкой оказались оцененными существенно ниже (рис. 3.17). Вместе с тем западные соседи, в представлении белорусов, обладают более высокими соревновательностью, конкуренцией, индивидуализмом, законопослушанием.

Еще более контрастная картина зафиксирована при сравнении белорусских самооценок с оценками ментальных характеристик у немцев и американцев (рис. 3.18). В представлении белорусов, американцы и немцы отличаются существенно более развитыми рационально-деятельными и либерально-индивидуалистическими характеристиками: точностью и аккуратностью, соревновательностью, конкуренцией, обязательностью, верностью данному слову, индивидуализмом, предприимчивостью, расчетливостью, законопослушанием, стремлением к личной свободе и независимости. И наоборот, у американцев и немцев существенно ниже зафиксированы такие социально-духовные и традиционные ментальные характеристики, как гостеприимство, теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание, толерантность, коллективизм.

Таблица 3.2

**Удельный вес блоков ментальных характеристик
в автопортретах белорусов, русских, украинцев, поляков**

Блоки ментальных характеристик	Идеальный портрет белоруса	Белорусы	Русские	Украинцы	Поляки
Либеральные, индивидуалистические	37,9	16,4	32,2	30,8	32,1
Рационально-деятельные	89,0	32,4	20,8	18,3	15,0
Социально-духовные	54,5	58,7	60,9	62,3	45,2
Традиционные, коллективистские	63,6	47,2	47,1	33,1	44,9

Приведенные в табл. 3.2 данные свидетельствуют о том, что самое комфортное состояние белорусские респонденты ощущают при оценке *социально-духовных* характеристик. Причем чувство комфорта у белорусов зафиксировано сразу по двум системам координат. Во-первых, белорусские самооценки собственных социально-духовных характеристик совпадают с их оценками русскими, украинцами и поляками. Во-вторых, в исследовании зафиксировано достаточно полное совпадение оценок белорусами собственных социально-духовных характеристик с их идеальным уровнем. Незначительно отличающаяся ситуация зафиксирована при оценке белорусами ментальных характеристик *традиционного, коллективистского* блока. Здесь, как и в оценке социально-духовных характеристик, зафиксировано практически полное совпадение белорусских самооценок с самооценками русских и украинских респондентов. В отличие от первого случая, уровень самооценок традиционных, коллективистских характеристик оказался ниже идеального уровня. Индекс напряженности по традиционному, коллективистскому блоку характеристик составляет 1,3. Зафиксированный уровень напряженности позволяет сделать вывод о том, что «развертывание» этих характеристик будет осуществляться, скорее всего, в условиях относительного комфорта.

Существенно иная картина зафиксирована при оценке блока *рационально-деятельных* характеристик, уровень которых в самооценке белорусов существенно превышает уровень самооценок этих же характеристик у русских, украинцев и поляков. Но при этом собственный уровень самооценок этого блока оказался почти в 3 раза ниже идеального. Степень напряженности между идеальным уровнем и уровнем самооценок рационально-деятельных характеристик выражается индексом 2,7. Правомерно предположить, что разрыв между самооценками и идеальными оценками ментальных характеристик именно этого блока и будет определять основную линию напряжения в модификации агрегата ментальных характеристик белорусов, точно так же как и русских, и украинцев, и поляков.

Иной уровень социодинамической напряженности зафиксирован при оценке *либеральных, индивидуалистических* характеристик, где, как и в предыдущем случае, белорусы выразили неудовлетворенность собственным уровнем характеристик этого блока (индекс напряженности составил 2,3). В отличие от блока рационально-деятельных характеристик, по которым у белорусов не существует чувства дискомфорта в сравнении со своими соседями, при оценке либеральных, индивидуалистических характеристик белорусы ощущают «отставание» от оценок этих же характеристик русскими, украинцами и поляками.

Состояние комфортности либо дискомфорта, желание стабилизировать сложившуюся ситуацию либо коренным образом изменить ее, удовлетворенность собственными ментальными характеристиками либо желание изменить

их зависят от ощущения положительной, нейтральной либо отрицательной пассионарности, совместимости собственных характеристик с характеристиками других этносов и наций. «Совместимость» собственных ментальных характеристик в самооценке белорусов (белорусы о белорусах) с ментальными характеристиками других национальностей в представлении белорусов (белорусы о других национальностях) представлена в табл. 3.3.

Таблица 3.3

**Рейтинг ментальных характеристик
в оценке белорусских респондентов**

Ментальная характеристика	Ранг ментальной характеристики у белорусов (в самооценке белорусов)	Ранг ментальной характеристики у ближайшей по «нише» нации (в оценке белорусов)	Ранг ментальной характеристики у нации-«антагониста» (в оценке белорусов)
Стремление к личной свободе, независимости	7	поляки – 6 украинцы – 5	американцы – 1 литовцы – 2
Трудолюбие	1	немцы – 2 украинцы – 3	американцы – 7 литовцы – 6
Уважение традиций, следование им	4	украинцы – 5 поляки – 3	литовцы – 1 американцы – 7
Точность, аккуратность	5	русские – 6 украинцы – 7	немцы – 1 американцы – 2
Коллективизм	2	русские – 1 украинцы – 3	немцы – 7 литовцы – 6
Индивидуализм	7	русские – 6 украинцы – 5	американцы поляки – 1 – 2
Толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям)	1	русские – 2 украинцы – 3	литовцы – 7 немцы – 6
Патриотизм	2	русские – 1 американцы – 3	поляки – 7 немцы – 6
Теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание	1	русские – 2 украинцы – 3	американцы – 7 литовцы – 6

Ментальная характеристика	Ранг ментальной характеристики у белорусов (в самооценке белорусов)	Ранг ментальной характеристики у ближайшей по «нише» нации (в оценке белорусов)	Ранг ментальной характеристики у нации-«антагониста» (в оценке белорусов)
Обязательность, верность слову, принятому решению	4	литовцы – 3 русские – 5	немцы – 1 украинцы – 7
Чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации	2	русские – 1 украинцы – 3	поляки – 7 немцы – 6
Духовность (преобладание духовных потребностей над материальными)	2	поляки – 1 русские – 3	американцы – 7 украинцы – 6
Законопослушание	5	русские – 6 украинцы – 7	американцы – 2 немцы – 1
Предприимчивость, расчетливость	7	русские – 6 украинцы – 5	американцы – 1 немцы – 2
Гостеприимство	1	русские – 2 украинцы – 3	литовцы – 7 поляки – 6
Уважение младшими старших и забота старших о младших	1	русские – 2 украинцы – 3	американцы – 7 литовцы – 6
Соревновательность, конкуренция	7	украинцы – 6 русские – 5	американцы – 1 немцы – 2
Созерцательность, мечтательность	1	русские – 2 украинцы – 3	американцы – 7 немцы – 6
Стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям	7	украинцы – 6 немцы – 5	американцы – 1 литовцы – 2
Стремление к медленным, постепенным общественным изменениям	1	русские – 2 украинцы – 3	американцы – 7 немцы – 6

Одна из рабочих гипотез исследования строилась на предположении, что нации, определенные белорусскими респондентами в процессе мен-

тальной идентификации как «хорошие» и «свои», скорее всего, не будут полностью «накладываться» друг на друга; точно так же как и «плохие» нации не будут полностью «перекрывать» «чужие». Для проверки данной гипотезы была использована модифицированная 4-векторная модель этнонациональной идентификации, в рамках которой белорусские респонденты осуществляли процессы аутоидентификации и гетероидентификации своих соседей.

Сразу оговоримся, что применяемые в исследовании понятия «свои», «чужие», «хорошие», «плохие» носят исключительно инструментальный характер.

Вектор 1. «Хорошие», «свои». В этот вектор вошли нации, обладающие положительными ментальными характеристиками в той же мере, как и сами белорусы.

Вектор 2. «Хорошие», но «не свои», «чужие» нации. В этот вектор включены нации, обладающие такими положительными ментальными характеристиками, которыми белорусы обладают в недостаточной мере.

Вектор 3. «Плохие», но «свои». В этот вектор вошли нации, обладающие отрицательными ментальными характеристиками в такой же степени, как и сами белорусы.

Вектор 4. «Плохие», «чужие». В этом векторе расположились национальности, обладающие такими отрицательными ментальными характеристиками, которые у самих белорусов отсутствуют.

В результате обработки зафиксированных в табл. 3.3 данных исследования национальности распределились по следующим векторам (рис. 3.17).

Одна из рабочих гипотез исследования заключалась в том, что оценки большинства ментальных характеристик белорусов, русских и украинцев будут совпадать, вследствие чего белорусы, русские и украинцы окажутся в одних нишах. Эта гипотеза полностью подтвердилась. Результаты ментальной идентификации показали, что русские и украинцы оказались одновременно и «хорошими», и «плохими» практически в такой же степени, как и белорусы, т. е. «своими». У американцев белорусские респонденты также зафиксировали и «хорошие», и «плохие» ментальные характеристики. Но, в отличие от русских и украинцев, американцы оказались и «хорошими», и «плохими» по другим параметрам, чем белорусы, они – «чужие». К немцам зафиксировано иное отношение: они только «хорошие»..., но «чужие».

Рис. 3.17. Модель этнонациональной идентификации

Таким образом, рабочая гипотеза в процессе исследования полностью подтвердилась: совпадение оценки большинства ментальных характеристик русских, украинцев, белорусов говорит о том, что понятие «восточнославянское единство» респонденты наполняют вполне конкретным социокультурным содержанием. Воссоединение разорванных связей с восточными соседями – Россией и Украиной – детерминировано не только экономическими и политическими интересами, но и наличием общих (в том числе не только лучших) этнонациональных ментальных характеристик. Такие традиционные, коллективистские и социально-духовные характеристики, как гостеприимство, теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание, созерцательность, мечтательность, коллективизм, уважение традиций, следование им – у русских, белорусов и украинцев и в самооценках, и в оценках их друг друга выражены достаточно высоко. Вместе с тем приведенные социологические исследования позволили выявить и у белорусов, и у русских, и у украинцев такие недостатки, как слабо развитые соревновательность, конкуренция, недостаточная точность и аккуратность, низкий уровень обязательности, верности своему слову, принятому решению, невысокая предприимчивость и расчетливость, низкий уровень законопослушания.

Таким образом, анализ результатов социологического исследования белорусского ментального автопортрета, его идеального уровня, оценок белорусами ментальных характеристик у других национальностей и сопоставлению собственных самооценок с оценками у других национальностей позволяет сделать следующие выводы:

1. Основные контуры ментального автопортрета современных белорусов определяют прежде всего такие *социально-духовные* и *традиционные, коллективистские* характеристики, как гостеприимство; трудолюбие;

теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание; толерантность; коллективизм; стремление к медленным, постепенным общественным изменениям; патриотизм; уважение младшими старших и забота старших о младших; уважение традиций, следование им. Также ментальный автопортрет белорусов определяется *рационально-деятельными* характеристиками, и в минимальной степени – *либеральными, индивидуалистическими*.

2. Идеальный ментальный портрет, к достижению которого будут стремиться белорусы, определяется, во-первых, рационально-деятельными, во-вторых, традиционными, коллективистскими, социально-духовными и, в-третьих, либеральными, индивидуалистическими характеристиками.

3. Социально-духовные и патриархально-традиционные, социоцентристские, коллективистские самооценки и взаимооценки ментальных характеристик у современных белорусов, русских и украинцев качественно не отличаются друг от друга, практически совпадают.

4. В представлении современных восточных славян их ментальные характеристики существенно отличаются от ментальных характеристик поляков, литовцев, немцев и американцев менее развитыми рационально-деятельными и либеральными эгоцентристскими ментальными характеристиками и более развитыми социально-духовными, патриархально-традиционными, социоцентристскими ментальными характеристиками.

5. Самоощущение собственного уровня *социально-духовных* характеристик, сопоставление их и с идеальным уровнем, и с самооценками их русскими, украинцами, поляками создает у белорусов ощущение комфорта; умеренное чувство комфорта присутствует при оценке белорусами своих *традиционных, коллективистских* характеристик. Основной вектор напряженности у белорусов располагается в разрыве между идеальными оценками и самооценками *рационально-деятельных* и *либеральных, индивидуалистических* характеристик. Внутренняя напряженность между самоощущением этих ментальных характеристик и ощущением их идеального уровня является основным социодинамическим механизмом изменения архитектуры ментального портрета современных белорусов.

6. При реформировании общественных отношений, в том числе и выбора ориентиров общественного развития на культурно-цивилизационной оси «Восток – Запад», восточные славяне – русские, украинцы и белорусы – будут ориентироваться скорее друг на друга, т. е. на Восток, чем на Запад. Это еще раз подтверждает тот факт, что воссоединение разорванных связей и организация новых современных геополитических, экономических и социокультурных связей народов России, Беларуси и Украины детерминировано не только политическими и экономическими интересами. Эти процессы «подпираются снизу» и наличием общих восточнославянских корней, глубинных духовно-нравственных

ценностей, общей однокоренной культурой. Выходить из системного кризиса, обустроивать свою жизнь народам России, Украины и Беларуси не только экономически и политически, но и психологически легче и комфортнее будет вместе.

7. Потребность в освоении современных западных технологий, освоении западноевропейских рынков, наличие непосредственной границы с государствами Евросоюза, неудовлетворенность уровнем собственных рационально-деятельных ментальных характеристик обуславливает движение Беларуси, России и Украины и по западному вектору. При этом интегрироваться в европейское, евразийское, другие глобальные или локальные мировые экономические или геополитические союзы Россия, Украина и Беларусь смогут только вместе, предварительно восстановив необоснованно прерванные и выстроив новые восточнославянские межнациональные связи и отношения. Поэтому вместо уходящей в историю примитивной одновекторной ориентации (на Восток или на Запад) Россия, Украина и Беларусь обречены на сложное трехвекторное развитие – и на Восток, и на Запад, и к самим себе, навстречу друг другу.

8. Поскольку менталитет представляет собой сложную агрегатную систему взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимозависимых ментальных характеристик, изменение любой из них вызывает изменение всех остальных. При этом взаимовлияние ментальных характеристик друг на друга будет осуществляться с различной степенью интенсивности. *Доминантные* характеристики будут оказывать на другие характеристики более существенное влияние, чем *средневыраженные*, а *слабовыраженные* ментальные характеристики будут оказывать минимальное воздействие на доминантные и средневыраженные характеристики. Зафиксированная белорусскими респондентами разновекторная направленность в достижении оптимальной величины каждой из характеристик не позволит реализовать их в идеальном для респондентов варианте, так как развитие, увеличение одних ментальных характеристик будет предопределять свертывание других, в связи с чем белорусы будут находиться в состоянии перманентного напряженного выбора.

3.4. КОЛЛЕКТИВИСТСКИЙ И ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТЫ В МЕНТАЛИТЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУСОВ

Одним из важнейших элементов, определяющих специфику этнонационального менталитета, является соотношение в нем коллективистского

и индивидуалистического компонентов. В соответствии с установившейся традицией именно по доминированию индивидуалистического или коллективистского компонентов культура и менталитет делятся на западные и восточные.

Трудность расшифровки механизмов взаимодействия индивидуалистического и коллективистского компонентов заключается в недостаточной методологической разработке понятий и форм взаимоотношения *индивида, личности, группы и коллектива*. В североамериканской социологии достаточно полно разработаны методологические принципы взаимоотношения и взаимодействия категорий «индивид» и «группа». В американской традиции сущность индивида проявляется в степени его независимости от группы и организации, в которые он входит ситуативно для достижения совершенно конкретной цели. «Основные ценности индивидуалистической культуры – свобода в поступках и самодостаточность в суждениях, власть над окружающими – позволяют индивиду комфортно себя чувствовать в любом окружении или в одиночестве, отличаться от других и быть независимым» [82, с. 183]. Здесь индивиду нет необходимости разделять и даже знать все ценности группы. Он знает и разделяет только теиз них, которые обеспечивают реализацию его индивидуальных интересов. В свою очередь группа не знает и не имеет права знать ценности индивида, не касающиеся целей, ради которых группа сформирована. В индивидуалистической культуре индивид входит в достаточно большое количество групп, но поверхностно, исключительно при помощи рационально-деятельных механизмов взаимодействия. Нормой является независимость индивида от группы. Непроизводственная, личная, частная жизнь индивидов является закрытой. Эмоционально-психологические механизмы взаимосвязи индивидов в группе не предполагаются. Проявление как антипатии, так и симпатии, сострадания к себе или другим членам группы является нарушением нормы. В условиях индивидуалистической культуры при определении материального вознаграждения основной нормой справедливости является индивидуальный вклад члена группы в совместно полученный результат. Не поощряется одалживание денег или вещей членами группы. Внутригрупповой конфликт является нормой, должным способом его разрешения считаются как переговоры членов группы друг с другом, так и обращение в судебные инстанции. «Основной смысл индивидуализма заключается в том, что человек принимает решение и действует в соответствии со своими личными целями, предпочитая их целям общественным. «Я» определяется в индивидуалистических культурах как независимая, способная выжить вне группы единица, а индивиды – как базовые единицы социального восприятия. Индивидуалисты являются членами многих групп, но – за исключением нуклеарной семьи – слабо с ними идентифицируются и мало от них зависят» [82, с. 182].

Взаимодействие *личности* и *коллектива* принципиально отличается от взаимодействия *индивида* и *группы* в силу того, что *личность*, будучи сложным социальным образованием, включена в *коллектив* не только социально-экономическими, но и социально-психологическими связями. В свою очередь, *коллектив* отличается от *группы* так же, как и *личность* отличается от *индивида* своей сложной социальной структурой. *Коллективисты*, в отличие от *индивидуалистов*, входят в меньшее количество социальных образований, но включены туда более полно. «Основной смысл коллективизма – приоритет интересов группы над личными интересами: коллективист заботится о влиянии своих решений и действий на значимое для него сообщество... Основными ценностями коллективистской культуры являются следование традициям, послушание, чувство долга, которые способствуют сохранению единства группы, взаимозависимости ее членов и гармоничным отношениям между ними... При распределении материальных ресурсов преобладают нормы равенства и удовлетворения потребностей» [82, с. 183–184]. Личная жизнь коллективистов в значительной степени является составной частью жизни всего коллектива. Оказание помощи членам коллектива в решении их как производственных, так и непроизводственных проблем, сострадание, соучастие являются нормой. В отличие от группы, где конфликт служит нормальным способом разрешения противоречий между ее членами, в системе коллективных ценностей конфликт является индикатором нарушения нормальных отношений. Поэтому члены коллектива обязаны стремиться к бесконфликтному состоянию. Этой цели подчинены и нормы справедливости, обеспечивающие социальное равенство.

В рамках индивидуалистических культур личностная идентичность осуществляется в соответствии с собственными ощущениями, оценками и переживаниями, что побуждает индивида хотя бы формально дистанцироваться от доминирующей в социуме культуры. Поэтому в странах с доминированием индивидуалистической культуры приоритетными в деятельности государства, других социальных институтов являются защита и утверждение прав личности, прав социальных меньшинств от посягательств на них массы, толпы. В рамках коллективистской культуры личностная идентификация осуществляется посредством адаптации индивида к приоритетным ценностям социума, поэтому действия общества и государства направлены на обеспечение приоритетности общественных интересов от посягательств на них индивидов, не признающих общественные приоритеты.

Реальное соотношение и субординация коллективистских и индивидуалистических компонентов в различных этнонациональных культурах существенно различается. Так, североамериканская модель социальных отношений базируется на культе личной свободы и независимости, *культе*

индивидуализма, что предопределяет естественное подавление любых ползновений государства, всех его социальных институтов к ограничению суверенитета личности. Взаимоотношения индивидов друг с другом выстраиваются как «индивидуально-соревновательные», в которых личный успех, победа являются естественной и, возможно, единственной целью. Пребывание индивида в группе, поддержка ее общих интересов оправданы только в случае, если групповые интересы совпадают с личными или, по крайней мере, способствуют индивидуальному успеху. Считается, что главная опасность пребывания индивида в группе заключается в возможности утери собственной идентичности, «растворения» в группе.

Восточные модели социальных отношений базируются на *культе общности*, что обуславливает естественное подавление качеств индивида, не вписывающихся в коллективистскую систему ценностей, и «поощряет» их действия, направленные на поддержание системы ценностей коллектива.

Социальная значимость одних и тех же действий в индивидуалистической и коллективистской культурах существенно различается. «У людей, принадлежащих к разным культурам, могут не совпадать представления о достойном пути проявления своих способностей. В индивидуалистических культурах демонстрация знаний и умений обычно поощряется. И такое же самое поведение может рассматриваться как неприличное или грубое в культурах, где ценятся межличностные отношения, кооперация и скромность» [82, с. 75]. Рассмотрим это на примере, казалось бы, универсальной категории «трудолюбие». Для большинства исследователей не вызывает сомнения, что американцы и японцы отличаются трудолюбием. Но не все обращают внимание на то, что в их собственных культурах категория «трудолюбие» расшифровывается по-разному. Американское трудолюбие максимально рационально, вследствие чего американец трудится ровно столько, сколько необходимо для достижения максимального результата с наименьшими трудозатратами. При этом желательно, чтобы и сам трудовой процесс, и вознаграждение за него должны быть максимально индивидуализированными. Тогда как в японской культуре трудолюбие понимается не столько как конечный результат, сколько как процесс. Именно по этой причине американские исследователи и определили у японцев диагноз «трудоголизм» (о котором сами японцы не подозревают) – трудовой деятельности, не подкрепленной личным интересом. Таким образом, если в американской культуре трудолюбивым назовут человека, добившегося высоких трудовых успехов в реализации своего личного интереса, то в японской – человека, азартно трудящегося вместе с группой, получающего удовлетворение в первую очередь от общественной значимости его труда. Доминирующей формой производственного взаимодействия в японской культуре является «групповое сотрудничество», в котором

процветающая фирма – это главная цель, от достижения которой зависит благополучие каждого члена фирмы. Поэтому в японской культуре противопоставлять личные интересы интересам своей фирмы – вещь несуразная, невозможная.

Следует отметить, что проявление индивидуализма/коллективизма обусловливается не только идеологическими и социологическими постулатами. Проявление индивидуализма/коллективизма вызывается и естественными причинами.

Э. Дюркгейм на основании обоснованного им надиндивидуального, *коллективного представления*, объединяющего социальную группу, пришел к выводу: «Коллективная жизнь, целиком располагаясь в коллективном субстрате, посредством которого она связана с остальной частью мира, тем не менее не растворяется в этом субстрате. Она одновременно зависит от него и отличается от него, также как функция соотносится со своим органом» [29, с. 239].

Как было выше отмечено, Э. Дюркгейм сформулировал положение о *вариативности* подсознательной реализации психической энергии (либидо). Индивиды, обладающие *интровертной инвариантностью*, предрасположены подсознательную энергию направлять внутрь себя. *Интроверты* подсознательно избегают взаимодействия с большими социальными группами, а свою «подзарядку» осуществляют при помощи собственных мыслей, чувств, фантазий. Таким образом, они на естественно-психологическом уровне *индивидуалистичны*.

Тогда как индивиды, обладающие *экстравертной инвариантностью*, реализацию собственной психической энергии (либидо) направляют вовне, на других людей и, соответственно, получают «подпитку» от других субъектов взаимодействия. *Экстраверты* нуждаются в большом количестве взаимодействующих с ними людей. Оценки членов рефертных групп для них являются более значимыми, чем собственные самооценки. Экстраверты видят, ощущают и оценивают себя и окружающий мир не столько собственными глазами, сколько глазами других, вследствие чего они на естественно-психологическом уровне – *социоцентричны*.

Это положение Э. Дюркгейма вполне согласуется с утверждением К. Маркса, которого незаслуженно обвиняют в избыточной *экономоцентричности* социальных отношений, где он утверждает, что индивид, будучи продуктом социальных отношений, «сначала смотрится как в зеркало в другого человека. Лишь, отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» [58, т. 23, с. 62]. Подчеркнем, что приведенное марксово социально-философское заключение об отношениях «Петра» и «Павла» не ограничивается только субъектными отношениями. Жизнь показала, что для социальных образований, большинство членов которых обладают экстравертной направленностью, вполне актуален и другой марксов вывод о том, что «уже самый

общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц» [58, т. 3, с. 75]. Экономическая эффективность производств, построенных на идеологии коллективизма (корпоративности) предприятий Японии, Кореи, Китая, достаточно убедительно подтверждает это положение.

Совместная, коллективная (для тех, кому не нравится термин *коллективная*, можно применить название *корпоративная*) деятельность накладывает свой отпечаток не только на предмет и результат деятельности. Совместная деятельность изменяет и социально-личностные отношения. Ибо «социальная деятельность не зависит от личной природы индивидов. Причина заключается в том, что в сплаве, из которого он возникает, все индивидуальные признаки, разнообразные по определению, взаимно нейтрализуются и сглаживаются» [29, с. 235].

Американский исследователь Г. Хофстед в своей работе «Последствия культуры» (1980) после проведения факторного анализа 117 000 анкет сотрудников корпорации IBM, работающих более чем в 50 странах мира, выделил индивидуалистический/коллективистский компонент в ценностной ориентации работников. Отметим, что индивидуализм он определил как эмоциональную независимость индивида от группы и организации, а коллективизм – как интегрированность человека с самого рождения в защищающие его сплоченные группы в обмен на лояльность. Результаты его исследования показали, что наибольший индивидуализм зафиксирован среди работников компании в США, Австралии, Великобритании, а наибольший коллективизм – в Пакистане, Колумбии, Венесуэле [83, с. 195–196].

В социальной расшифровке значимости коллективизма и индивидуализма существенным является то обстоятельство, что в западноевропейской и североамериканской социологии их значимость коррелируется с мотивом достижения и, как следствие, с экономической эффективностью. В данном случае считается установленным, что эффективная предметная деятельность может мотивироваться только в случае достижения частной цели. В условиях индивидуалистической культуры частный интерес, частная собственность, частный предприниматель являются самодостаточными высоко нравственными категориями, защищаемыми не только государственными институтами, но и всей нравственной системой. В соответствии с индивидуалистической концепцией при групповой деятельности индивидуальное, рациональное начало в мотиве достижения неизбежно растворяется, и его вытесняет иррациональное, аффективное стихийное начало. Отсюда аксиома, в дальнейшем не требующая доказательств, о прогрессивности индивидуальной, частной собственности и индивидуального труда и «архаичности» коллективной собственности и коллективного труда. Эта связь между индивидуальным, частным интересом, мотивом достижения и экономической

эффективностью, возможно, и является верной, но только в пределах *индивидуалистической культуры*. Ведь история показала, что в системе восточной *коллективистской культуры* коллективные мотивы достижения оказывают не меньшую экономическую эффективность. «Японское чудо», «китайское чудо» показали, что на базе *коллективной мотивации достижения* достигается высокая *экономическая эффективность*.

В реальной действительности разделение, а тем более противопоставление личных и общественных интересов является достаточно условным, ибо они являются взаимообуславливающими и взаимодополняющими друг друга. Э. Дюркгейм, анализируя механизмы взаимодействия индивида и общества, отмечал, что «коллективные способы действия или мышления существуют реально вне индивидов, которые постоянно к ним приспособляются. Это вещи, обладающие своим собственным существованием. Индивид находит их совершенно готовыми и не может сделать так, чтобы их не было или чтобы они были иными, чем они являются. Он вынужден поэтому учитывать их существование, и ему трудно (мы не говорим: невозможно) изменить их, потому что в различной степени они связаны с материальным и моральным превосходством общества над его членами» [29, с. 20]. Но не менее верной является аксиома, что и социум состоит из индивидов и в конечном счете актуализирует индивидуальные интересы. На самом деле проблема заключается не в противопоставлении, а в выстраивании гармонии между индивидуальными, личными и общественными, коллективными целями и потребностями. В реальной жизни баланс этих интересов осознанно или стихийно в конечном счете устанавливается. Альтернативой балансу общественных и личных интересов является *аномия*, распад общества. Реальная проблема заключается не в определении действенности индивидуалистических или коллективистских моделей общественного взаимодействия (практика показала эффективность как одной, так и другой), а в попытке эклектического соединения изначально несоединимых, но внешне «удобных» элементов индивидуалистической парадигмы с «привычными» элементами коллективистской. Например, выстраивание эклектической модели, объединяющей в себе личную свободу выбора – из индивидуалистической культуры – и коллективную, общественную ответственность за результаты выбора – из коллективистской культуры. Разрушающий потенциал эклектично-фрагментарных моделей заключается именно в подобном соединении изначально несоединимых элементов двух моделей.

Традиционно считается, что культура восточных славян отличается повышенным коллективизмом. Общинность, коллективизм, круговая порука у восточных славян не были придуманными социалистами или коммунистами. Последние использовали эти славянские характеристики для достижения своих политических целей, но «придумали» общинность и

коллективизм экстремальные условия их выживания. Жизненность восточнославянского коллективизма предопределяется общинной идеей «люда», социальной гармонии, в которой оценочные механизмы акцентируют внимание не на материально-вещественных результатах, а на мотивах, поступках, социально-духовных последствиях взаимодействующих индивидов. Чувство общинности, артельности у белорусов сформировали сложные, экстремальные условия их жизни. Испокон веков на такую форму совместной деятельности, как «талака», белорусские сельчане собирались для выполнения срочной, трудоемкой работы: вывезти лес, срубить хату, накосить сена, убрать урожай. При этом первую очередь оказывалась помощь вдовам, погорельцам, безлошадным. В связи с тем что в коллективистской культуре материальный результат труда был неотделим от социального процесса, «талака», как правило, заканчивалась застольем, гуляньем. Другой формой социального взаимодействия у белорусских крестьян была «сябрына» – обычай совместного пользования пчелами, скотом. Широко распространенной была и «бонда» – обычай угощать соседей свежениной, фруктами, хлебом из нового урожая.

В последнее время вместе с изменением вектора общественного развития происходит ревизия мировоззренческих ценностей в системе взаимодействия «индивид – общество», наметилась тенденция ослабления идеи коллективизма и усиление личностно-индивидуальных ценностей. Идеи гуманизации и гуманитаризации, популяризация идей гражданского общества, вестернизация, американизация средств массовой информации, вкупе с реалиями нарождающегося капитализма, ослабили коллективистские ценности. Но каково ощущение значимости идей коллективизма-индивидуализма в сознании современных белорусов? Результаты нашего социологического исследования показали, что самой «положительной» ментальной характеристикой белорусские респонденты определили трудолюбие, которое как положительное отметили 93,3 % опрошенных респондентов, а самой негативной определили индивидуализм, который 63,4 % респондентов отнесли к отрицательным характеристикам. При этом «коллективизм» как положительную ментальную характеристику определили 78,1 % опрошенных белорусских респондентов. В оценке современных белорусов доминирующая ментальная характеристика «трудолюбие» положительно коррелирует с категорией «коллективизм» и отрицательно – с категорией «индивидуализм». Разведя по противоположным полюсам трудолюбие и индивидуализм, респонденты «сконструировали» симптоматичную диаду «неиндивидуальное трудолюбие». В представлении белорусских респондентов, в идеальном варианте трудолюбие должно быть скорее коллективным, чем индивидуальным. Таким образом, результаты исследования показали, что в этом аспекте белорусские респонденты ощущают себя частью скорее традиционной восточной, чем западной культуры.

В исследовании была предпринята попытка определить значимость коллективистско-индивидуалистических ценностей через соотношение с одной из важнейших ментальных характеристик «стремление к личной свободе, независимости», которую в качестве положительной оценили 93,4% белорусских респондентов. Результаты измерения соотношения ментальных характеристик «стремление к личной свободе, независимости», «коллективизм» и «индивидуализм» в их идеальном выражении, в представлении белорусских респондентов, показаны в таблице 3.9.

Таблица 3.9

Идеальные значения ментальных характеристик «стремление к личной свободе, независимости», «коллективизм» и «индивидуализм» в представлении белорусов

Рейтинг	Ментальная характеристика	Оценка, %			
		положительная	нейтральная	отрицательная	приведенная
5	Стремление к личной свободе, независимости	93,4	2,8	3,8	89,6
12	Коллективизм (один за всех и все за одного)	78,1	3,9	18,0	60,1
20	Индивидуализм (каждый сам за себя)	32,2	4,4	63,4	-31,2

Зафиксированные в табл. 3.9 данные показывают, что 93,4% белорусских респондентов отметили ментальную характеристику «стремление к личной свободе, независимости» как положительную. При этом категорию «индивидуализм» почти две третьих опрошенных зафиксировали в качестве отрицательной. Иная ситуация с категорией «коллективизм». Почти 80 % опрошенных оценили ее положительно и только 18 % – отрицательно. Результаты анкетного опроса позволяют сделать вывод о том, что утверждение личной свободы и независимости белорусские респонденты связывают не с индивидуализмом (в североамериканской культурно-цивилизационной системе координат индивидуализм – это и есть форма достижения личной свободы и независимости), сколько с ограниченным коллективизмом. Достижение личной свободы и независимости современными белорусами предполагается не через преодоление влияния коллектива, которое в североамериканской культуре ассоциируется с бездушной толпой, нивелирующей личность, являющейся «путами» в развертывании свободной личности, а посредством коллектива.

Подчеркнем, что отмеченные выше данные выражают идеальную (желательную) оценку индивидуализма и коллективизма. Но, во-первых, в реальной действительности ни в одном обществе, независимо от официальной идеологии, ни полностью «слиться» с обществом, «раствориться» в нем, ни полностью «атомизироваться», выйти из общества индивид не может. Во-вторых, в различных сферах своей жизнедеятельности потребности индивида в «атомизации» и дистанцировании от общества существенно различаются. Для проверки этой гипотезы индивидуалистический и коллективистский компоненты были дифференцированы в следующих сферах жизнедеятельности индивида: в производственной деятельности; при защите Родины; распределении и потреблении результатов труда; в повседневной, каждодневной жизни, в организации досуга, отдыха; в сложных, важных жизненных ситуациях; в критические периоды развития общества в мирное время. Результаты анкетного опроса зафиксированы на рис. 3.18.

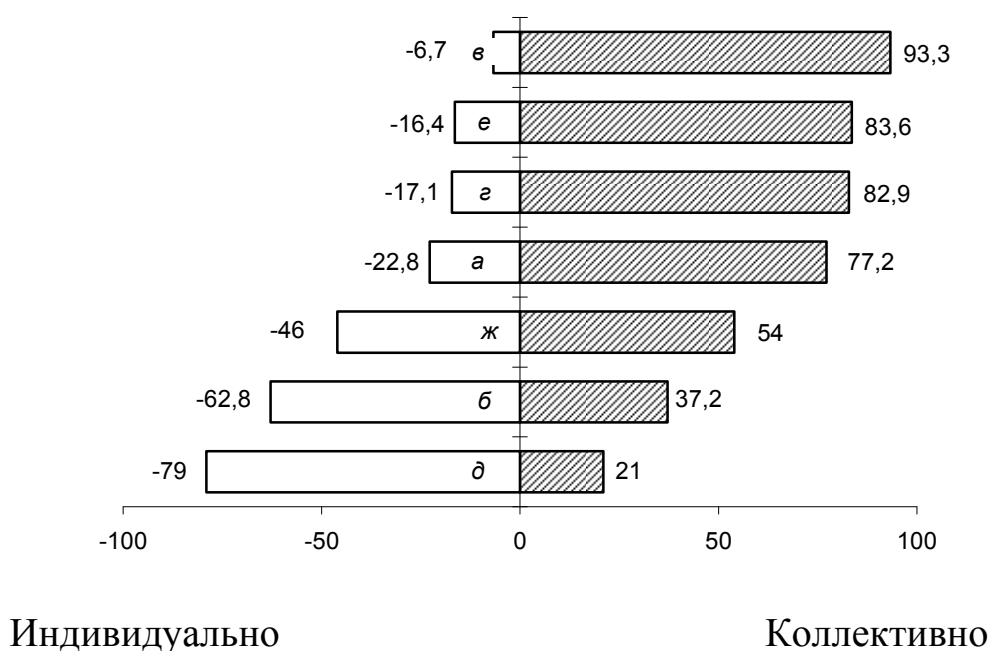

Рис. 3.18. Модель соотношения индивидуалистического и коллективистского компонентов в различных сферах деятельности в представлении белорусов:

- а* – в производственной, учебной деятельности; *б* – в распределении и использовании результатов труда; *в* – при защите Родины;
- з* – в критические периоды развития общества в мирное время;
- д* – в повседневной, каждодневной жизни; *е* – в сложных, важных жизненных ситуациях (свадьба, юбилей, несчастный случай, похороны);
- ж* – в организации досуга, отдыха

Как и прогнозировалось в рабочей гипотезе исследования, в различных сферах жизни выбор респондентами способа взаимодействия друг с другом оказался более сложным. Во-первых, средняя оценка коллективистских действий в семи сферах жизни человека при дифференцированной оценке основных сфер жизнедеятельности также оказалась доминирующей. На нее как на предпочтительную форму социального действия указало 61,2 % респондентов, хотя при недифференцированной оценке значимость коллективизма была определена 78,1 % респондентов. Превышение идеальной нормы коллективизма над средней оценкой при дифференциации сфер деятельности говорит о том, что на инструментальном уровне эффективность коллективизма оценена менее положительно. Подчеркнем, что более высокая средняя оценка приемлемости индивидуальных средств в решении важнейших вопросов жизнедеятельности с идеальной оценкой индивидуализма говорит о том, что принцип индивидуализма на практике применяется чаще, чем в идеальной концепции.

Во-вторых, сегменты «расслоения» система взаимодействия индивида и общества показали, что современные белорусы в различных сферах своей жизни хотели бы в различных сочетаниях реализовать индивидуалистически-коллективистские компоненты. Так, в *сфере отдыха и досуга* коллективные и индивидуалистические начала оказались практически уравновешенными. Как и предполагалось, максимальный, практически абсолютный коллективизм белорусские респонденты зафиксировали в ситуациях *защиты Родины*. События Великой Отечественной войны достаточно убедительно подтвердили способность белорусов объединиться для тотального противоборства с незваными чужеземцами. Республика-партизанка, каждый третий житель которой погиб в противоборстве с носителями «коричневой чумы», явилась настоящим адом для фашистских оккупантов.

Подавляющее большинство респондентов предпочли коллективные действия также и в *критические периоды развития общества в мирное время*. Сложные противоречивые условия системной трансформации восточнославянских государств, в том числе и Беларуси, усиливают коллективистский компонент. Не в последнюю очередь и это обстоятельство обусловило неудачу в использовании на постсоветском пространстве метода «шоковой терапии». Ведь одна из обязательных составляющих «шоковой терапии» как условия выхода общества из кризисного состояния является быстрая «атомизация», дистанционирование личности от общества и государства. Практика показала, что в восточнославянских государствах достаточно легко смогла «атомизироваться» относительно узкая прослойка общества, сумевшая «преступить», выйти за пределы восточнославянских нравственных коллективистских, общинных принципов традиционного общества. У подавляющей же части общества в кризисных условиях сработал коллективистский алгоритм.

Явно коллективистским оказался и выбор респондентами оптимального *способа производственной деятельности*. Три четверти опрошенных современных белорусов полагают, что производственной деятельностью и в настоящее время следует заниматься коллективно. Историческая память «подказала» большинству современных белорусов, что заниматься производственной деятельностью, особенно в сложных трансформационных условиях, лучше коллективно, что производство – дело общественное. Подчеркнем, парадигмы индивидуального или коллективного поведения не локализируются какой-то одной сферой жизнедеятельности социума. Опыт организации производства реального сектора экономики показывает, что настоящий производственный коллектив становится таковым только при достижении гармонии в сочетании общественно-коллективных и индивидуально-личностных компонентов как в профессионально-деятельной, так и в социально-личностной сферах.

Явно коллективистский алгоритм респонденты зафиксировали и в решении *сложных, важных жизненных ситуаций* индивида. Свадьба, похороны, рождение ребенка у восточных славян всегда были делом не только личным, но и общественным, коллективно-родовым. Результаты исследования подтвердили, что и у современных белорусов эти нормы сохраняют свою устойчивость – 83,6 % опрошенных респондентов отметили, что справляться с важнейшими семейно-личностными проблемами комфортнее коллективно.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что результаты социологического исследования показали, что современные белорусы хотели бы быть «атомизированными», защищенными от вмешательства общества и государства в их повседневную жизнь, а также в распределение и использование результатов труда, в выборе ценностных ориентаций, культурных предпочтений.

Таким образом, оценка значимости индивидуализма и коллективизма, выбор белорусскими респондентами оптимальных форм деятельности в важнейших аспектах жизнедеятельности позволяет сделать следующие выводы:

1. Обеспечение социальной синхронности, равенства всех членов общины для белорусов было определено жесткими условиями выживания. Подсознательно, а возможно и осознанно, белорусы настраивались на равенство – если хорошо, то всем, а если плохо, то тоже всем. Белорусская самооценка «так, как у всех» могла дополняться самооценкой «не хуже, чем у других», но не могла дополняться самооценками – «лучше, чем у других», «хуже, чем у других».

2. Белорусы, будучи скорее экстравертами, чем интровертами, самих себя узнают скорее глазами других, чем своими собственными глазами. Получать постоянную эмоциональную поддержку близких людей для белоруса является не менее важным, чем обеспечивать собственное материальное благополучие. О суггестивной зависимости белорусов от оценок

мира, родных, близких и просто знакомых говорит устойчивость поистине народной традиции – публичного поздравления с личными событиями посредством средств массовой информации – радио, телевидения, печатных изданий. В современных условиях помещение фотографий на Доску почета, публичное вручение Почетной грамоты являются востребованными атрибутами.

3. Восточные славяне вообще, а белорусы – особенно, отличаются высокой предрасположенностью к суггестии, внушению. У славян «послушный мальчик», «послушная девочка», «покладистый человек» всегда были категориями, вне сомнения, положительными. Не случайно в восточнославянской версии христианства – православии – послушание является одной из главных добродетелей человека, и наоборот, гордость, гордыня, своеволие – самыми порицаемыми качествами. Тогда как в североамериканской терминологии послушание, покладистость идентифицируются с «конформностью», «конформизмом», обозначают «приспособленчество» и носят, безусловно, социально-отрицательную нагрузку.

4. Как на идеальном, желательном уровне, так и в самооценке белорусы отличаются от поляков, литовцев, немцев, американцев повышенным коллективизмом. Следовательно, как при организации производственной деятельности, так и при реализации социальных технологий следует исходить из того, что коллективная, групповая деятельность для большинства современных белорусов является и более комфортной, и более эффективной. Вместе с тем, одной из важнейших задач организаторов коллективной, совместной деятельности является «выстраивание» четкого баланса между интересами и ответственностью коллектива и персональными интересами и ответственностью каждой личности, так как ничем не ограниченное коллективное ощущение у восточных славян легко трансформируется в свою противоположность – круговую поруку, коллективную безответственность.

5. Тенденция ослабления коллективистских ценностей у современных белорусов является защитной реакцией против избыточного вмешательства общества и государства в повседневные, личные дела индивидов, против уравнилельных систем распределения результатов коллективного труда. Вместе с тем такие сферы жизнедеятельности, как производство, сложные, важные жизненные ситуации в личной жизни, защита Родины и преодоление препятствий в критические периоды развития общества в мирное время современными белорусами воспринимаются как совместные, коллективные.

В процессе трансформации общества изменяются ценности, вкусы, пристрастия, но по-прежнему все важнейшие социальные события – дни рождения, юбилеи, свадьбы носят ярко выраженный коллективистский характер, необходимым атрибутом которых является застолье: во-первых, нерационально

обильное, потому что этого требует ритуал гостеприимства, во-вторых, массовое, а в-третьих, синхронизированное: тосты-здравницы, в которых все участники торжества должны публично выразить свое отношение к виновнику торжества; общие коллективные танцы и общие коллективные застольные песни. Сколько в разные времена по этому поводу принималось ограничивающих либо вовсе запрещающих документов, но их суть не изменяется.

Критические условия общественного развития у белорусов усиливают коллективистский компонент. Этот факт обусловил неудачу в использовании метода «шоковой терапии» в мобилизации общества. Ведь одно из обязательных условий «шоковой терапии» как способа выхода общества из кризисного состояния – быстрая «атомизация», дистанционирование личности от общества и государства. Практика показала, что в восточнославянских государствах «атомизироваться» смогла достаточно узкая прослойка общества, сумевшая «преступить», выйти за пределы восточнославянских нравственных коллективистских принципов традиционного общества. У основной же части общества в кризисных условиях сработал коллективно-стремительный алгоритм. Историческая память «подказала» большинству современных белорусов, что выживать и заниматься производственной деятельностью в критические периоды развития общества предпочтительней совместно, коллективно.

Достаточно высоко оценивая такое качество, как «стремление к личной свободе, независимости» на идеальном уровне, современные белорусы его реализацию связывают не с индивидуализмом, не с «атомизацией», противопоставлением себя другим субъектам, а с действиями внутри коллектива и вместе с коллективом. Способ обеспечения личной свободы и независимости современные белорусы видят не в противоборстве с другими, не вопреки другим, а вместе с другими, внутри коллектива. Белорусская модель достижения личной свободы и независимости не вписывается не только в североамериканскую, но и западноевропейскую модели. С определенными оговорками можно утверждать, что наиболее близким аналогом белорусской модели обеспечения личной свободы и независимости может служить японская модель.

*Временной
темпоритм
менталитета
белорусов*

Глава

4.1. ВРЕМЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Одним из важнейших компонентов этнонационального менталитета является специфика ощущения времени. Результаты социологического исследования показали, что для белорусов одной из самых травмогенных является такая ментальная характеристика, как точность, обязательность в ментальном портрете она занимает последнее, двадцатое место. Только для 12,1 % респондентов точность и обязательность стали нормой, тогда как то, что эти качества являются необходимыми, полагают 88,6 % из них. Почему же сложилась такая парадоксальная ситуация? Если бы изменение временного алгоритма, приведение его в соответствие с идеальным зависело только от желания субъекта деятельности, то решить проблему не составило бы большого труда. На самом деле вопрос конечно же не так прост, как кажется на первый взгляд. Ведь ощущение времени, являясь составной частью менталитета, зафиксировано не только в сознании, но и в подсознании, поэтому его измерение происходит не только в физической, но и в социально-психологической системе координат. На социальную сущность времени как на базовый элемент менталитета обратили внимание еще первые исследователи *mentality* – представители школы «Анналов». Один из виднейших представителей этой школы Ж. Ле Гефр на основании анализа трансформации условий общественного развития в средневековье выделил две базовые константные характеристики – *труд* и *время*. На несовпадение астрономического и социально-психологического (ментального) времени люди обращали внимание еще в древности. Как совершенно верно заметили П. А. Сорокин и Р. К. Мертон, «само введение “ментального возраста” (*mental age*) – свидетельство методологической недостаточности астрономической хронологии в этой области. Эмпирически доказано, что нет постоянной связи между хронологическим и ментальным возрастом» [79, с. 113].

В синхронизации общественного взаимодействия имеют большое значение социально значимые временные точки – хронотопы. Ведь в реальной действительности человек измеряет время не только по физическому (часам, минутам и т. п.), но и по социально-психологическому, внутреннему времени (степени насыщенности переживаний временных интервалов). Социально-временные категории «сейчас», «настоящее» формируются не методом суммирования временных интервалов, а под влиянием актуализированных социальных факторов. Поэтому физическое измерение времени и его социально-психологическое ощущение не совпадают. В отличие от дискретного физического времени, где каждая последующая минута следует за предыдущей, со-

циально-психологическое время может *лететь, тянуться, уходить, приближаться, останавливаться* и *возвращаться*. Славянское «Счастливые часов не наблюдают» обозначает не столько буквальное отсутствие контроля за ходом времени, сколько его комфортное ощущение. О несводимости социально-психологического времени к физическому говорит сущность такой любимой славянскими поэтами единицы времени, как «мгновение», которую в пределах физических шкал измерить принципиально невозможно. Чисто славянской является и такая широко употребляемая, но предельно «размытая» в физическом измерении временная определенность, как «минут пятнадцать». Данный социально-временной интервал в снятом виде «понятен» славянам, но не подлежит переводу на европейские языки.

Румынский философ-этнограф М. Элиаде в свое время сформулировал гипотезу, в соответствии с которой этносы и нации различаются особенностями ощущения времени: одни тяготеют к циклическому ощущению времени, другие – к линейному [57, с. 85–100]. Именно синхронизированное ощущение линейного или циклического временного темпоритма в значительной степени определяет синхронизацию социальных действий. По определению Питирима Сорокина, «однородность социальных биений пульсации деятельности делает ненужным астрономические рамки. Каждая группа с собственными связями общего, понятного всем ритма деятельности отсчитывает свое время соответственно своему поведению. Никакие сложные расчеты, основанные на математической прецизионности и точности астрономических наблюдений, не нужны для синхронизации и корреляции социального поведения» [80, с. 114]. Учитывая укорененность ментальных характеристик в подсознании, следует подчеркнуть, что ментальное ощущение времени не может полностью синхронизироваться с динамично изменяющимися внешними геополитическими и социально-экономическими реалиями.

Современным западным цивилизациям присуще рациональное, четко выраженное линейное восприятие пространства и времени (человек живет «здесь и сейчас»), которое заставляет выстраивать в строгой последовательности в пространстве и времени как сам предметный мир, так и действия, направленные на его освоение, в том числе и преобразование. К примеру, этимология немецкого «Zeit» (время) происходит от глагола ziehen, что означает «тянуть». Как видим, в немецком языке в основе идеи времени лежит линейный образ. Именно линейное ощущение времени северогерманских этносов, синтезированное с протестантской богоугодностью труда, предопределило, по сути, культовую сущность трудовой деятельности с четкой временной последовательностью в ее осуществлении: сначала одно, затем второе, после этого третье и т. д. Вся жизнь протестанта изначально спланирована, хронометрирована и не допускает «пустых» отрезков времени. Описывая влияние социально-этической системы протес-

тантизма на формирование западноевропейского капитализма, М. Вебер указывал, что для предпринимателя-протестанта «главным и самым тяжелым грехом является *бесполезная трата времени*. Жизнь человека чрезвычайно коротка и драгоценна, и она должна быть использована для подтверждения своего призвания. Трата этого времени на светские развлечения, пустую болтливость, роскошь, даже на превышающий необходимое время сон – не более шести, в крайнем случае восьми часов – морально совершенно не допустима. Здесь еще не вошло в употребление изречение «время – деньги», которое нашло свое место в трактате Бенджамина Франклина, однако в духовном смысле эта идея в значительной степени утверждалась: время безгранично дорого, ибо каждый потерянный час труда отнят у Бога, не отдан приумножению славы Его» [14, с. 186]. Именно соединение линейного ощущения времени с самодостаточностью и богоугодностью труда и послужило духовным, социокультурным фундаментом формирования западноевропейского рационального индустриально-рыночного образа жизни. Схематично модель дискретного линейного восприятия времени представлена на рис. 4.1.

Рис. 4.1. Модель «стрелы» дискретного линейного восприятия времени

Представленная модель наглядно демонстрирует сущность линейного ощущения времени, которое нельзя ни остановить, ни вернуть, в котором нет ни прошлого, потому что оно уже ушло, ни будущего, потому что оно еще не наступило, а есть только уходящее настоящее, которое надо успеть «ухватить». Одновременная локализация деятельности во времени и пространстве определяет сущность американского императива бытия «здесь и сейчас».

Западноевропейское и североамериканское линейное ощущение времени выстраивает жесткую цепочку: *прошлое – настоящее – будущее*. Здесь настоящее не может быть раньше прошлого, а будущее – раньше настоящего. Психология линейного монохроматического времени в западной культуре четко актуализирует единую пространственно-временную субстанцию «здесь и сейчас». «Западный человек решает проблему “линейно”, “по шагам” – от одного этапа к другому, учитывая сегодняшние преимущества, двигаясь прямо к цели. Для него не столь важно, что было вчера или в прошлом: он весь направлен в будущее» [77, с. 187].

До тех пор пока производство осуществлялось в аграрном секторе, где основным объектом труда была земля, время объективно ассоциировалось с неизменным природным циклом и естественной плодородностью земли. В рамках естественного природного цикла время нельзя было «уплотнить»: животные не могли принести приплод раньше определенного природой срока, злаковые культуры не могли созреть ранее отведенного им времени. Формирование товарно-индустриального способа производства предопределило адекватные изменения и в системе координат измерения и ощущения времени. Промышленный стандартизированный труд, в отличие от натурального сельскохозяйственного труда, требовал линейной, дискретной системы измерения и ощущения времени. Товарно-индустриальные отношения с жесткой необходимостью обуславливали, чтобы каждая единица товарной продукции, каждая производственная операция, каждое движение работника были бы *овремененными*. В условиях машинного производства время, возникнув как интерсубъективная социальная реальность, стандартизируется и становится одной из важнейших систем координат социальной жизни, оно становится самодостаточным властителем человека. Эрих Фром в своем труде «Иметь или быть» отразил на приобретенную самодостаточную сущность времени следующим образом: «В индустриальном обществе власть времени безгранична. Современный способ производства требует, чтобы любое действие было точно «хронометрировано», чтобы не только работа на бесконечном конвейере, но и вообще большинство видов нашей деятельности подчинялись бы фактору времени. Более того, время – это не только время, «время – деньги» [89, с. 136]. Но самодостаточность времени, предопределенная товарными отношениями в сфере производства, подчиняет себе не только общественную, но и личную жизнь человека. Отсюда следуют далекие от оптимизма выводы: «Лишь в часы, свободные от работы, создается у нас видимость какого-то выбора. И тем не менее мы чаще всего организуем свой досуг так же, как и работу, или восстаем против тирании времени, предаваясь абсолютной лени. Однако безделье, если не считать делом неподчинение времени, – только иллюзия свободы, на самом деле, это всего лишь *условное освобождение от тюрьмы, имя которой – “время”*» [89, с. 137].

Восточная циклическая модель ощущения времени, являясь продуктом архаических аграрных культур, детерминирована природно-календарным модусом хозяйственной крестьянской деятельности, характеризуется устойчивостью, повторяемостью циклов: суточных, лунных, годовых, жизненных, вековых, цивилизационных (рис. 4.2).

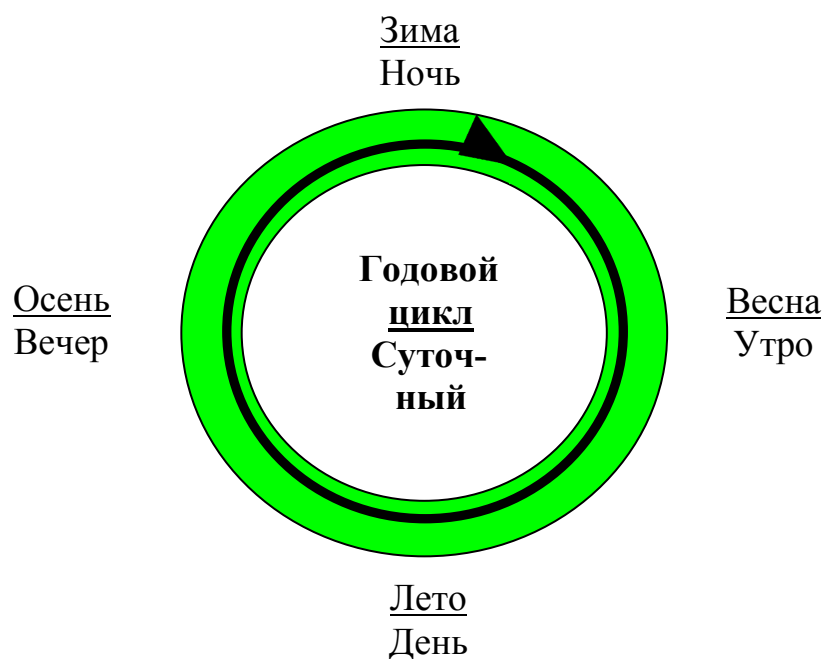

Рис. 4.2. Циклическая модель времени

В отличие от линейного времени, которое воспринимается исключительно рационально, принципиальной отличительной чертой циклического времени является восприятие действительности не столько разумом, сколько ощущениями, эмоциями и чувствами. Как совершенно справедливо отмечает П. А. Сорокин, «обозначение времени, в смысле продолжительности и выражения, связано с социальными действиями... Выражение времени отражает социальную жизнь группы. Название дней, месяцев, времен года... фиксирует социальную жизнь» [79, с. 114]. На социальную сущность категории «время» указывает и российский этнолог В. А. Тишков. «Минута, час, неделя, день, фаза луны, год, Рождество, Пасха и Рамадан, циклы производства и роста, поколенческий цикл и жизненный цикл – все это одни из немногих временных форм, которые определяют и регулируют нашу повседневную жизнь. Параметры жизни и смерти, природные ритмы, повторяющиеся социальные события и многое другое – все это то, что составляет временную матрицу и позволяет жить во времени. Именно через эти разные формы отсылок ко “времени, когда...” мы способны узнать о многом и организовать жизнь» [84, с. 272–273].

Характерной чертой эмпатического белорусского менталитета является процесс *переживания* как уже свершившихся, так и возможно предстоящих событий. «Будущее тоже может переживаться так, словно оно имеет место здесь и сейчас. Это происходит в тех случаях, когда какое-то будущее событие мы предвидим с такой точностью, что оно относится к будущему только “объективно”, то есть как внешний факт, но не субъек-

тивно, не в нашем внутреннем опыте. Такова природа подлинной утопической мысли (в отличие от утопических грез); такова основа истинной веры, которая не нуждается во внешней реализации «в будущем», чтобы переживаемое стало реальностью» [89, с. 136]. Эта особенность позволяет белорусам избегать необдуманных, непросчитанных, безрассудных действий. Представляется, что белорусы от своих соседей украинцев и русских отличаются в том числе и тем, что они сильнее *переживают* уже прошедшие события, труднее «выходят» из них, и тщательнее *переживают* и осторожнее «входят» в будущее. В отличие от русского (да и украинского) метафорически-образных «или пан или пропал», «или грудь в крестах, или голова в кустах», для белоруса более понятным является: «лучше синица в руках, чем журавль в облаках».

В новейшей истории, когда республики и регионы бывшего Советского Союза и так называемого социалистического лагеря интенсивно соревновались в «ускорении» и «перестройке» в политическом реформировании, Беларусь объявили «резервацией социализма». По мнению критиков, белорусский народ был недопустимо консервативным, не хотел расставаться с «очевидными» пережитками. Жизнь все расставила по своим местам. В последнее время сохранившиеся и получившие новое дыхание промышленность, коллективное сельскохозяйственное производство, наука, образование и социальная сфера, уровень жизни белорусов уже не представляются «архаичными пережитками».

Интеллект и эмоции, напряженные *переживаниями* прошлого и будущего, ослабляют актуализацию *настоящего*. А поскольку в различные периоды времени настоящее, прошлое и будущее актуализируются с различной интенсивностью, то в отличие от монохроматического, линейного времени в циклическом, полихроматическом ощущении времени *прошлое*, *настоящее* и *будущее* существуют в любой последовательности (рис. 4.3).

Рис. 4.3. Модель полихроматического «переживающего» восприятия времени

В восточнославянской культуре в цепочке *прошлое* – *настоящее* – *будущее* ее центральное звено – *настоящее* – нередко исчезает. Эта славянская особенность с наибольшей силой актуализируется в условиях транзитивного развития общества, которую под впечатлением происшедших драматических событий 20-х годов XX столетия очень точно описал Н. Бердяев. Находясь в неустойчивой среде российских революцион-

ных событий, он «овременил» эти драматические события следующим образом: «Время не только разорвано на части, но одна часть его восстает против другой. Будущее восстает на прошлое, прошлое борется против истребляющего начала будущего. Исторический процесс во времени есть постоянная трагическая и мучительная борьба этих растерзанных частей времени – будущего и прошлого. Эта разорванность так странна и страшна, что в конце концов превращает время в некий призрак, потому что, если мы проанализируем три части времени, момент прошлого, настоящего и будущего, то мы можем прийти в отчаяние: все три момента оказываются призрачными, потому что нет прошлого, нет настоящего и нет будущего. Настоящее есть лишь какое-то бесконечно мало продолжающееся мгновение, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет, но которое само по себе представляет некую отвлеченную точку, не обладающую реальностью. Прошлое – призрачно потому, что его уже нет. Будущее – призрачно потому, что его еще нет. Нить во времени разорвана на три части, нет реального времени. Это поедание одной части времени другой приводит к какому-то исчезновению всякой реальности и всякого бытия во времени... Будущее есть убийца всякого прошлого мгновения; злое время разорвано на прошлое и будущее, в середине которого стоит некая неуловимая точка. Будущее пожирает прошлое для того, чтобы потом превратиться в такое же прошлое, которое в свою очередь будет пожираемо последующим будущим. Разрыв между прошлым и будущим есть основная болезнь, основной дефект, основное зло времени нашей мировой действительности» [10, с. 54–55].

В трансформационные периоды общественного развития одна часть населения *не ощущает* реальности *настоящего*, потому что оно уже в *прошлом* (настоящая жизнь была раньше), поэтому *будущее* непонятно и страшно. Другая часть общества *не признает настоящего*, потому что оно в их представлении является только продолжением *плохого прошлого*, а хорошее – возможно только в будущем, принципиально отличном, противоположным и прошлому, и настоящему. Третья, самая малочисленная, но самая активная и агрессивная группа населения, способная преодолеть славянский циклический алгоритм ощущения времени, уродливо воспринимая западноевропейское ощущение пространственно-временного алгоритма – «здесь и сейчас», разрушает естественную связь настоящего как с прошлым, так и с будущим. Дело в том, что западноевропейский пространственно-временной алгоритм «здесь и сейчас» формировался в жесткой корреляции с протестантскими императивами, во-первых, непрерывного трудового, профессионального служения Богу на земле и, во-вторых, личного добровольного ограничения в потреблении, аскетизма. Вместо протестантского «я создаю много, но лично потребляю мало» в критических условиях общественного развития формируется противоестественный алгоритм «новых русских» и «новых белорусов» – «не важно, сколько

произвожу, важно, что я здесь и сейчас много потребляю». «После меня – хоть потоп» – алгоритм ощущения времени, в котором нет ни *прошлого*, ни *будущего*, а есть только короткое ускользящее *настоящее*. Зависимость между ощущением времени и социальным поведением в свое время описал Л. Н. Гумилев. В своей теории пассионарности он, в частности, отмечал, что общество динамично развивается только тогда, когда в нем лидируют *пассеисты*, т. е. «люди, ощущающие себя промежуточным звеном между прошлым и будущим, чувствующие личную ответственность за них... Не только свой труд, но и свою жизнь эти люди жертвуют во имя великих общественных идей» [20, с. 94]. Иная судьба ждет общество, когда в нем начинают доминировать *актуалисты*. «Люди этого склада забывают прошлое и не хотят знать будущего. Они хотят жить сейчас и для себя. Они мужественны, энергичны, талантливы, но то, что они делают, они делают для себя. Они тоже совершают подвиги, но ради собственной алчности, они ищут высокого положения, чтобы насладиться своей властью, ибо для них реально только настоящее, под которым неизбежно понимается свое личное... когда процент людей этого склада в составе этноса увеличивается, то наследство, скопленное их жертвенными предками, быстро растрачивается, и это производит обманчивое впечатление изобилия, поэтому и считается расцветом» [20, с. 94].

В отличие от североамериканцев, швейцарцев, немцев, живущих в четко выраженном социально-психологическом ощущении линейного времени, восточные славяне психологически живут в циклическом времени. Подчеркнем, что на цикличность восприятия времени, на его повторяемость указывает и этимология русского понятия «время», которое происходит от древнеславянского «веремья» и связано со словами «вертеть», «вертеться». В современном фольклоре эта же мысль (быстро двигаться, не выходя за рамки круга) зафиксирована в алгоритме «хочешь жить – умей вертеться». Основными атрибутами циклического времени являются, во-первых, движение по кругу, («все возвращается на круги своя», «новое – это хорошо забытое старое»), а во-вторых, ощущение взаимной связи множества субъектов и объектов деятельности друг с другом. История восточных славян вообще, а белорусов особенно, связана с крестьянским трудом, крестьянским образом жизни. Деятельность крестьян была направлена одновременно на множество объектов и субъектов труда. Аграрный способ жизни требовал от сельчанина быть одновременно и земледельцем, и скотоводом, и строителем, и рыболовом, и охотником. Сложный вид деятельности – сельскохозяйственный и сложный объект деятельности – природа сформировали у белорусов, во-первых, полихроматическую картину мира, а во-вторых, предопределили алгоритм поведения, в котором действия выстраиваются не в линейной последовательности (сначала одно, потом другое), а в одновременном выполнении нескольких дел. Взаимодействуя одновременно с несколькими объектами, переключаясь с одного объекта на

другой, славяне психологически скорее *задерживаются*, чем *опаздывают*. Поэтому чувство вины за невыполнение какого-то дела в установленный срок славянами не осознается – ведь они не бездельничали.

На славянскую расплывчатость во временных ощущениях указывал наблюдавший поведение российских чиновников в экстремальных условиях Первой мировой войны посол Франции в России М. Палеолог. «У русских нет точного представления о *пространстве*, они вообще довольствуются неопределенными расчетами, приблизительными цифрами. Но и их представление о *времени* не менее смутно... Эта неспособность представить себе отношения между фактами во времени еще больше чувствуется, естественно, у безграмотных, составляющих массу.

Явление это, впрочем, легко объяснить, если допустить, что точное представление о времени не что иное, как порядок последовательности, введенной в наши воспоминания и проекты, организация наших внутренних образов относительно точки опоры, каким является наше настоящее состояние. А у русских чаще всего эта точка опоры колеблется и затуманена, потому что их восприятие действительности никогда не бывает особенно объективным» [63, с. 191–192].

В книге «Белорусы», изданной в 1904 году, в перечне характеристик, которыми обладают белорусы, отмечается, что «...ум очень широкий по захватам мысли... Но природная боязнь ко всему широкому заставляет ум белоруса съежиться, обуздать самого себя... Постоянное “себе на уме”, обдумывание своего положения, вечные счеты... сделали его чувственным ко всем неожиданностям. Он не знает русского “авось”... Белорус всю свою жизнь повторяет “а зараз”... и никогда не торопится. ...Белорус необыкновенно терпелив...» [72, с. 234].

В сложных, часто критических, природно-климатических, геополитических и социокультурных условиях следование древним традициям для славян было более надежным условием выживания, чем эксперименты по внедрению нового. В социальной культуре славян древняя икона, древний символ, древний обычай являются более значимыми, более ценными, чем новая икона, новый символ, новый обычай. Отсюда – «старый друг – лучше новых двух». Подчеркнем, что в менталитете славян «старый» и «старик» – синонимы не дряхлого, умирающего, но преуспевшего в *старании*, *старающегося* человека. *Старый*, *старинный*, *старающийся*, *старательный* – однокоренные понятия, выражающие сущность сохранения, передачи и творческого освоения накопленного поколениями опыта. Поскольку *прошедшее время* является воплощением многократного повторения проверенного жизнью опыта деятельности предков, ставшего традицией, прошедшее время в мировосприятии славян не исчезает бесследно. Более того, именно прошедшее время как правило и является настоящим, «золотым». «Преданья старины глубокой» – это и есть подлинное, без обмана, бытие, на которое следует ориентироваться в бу-

дущем. Российский социальный философ Н. А. Бердяев, рефлексируя на трагические события начала XX столетия, разрывающие время, протестуя против беспамятства, отмечал: «Память хранит отчее начало, нашу связь с отцами, потому что связь с отцами и есть связь настоящего и будущего с прошлым. Окончательное забвение нашего отчества было бы окончательным забвением прошлого. Это было бы тем сумасшествием, при котором человечество пребывало бы в клочьях времени, в разорванных мгновениях времени, без всякой связи времен» [10, с. 58].

В процессе динамичного изменения геополитических, социально-экономических, социокультурных условий жизнедеятельности белорусов коллективное ощущение времени, как и все органические составляющие этнонационального менталитета, претерпевает изменение. Трансформация хозяйственной жизни белорусского этноса, переход от аграрно-сельскохозяйственного типа жизнедеятельности на преимущественно промышленно-индустриальный тип хозяйствования подвергает модификации и временные темпоритмы. Циклическое, полихроматическое ощущение времени у современных белорусов постепенно замещается линейным, монохроматическим. Но и процесс замещения, как и контуры современной модели ощущения времени, имеют свои специфические национальные белорусские особенности. Дело в том, что социальные механизмы и социальное содержание индустриализации хозяйственной жизни, как базового фактора формирования монохроматического линейного ощущения времени, у восточных славян существенно отличались от западных аналогов. Западноевропейская индустриализация осуществлялась в течение нескольких столетий, во-первых, частным порядком, а во-вторых, в условиях жесткой конкуренции. При этом ее основные процессы происходили в результате естественных эволюционных изменений в технике, технологии и экономике. Здесь каждое новое изменение было предопределено предыдущим.

В отличие от «бесплановой», эволюционной модели западноевропейской индустриализации, индустриализация как в Российской империи, так и в Советском Союзе в контексте конкретных исторических, геополитических, социокультурных реалий осуществлялась централизованно и при жестком планировании. Существенной особенностью индустриализации в Российской империи, а затем и в Советском Союзе, было также то обстоятельство, что в отличие от Западной Европы ее непосредственным исполнителем была крестьянская масса населения с исторически сформированным циклическим, полихроматическим ощущением времени. Неестественные для крестьянства темпы и способы индустриализации принципиально изменяли не только традиционное материальное окружение, но и ломали стереотипы временного ощущения. Подвергаемая ныне критике советская плановая система с лозунгами «Пятилетку – за четыре года», «Планы – досрочно» были реальными механизмами разрушения крестьянской модели циклического, полихроматического ощущения времени и по-

строения монохроматической, линейной модели. Но ломка крестьянского временного ощущения и формирование линейного ощущения времени несли в себе не только положительный потенциал. Обратной стороной этого процесса явилось разрушение целостности ощущения мира. По мнению С. Г. Кара-Мурзы, «научная революция разрушила этот образ: мир предстал как бездушная машина Ньютона, а человек – как чуждый и даже враждебный природе субъект (природа стала объектом исследования и эксплуатации). Время стало линейным и необратимым. Это было тяжелое потрясение, из которого родился европейский нигилизм и пессимизм (незнакомый Востоку)» [31, с. 473].

Следует подчеркнуть, что само ощущение времени и временной темпоритм, точно так же как и все ментальные характеристики, является *амбивалентным*. Как линейное монохроматическое, так и циклическое полихроматическое ощущения времени изначально не являются ни положительными, ни отрицательными. Американцы живут с ощущением линейного, дискретного, монохроматического ощущения времени. Ярко выраженным полихроматическим, циклическим ощущением времени обладают японцы, корейцы, китайцы. Причем неспешность японцев является не только врожденной, она культивируется с детства. Фабулой одной из самых первых сказок, которые рассказывают японские родители своим детям, является сюжет, в котором заяц и черепаха соревнуются на скорость достижения цели. При различных вариантах в конце сказки всегда побеждает мудрая, неспешная черепаха. Несмотря на то что бесполезное созерцание японскими бизнесменами цветения сакуры и длительное ритуальное вступление в деловую беседу, с точки зрения американцев, являются «убийством» времени, эффективность японской экономики не нуждается в комментариях.

Восточнославянское ощущение того, что время как бы никуда не уходит, его много, предопределяет психологическое и социальное «отставание» славян от западноевропейцев. В противоположность универсальной индустриально-индивидуалистической формуле Б. Франклина «время – деньги», славянские пословицы предельно четко фиксируют психологию восприятия циклического времени как самостоятельной субстанции, которую человек не только ощущает, но и взаимодействует с ней («у Бога дней много»; «всему свое время»; «поспешись – людей насмешишь»; «быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается»; «тише едешь – дальше будешь»; «семь раз отмерь – один раз отрежь»). Наряду с рационально-деятельными временными алгоритмами типа «делу время – потехе час» в славянском менталитете удерживаются социально-коммуникативные временные алгоритмы типа: «Провести время», «Убить время», которые в американской или западноевропейской культурах представляются совершенно невразумительными и могут быть понятными и приемлемыми в контексте славянской культуры, в которой коммуникативная функция

общения нередко играет не подчиненную, а самостоятельную роль. Для славянина, в отличие от немца или американца, социальная функция «поговорить» имеет не меньшее значение, чем «договориться».

Утверждение: «русский мужик – крепок задним умом» расшифровывает не только запаздывающее действие, но и запаздывающее ощущение действия. Не случайно в православной версии Христос родился, был казнен и воскрес позже, чем у католиков и протестантов. И Новый год в Белоруссии, России и Украине встречают дважды – вначале общий, а затем, через две недели, – свой, традиционный, народный.

Синхронизируемый временной темпоритм наций и этносов обеспечивает условия бесконфликтного развития общества. Но в периоды «разогрева» этноса, когда в обществе начинают доминировать пассионарии, происходит рассогласование временных темпоритмов народных масс и правящей элиты. Эта рассогласованность «раздирала» восточнославянское общество, начиная с эпохи Ивана Грозного. Как известно, одержимый идеей догоняющей вестернизации, Петр I вынужден был «бежать» из исторического и культурного центра – православной Москвы – и основать свою столицу за фактическими пределами России. На чужой, не только социокультурной, но и географической почве, осуществлял великий реформатор свои прометеевские замыслы по вестернизации России. С Петра I впервые была официально узаконена «догоняющая» система культурно-временных координат России по отношению к Европе. С этих пор Россия была обречена выполнять роль постоянно «догоняющей, но не способной догнать» Европу. «История России (начиная с реформ Петра I) – это во многом история догоняющих модернизаций. Г. В. Плеханов в свое время очень хорошо написал, что Россия – это кентавр, который возник в результате реформ, когда Петр I пришил европейскую голову к азиатскому туловищу традиционной России. Россия и после Петра I пережила несколько крупных догоняющих модернизаций, ряд прививок западного опыта на тело традиционного общества, осуществляемых сверху, – сильной, деспотичной властью, которая, преодолевая сопротивление традиции, ломала старый и насаждала новый образ жизни» [81, с. 20]. Начав «гонку за Европой», российская элита была вынуждена следовать за драматичной логикой взаимодействия все более и более отрывающихся друг от друга узкой прослойки элиты, носителей прозападной культуры и остановившейся во времени культуры народных масс. К началу XX столетия этот разрыв достиг критической точки: элита и народ как в прямом, так и в переносном смысле слова говорили, думали и чувствовали на разных языках. Французский дипломат Морис Палеолог, описывая состояние российской элиты во время Первой мировой войны, отмечал, что «до войны их врожденная склонность к странствиям периодически толкала их на Запад. Высший круг раз или два раза в году слетался в Париже, Лондоне, Канне, Риме, Венеции,

Баден-Бадене, Карлсбаде. Более скромные круги – интеллигенты, адвокаты, профессора, ученые, доктора, артисты, инженеры – ездили учиться, лечиться и для отдыха в Германию, в Швейцарию, в Швецию, Норвегию. Одним словом, большая часть высшего общества, так и интеллигенции, по делу и без дела, но постоянно, иногда подолгу общаясь с Европейской цивилизацией. ...Но за последние двадцать два месяца войны между Россией и Европой выросла непреодолимая преграда, какая-то китайская стена. Вот уже два года как русские заперты в своей стране, как им приходится вариться в собственном соку. ...Поэтому я нисколько не удивляюсь, видя вокруг себя многих людей, раньше казавшихся мне совершенно здоровыми, а теперь страдающими утомлением, меланхолией и нервностью, несвязанностью мыслей, болезненной легковёрностью, суеверным и разъедающим пессимизмом» [63, с. 139–140]. Революции начала XX века «разорвали» циклическое славянское время.

Реальность развития советского общества также укладывается в «догоняющую» концепцию. Восстановление разрушенной гражданской войной, «ускоренная» индустриализация народного хозяйства и опять-таки «ускоренная» коллективизация сельского хозяйства, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление – вся социальная реальность объективно требовала ускорения, «сжатия» времени. Хрущевские установки «догнать и перегнать Америку» стали последним эпизодом, переполнившим чашу народного терпения, и с молчаливого согласия народа к власти пришли «остановившие время» «кремлевские старцы». Сменивший их М. С. Горбачев, в робкой форме попытался реанимировать «догоняющую» концепцию в виде «ускорения». Результат попыток советских реформаторов «догнать» мировое сообщество известен. Опыт постсоветского времени показал, что народы бывшего Советского Союза, лишённые единого координирующего центра, по-разному отреагировали на собственную политическую суверенность. Одни народы и их лидеры в соответствии со своими ощущениями времени и собственным ощущением темпоритма попытались на государственном уровне «догнать и перегнать Европу» или «войти» в Европу, другие – вернуться назад – к самим себе, к своим национальным обычаям, традициям.

4.2. ГОД — ПРИРОДНО-СОЦИАЛЬНЫЙ ВРЕМЕННОЙ ЦИКЛ

Существенное значение в жизни наших предков имел годовой цикл. Сезонность сельскохозяйственного труда в условиях относительно короткого благоприятного периода сформировала у восточных славян еще одну от-

личительную особенность – аритмичное ощущение времени. «Спрессованность» времени в одни периоды и его «растянутость» в другие – объективная потребность организации жизни людей, включенных в природные циклы. Одни сезонные временные отрезки требовали предельной концентрации сил (весенний и осенний день – год кормит), другие давали возможность расслабиться. Ограничение или полный запрет любых видов труда в определенные сакральные для славян периоды являлись своеобразным регулятором чередования труда и отдыха.

В мифологической картине мира белорусов особенно устойчивыми были мифы, связанные с годовым временным темпоритмом. Так, белорусский этнолог А. К. Киркор отмечает, что среди всех «знаменательнее других предания о божествах времен года. Воображение белоруса, особенно в Могилевской губернии, так же живо рисует эти божества, как за тысячу или две тысячи лет назад. Весна, лето, осень и зима имели своих покровителей, царей или цариц: Весна – Лелю, или Лялю, лето – Цецю, осень – Жижелю, зима – Зюзю» [30, с. 255].

В пределах годового цикла осуществляется законченный природный круг: расцвет (весна), созревание (лето), зрелость (осень) и отмирание старого и очищение пространства для нового цикла (зима). Понятие *ежегодный* обозначает естественно-природную законченную и имеющую жизненно важное значение годовую цикличность. Временная точка, соединяющая «новый» и «старый» года, и в настоящее время обладает сакральной, чудодейственной силой. И в настоящее время в народной культуре самыми важными и самыми главными являются новогодние поздравления и пожелания. Ежегодный день рождения также наполнен особым содержанием: в этот день заканчивается годовой цикл и начинается следующий с надеждами на исполнение сокровенных желаний.

Значимость в жизни восточных славян годового цикла подтверждается и тем, что целый ряд значимых понятий образованы от базового корня *год*, выражающих как связь человека с человеком, так и связь общества с природой:

<i>год</i>	непогода	угодить
<i>годовать</i>	погожий	угодный
негодовать	распогодиться	годный
ежегодный	невзгода	неугодный
<i>година</i>	выгода	негодный
<i>погода</i>	пригодиться	негодяй

Перечисленные производные от корня *год*, имеющие существенно различающуюся смысловую нагрузку, можно разделить на *социально-временные, природно-временные, социально-продуктивные* и *социально-личностные*.

Социально-временная категория *годовать* в славянской культуре обозначает активные действия родителей или заменяющих их лиц в воспитании детей. В условиях высокой детской смертности, фактически естественного отбора, ребенок, переживший свой самый трудный период – первый год, переходил в следующую категорию – *годовалых*. *Година* – обозначает время, нагруженное сложными, как правило, негативными социальными событиями, в связи с чем эта временная категория чаще всего употребляется в словосочетании *лихая година*. (Правомерно предположить, что категория *година* отличается от *года* тем же, чем *личина* отличается от *лица* – выраженным негативным аспектом.)

Категории *погода*, *непогода*, *погожий*, *распогодиться*, *невзгода*, несут *природно-временную* нагрузку и фиксируют, что время в зависимости от природно-климатических особенностей при *погоде* бывает хорошим, а при *непогоде* нехорошим, пустым. Следует также иметь в виду, что, в отличие от современного языка, словосочетания «хорошая погода», «плохая погода» нашими предками не употреблялись. Термин *погода* обозначал только благоприятное природно-климатическое время, тогда как *непогода* – неблагоприятное. *Погожими* обозначались благоприятные (оптимальные) погодные условия, а *непогожими* неблагоприятные условия. Понятие *распогодиться* обозначало восстановление хорошей *погоды*.

Понятия *выгода*, *годный*, *удодить*, *пригодиться* у восточных славян носили *социально-продуктивную* нагрузку. Предполагалось, что время не должно быть бесцельным, безрезультативным. Поэтому категория *выгода* обозначает меру пользы, полученной за определенный промежуток времени. Соответственно *невыгодными* были действия, неэффективно использующие время. Категория *годный* является критерием эффективной деятельности, тогда как категория *негодный* обозначает вредное, пустое использование времени, а *негодяй* является человеком, убивающим время. Таким образом, понятия *пригодиться*, *удодить*, *негодяй*, *негодный* несут ярко выраженную *социально-личностную* нагрузку.

4.3. МЕСЯЦЕСЛОВ — НАРОДНЫЙ СОЦИАЛЬНО-АГРАРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Будучи включенными в естественно-природную композицию, восточные славяне выстроили для себя соответствующие временные ориентиры и шкалы – хронотопы. К моменту принятия христианства и введения юлианского календаря славяне пользовались естественно-природным календарем – *месяцесловом*, отображавшим особенности взаимодействия

с природой, землей, космосом, своими родичами и небесными покровителями. О включенности жизни славян в природно-сельскохозяйственные циклы говорит и то, что в отличие от латинизированного современного русского языка белорусский, украинский и польский языки в большой мере сохранили старославянскую природно-циклическую сущность названий месяцев.

Таблица 4.1

Названия месяцев

Русский	Белорусский	Украинский	Польский
январь	студзень	січень	styczeń
февраль	люты	лютий	luty
март	сакавік	березень	marzec
апрель	красавік	квітень	kwiecień
май	май	травень	maj
июнь	чэрвень	червень	czerwiec
июль	ліпень	липень	lipiec
август	жнівень	серпень	sierpień
сентябрь	верасень	вересень	wrzesień
октябрь	кастрычнік	жовтень	październik
ноябрь	лістапад	листопад	listopad
декабрь	снежань	грудень	grudzień

Нетрудно видеть, что в славянских названиях большинства месяцев достаточно четко зафиксированы установки на определенные сезонно-природные виды деятельности.

Название центрального зимнего месяца в белорусском языке – *студзень* точно выражает его природную сущность – студеное, холодное время. В старобелорусском языке этот месяц обозначался словом *стычень*. Похожее звучание сохранилось и в современных украинском и польском вариантах – *сечень*, *styczeń*, в которых присутствует корень *сечь*, т. е. сечь, рубить лес, заготавливать дрова. По-видимому, это название сформировано существовавшей в лесной зоне культурой *подсечного* земледелия и определялось неспособностью поддерживать более или менее достаточное плодородие на песчаных и подзолистых почвах и необходимостью расширения пахотных угодий. На этот месяц, относительно свободный от сельскохозяйственных работ, приходится один из главных белорусских народных праздников – *Коляды*, приуроченный к тревожному природному явлению – Дню зимнего солнцестояния, когда устанавливались самая длинная ночь и самый короткий световой день. Тревожность пришедшей тьмы древние белорусы снимали буйными языческими обрядами. Главным содержанием *Коляд* были игрища: танцы, песни, рассказы как правдоподобных, так и совершенно неправдоподобных сказок, былин. В Христиан-

скую эпоху праздник *Коляды* был совмещен с праздником Рождества Христова, вследствие чего некоторые обряды праздника изменились, приобрели христианские элементы, но сущность осталась прежняя – природно-языческая. Как в эпоху средневекового христианства, так и в доживших до наших дней ритуалах белорусские колядовщики вместе с изображением христианской Вифлеемской звезды водили и водят козу, дзеда, цыганка, музыку. В колядные вечера девушки занимались гаданием, пытались что-нибудь узнать о суженом-ряженом. Колядные праздники сопровождались мясоедом – удачливые хозяева к этому празднику забивали кабанчика или другую живность. «Прыйшлі калядкі – бліны да ладкі», «Калядкі – добрыя святкі: наеўся, напіўся і на палаткі».

Рис. 4.4. Коляды

Название последнего, прощального месяца зимы, которое звучит одинаково и в белорусском, и в украинском, и в польском языках – *люты*, *лютий*, *luty*, недвусмысленно указывает на лютое, холодное, богатое метелями время года. «Віхры і мяцелі у лютым наляцелі». К зиме нужно было приготовить соответствующую одежду и обувь. «Прыйдзе люты – спытае, як абуты». Этот месяц был переходным от зимы к весне, поэтому в соответствии с народным крестьянским календарем следовало проверить озимые, проследить за тем, чтобы на озимых и в садах не собиралась вода. Нужно было выполнить работы по подготовке к посеву: произвести ре-

монт сельхозинвентаря, подготовить посевной материал. В последнем зимнем месяце отмечался один из языческих праздников Грамніцы (Стрэчанне) – день встречи зимы с летом, праздник «живого огня», который в соответствии с народными верованиями защищает человека от злых духов. К этому времени на возвышенностях, южных склонах и крышах появлялись первые проталины, начиналась капель. Считалось, что если на *Грамніцы* петух напьется водицы, то на *Юрьев день* (23 красавіка) вол наестся травицы. Мужчины, которых нужда заставляла зимой уходить в отходные промыслы – на заработки, к *Грамніцам* должны были вернуться домой: пора начинать готовиться к сельхозработам.

Рис. 4.5. На пашне. С картины М. Клодта

По социально-ритуальной значимости особенным циклическим периодом в жизни славян была весна. Со дня весеннего равноденствия, когда солнечный день становится длиннее ночи и увеличивается количество солнечной энергии, посылаемой на Землю, происходит ее пробуждение от зимней спячки. Весной пробуждались надежды на благополучный новый годовой виток в бесконечном цикле времени, надежды на саму жизнь. Следует отметить, что в доюлианском древнеримском календаре Новый год также начинался в *марте* месяце, названного в честь бога войны Марса (*marsius*), а заканчивался год *февралем* – месяцем очищения. Весной восточные славяне вступали в новые по своей значимости и сути сакральные отношения с природой. Именно весной в их сознании просыпалось обостренное чувство *взаимосвязанности, взаимодействия* людей и природы. Если осенью люди благодарили природу и богов за щедрый урожай, то весной природе нужно было помогать: следовало помочь освободить природу от зимы, для чего ее воплощение нужно ритуально сжечь и таким об-

разом помочь «проснуться» весне. Весну нужно было приглашать, звать, *зукать*. Масленая неделя, Масленица, дохристианский народный праздник с ритуальными блинами – символами главного божества – Солнца, выражали призыв к пробуждающейся природе и трепетную надежду на новую жизнь. Почти пять веков христианской эпохи Новый год на Руси начинался 1 марта. И только в 1492 году решением Московского Церковного Собора начало нового года было перенесено с 1 марта на 1 января.

«Весенний день – год кормит» – естественный социально значимый алгоритм древних славян. Весной для белорусских аграриев, возделывающих скудную на урожай почву, появлялась надежда на избавление от недоедания и голода. Белорусский песнярь в поэтической форме так описал ожидаемый переход зимнего периода в весну:

Плача ў няволі край наш радзімы,
Самі ж не знаём спакою:
Паляць нас леты, студзяць нас зімы,
Мучыць нас голад вясною. [53, т. 3, с. 323]

В белорусском и украинском названиях первого весеннего месяца *сакавік* и *березень* очевидны «следы» березового сока. «Сакавік дрэвам сок пускае». В этом месяце снег начинал чернеть, на высоких, открытых местах появлялись первые проталины, первая зелень, на южных склонах и крышах начинал таять снег, хотя зима еще не сдавала своих позиций. «Сакавік часамі снегам сее, а часамі сонцам грэе». В это время из теплых краев в родные места начинали прилетать грачи, скворцы, жаворонки. Возвращения птиц как вестников весны ждали, и их благополучный прилет поддерживался языческим праздником – *Сороки*. В этот день следовало выпекать 40 жаворонков и выставлять их на видных местах. Считалось, что если кто-нибудь в этот день увидит *вырай* – журавлиный или гусиный клин, то это хороший знак для всех сельскохозяйственных и семейных дел. А если гуси или журавли летели разрозненными, маленькими группами, то это предвещало неудовлетворительный урожай, расстройство в семейных делах.

Синкретичность культуры белорусов, их неразрывная связь с природой предполагали, что земля принадлежит не только людям. Особенно остро эта связь ощущалась в периоды возвращения перелетных птиц в родные места. Эту сакральную связь Я. Колас выразил в поэтической форме:

Вось і бусел паказаўся,
Гусі дзікія крычаць,
Шпак на дубе распяваўся,
Жураўлі ўжо ляцяць. [50, т. 1, с. 122]

Главным народным праздником первого весеннего месяца является *Масленица*, которая отмечалась семь дней, а главным атрибутом праздничных гуляний были блины – языческий символ Солнца, тепло которого с

нетерпением ждали славянские аграрии. На Масленой неделе по вечерам не работали, гуляли в праздничной одежде, ездили на санях, запряженных конями, украшенных лентами, и таким образом демонстрировали друг другу свою готовность к весенне-полевым работам. О желанности Масленичных гуляний говорит присказка «Говорили Масленицы семь недель, а остался от Масленицы один день». Последний день Масленой недели был посвящен *Гуканню Вясны*. В этот день следовало приглашать *Вясну – Вясняначку*, освободить для нее место от *Зимы*, чучело которой в конце праздника и сжигали.

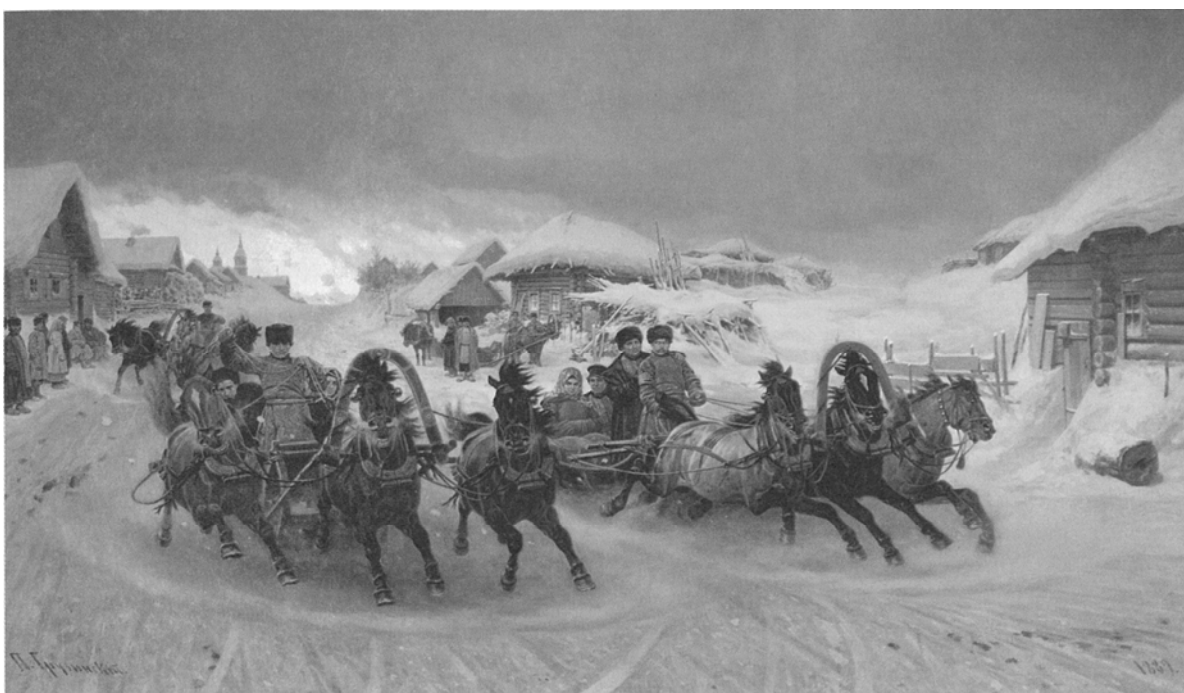

Рис. 4.6. Масленица. С картины П. Грузинского

Название среднего весеннего месяца в славянских языках имеет четко выраженный «цветочный» аспект. Белорусское название *красавік* от *краскі* – цветы, украинское и польское – *квітень*, *kwiecień* имеют одну и ту же цветочную основу. Народная культура эту пору ассоциирует с цветущим буйством природы. Этот месяц являлся одним из напряженных периодов в цикле сельскохозяйственных работ: во-первых, следовало выбрать оптимальное время для начала посевных работ, а во-вторых, провести их в короткие сроки. От того, насколько верно будут проведены весенние посевные работы, зависела судьба урожая и, в конечном счете, судьба всей семьи. Белорусские крестьяне сформировали свои приметы урожая. «Калі у красавіку дождж праходзіць, сонца грэе, тады ўсякі не збеднее», «Сей аўсы ў грязь – будзеш як князь». А вот пшеницу следовало сеять несколько позже – во время цветения черемухи. Не все крестьяне об-

ладали достаточными знаниями и опытом работы, поэтому народная мудрость сформировала потребность синхронизации посевных работ. Для того, чтобы не поспешить, но и не опоздать от оптимальных сроков, на поле выходили вслед за самым опытным, самым знающим крестьянином. На посевные работы предписывалось выходить как на праздник: по народному обычаю перед этим следовало помыться в бане, одеть чистую праздничную одежду, выполнить специальный обряд – праздник первой борозды – *Засеўкі*. На средний весенний месяц приходится один из самых главных годовых праздников, дошедших до наших дней из глубины языческой истории – *Вялікдзень*. Этот праздник праздновался после дня весеннего равноденствия, когда свет начинал одолевать тьму, день становился длиннее ночи. Именно с *Великдня* начинался традиционный природно-календарный год. Христианское название праздника *Пасха* (от древнееврейского Песах – праздник пастухов) у белорусов в отличие от великорусов не прижилось. О дохристианском происхождении этого праздника говорит и то, что главным кулинарным атрибутом *Великдня* являются символы солнца – крашеные, как правило, в красный цвет яйца, используемые не только для еды, но и для выполнения ритуальных игр: «качания» с пригорков, «битья» на крепость, конкурсов на лучшую раскраску.

Неделя, предшествующая *Великдню*, – *Вербніца* также является памятью о дохристианской языческой культуре поклонения *вербе*, ее особой магической силе. Освященными в церкви прутьями молодой вербы сельчане били друг друга, приговаривая: «Верба б'е, не я б'ю, за тыдзень – Вялікдзень. Будзь здаровы, як вада, будзь багаты, як зямля» [7, с. 82]. Эти вербинки хранились дома и впоследствии использовались в ритуале выгона скота на пашню.

Завершающий весенний месяц *май* в старобелорусском языке назывался *травень*, потому что в это время земля покрывалась зеленым ковром травы и скотина полноценно переходила на долгожданный подножный корм. Современные русский, белорусский и польский языки утратили природную основу названия этого месяца и в настоящее время имеют латинскую основу – *май* (рус., бел.), *maj* (польск.), и только в украинском языке (*травень*) сохранилась старославянская память о природной сущности завершающего весеннего месяца. Последний месяц весны для крестьян-хлеборобов и скотоводов являлся одним из самых важных. В это время выгоняли скот на пашню, поэтому сена для домашнего скота заготавливали с таким расчетом, чтобы его хватало как минимум до Юрьева дня: «Да Юр'я карму і ў дурня», но пришел «Май – жывелу у поле пхай». Первый выгон скота обставлялся целой чередой магических действий – скотину выгоняли на выпас сохраненной вербной хворостиной, на пашню с ковами выходили всем селом, пастухов угощали особыми яствами. По свидетельству этнографа Е. Карского, день «Св. Георгия почитают бе-

лорусские крестьяне за покровительство волков. Они в празднуемый в честь его в апреле месяце день в поле выносят многие в кусках хлеба, которые, ставя под кусты или на деревьях оставляя, следующие слова приговаривают: «Св. Юрий, Св. Юрий! Паси наших овец!» [32, с. 178]. В языческий период этот праздник посвящался *Яриле* – опекуну скотоводов и земледельцев.

Благоприятная, с дождями и теплом, погода повышала шансы хлеборобов на урожай. «Як ідзе дождж у маі – будзе і ў гультая». В мае нужно было провести основные посевные работы: «У травень будзе мужык управен». Поэтому народная культура не оставляла места для личной жизни, в том числе и для свадеб. И поныне даже у горожан, не связанных с аграрным сектором, сохранилось суеверие, что «в мае жениться – весь век маяться».

В конце весны отмечался белорусский праздник *Ляльник*, посвященный славянской богине весны – *Ладе* (*Ляле*), олицетворению девичьей чистоты и женственности. В обрядовых играх на роль Ляли выбирали самую стройную, красивую девушку. Источники конца XX столетия, описывая этот обряд, в частности сообщают: «Леля – юная, стройная, красивая девица. Когда хотят похвалить красоту девушки, говорят «пригожа, як Ляля!». В честь Лели или Ляли бывает праздник накануне Св. Юрия, т. е. 22 апреля и называется *Ляльник*. Это и есть собственно заклинание весны» [30, с. 258]. Ляля должна была всех собравшихся девушек одарить молочными угощениями, собранными всем селом: молоком, маслом, сыром. Подчеркнем, что мотивы красоты и рациональности в мироощущении славян были неразрывными. Так, в обряде *Ляльника* в своей песне девушки просили у *Ляли*:

Дай нам жытцу,
Да пшаніцу, ў агародзе – сенажаць,
Роўны грады,
Роўны здрады.

На этот же период приходился один из самых сакральных народных праздников *Радаўніца*, посвященный праотцам – родичам. «Пасхальные праздники у белорусов кончаются «радовницей», справляемой во вторник на Фоминой неделе. Все село высыпает на кладбище, неся с собой обильные запасы остатков пасхального стола. Семья располагается вокруг могил умерших родственников. Часть принесенных яств съедается тут же; часть отдается нищим на поминовение души умерших» [73, с. 185].

Следует подчеркнуть, что *Великдень* (Светлое Христово воскресенье) и Радуницу объединяет ритуальное красное яйцо. «Яйцо у древних служило уподоблением миру – не только солнце, но и вся Вселенная представляются одним огромным яйцом. Самый красный цвет яйца связывается с понятием яркого солнечного света, т. е. весеннего праздника. Симво-

лическое значение смерти, связанное с яйцом, было так всеобщее и так могущественно, что христианские апостолы не только не отвергли его, но придали ему еще другое, радостное значение, именно *воскресенье*. Поэтому-то ныне яйцо одновременно означает поминовение умерших в воскресенье Христово, а вообще – обновление природы, первый радостный весенний праздник» [30, с. 257–258].

Синкретическое переплетение мотивов труда, культа предков и социальной сути земной жизни очень точно передает присказка «На Радаўніцу да абеду пашуць, па абеду плачуць, а к вечару скачуць».

Особое место в природном календаре славян отводилось *летней поро*. Если весна в социальной аналогии ассоциировалась с незрелой юностью, осень – со старостью, а зима – со смертью, то лето ассоциировалось со временем человеческой зрелости. Поэтому летнюю пору психологически «задерживали». Эта особенность хорошо передается в обозначении короткой поры *бабьего лета*, которое приходится на календарную осень, когда после похолодания наступает не знойное, а умеренное, как бы возвращенное тепло.

Об особой значимости этой поры в жизни славян говорит то, что категория *лето* является также единицей измерения годовых циклов. Так, мы и сегодня говорим, что ребенок прожил 1, 2, 3, 4 *года*, но через год, что ему уже *пять лет*. Справедливости ради следует отметить, что славяне применяли подсчет годовых циклов не только по *годам* и *летам*, но также и по *веснам* и *зимам*. Про молодых людей, находящихся в поре расцвета (как правило, о девушках), говорили, что им *17 весен*, а про людей преклонного возраста, что они *перезимовали* столько-то зим. В первом случае количество *весен* обозначало перспективную направленность жизни молодых людей, во втором – количеством прожитых зим обозначали конечность жизненного пути. Янка Купала эту особенность подсчета прожитого передал в поэтической форме:

Вы мне маіх год не давалі, –
Летаваў сам я, *зімку* праводзіў... (выделено мною. – В.К.) [53, т. 3, с. 57]

В названии первого летнего месяца в белорусском, украинском и польском языках присутствует один и тот же корень – *чэрвень* (бел.), *червень* (укр.), *szegwies* (польск.). В эту пору появляются первые красные (*червонья*) ягоды. Основным видом сельскохозяйственного труда в этом месяце была заготовка сена. От того, сколько и какого качества будет заготовлено сена, зависела зимовка скота, его приплод и, в конечном счете, благосостояние крестьянской семьи – будет ли она с молоком и мясом или без них. «Летні дзень – рок», «Не поле родзіць, а лета», «Чэрвень не гуляе – ураджай люляе». Косарям нужно было рано вставать, ведь косить траву целесообразно в первые утренние часы, когда покосы были влажными от росы: коси коса, пока роса. Я. Купала так описал эту страдную пору:

Бяжыць час дзень за днём, – скуль вазьміся Пятрок
Наляцеў і пагнаў к касьбе жыва людзей;
Пайшлі ў ход малаток, і каса, і брусок, –
Стукі-бразь, маху-шась, а дружней, а бардзеі!
Свішчуць косы ў траве, проста дзіва, гульба;
Размахаліся рукі, ўзыгралася кроў,
Сонца паліць агнём, пот ліецца з ілба –
Абмахнуў рукавом ды і далей пайшоў.
.....
Махай дружна касой, пакуль згіне раса –
Куй жалеза, пакуль не астыне яно! [53, т. 1, с. 311]

Рис. 4.7. Папоротники в бору. С картины И. Левитана

В конце первой декады первого летнего месяца (по старому стилю) устанавливается самый длинный день и самая короткая ночь. Ко дню летнего солнцестояния у белорусов приурочен праздник *Купалье*, посвященный солнцу и огню, плодородию земли и воде. Гулянье в купальскую ночь проводилось подчеркнуто шумно: следовало бить в бубен, пустую посуду, ведра и т. п. Ф. Карский приводит следующее этнографическое описание народной обрядности в Могилевской губернии: «Все чаще в песнях белорусских крестьян упоминается Купало – накануне Иванова в июне месяце дня собираются изо всей деревни бабы и девки на поле, и раскладывая на оном огонь, через оный перескакивают, притом поют следующие из некоторой песни строчки:

Где купалась, ночевала?

Ночевала у Ивана,
А купалась у Купала. [32, с. 178]

Считалось, что ритуальный огонь, прыгая через который участники колядной ночи очищались от злых духов, должен поддерживаться сжиганием предметов, по форме напоминающих солнце: круглых колес, бочек. Таким образом, купальский огонь приобретал особую сакральную силу. Народное поверье гласило, что в купальскую ночь «расцветает» *Панараць-кветка*, обнаружив которую, удачливые люди найдут клад. «В Белоруссии очень распространено убеждение в том, что в таинственную ночь с 23 на 24 июня расцветает папоротник; кто найдет этот красно-огненный цветок, тот будет обладать сведениями о зарытых кладах. В эту ночь все деревья и животные разговаривают между собой. Разговор этот можно подслушать, много можно узнать из него и сделаться знахарем» [73, с. 187]. В эту ночь женщины собирали целебную траву, *зелье*. Считалось, что собранное в эту ночь зелье обладало особой чудодейственной силой. В эту ночь незамужние девушки гадали – ворожили о суженом-ряженом.

Рис. 4.8. Ночь на Ивана Купалу. С картины И. Соколова

По народным поверьям, под утро следовало искупаться и встречать восход солнца, которое в это время должно было *играть*. А поскольку в средние века купальных костюмов не существовало, то этот обряд выполнялся, что называется, «в чем мать родила», что с позиций христианской морали приравнялось к бесовству. В Купальскую же ночь проводили и обряд *Русалий*. Русалки в народной белорусской мифологии

занимали особое место. Они представляли собой соединение невинной девичьей красоты и неземной, неестественной обольстительности, святости и греховности, земного и неземного. Русалок боялись – они могли принести вред, порчу и даже забрать в свой подводный мир. Но с Русалками, точно так же как и с Лешим, можно было договориться, чтобы они не делали зла. Поэтому после окончания праздника исполнительниц роли Русалок следовало уговорить пойти к себе домой – в лес или водоем. Исторический источник так описывает этот обряд. «В Гомельском уезде к вечеру 24 июня приурочивается еще очень интересный русальский обряд. Девушки выходят из деревни, избирают из своей среды русалку и с песнями вяжут венки. Самый большой венок одевают на голову русалке; выбирают также маленькую девочку, которая называется дочерью русалки, и в то же время делают соломенное чучело наподобие человека. Когда все готово, русалка с распущенными волосами остается в одной сорочке, а если она посмелей, то раздевается и донага. Русалка со своей дочерью становится во главе компании. С песней: «Проведу я русалочку и в темный бор, а сама пойду и в татков двор». Добежав до поля, раскладывают большой костер, бросают в него соломенное чучело, прыгают вокруг костра и поют купальские песни» [73, с. 188].

Рис. 4.8. Русалки. С картины К. Маковского

Название второго летнего месяца в белорусском, украинском и польском языках указывает на цветение липы – *ліпень* (бел.),

липень (укр.), *lipnies* (польск.). Ведь липа играла неоценимую роль в жизни славян. Кора липы была сырьем для *лыка*, из которого плели лапти, из древесины изготавливали посуду, другую домашнюю утварь, а цветы липы были незаменимы для лечения простуды. Июль самый дождливый и жаркий месяц в году: «Ліпень п'якучы, але даручы», «Ліпень косіць і жне, доўга спаць не дае», «Хто ў ліпені на полі пацее, таго узімку печка грэе».

Последний летний месяц определялся важнейшим сельскохозяйственным видом труда, подводящим итоги годовой крестьянской деятельности, уборкой урожая – жатвой. Белорусское название месяца – *жнівень*, украинское и польское названия – *серпень* и *sierpień* в своем сущностном содержании идентичны, ведь уборка хлеба – *жниво* испокон веков осуществлялась *серпами*. В эту пору природа дает знать, что заканчивается лето и приближается осень. Следует поспешить с уборкой злаков и овощей, сборов даров леса: грибов и ягод, приступить к посеву яровых. «Жнівень сее, жне і косіць – на сталах багацця досыць», «Хто ў жніўні гуляе, той ўзімку галадае». Уборка урожая, *жниво*, *страда*, была особенной частью сельскохозяйственного цикла, поэтому она обставлялась особенно торжественно. Так, перед началом жнива следовало провести обряд – *Зажинки*: с первых колосков делали сноп, его украшали, торжественно несли и ставили в красный кут. Исторические источники не оставили нам свидетельств о ритуальных обрядах, связанных, например, с заготовкой дров. Но *жниво* было всегда ритуально упорядочено. Я. Колас этот естественно-аграрный и вместе с тем сакрально-ритуальный процесс описывает так:

Вось прыйшлі і жнейкі ў поле.

Заскакаў крывы сярпок,

І панёсся на прыволлі

Жнейчын звонкі галасок,

Сакавіты і п'явучы,

Як вясенька, малады,

А тон жаласны, цягучы,

Поўны жальбы і нуды.

.....
Колькі смутку ў песні жніва!

Хто той смутак парадзіў?

Ці жыцця лес нешчаслівы,

Ці журба сялянскіх ніў? [50, т. 1, с. 296–297]

После окончания *жніва* следовало провести ритуал изготовления из последних колосьев жита «бороды», которая также хранилась. Заканчива-

лись *Дожинки* коллективным угощением продуктами нового урожая. «Кожная хата ў жніўні багата». Одной из значимых дат последнего месяца лета был *Ілля*, в котором воплотились черты языческого славянского бога, заведовавшего дождями и молниями – *Перуна*. Этот день предвещал наступление дождливой, «гнилой погоды». Народная мудрость гласила: «Прыйдзе Ілля, надзелае гнілля», «Ілля блізка, гніся, баба, нізка, уставай раненька, ды жні дапазенька».

Главным хронотопом, естественной реперной точкой годового цикла у славян была осень – пора сбора урожая, подведения итогов за предыдущие циклы и планирования жизни на будущее. Только осень, когда урожайная нива воздавала крестьянину за труды его, могла быть естественным базовым хронотопом, сакральным временным репером, началом нового года. Не дворянский, искусственно-карнавальным, а естественно-природный крестьянский восточнославянский новый год мог приходиться только на осень. Зимний вариант начала нового года, введенный Петром I, исторически мог возникнуть только в достаточно теплых климатических условиях, где утомительный зной в это время года сменялся желанной прохладой. Новый год в славянских природно-климатических условиях не мог начинаться в холодное, безмолвное время, когда «мать-земля» была покрыта белым снегом-саваном. Характерно, что в указе великого реформатора изменялось не только начало года, но и дата летоисчисления. Впредь вместо даты сотворения Мира предписывалось исчислять годы от даты рождения Христа. После 31 декабря 7208 года от сотворения Мира в России наступало 1 января 1700 года. Таким образом, изменялось сразу два временных репера: вместо осени – зима, вместо обезличенного сотворения Мира – день рождения Иисуса Христа. Подчеркнем – православная церковь и в настоящее время отмечает начало нового года осенью: 1 сентября по юлианскому, 14 сентября – по григорианскому календарю.

Приходящиеся на это время *Дожинки* с их хлебосольством, демонстрацией плодов своего труда являются важнейшим звеном в единении людей и природы и людей между собой. Совершенно неслучайно в современной Беларуси так естественно восстановился этот и по форме, и по сути народный праздник. О сакральной особенности осени в жизни славян говорит и тот факт, что важнейшие события, наполненные ритуально-сакральными смыслом и атрибутикой свадьбы (вяселлі), начинали играть именно осенью.

Об окончании благодатной летней поры и неизбежного наступления дождей и заморозков крестьянам напоминали перелетные птицы, оставившие на время родные края.

Гусі, гусі, вырай вольны!
Сумен крык ваш, гусі:

Леціцё вы ў свет раздольны
З нашай Беларусі.

.....
І гаруе сіратліва
Ў чырвань лес адзеты...
Ой вы, гусі! паняслі вы
За сабою лета! [50, т. 1, с. 345]

Рис. 4.9. Камышовыя зарослі пінскіх болот с протоком.
С гравюры пачала ХХ века

Названия первого осеннего месяца – *верасень* (бел.), *вересень* (укр.), *wiezesien* (польск.) происходит от названия расцветающего в это время лесного растения *верес*. На это время приходилось *Бабье лето* – конец сельскохозяйственных работ, когда после дождливой погоды природа дарила крестьянам последние погожие дни. К дню осеннего равноденствия был приурочен *Багач* – старинный народный праздник окончания уборки зерновых, вобравший в себя черты языческого праздника бога Земледе-

лия – *Даждьбога* – бога солнца, достатка, богатства. После этого дня интенсивность сельскохозяйственных работ снижалась, что нашло свое подтверждение в поговорке: «Да Багача баба рабача, на Багача – хоць за плот валачы».

Второй месяц осени у славян ассоциировался с увяданием природы – *жовтень* в украинском, *rozdziernik* в польском. Белорусское название *кастрычнік* также имеет природно-хозяйственное происхождение. В это время крестьяне трепали, чесали лен и коноплю, с которых осыпались одеревеневшие остатки – *костра*, от которой и происходит белорусское название месяца. Главным народным праздником глубокой осени был *Покров (Пакроў)*, после которого начинается переход к зиме. «Кастрычнік ні калес, ні палоз не любіць». С этим праздником были связаны основные как сельскохозяйственные, так и социальные приметы: «Прыйшла Пакрова, пытае, ці ты да зімы гатовы». До наступления заморозков селяне старались заканчивать полевые работы, скот перевести на стойловое содержание. «На Пакрова дай сена карове». В эту ненастную пору дождей и ранних заморозков у крестьян еще оставалась возможность убрать последний необранный урожай, завершить посев озимых, подготовиться к зиме. «У кастрычніку і хата з дравамі, і мужык з лапцямі». «Як настане верасень – гаспадарам поўна гумно і кішень», «У верасні палі агонь і ў хаце, і ў полі».

В эту пору года снижалась интенсивность сельскохозяйственных работ, заготовлены на зиму продукты питания, начиналась пора свадеб, *вяселій*. Про девушек на выданье говорили: «Пакрова – дзеўка гатова. Пакрова прайшла – дзеўка замуж пайшла». «Прыходзіць Пакрова – раве дзеўка бы карова» [7, с. 172].

Название последнего осеннего месяца *лістапад* – бел., *листопад* – укр., *listopad* – польск., также определено естественно-природным циклом – сбрасыванием листьев с деревьев, листопадом. В эту ненастную пору деревья становятся голыми, улетают последние перелетные птицы, температура воздуха понижается до слабоотрицательной, холодный дождь сменяется мокрым снегом. У хороших хозяев заготовлены съестные припасы на зиму, селяне освобождаются от напряженных полевых работ. Если в предыдущем месяце домашний скот мог хотя бы выборочно кормиться травой на пашне, то в октябре уже нужно было использовать заготовленный на зиму корм: «Прышоў лістапад – кармі скатіну, брат». Ноябрь в широтах Беларуси представлял переходную пору года, в которой еще сохранялись отголоски осени, но зима о себе заявляла уже всерьез. «Лістапад – вераснеўскі ўнук, кастрычнікаў сын, зіме бацюхна родны». Главным народным праздником этого месяца были *Дзяды*. За богато уставленный стол усаживались родичи и приглашали к столу праотцов – *дзядоў*, которых благодарили за помощь в

сельськогосподарському труді і просили прийняти участь в рядовому вечері – *вечере*.

В листопаді приходять часи *вечорак*, в процесі яких дівчата і ткали пряжу, і пели, і *вечерали*. На дівочі посиделки заходили парні (здебільшого з інших сіл) з угощенням – семечками і пряниками. Для *вечорак* снимали хату (звичайно у вдов або бідних сімей), за яку вкладали сало, картошкою, крупою.

Рис. 4.10. Морозко. С картини Б. Ольшанського

Зима являлась естественным периодом относительного покоя. Земля, покрытая «белым саваном» – снегом, отдыхала, набиралась сил. Вместе с природой отдыхали, набирались сил для предстоящей страды и крестьяне. Мастер поэтической детали, Я. Колас в стихотворении с лирическим названием «Песні зими» художественно точен и выразителен:

Люблю я зими з маразами,
Завей белыя ў палях,
І снегу скрып пад палазамі,
І ціш зімовую ў лясах. [50, т. 1, с. 351]

Первый зимний месяц определялся началом холодов, что и зафиксировано в его названиях – *снежань* в белорусском, *грудень*, *grudzien* (замёрзшие груды земли) в украинском и польском языках. На этот месяц приходится день зимнего солнцестояния – самый короткий день и самая длинная ночь в году. Редкое солнце уже не согревает землю: «Снежань землю грудзіць, хаты студзіць». Несмотря на холода и приносимые ими неудобства, народная мудрость сформировала убежденность в том, что земля должна оздоровиться морозом и накопить снега: «Мароз у снежні і снег вышей хаты – будзе год тады багаты». Для белорусов, проживавших в Полесье и Поозерье, наступившие морозы играли особое жизненно важное значение. После осеннего бездорожья устанавливались дороги, в том числе через реки, озера и болота, появлялась возможность добраться до недоступных в другое время мест: «Снежань замосціць і загвоздзіць». В это время основные работы селян перемещались в помещения. Долгими зимними вечерами, при освещении лучины мужчины занимались ремонтом, изготовлением нехитрых ремесленных изделий, женщины, закончив повседневные дела, занимались прядением и ткачеством.

4.4. НЕДЕЛЯ — СЕМИДНЕВНЫЙ ЦИКЛ ЧЕРЕДОВАНИЯ ТРУДА И ОТДЫХА

Одним из важнейших временных циклов в жизнедеятельности человека является семидневный цикл. В пределах этого временного отрезка происходит необходимое чередование труда и отдыха. Семидневный цикл труда и отдыха, существовавший у древнееврейских народов, зафиксирован в библейском сказании о сотворении мира: шесть дней Бог создавал мир, седьмой – отдыхал. Поэтому с установлением христианства как мировой религии семидневка приобрела безусловное библейское подтверждение. Подчеркнем, что семидневный временной цикл, в отличие от суточного, месячного и годового, не привязан к конкретным природным процессам. Семидневка, с точки зрения счета, менее удобна, чем, например, декада. Ведь календарный месяц не делится на семь без остатка, тогда как три декады образуют месяц, три месяца образуют квартал, четыре квартала – год. История, в том числе и новейшая, советская, знает попытки упорядочения периодичности циклов труда и отдыха – введения как десятидневок, так и пятидневок, но они не смогли заменить семидневные циклы. Правомерно предположить, что в основу выбора семидневного цикла были положены более значимые, чем формально-математические основания. В качестве таковых могут быть естественно-биологические: к концу

шестого дня недели в организме накапливаются последствия усталости и для восстановления работоспособности требуется день отдыха. В конце концов, не столь существенно, по каким причинам был принят существующий цикл чередования режимов труда и отдыха, важно, что именно семидневный цикл стал промежуточным звеном между суточным и месячным интервалами времени. Уже в первых письменных цивилизациях число семь наделялось особой магической силой.

Особенность числа *семь* зафиксирована и в славянских языках. Так, о человеке, для которого труд в радость, говорят, что он *работает до седьмого пота*, о непостоянном человеке – что у него *семь пятниц на неделе*, про осторожного – что он *семь раз отмерит, а один раз отрежет*, про мудрого – что у него *семь пядей во лбу*. Предания гласят, что в мире существует *семь чудес света* и *семеро мудрецов*. За большую провинность *спускают семь шкур*, про заядлого обманщика говорят, что у него *семь верст до небес и все лесом*. В ситуациях сложного выбора, негарантированного успеха славяне успокаивают себя: *семь бед – один ответ*. При синхронизации совместной деятельности, даже с учетом славянского временного релятивизма, считается, что *семеро одного не ждут*.

Для расшифровки социальной сущности как самого семидневного цикла, так и каждого дня в отдельности важно установить – с чем их ассоциировали древние славяне. В табл. 4.2 представлены названия семидневного цикла чередования труда и отдыха и его отдельных дней.

Таблица 4.2

Названия семидневного цикла чередования труда и отдыха и его отдельных дней в старославянском (древнерусском), русском, белорусском, украинском и польском языках

Старославянский (древнерусский)	Русский	Белорусский	Украинский	Польский
Семица (седмица)	Неделя	Тыдзень	Тиждень	Tydzień
Понедельник	Понедельник (день после недели)	Панядзелак	Понеділок	Poniedziałek
Вторый	Вторник	Аўторак	Вівторок	Wtorek
Третий	Среда	Серада	Середа	Środa
Четверь	Четверг	Чацвер	Четвер	Czwartek
Патерь	Пятница	Пятніца	П'ятниця	Piatek
Sabbat – (шаббат – древнееврейское) – отдых, покой	Суббота	Субота	Субота	Sobota
Неделя («нет дела»)	Воскресенье	Нядзеля	Неділя	Niadziela

Итак, приведенное в табл. 4.2 древнерусское (старославянское) название семидневного цикла – *семица, седмица* говорит о его древнем, дохристианском происхождении. В современных белорусском, украинском и польском языках количественная определенность семидневного цикла не сохранилась, но четко выражена его цикличность. Так, белорусское обозначение семидневного цикла – *тыдзень* по своей конструкции является сложнообразованным от соединения древнерусских *тъи (тый) + дънь (дзень)* и в буквальном смысле обозначает *тот же самый день*. Аналогичная нагрузка закрепилась и в современном украинском языке – *тыждень* и в польском – *tydzień*.

Старославянская основа в названии выходного дня в семидневном цикле труда и отдыха в большинстве славянских языков также сохранилась. Так, белорусское *нядзеля* расшифровывается как день, в котором *нет дела*, день, предназначенный для отдыха. Эта же основа сохранилась и в украинском языке – *неділя* и в польском – *niedziela*. Иная ситуация сложилась в современном русском языке. Здесь день, предназначенный для отдыха, приобрел религиозную нагрузку и обозначает посвящение *воскресению Христа*. А древнерусское обозначение дня, в котором «нет дела», дня для отдыха, приобрело значение всего семидневного цикла. Этимологический анализ русского понятия *недели* показывает его искусственность, ведь в буквальном смысле понятие *неделя* означает семь дней *ничегонеделанья*. На несоответствии русского понятия *неделя* и белорусского *нядзеля* построен сюжет анекдота о договоренности, которую пытались достичь русская, немецкая, французская и белорусская женщины в том, сколько раз в неделю следует заниматься любовью. После того как немка, француженка и русская достигли консенсуса об оптимальном количестве приятных дел, которые необходимо совершать в течение *недели*, белорусская женщина, опустив к низу глаза, скромно произвела уточнение: «Я згодна з тым, колькі разоў патрэбна займацца каханнем у *нядзелю*, но якая норма будзе у будні дзень?».

В отличие от *нядзелі*, праздничного, выходного дня, остальные дни семидневного цикла являются трудовыми, будничными (по-белорусски – *буднімі*). Эта социальная нагрузка в остаточной форме сохранилась и в современном русском языке: «трудовые будни – праздники для нас». Следует отметить, что большинство будничных дней в славянских языках сохранили свою смысловую нагрузку последовательности. Так, первый будничный день во всех славянских языках совершенно определенно выражает его последовательность непосредственно за днем отдыха: *панядзелак* – в белорусском, *понеділок* – в украинском, *poniedziałek* – в польском. В русском языке первый будничный день также имеет аналогичное название – *понедельник*. Но смысловая нагрузка *понедельника* (дня, наступившего после *недели*) в белорусском и русском языках различаются. Если в белорусском языке *панядзелак* обозначает следующий день, наступивший

после дня отдыха, *нядзелі*, то в русском языке *понедельник* – обозначает следующий день после *недели* – семидневного цикла. А поскольку окончание одной *недели* является началом следующей, то в буквальном смысле понятие *понедельник* в русском варианте обозначает день, в котором окончание одного семидневного *ничегонеделанья* является началом следующего семидневного *ничегонеделанья*.

Название следующего будничного дня в большинстве славянских языков также выражает порядковость второго дня после отдыха: *вторник* – в русском языке, *аўторак* – в белорусском языке, *вівторок* – в украинском, *wtorek* – в польском. Аналогичные значения удерживаются и в названиях четвертого и пятого дней недели: в русском языке – *четверг*, *пятница*; в белорусском – *чацвер*, *пятніца*; в украинском – *четвер*, *п'ятниця*; в польском – *czwartek*, *piątek*.

В названии шестого будничного дня (в русском языке – *суббота*, в белорусском, украинском – *субота*, в польском – *sobota*) отсутствует древнеславянский корень, оно производится от древнееврейского *Sabbat* и несет в себе совершенно определенную социальную нагрузку – *шабаш*, конец рабочего цикла, отдых, покой. Следует отметить, что в славянской культуре суббота среди будничных дней занимает особое, «привилегированное» положение. Этот трудовой день являлся, во-первых, завершающим в чередке рабочих дней, во-вторых, в сравнении с другими он был сокращенным. Это правило соблюдалось не только в условиях сельского, но и промышленно-урбанистического образа жизни. Еще в семидесятых годах XX столетия при советской шестидневной рабочей неделе суббота была сокращенным рабочим днем. Это обстоятельство хорошо передано в популярной песне того времени: «У каждой работы имеется срок, суббота, суббота, хороший вечерок». Но самая главная социальная отличительная черта субботы заключалась в том, что она была *банным* днем. А баня для славян выполняла не только утилитарно-гигиеническую функцию, она была элементом, наглядно проявляющим переход от режима труда к режиму очищения и отдыха. Даже в самые напряженные, *страдные*, дни в субботу после обеда начинали «готовить» баню и сами готовиться к ней. Банная процедура с веником и травами была наполнена ритуально-магическими процедурами, она очищала не только тело, она объединяла все семейство: в бане были все равны. Банный вечер даже в семьях с самым скромным достатком непременно заканчивался застольем, по белорусски – *бяседай*. Подчеркнем, в отличие от русского *застолья*, фиксирующего гастрономическую составляющую, белорусская *бяседа*, *гамонка* более точно передают сущность действия, в котором доминирующей является коммуникативная функция. Это сокровенное социальное значение субботы и сегодня удерживается у людей, связанных с природой: сельских жителей, жителей небольших городов, «дачников», всех, кто имеет собственную «баньку».

В современных как восточнославянских, так и западнославянских языках название третьего будничного дня указывает на его срединное место в семидневном цикле: *среда* – по русски, *серада* – по белорусски, *среда* – по украински, *środa* – по польски. Аналогичная нагрузка третьего будничного дня зафиксирована и в немецком языке: *Mittwoch* (*Woche* – неделя, *Mitt* – середина). Таким образом, третий будничный день недели – *среда* – обозначает середину семидневного цикла. Это уточнение необходимо для определения начала и конца семидневного цикла чередования труда и отдыха. Ведь не только в обыденном сознании, но и в официальных календарях зафиксировано, что семидневный цикл начинается с понедельника, первого дня начала будничной, трудовой части цикла, а заканчивается днем отдыха. Развертывание семидневного цикла чередования труда и отдыха со срединным днем в центре наглядно показывает иные точки его начала и окончания (рис. 4.4).

Нядзеля	Панядзелак	Аўторак	Серада	Чацвер	Пятніца	Субота
<i>Нет дела, день без дела</i>	<i>Последующий день за нядзелей</i>	<i>Второй день</i>	<i>Середина нядзелі</i>	<i>Четвертый день</i>	<i>Пятый день</i>	<i>Шабаш, конец работы</i>

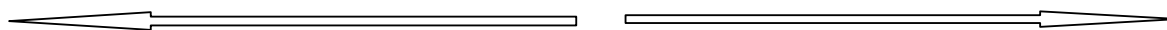

Рис. 4.11. Линейная схема семидневного цикла труда и отдыха

Таким образом, выравнивание правой и левой частей семидневки по отношению к «срединному» дню показывает, что не только у славянских, но и у германских народов началом семидневного цикла труда и отдыха являлся не *трудный* (от корня – труд) будничный понедельник, а день отдыха – воскресенье (по-белорусски – *нядзеля*), выходной день, в котором «нет дела».

В соответствии с восточными традициями в славянской народной культуре будничные дни недели разделены на легкие, счастливые, мужские и трудные, несчастливые, женские. Обычаи народной культуры предписывали, что такие важные дела, как начало пахоты, строительных работ, дальних поездок, заключение деловых сделок, сватанье невест, следовало начинать только в легкие, счастливые дни: вторник, четверг или субботу, и воздерживаться от них в нечетные дни: понедельник, среду, пятницу. Каждому дню семидневного цикла народная славянская культура предписывала определенные свойства. Так, в соответствии с народным поверьем считалось, что *понедельник* являлся самым тяжелым, несчастливым днем. Тот, кто родится в этот день, будет неприспособленным к жизни, хоть и экономным, и даже скупым, но все равно бедным. Строки популярной песни «Что б они ни делали – не идут дела, видно, в понедельник их мама родила» достаточно

полно передают представление славян о первом будничном дне недели. *Вторник*, в отличие от понедельника, считался счастливым днем. Так, предполагалось, что те, кто родились в этот день, будут трудолюбивыми, прилежными, зажиточными, проживут до глубокой старости. *Среду* народное поверье относило к срединному дню между хорошими и плохими. Считалось, что тот, кто родился в этот день, будет посредственным человеком, «ни взад ни вперед». *Четверг* считался хорошим днем, а тех, кто родился в этот день, ждала долгая, счастливая жизнь. *Пятницу* народное поверье относило к одному из самых неблагоприятных дней. Предполагалось, что родившиеся в этот день будут пьяницами, лодырями, злодеями и помрут не своей смертью. Это поверье зафиксировано в народной песне, посвященной трудному выбору невестой хорошего жениха: «Как хотела меня мать да за пятого отдать, а тот пятый пьяница проклятый. Ой, не отдай меня мать». *Субботу* народное поверье наделяло особыми качествами. Считалось, что родившиеся в этот день будут счастливыми, веселыми и приятными в общении, их все будут любить. И наконец, самыми счастливыми считались люди, родившиеся в *воскресенье*. У них все в жизни получится [49, с. 37–38].

В условиях сельско-аграрного натурального хозяйствования, отсутствия внешних регламентирующих механизмов чередования труда и отдыха социальная нагруженность дней семидневного цикла обеспечивала естественную регламентацию жизнедеятельности крестьянского населения. Ведь в отличие от промышленных работников с обязательным нормированием суточного, недельного, месячного лимита труда с ежегодным отпуском, у крестьян существовал только еженедельный «отпуск». В народной культуре зафиксирована необходимость соблюдения очередности в осуществлении дел, предписанных конкретным дням недели. Так, о необходимости поочередного осуществления действий в семидневном цикле говорит присказка «Искать вчерашний день», которую употребляли для характеристики действий бестолкового, бессистемного человека, не знавшего, в какой день следует делать то или иное дело. Народное поверье определяло, что, к примеру, не следовало в среду делать дела, предназначенные для пятницы. О человеке, не умеющем делать свои дела в отведенное время, так и говорили: у него «среда из-под пятницы выглядывает». Таким же образом характеризовали и неаккуратную в одежде женщину, у которой нижняя одежда выглядывала из-под верхней.

Следует отдельно подчеркнуть, что женский труд в сравнении с мужским славянская народная культура подвергала дополнительной защитной регламентации. Ведь в отличие от мужского, в своей основе аритмичного сезонного труда, обусловленного естественно-природными циклами, женский домашний обслуживающий труд мало зависел от поры года, а его дневная продолжительность не ограничивалась естественными

условиями «от зари до зари». Женский обслуживающий труд осуществлялся непрерывно, в том числе и в длинные зимние вечера, в условиях освещения лучиной. Поэтому народное поверье предписывало, что в несчастливые, трудные дни – понедельник, среду, пятницу – женщинам запрещалось заниматься такими трудоемкими, сложными видами труда, как ткачество, стирка. Наибольшее сакральное значение в культуре древних славян имел предпоследний будний день недели – пятница, посвященный Макоши – главному женскому божеству славянского Пантеона. В этот день женщинам особенно строго запрещалось заниматься любым трудом, кроме обслуживающего, домашнего. По поверьям, Макошь лично следила и строго наказывала женщин, нарушающих этот запрет. Вообще, *пятнице* в народных поверьях славян отводилось особое место. Так, для обозначения непостоянного, необязательного человека употреблялось выражение «у него семь пятниц на неделе». Употребление данного каламбура связано с особым статусом пятницы как особенного, базарного дня. Именно в *пятницу*, как правило, проводились ярмарки, базары. В этот день осуществлялась не совсем обычная для славян, ведущих натуральное хозяйство, торговая деятельность. В базарный день заключались договоры на поставку или продажу продукции, в этот же день следовало расплачиваться по прежним долгам. Именно о людях, уклоняющихся от своевременных платежей, и говорили, что у них *семь пятниц на неделе* [91, с. 208]. Обыденное сознание и в настоящее время удерживает это поверье народной культуры славян. Пятница и сегодня, наряду с понедельником, считается трудным, неблагоприятным, несчастливым днем.

4.5. ВРЕМЕННОЙ ТЕМПОРИТМ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУСОВ

Необходимость дать ответ на вызов глобализации, органичного вхождения Беларуси в мировое сообщество, требуют от современных белорусов произвести корректировку временного алгоритма.

Расширение индустриального начала в жизни нашего народа, взаимодействие с западноевропейскими контрагентами в условиях конкуренции не только качества товаров, но и временной мобильности будут постепенно «вытеснять» элементы полихроматического циклического ощущения времени, замещая его элементами монохроматического, линейного. Поскольку ощущение времени является важнейшей составной частью менталитета белорусов, предположительно, что этот процесс будет происходить не слишком быстро.

Какова картина временного ощущения у современных белорусов? Рабочая гипотеза этой части исследования строилась на констатации того факта, что современная реальность такова, что процесс формирования собственной модели временного темпоритма, сочетающего в себе элементы традиционного полихроматического, циклического и монохроматического, линейного ощущения времени, у белорусов еще далеко не завершен.

Обратимся к результатам социологического исследования, в котором, в частности, респонденты должны были определить наличие двух временных характеристик: 1) стремления к быстрым, радикальным общественным изменениям; 2) стремления к медленным, постепенным общественным изменениям.

В табл. 4.3 сведены данные социологического исследования, оценивающие темпы общественного реформирования у белорусов, русских, украинцев и поляков. Сгруппированные в табл. 4.3 данные позволяют зафиксировать следующие показатели:

1. Самооценки белорусами, русскими, украинцами и поляками (белорусы о белорусах, русские о русских, украинцы об украинцах, поляки о поляках) своего стремления к быстрым, радикальным, и медленным, постепенным общественным изменениям.

2. Оценки белорусов, русских, украинцев и поляков стремления к быстрым, радикальным, и медленным, постепенным общественным изменениям друг у друга (белорусы о русских, украинцам, поляках; русские о белорусах, украинцах, поляках; украинцы о белорусах, русских, поляках; поляки о белорусах, украинцах, русских).

3. Соотношение оценок стремления к быстрым, радикальным общественным изменениям с оценками стремления к медленным, постепенным общественным трансформациям.

Таблица 4.3

Баланс между ощущениями быстрых, радикальных, и медленных, постепенных общественных изменений

Респонденты	О белорусах	О русских	Об украинцах	О поляках	Идеальный уровень
Белорусы	$\frac{16,5^*}{49,8^{**}} = 0,33$	$\frac{31}{35,2} = 0,88$	$\frac{21,6}{31,9} = 0,68$	$\frac{29,1}{20,6} = 1,41$	$\frac{30,6}{-20,6} = 1,5$
Русские	$\frac{17,6}{26,3} = 0,67$	$\frac{41,1}{34,3} = 1,21$	$\frac{23,5}{18,6} = 1,26$	$\frac{16,7}{22,3} = 0,75$	$\frac{3,9}{3,2} = 1,22$
Украинцы	$\frac{16,9}{32,1} = 0,53$	$\frac{45,4}{23,6} = 1,92$	$\frac{33,3}{44,8} = 0,74$	$\frac{22,7}{25,2} = 0,90$	$\frac{26,7}{-18,1} = 1,48$
Поляки	$\frac{24,3}{33,1} = 0,73$	$\frac{28,2}{37,6} = 0,75$	$\frac{23}{28,9} = 0,80$	$\frac{34,8}{24,4} = 1,42$	$\frac{2,1}{15,9} = 0,13$

Примечание: *удельный вес респондентов (в %), считающих, что национальной особенностью является стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе;

**удельный вес респондентов (в %), считающих, что национальной особенностью является стремление к медленным, постепенным общественным изменениям.

Данные социологического исследования, приведенные в табл. 4.3, показывают, что белорусские респонденты зафиксировали сразу несколько «рекордов». Во-первых, по их представлению, у них самая высокая оценка стремления к медленным, постепенным общественным изменениям, а во-вторых, у них самая низкая оценка стремления к быстрым, радикальным общественным трансформациям. Соотношение быстроты и неспешности в общественном реформировании, равное 0,33, наполняет конкретным содержанием старые славянские пословицы: «семь раз отмерь – один раз отрежь», «тише едешь – дальше будешь». Следует также отметить, что наши соседи согласились с тем, что белорусы обладают самым медленным темпоритмом. Таким образом, белорусы и в самоопределении, и по определению своих соседей оказались максимально нагруженными славянской неспешностью. В-третьих, белорусы оказались самыми корректными в оценке временных темпоритмов своих соседей. Оценки белорусами темпоритмов у русских, украинцев и поляков полностью совпали с их собственными самооценками. Так, украинские респонденты свой темпоритм поставили на третье место, русские – на второе, поляки – на первое. Белорусы (и только они) расставили темпоритмы своих соседей в такой же последовательности.

В свое время Л. Н. Гумилев зафиксировал, что масштабность пространства, в котором обитают этносы, его социальная плотность определяют и временной темпоритм этноса. Восточные славяне имеют в своем распоряжении не только отличные от западноевропейских наций масштабы пространства, но и иные масштабы времени. Эта гипотеза была проверена в исследовании, по условиям которого респонденты Беларуси, России, Украины и Польши должны были определить присутствие у себя и друг у друга, а также у немцев, американцев и литовцев уровень выраженности ментальных характеристик, имеющих атрибуты времени и сопричастности. Результаты опроса белорусской подвыборки представлены в табл. 4.4.

Таблица 4.4

**Уровни оценок ментальных характеристик,
содержащих атрибуты времени и сопричастности,
в оценке белорусских респондентов, %**

Ментальные характеристики	Оценка белорусами ментальных характеристик			
	белорусов	немцев	русских	украинцев
Точность, аккуратность	12,1	83,4	9,5	6,6

Законопослушание	22,8	65,1	13,8	11,2
Стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе	16,5	19,7	35,2	31,9

Окончание табл. 4.4

Ментальные характеристики	Оценка белорусами ментальных характеристик			
	белорусов	немцев	русских	украинцев
Предприимчивость, расчетливость	10,9	46,6	17,4	20,0
Обязательность, верность слову, принятому решению	20,1	66,1	18,3	11,6
Соревновательность, конкуренция	10,2	37,3	21,9	12,2
Созерцательность	41,6	9,8	40,1	32,3
Стремление к медленным, постепенным общественным изменениям	49,8	19,7	35,2	31,9
Гостеприимство	76,1	17,7	67,5	51,0
Духовность	35,9	24,6	34,1	21,4
Теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание	72,7	17,4	55,7	38,9

Данные, зафиксированные в табл. 4.4, показывают, что рабочая гипотеза о соответствии масштабов пространства и масштабов времени подтвердилась. У белорусских респондентов собственное ощущение времени несущественно отличается от их оценок у русских и украинцев, но принципиально – от немцев. Несовпадение цивилизационных временных скоростей легко просматривается не только между густонаселенной Германией и менее населенной Беларусью, но и в пределах нашей страны – между западной Гродненской и юго-восточной Гомельской областями (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Уровни оценок ментальных характеристик, содержащих атрибуты времени и сопричастности, в оценке жителей Гомельской и Гродненской областей, %

Ментальные характеристики	Гомельская область	Гродненская область	Белорусская подвыборка
Точность, аккуратность	11,4	12,9	12,1
Законопослушание	19,3	26,6	22,8
Стремление к быстрым, радикальным изменениям в обществе	14,3	18,9	16,5
Предприимчивость, расчетливость	9,4	12,6	10,9

Ментальные характеристики	Гомельская область	Гродненская область	Белорусская подвыборка
Обязательность, верность слову, принятому решению	17,1	23,2	20,1
Соревновательность, конкуренция	8,9	11,7	10,2
Созерцательность	40,9	42,3	41,6
Стремление к медленным, постепенным общественным изменениям	49,5	50,1	49,8
Гостеприимство	78,8	73,1	76,1
Духовность	36,5	35,3	35,9
Теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание	73,0	72,3	72,7

Несмотря на то что ментальные оценки, имеющие атрибуты времени и сопричастности, у респондентов Гомельской и Гродненской областей имеют не качественные, а количественные различия, общая тенденция различий ощущения времени Востока и Запада присутствует. Так, жители Гродненской области чувствуют себя более предприимчивыми, расчетливыми, законопослушными, обязательными, верными слову, принятому решению. В отличие от жителей Гомельской области, они ощущают себя более обязательными, стремящимися к быстрым, радикальным общественным изменениям. Тогда как жители Гомельской области чувствуют себя более гостеприимными, более духовными, более совестливыми и сострадательными, у них больше теплоты и сердечности в отношениях между людьми, чем у респондентов Гродненской области.

Проверка рабочей гипотезы о том, что ментальным характеристикам с плотным содержанием времени будут противопоставлены ментальные характеристики, нагруженные качествами сопричастности, взаимодействия, подтвердила ее верность. На рис. 4.5 представлена модель, сконструированная из 6 дихотомических пар ментальных характеристик, присутствующих, с точки зрения белорусов, у немцев, обладающих самым высоким линейным чувством времени, и самих белорусов, представление о времени у которых укладывается в полихроматическую, циклическую модель. Сгруппированные на рис. 4.5 самооценки ментальных характеристик белорусов и оценки белорусами этих же характеристик у немцев позволили подтвердить верность рабочей гипотезы о том, что характеристикам с плотно наполненными атрибутами времени противопоставляются характеристики с плотно наполненными атрибутами сопричастности, взаимодействия. Данные социологического исследования подтвердили, что ментальные характеристики, имеющие плотное содержание времени (точность и аккуратность, стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям, предприимчивость и расчетливость, со-

ревновательность и конкурентоспособность, обязательность, верность слову, принятому решению, законопослушание), белорусские респонденты в максимальной степени зафиксировали у немцев и в минимальной степени – у себя. И наоборот, группу ментальных характеристик с «размытым» содержанием времени, но «плотным» содержанием сопричастности, взаимодействия (гостеприимство, теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание, стремление к медленным, постепенным общественным изменениям, созерцательность, мечтательность и духовность) в наибольшей степени белорусские респонденты зафиксировали у себя, в наименьшей – у немцев.

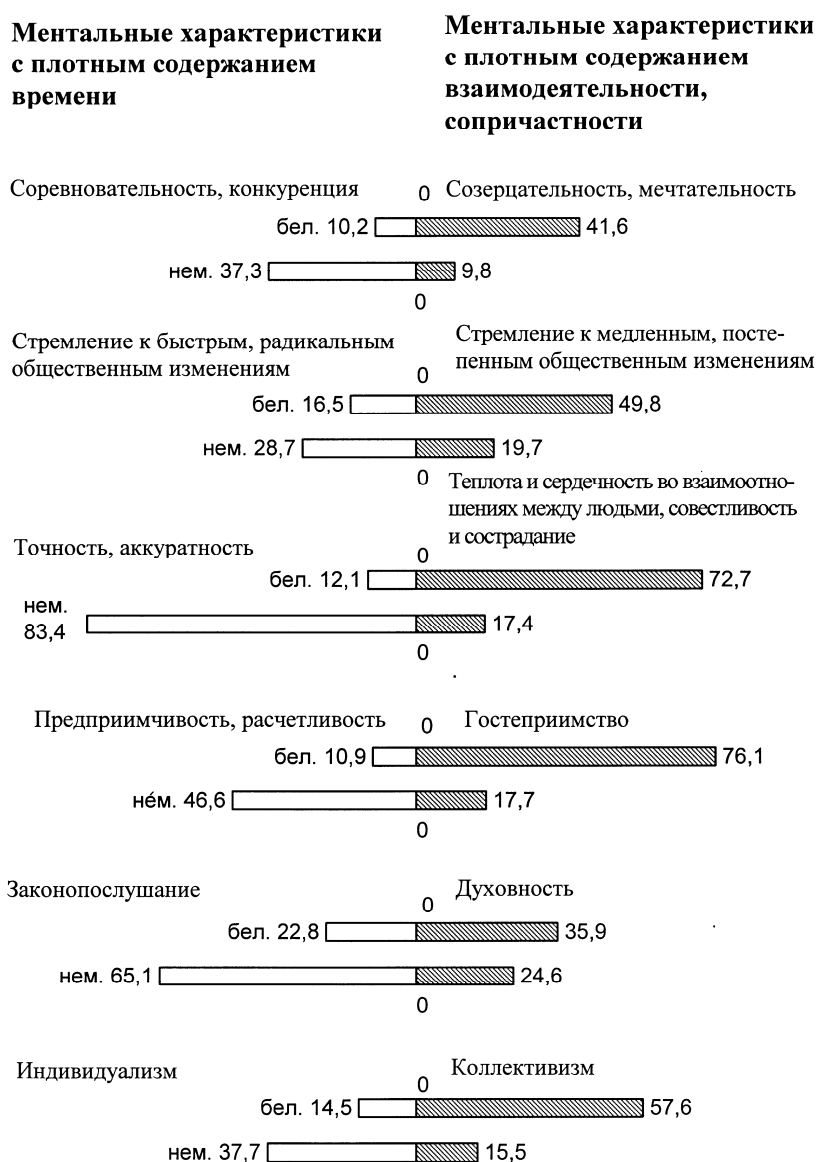

Рис. 4.5. Взаимосвязь ментальных характеристик, содержащих атрибуты времени, с ментальными характеристиками, содержащими атрибуты сопричастности, взаимодействия

«Плотное» ощущение времени и низкий уровень сопричастности, созерцательности, характерные, с точки зрения белорусов, для немцев, вполне вписываются в веберовскую концепцию, утверждающую, что «пустым, а иногда даже вредным считается и... созерцание, во всяком случае тогда, когда осуществляется в ущерб профессиональной деятельности, ибо созерцание *менее* угодно Богу, чем активное выполнение его воли в рамках своей профессии» [14, с. 186].

Результаты исследования показали, что такие ментальные характеристики, как точность, обязательность, противопоставляются ментальным характеристикам сопричастности и созерцательности. Белорусские респонденты достаточно четко это осознают. Если высокая точность, обязательность являются необходимыми атрибутами линейного времени, то высокая сопричастность и созерцательность – важнейшими атрибутами циклического времени, в котором способность видеть все объекты и одновременно взаимодействовать с ними, являются более значимыми, чем заданная кем-то извне последовательность освоения этих объектов. Противопоставленность категорий времени и сопричастности не позволяет белорусам радикально изменить временной темпоритм. Ибо в таком случае придется сокращать время, отведенное на реализацию сопричастности, взаимного сотрудничества. Для белоруса, впрочем так же как и для японца, потребность *поговорить* является не меньшим социальным результатом, чем *договориться*.

Такая характеристика белорусского менталитета, как *гостеприимство*, вне сомнения, является элементом полихроматической циклической модели времени. Феномен гостеприимства не укладывается в линейные временные рамки. Нельзя быть гостеприимным 15 минут или даже 2 часа. Гостеприимство изначально ритуально, неспешно. И сегодня, несмотря на изменения в образе жизни в условиях урбанизированности, для белорусов как придти вовремя в гости, так и уйти вовремя из гостей – остаются понятиями условными, а «задержаться в гостях» по своему значению эквивалентно конструкции «быть в гостях».

Определенно циклической является и такая патриархально-семейная ментальная характеристика, как «уважение младшими старших и забота старших о младших». Американцы точно знают, сколько человек в их нуклеарной семье, славяне количественный состав своей семьи могут определить только приблизительно. В отличие от американской нуклеарной семьи, в которую входят муж с женой и их несовершеннолетние дети, членами патриархальной восточнославянской семьи, помимо родителей с детьми, являются дедушки, бабушки, внуки, а также дяди, тети с их семьями. В американской семье понятие «дети» укладывается в четкие линейные временные границы, как правило, до 21 года. В восточнославянской семье категория «дети» соот-

носится только с категорией «родители». Дети остаются таковыми до тех пор, пока живы их родители. В культуре славян забота родителей о детях и уважение детьми родителей осуществляется пожизненно. А дети детей – внуки – являются самыми что ни на есть подлинными детьми. Поэтому социально-семейная конструкция «бабушка, дедушка – внуки» по своей устойчивости и эмоциональной насыщенности является более полной, чем социальная конструкция «родители – дети».

Таким образом, на основании данных социологического исследования правомерно сделать следующие выводы:

1. Время у восточных славян является сложной категорией, содержащей не только физические, но и социально-деятельные, нравственно-эстетические характеристики. Социум и время у восточных славян являются составными частями единого целого. Время может «лететь», «бежать», «остановиться», «возвратиться назад». Оно бывает «трудным», «счастливым», «безвременьем». Люди и время сотрудничают между собой. Время не идет «само собой», ему нужно помогать, им нужно управлять.

2. Неспешность, неточность белорусов связаны не только с недостаточно строгими механизмами внешней регламентации (хотя и это тоже), сколько с национально-специфическим ощущением времени в полихроматической, циклической модели времени. Переключаясь с одного объекта деятельности на другой и переходя от взаимодействия с одним субъектом к взаимодействию с другим, психологически белорусы скорее *задерживаются*, возможно, на более важном объекте, чем *опаздывают*.

3. Восточному славянину труднее, чем немцу, швейцарцу или американцу, контролировать себя в *линейной* системе координат, он нуждается в большей временной регламентации. Планирование деятельности, «привязка» начала и окончания работы к социально значимому событию не волюнтаристская придумка, а объективная потребность.

4. Индустриализация производства, в том числе и сельскохозяйственного, урбанизация, переток населения из сельской местности в города, формирование в Беларуси многоукладной экономики и класса предпринимателей, обязательными атрибутами которых являются точность, пунктуальность, потребность опередить конкурента, стимулируют у современных белорусов трансформационные процессы замещения полихроматической, природно-циклической картины монохроматическим, линейным темпоритмом временного ощущения. В настоящее время осуществляется сложный и «неспешный» процесс формирования собственной социально-культурной модели времени, включающей в себя элементы как линейного, монохроматического, так и циклического, полихроматического алгоритмов времени.

5. Сформированная естественными аграрно-природными условиями восточнославянская ритмичность ощущения времени в своей основе со-

храняется и в современных условиях урбанистического образа жизни. Известный алгоритм «От сессии до сессии живут студенты весело» выражает ментальную устойчивость ритмичного ощущения времени славянских студентов. Ритмичность ощущения времени, соединенная с запаздывающим ощущением, постоянно воспроизводит ситуации, в которых студенту для подготовки к экзамену не хватает двух дней и (или) одной ночи. И дело не только в студенческой недостаточной ответственности. Государственным структурам для принятия управленческих решений точно так же не хватает этих нескольких дней. Стало уже не исключением, а нормой, что ответ в вышестоящую инстанцию на распоряжение, полученное сегодня, нужно было дать «вчера».

*Векторы
социокультурной
и геополитической
ориентации Беларуси*

глава

5.1. МЕНТАЛИТЕТ БЕЛОРУСОВ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ БЕЛАРУСИ ПО КУЛЬТУРНО- ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ОСИ «ВОСТОК – ЗАПАД»

Находясь на пересечении трансславянских магистралей «Юг – Север» (Одесса – Киев – Санкт-Петербург) и «Восток – Запад» (Москва – Брянск – Брест), приграничные части современных Гомельской, Брянской и Черниговской областей в свое время входили в состав Черниговского княжества, а с середины XIV века несколько раз переходили из Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой в состав России и обратно. Исторически сложилось так, что именно Гомельское, Черниговское и Брянское порубежья оказались важнейшими сегментами своеобразного восточнославянского «котла», в котором в результате многовекторного взаимовлияния однокоренных славянских культур на протяжении столетий «варился», выкристаллизовывался восточнославянский характер, восточнославянский менталитет.

Несущественно различающиеся природно-географические условия, специфические межэтнические процессы, политические коллизии в восточнославянском межграницье сформировали как общие восточнославянские, так и специфические этнонациональные особенности культуры и менталитета трех восточнославянских этносов: великорусов, малорусов и белорусов.

Этнографы, в XIX столетии изучавшие население пограничной части белорусско-великорусских земель, отмечали, что язык, культура, быт, хозяйственная деятельность белорусского населения незначительно отличались от языка, культуры, быта великорусского населения, проживающего на западных окраинах Московской Руси. По их свидетельствам, «православное великорусское население сильно смешивается с белорусским, представляет мало типичных черт, составляя переход от белорусских к псковским и калужским великорусам» [30, с. 207]. На южных рубежах расселения белорусов четкого этнокультурного размежевания не произошло. В белорусско-украинском Полесском межграницье сформировался переходный субэтнос полешуков. Исторический источник начала XX века, в частности, сообщает, что «именно здесь, в Пинском полесье, там, где оно входит в Гродненскую губернию и составляет естественную и действи-

тельную границу двух племен, малороссийского и белорусского, в особенности характерно выразилось в народах разумение племенной разницы... То же самое повторилось и на Днепре, где южнее Гомеля, близ устья Припяти, кончается север Украины и начинается южная граница белорусского племени. Народ здешний также нечто среднее, отставшее от одного и не приставшее к другому» [30, с. 440].

История распорядилась так, что, несмотря на все исторические коллизии, великорусский, малорусский (украинский) и белорусский этносы, имея общие границы и обладая комплиментарной совместимостью, развивались не в противопоставлении друг другу, а во взаимообогащении материальной и духовной культуры, формировались «не за счет противопоставления этнического сознания русских – украинцам и белорусам или украинцев – русским и белорусам, белорусов – русским и украинцам, а за счет противопоставления в ситуации XIII–XIV веков восточных славян – татарам, а украинцев и белорусов – татарам и туркам, венграм и полякам (и ополячившейся украинской и белорусской знати), литовцам. Распространение влияния Речи Посполитой на земли восточных славян вело к специфической этнической окраске социальных и конфессиональных отношений» [90, с. 151].

Известный славянофил Н. Я. Данилевский отмечал, что «Великий славянский союз обеспечивал свободу славян и плодотворное взаимовлияние их друг на друга, не мог угрожать ничьей независимости, ничьим законным правам» [25, с. 412]. Следует отметить, что Н. Я. Данилевский, не преувеличивая роль славянства в мировом сообществе, был убежден, что будущее славян может быть обеспечено в гармонии взаимодополняющих и взаимообуславливающих этнонациональных образований. По его убеждению, «союз, общество, одним словом, всякая связь лиц, народов и государств возможны только при взаимности, обоюдности услуг и выгоды, когда те первые требуются только от одной стороны, а вторые достаются только другой, то такие отношения нельзя назвать другим именем, как эксплуатацией...» [25, с. 397]. Белорусский классик Я. Колас, трепетно относившийся к формированию белорусской нации, совершенно определенно подчеркивал, что для белорусского народа «брацкія славянскія народы: рускія, украінцы, палякі – гэта найперш суседзі, якіх аб'ядноўвае геаграфічнае падабенства і агульныя гістарычныя лесы ў далекім мінулым, народы з падобным пабытовым укладам, звычаямі, народнай творчасцю» [50, т. 12, с. 23].

Новый импульс развитию восточнославянских интеграционных процессов был придан в советское время индустриализацией народного хозяйства, в соответствии с которой значительная часть промышленных гигантов Советского Союза строилась в восточнославянском приграничье. Особая роль в интеграционных восточнославянских процессах новейшей истории принадлежит белорусскому городу Гомелю, который в настоящее

время в соответствии с решениями правительства Беларуси является официальным центром сотрудничества Беларуси, России и Украины. Во-первых, Гомель географически «сдвинут» в сторону российской и украинской границ. Во-вторых, в связи с тем что в нем с 1926 года начато строительство самого крупного в довоенной Беларуси промышленного предприятия – завода сельскохозяйственного машиностроения, а со второй половины XX столетия – промышленных предприятий, Гомель оказался центром притяжения не только для жителей своих периферийных районов, но и для приграничных районов Черниговской и Брянской областей. Еще до недавнего времени с железнодорожного вокзала Гомеля курсировали пригородные рабочие поезда в украинские города Щорс, Круговец, Горностаевку, Хоробичи, российские райцентры – Новозыбков, Злынку. Расписание этих поездов было составлено таким образом, что в Гомель они приходили к началу рабочей смены, а из Гомеля уходили после ее окончания. На крупнейших промышленных предприятиях Гомеля: производственном объединении «Гомсельмаш», вагоноремонтном заводе, железнодорожных предприятиях и предприятиях строительного комплекса зарабатывали свой трудовой стаж не одно поколение «приграничников» из России и Украины. Для этой категории людей понятия «место работы» и «место жительства» не совпадали. Жилой дом, приусадебный участок, семья, многочисленные родственники находились в Украине или России, а место работы, коллеги, друзья – в Беларуси. Дом и работу у этих «странствующих» работников соединял неспешный, кланяющийся каждому столбу, некомфортный, но родной для них рабочий поезд, два раза в день пересекающий в то время символические республиканские границы.

В конце 70-х годов прошлого столетия «Гомсельмаш» был объявлен Всесоюзной ударной стройкой. Бурный рост градообразующего предприятия потребовал притока новых рабочих рук. Для приема молодых рабочих было построено 16 молодежных и семейных общежитий. Заселялись эти общежития естественно не по национальной принадлежности. В то время мало кого, возможно кроме паспортистки, волновало, из какой республики прибывало молодое пополнение. Молодежь есть молодежь: они ходили на свидания, влюблялись и женились, редко заглядывая в «пятую графу» паспорта. Интернациональные свадьбы конечно же чем-то отличались друг от друга, но большинство их проходило по одному и тому же сценарию. После регистрации в Гомельском ЗАГСе свадебный кортеж направлялся на «малую родину», в глубинку, переезжая от сватов к сватам, не только из деревни в деревню, но зачастую из республики в республику. Свадебные песни и пляски тоже были трехязычными: ни одна из них не обходилась без широкой, раздольной русской, мелодичной, «цветастой» украинской и душевной белорусской песен, без русской цыганочки, украинского гопака и белорусской лявонихи.

Определению национальности детей от межнациональных браков в то время редко кто придавал значение. В настоящее время в результате межэтнических браков большая часть приграничного населения имеет двух-, трех-, четырехсложное национальное происхождение. Таким образом, уже в современной истории, независимо от идеологических постулатов, произошел новый виток реального воссоединения славянского сообщества, осуществлялось формирование «нового панславянства». Поэтому после появления государственных границ внутри восточнославянского мира новые панславяне: родители и дети, дедушки, бабушки и их внуки – оказались по различным сторонам государственных границ. Реальность такова, что теперь уже у коренных гомельчан дедушки и бабушки, тети и дяди, двоюродные братья и сестры оказались не только в другой местности, но и в разных государствах. Похожие интеграционные этнонациональные процессы характерны для всего приграничья Беларуси, Украины и России. Поэтому помимо официальной государственной национально-территориальной политики у однокоренных восточнославянских народов, особенно жителей приграничья, существуют свои человеческие представления о функциях, которые выполняют новые границы, свои представления о том, где они прошли – только ли по лесам, болотам, рекам, пахотным землям, или еще по родственным отношениям, по душам? Существуют свои представления о том, разделили ли новые границы людей на «своих» и «чужих» или на «своих» и «своих». Для белорусско-российско-украинских приграничников любой зигзаг в межгосударственных отношениях вызывает боль и тревогу. Какие процессы: интеграционные или дезинтеграционные будут доминировать в восточнославянском межграницье? Поэтому ответ на вопрос – какие перспективы их ждут – восстановление разорванных связей или, наоборот, дистанцирование России, Беларуси и Украины друг от друга, зависит не только от политической воли правительств, но и от гармоничности ментальных основ самих народов.

Системная трансформация, охватившая политическую, экономическую, социальную и духовную сферы белорусского общества, наличие границ со странами НАТО актуализируют необходимость выбора стратегических ориентиров общественного обустройства, настоятельно требуют самоидентификации Беларуси на культурно-цивилизационной оси «Восток – Запад». Эйфория первых постсоветских лет сформировала иллюзорное представление о том, что для успешного реформирования постсоветского общества достаточно освободиться от прежних догм и воспроизвести всемирную практику общественных преобразований. События двух последних десятилетий достаточно убедительно показали, что проверенные практикой в Соединенных Штатах Америки и заимствованные оттуда без необходимой модификации социальные, политические, экономические технологии большинства постсоветских государств оказались недейственными, а зачастую вызывающими эффект, пря-

мо противоположный планируемому. «Хотели как лучше, а получилось как всегда» – реальность не только российская. За время своего развития человечество уже выработало некоторые общецивилизационные парадигмы своего прогрессирующего развития. Но этот же опыт подтверждает, что помимо глобальных общечеловеческих элементов каждая нация имеет присущие только ей черты и характеристики общественного устройства. Реалии общественного реформирования требуют их приведения в соответствие с субъективными общественными ожиданиями и желаниями, условиями и ресурсами, которыми располагает каждое конкретное общество. В науке, в общественном и политическом сознании постепенно происходит осознание того упрямого факта, что североамериканские и западноевропейские модели общественного обустройства, во-первых, у себя на родине прошли долговременный мучительный процесс рождения, а во-вторых, они являются составной, органичной частью собственной национальной культуры. Ни в коем случае не отказываясь от пытливого, упорного изучения накопленного человечеством опыта оптимизации общественного обустройства, важно понимать, что собственный путь к построению своего общества каждая нация проходит, опираясь на свою собственную культуру, собственный социопсихокод, собственный менталитет. История построения государств убедительно демонстрирует, что каждая нация вырабатывает свою модель общественного обустройства, сочетающего общецивилизационные глобальные экономические, социальные и политические технологии с национально-специфическими особенностями.

В Беларуси также разработана и реализуется национальная модель социально-экономического развития общества. Освоение ценностей, необходимых для построения современных общественных отношений с учетом современных социально-экономических реалий, будет более эффективным, если, во-первых, будет учтен опыт своих соседей, а во-вторых, если страна-аналог будет обладать похожей культурой.

Вследствие того что в материальной и духовной культуре Польши, России, Украины и Беларуси больше общих элементов, чем у Беларуси и любой другой западноевропейской, а тем более североамериканской страны, освоение ценностей, обеспечивающих становление рационально-рыночных отношений в Беларуси, будет более естественным и эффективным, займет меньше сил, если будет учтен как положительный, так и отрицательный опыт своих восточных и западных славянских соседей. Геополитические и социокультурные реалии указывают на то, что продвижение Беларуси по восточному вектору будет идти в первую очередь через Россию, через изучение и освоение как положительного, так и отрицательного опыта общественного реформирования своего восточного соседа. Уменьшить издержки реформирования поможет и критическое изучение реального опыта, накопленного и нашими западными соседями – поляками. Правомерно предположить, что, обладая похожими природно-географическими условиями и в значительной

степени общими историческими судьбами, Беларусь, Украина, Россия и Польша будут обладать и близкими реальными моделями общественного обустройства. Следует подчеркнуть, что современная реальность такова, что по темпам и глубине реформирования общества по рационально-рыночным стандартам не только Польша, но и Россия оказались «западнее» Беларуси. Польша и Россия раньше Беларуси проверили возможности славянских культур адаптироваться к североамериканским и западноевропейским рационально-рыночным механизмам общественных отношений, проверили на себе как сильные, так и слабые их стороны.

Но следует иметь в виду, что Россия и Польша сами находятся в поиске гармоничной модели общественного обустройства. При поиске путей интеграции в Европейское экономическое сообщество, изучении западноевропейского опыта становления рационально-рыночных общественных отношений особую значимость для восточнославянских государств, в том числе и Беларуси, представляет германский опыт. Исторически сложилось так, что германская культура, германская наука, германская промышленность являлись базовыми аналогами проводимых реформ, начатых в Российской империи Петром I. Не только вооруженные силы и государственная бюрократия, но и промышленность, наука и культура, образ жизни элитарных слоев славянских народов Российской империи подвергались мощному воздействию германской культуры. Германский сегмент давно «влился» и стал неотъемлемой частью культуры восточных славян. Сразу же оговоримся, что история не подарила безоблачных отношений между германскими и славянскими народами, в том числе и белорусами. Славянские народы в своем сердце хранят память о событиях Великой Отечественной войны. Это верно. Но также верно и то, что в культуре славян, в том числе и белорусов, немецкий сегмент играет достаточно значимую роль. Взаимодействие славянских и германской культур имеет еще нераскрытые и неиспользованные потенциальные возможности.

Об этом говорят и данные социологического исследования, в котором, в частности, зафиксированы и сопоставлены самооценки респондентов своих собственных ментальных характеристик с оценками ментальных характеристик своих соседей. В связи с тем что социокультурная ось «Восток – Запад» составлена из фрагментов «Россия – Беларусь – Польша – Германия», в данном разделе использованы результаты самооценки белорусами своих ментальных характеристик (белорусы о белорусах), оценки респондентами-белорусами ментальных характеристик поляков, русских и немцев (белорусы о поляках, русских и немцах) и идеальные оценки (желательный уровень) ментальных характеристик, опять-таки в представлении респондентов-белорусов.

Представленные в табл. 5.1 данные анкетного опроса позволили зафиксировать индекс напряженности, сформированный разницей между уровнем идеальных и зафиксированных у себя ментальных характеристик. Разница между собственным уровнем ментальных характеристик и их желательной оценкой является индикатором готовности респондентов-

белорусов к увеличению или уменьшению собственного уровня ментальных характеристик, а вектор движения определяется более низкой оценкой собственного уровня ментальных характеристик в сопоставлении с более высокой оценкой этой характеристики у кого-то из соседей.

Таблица 5.1

**Самооценки ментальных характеристик белорусами
(белорусы о белорусах), оценки их у русских, поляков и немцев
(белорусы о русских, поляках и немцах) и идеальная оценка
ментальных характеристик в представлении белорусов**

Ментальная характеристика	Самооценка белорусов, %	Оценка белорусами поляков, %	Оценка белорусами русских, %	Оценка белорусами немцев, %	Идеальная оценка, %
Стремление к личной свободе	22,8	39,5	37,7	43,6	87,7
Трудолюбие	73,1	25,5	25,9	62,5	95,4
Уважение, следование традициям	40,1	47,9	36,1	44,8	87,1
Точность, аккуратность	9,9	16,2	5,8	90,6	93,0
Коллективизм	58,4	15,1	66,1	14,5	50,9
Индивидуализм	13,5	33,0	16,9	37,8	-28
Толерантность	74,3	17,3	44,8	14,2	58,4
Патриотизм	48,2	30,9	62,4	32,4	77,4
Теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание	81,1	15,9	62,4	12,9	93,3
Обязательность, верность слову, принятому решению	19,7	14,1	16,7	69,1	92,4
Чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации	39,9	29,2	44,9	31,1	84,7
Духовность	42,7	36,8	44,0	22,2	57,8
Законопослушание	24,5	23,0	12,2	69,5	86,5
Предприимчивость, расчетливость	11,4	39,4	19,2	49,5	50,0
Гостеприимство	82,7	15,5	71,5	17,6	92,4
Уважение младшими старших и забота старших о младших	44,5	28,0	35,9	39,6	91,4
Соревновательность, конкуренция	11,6	27,4	16,5	34,8	57,9
Созерцательность, мечтательность	58,5	13,9	58,2	29,9	-15,2
Стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям	18,2	29,8	36,3	24,9	29,6
Стремление к медленным, постепенным общественным изменениям	57,8	17,5	42,3	21,8	-22,5

На основании данных, приведенных в табл. 5.1, построена динамическая модель трансформации ментальных характеристик белорусов.

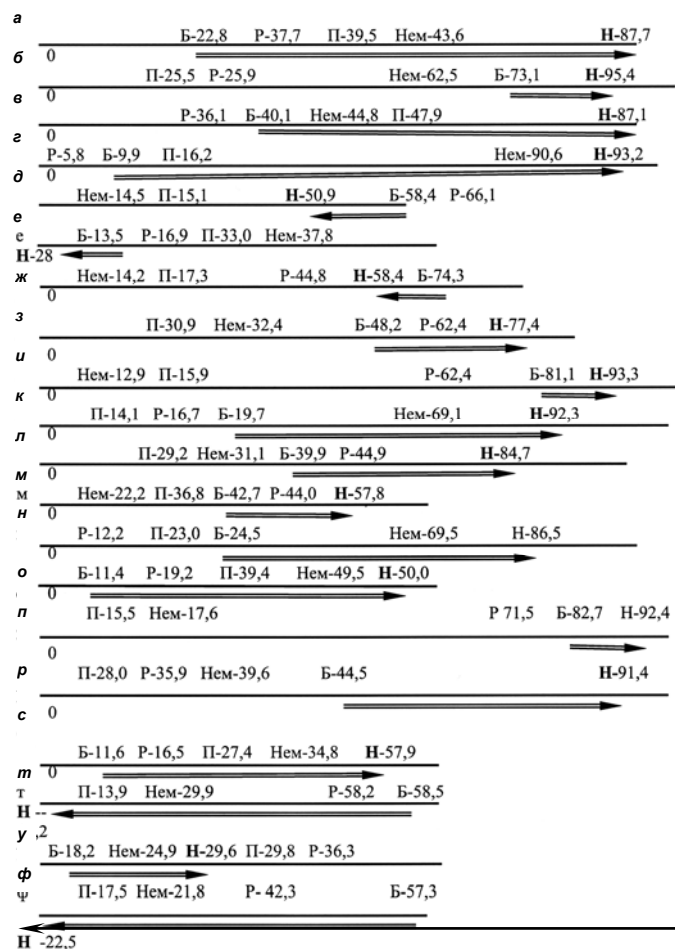

Рис. 5.1. Динамическая модель трансформации ментальных характеристик белорусов:

Б – белорусы о белорусах; Р – белорусы о русских; П – белорусы о поляках; Нем – белорусы о немцах; Н – идеальный уровень ментальных характеристик в представлении белорусов; *а* – стремление к личной свободе, независимости; *б* – трудолюбие; *в* – уважение традиций, следование им; *г* – точность, аккуратность; *д* – коллективизм (один за всех и все за одного); *е* – индивидуализм; *ж* – толерантность (терпимость к другим взглядам, традициям, обычаям); *з* – патриотизм; *и* – теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание; *к* – обязательность, верность слову, принятому решению; *л* – чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; *м* – духовность (преобладание духовных ценностей над материальными); *н* – законопослушание; *о* – предприимчивость, расчетливость; *п* – гостеприимство; *р* – уважение младшими старших и забота старших о младших; *с* – соревновательность, конкуренция; *т* – созерцательность, мечтательность; *у* – стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; *ф* – стремление к медленным, постепенным общественным изменениям

Результаты анкетного опроса, представленные в динамической модели, наглядно показывают, что в достижении идеального уровня ментальных характеристик позиция Беларуси по отношению к Польше, России и Германии выражается в следующих векторных рядах:

1. Беларусь впереди Польши, России и Германии (ориентация на себя). Этот ряд выстроен из ментальных характеристик, уровень которых белорусы у себя оценили более близким к идеальному, чем у своих восточных и западных соседей:

- *трудолюбие*, которое на желательном (идеальном) уровне оценено как одно из самых значимых качеств. Оценив себя в качестве самой близкой к эталону нации, свое трудолюбие белорусы оценили в 2,9 раза выше, чем у поляков и русских, и на 16 % выше, чем у немцев;

- *индивидуализм* на идеальном уровне определен как самое отрицательное качество. По оценке белорусских респондентов, их индивидуализм избыточен. Но не определив эталонной индивидуалистической нации, белорусы полагают, что их индивидуализм в 1,3 раза меньше русского, почти в 2,4 раза меньше польского и в 2,8 раза меньше немецкого;

- *теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание* на идеальном уровне оценены как самые высокие. В качестве эталонной нации белорусы определили себя: собственный уровень этой ментальной характеристики они оценили в 1,3 раза выше, чем у русских, более чем в 5 раз выше, чем у поляков, и в 6,3 раза выше, чем у немцев;

- *гостеприимство*, в оценке респондентов-белорусов, входит в лидирующую группу идеальных ментальных характеристик. В качестве эталонной нации гостеприимства белорусы определили себя. Чуть ниже гостеприимство зафиксировано у русских, существенно ниже (в 5,3 раза) – у поляков и в 4,7 раза ниже у немцев;

- *уважение младшими старших и забота старших о младших*. По оценке белорусских респондентов, ни одна из наций не соответствует ее идеальному уровню. Свой уровень этого патриархального качества белорусы оценили только на 48,6 % от желательного уровня. В оценке белорусов, уровень этой ментальной характеристики от идеального у немцев составил 43,3 %, у русских – 39,2 %, у поляков – 30,6 %;

- *коллективизм*, в оценке белорусских респондентов, определен в качестве умеренно положительного. В наибольшей степени им обладают белорусы, русские и украинцы. Признав свой уровень коллективизма близким к эталонному, респонденты у русских определили его в 1,1 раза превышающим норматив. Коллективизм поляков белорусские респонденты оценили в 3,7 раза, у немцев – в 3,3 раза ниже идеального уровня.

2. Беларусь позади России, но впереди Польши и Германии (ориентация на Восток). Этот векторный ряд составили качества, уровень

которых респонденты-белорусы оценили у себя ниже, чем у русских, но выше, чем у немцев и поляков. В достижении идеального уровня этих характеристик белорусы будут продвигаться через Россию:

- *чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации*. На идеальном уровне это качество оценено очень высоко и входит в группу доминирующих. Собственная самооценка от идеального уровня у белорусов зафиксирована на уровне 47,1 %. Чуть выше это качество определено у русских (53,0 %), значительно слабее – у поляков (34,4 %) и немцев (36,7 %);

- при оценке такой характеристики, как *толерантность*, уровень, близкий к оптимальному, белорусские респонденты определили у русских. В самооценке толерантность белорусов в 1,3 раза превышает желательный уровень. Толерантность немцев, в представлении белорусов, в 4,1 раза, а у поляков – в 3,4 раза ниже идеального уровня. Таким образом, достигая желаемого уровня толерантности, белорусы предполагают избавиться от его некоторой избыточности;

- по уровню *патриотизма* близкой к «эталонной» нации белорусы определили русских (80,1 % от идеального). Свой уровень патриотизма респонденты оценили на 66,2 %, польский на 39,9 %, немецкий на 41,8 % от идеального уровня. Таким образом, по уровню патриотизма белорусы отстают от русских, но ощущают себя впереди немцев и поляков;

- достаточно низкая идеальная оценка респондентами такого качества, как *духовность* (преобладание духовных ценностей над материальными), говорит об ослаблении духовных приоритетов и ориентиров в жизни общества. В представлении белорусов, ближе всех к идеальному уровню духовности находятся русские и белорусы. Их уровень от идеального составляет 76,1 и 73,9 % соответственно, чуть ниже уровень духовности у поляков. Самый низкий уровень духовности (в 2,6 раза ниже идеального) белорусы определили у немцев.

3. Беларусь впереди России, но позади Польши и Германии (ориентация на Запад). В эту группу отнесены ментальные характеристики, по которым белорусы занимают среднюю позицию между восточными и западными соседями. Ориентиром в достижении оптимального уровня этих характеристик для белорусов будут поляки и немцы:

- *законопослушание*. По своей значимости эта характеристика входит в группу доминирующих. «Эталонной» *законопослушность* белорусы определили у немцев. Собственное *законопослушание* белорусские респонденты оценили в 3,5 раза ниже идеального уровня. В сравнении со своими ближайшими соседями, белорусы чувствуют себя на 10 % более законопослушными, чем поляки, и в 2 раза законопослушнее, чем русские;

- *обязательность, верность слову, принятому решению.* Эту ментальную характеристику, максимально приближенной к желательному уровню, белорусы зафиксировали у немцев (74,8 % от идеального). Собственные обязательность и ответственность белорусские респонденты определили только на 21,3 % от идеального уровня. *Обязательность, верность слову, принятому решению* у русских и поляков оценена еще ниже (18,1 и 14,1 % соответственно). По мнению белорусов, учиться у немцев обязательности, верности слову, принятому решению «братьям славянам» придется вместе;

- *точность, аккуратность.* По оценкам белорусов, идеальным уровнем точности и аккуратности обладают немцы. По собственной самооценке, точность и аккуратность белорусов в 9,4 раза ниже идеальной. Вместе с тем белорусы считают себя в 1,7 раза точнее, аккуратнее русских. Поляки, в представлении белорусов, в точности и аккуратности в 1,6 раза превосходят белорусов, и тем не менее также не дотягивают до идеального уровня. И здесь всем славянам придется учиться у немцев;

- *уважение традиций, следование им.* Оптимальный уровень этой ментальной характеристики белорусами оценен достаточно высоко. Но эталонной нации белорусские респонденты не установили. Уровень традиционности у всех наций оказался примерно одинаковым: у поляков 54,9 %, у себя 52,8 % и у немцев 51,4 % от идеального уровня.

4. Беларусь позади России, Польши и Германии (ориентация на всех):

- *стремление к личной свободе, независимости.* Оценив это качество очень высоко на идеальном уровне, «эталонными» нациями респонденты определили литовцев и американцев. Свободолюбие немцев оценено на 50 % от идеального. Свое *стремление к личной свободе, независимости* белорусы зафиксировали на 26,0 % от идеального уровня. Свободолюбие поляков и русских также не «дотягивает» до американского и немецкого уровней;

- *соревновательность, конкуренция.* Самую высокую способность к соревновательности и конкуренции, превышающую идеальный уровень, белорусы зафиксировали только у американцев. У немцев это качество зафиксировано на уровне 60 %, а свою собственную соревновательность и конкурентоспособность белорусы оценили на 20,0 % от оптимального уровня. Выше собственного уровня соревновательность белорусы зафиксировали у русских (28,5 %) и у поляков (47,3 %);

- *предприимчивость и расчетливость.* «Эталонными» нациями в предприимчивости и расчетливости белорусские респонденты признали немцев и американцев. Свою предприимчивость белорусы оценили только на 22,8 %, у русских на 38,4 %, а у поляков на 78,8 % от желательного уровня. Таким образом, при достижении оптимального уровня своей пред-

приимчивости белорусы будут ориентироваться скорее на немцев и поляков, чем на русских;

- традиционно восточнославянской считается такая ментальная характеристика, как *созерцательность, мечтательность*, которую на идеальном уровне белорусские респонденты определили как отрицательную. Максимальное наличие «маниловщины», явно превышающее желательный уровень, респонденты зафиксировали у себя и у русских. Уровень созерцательности у немцев респонденты оценили в 5,2 раза, а у поляков в 4,2 раза ниже белорусского. Следовательно, на пути белорусов к снижению этого ментального рудимента наиболее приемлемыми будут немецкий и польский уровень *созерцательности и мечтательности*;

- *стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям*. На идеальном уровне эта ментальная характеристика оценена очень низко. Уровень, близкий к оптимальному, белорусы зафиксировали у поляков и немцев. Самый низкий уровень общественного экстремизма осторожные, неспешные белорусы зафиксировали у себя, а самый высокий – у русских;

- *стремление к медленным, постепенным общественным изменениям* оценено как явно отрицательная черта. Общественная неспешность наиболее приближенной к оптимуму зафиксирована у поляков и у немцев. В оценке респондентов, как русские, так и белорусы в общественном реформировании чрезмерно медлительны и осторожны.

В результате оценки белорусами ментальных характеристик у немцев, поляков и русских, самоопределения их у самих себя и сопоставления их с идеальным, желательным уровнем установлено:

1. По трем *социально-духовным* (толерантность, гостеприимство, теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть и сострадание) и трем *традиционным, коллективистским* ментальным характеристикам (уважение младшими старших и забота старших о младших, коллективизм и отсутствие индивидуализма) и важнейшей *рационально-деятельной* ментальной характеристике – трудолюбию белорусские респонденты, в сравнении уровня этих ментальных характеристик у русских, поляков и немцев, оценивают свой уровень более приближенным к оптимальному уровню. Самоощущение указанных выше ментальных характеристик создает у современных белорусов чувство стабильности и оптимизма.

2. Респонденты-белорусы ощущают свое отставание и от немцев, и от русских, и от поляков по трем *рационально-деятельным* (соревновательность, конкуренция, предприимчивость и расчетливость, стремление к личной свободе и независимости) и по трем *либеральным, индивидуалистическим* ментальным характеристикам (точность, аккуратность, обязательность, верность слову, принятому решению, законопослушание). Неудовлетворенность собственным уровнем этих качеств при благоприятных

условиях поможет белорусам от мобилизовать свою энергию, быстрее освоить рационально-рыночные и либерально-индивидуалистические ментальные характеристики. При неблагоприятных, нестабильных общественных условиях ощущение аутсайдеров будет способствовать формированию у осторожных белорусов комплекса неполноценности.

3. По трем *рационально-деятельным* ментальным характеристикам (законопослушание, точность, аккуратность, обязательность, верность слову, принятому решению) белорусы чувствуют себя увереннее русских, но считают, что проигрывают полякам и немцам. Неудовлетворенность собственным уровнем этих качеств создает благоприятные условия для их развертывания и приближения к идеальному уровню. При оценке такой *традиционной, коллективистской* характеристики, как уважение традиций, следование им, белорусы чувствуют себя комфортнее русских, но дискомфортнее поляков и немцев. Такое состояние предопределено комплексом причин, одна из которых – неоправданное размывание национальных культурных ценностей, массовая вестернизация и «американизация» всех сфер общества.

Таким образом, оценка белорусскими респондентами собственного уровня ментальных характеристик, сопоставление их с желательным (идеальным) уровнем, определение нации, наиболее близкой к идеальному уровню, показывает готовность Беларуси к сложному поливекторному развитию:

1. При реформировании общественных отношений, в том числе и выбора ориентиров общественного развития на культурно-цивилизационной оси «Восток – Запад», восточные славяне: русские, украинцы и белорусы – будут ориентироваться скорее друг на друга, т. е. на Восток, чем на Запад. Воссоединение разорванных связей и организация новых, соответствующих современным геополитическим, экономическим и социокультурным реалиям, связей народов России, Беларуси и Украины детерминировано не только политическими и экономическими интересами. Эти процессы «подпираются снизу» и наличием общих исторических корней, глубинных духовно-нравственных ценностей, общей однокоренной культурой.

2. Но развитие Беларуси по восточному вектору не исключает продвижение Беларуси, как и России и Украины, в сторону Запада. Потребность в освоении современных западных технологий, западноевропейских рынков, наличие непосредственной границы с государствами Евросоюза, неудовлетворенность уровнем собственных рационально-деятельных ментальных характеристик обуславливает движение Беларуси по западному вектору. Таким образом, вместо уходящей в историю примитивной одновекторной ориентации Беларусь объективно поставлена в условия сложного поливекторного развития – и на Восток, и на Запад, и в поисках неиспользованного собственного потенциала – к самой себе.

5.2. НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МНОГОУКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ

Для понимания процессов, происходящих в системе ментального портрета современных белорусов, важно знать, каким образом они реагируют на сложные общесоциальные изменения. Одним из важнейших элементов этого процесса является формирование реальной экономики, становление негосударственного сектора экономики, который вызывает к жизни комплекс экономических, организационных, социальных и духовно-нравственных изменений. Правомерно предположить, что в настоящее время именно здесь сконцентрированы важнейшие как болевые, так и обнадеживающие точки в жизни белорусского народа.

Реальный «букет» общественных отношений, связанных с производством, распределением и потреблением материальных и духовных благ, определяется не только логикой экономико-организационных, но и логикой социокультурных, в том числе и ментальных реалий. Трансформационные процессы в сфере производственных отношений связаны двусторонней связью с этнонациональными системами ментальных характеристик. С одной стороны, ментальные характеристики являются «пределом» в направлении и глубине развития многоукладного сектора экономики, с другой – в условиях трансформации общественно-экономических отношений сама система этнонациональных ментальных агрегатов подвергается изменению.

Неподневольный, свободный творческий труд, приносящий не только материальный достаток, но и радость, удовлетворенность жизнью, счастье, – вековая мечта человечества, о которой писали научные трактаты и политические эссе, слагали поэмы и легенды. Лучшие умы – утописты и социалисты, либералы и анархисты, расходясь в стратегии и тактике, в методах и способах достижения идеальной формы трудовых отношений, сходились в том, что трудовые отношения должны стать честными и чистыми, такими, когда труд не в тягость, а в радость.

Политическая элита большинства государств, возникших на постсоветском пространстве, и государств бывшего социалистического лагеря, вырвавшихся «из-под руки Москвы», под влиянием посткоммунистической эйфории свободную самодеятельность связывала с тотальным разгосударствлением, приватизацией, максимальным ослаблением влияния бюрократического государственного аппарата на жизнь и деятельность конкретного человека, в том числе и в его трудовой сфере. А поскольку

априори предполагалось, что государственный сектор экономики по своей природе противоречит духу свободной самодеятельности, то понятия «предпринимательство» и «государственный сектор экономики» были зафиксированы в качестве антиподов.

В соответствии с диалектическим законом, устанавливающим, что всякое старое «беременно» новым, а новое может вырваться только в недрах старого, первая волна негосударственного предпринимательства в Беларуси, как и в других постсоветских государствах, формировалась в «нишах» и под опекой государственных предприятий-спонсоров. Для деловых, инициативных людей, уставших от жесткой опеки государственных чиновников различных уровней, деятельность в рамках первых кооперативов, малых предприятий была действительным глотком свободы.

Социально-экономическая реальность перестроечного времени была таковой, что доступ к предпринимательской деятельности реально открыть могла только «старая» элита, руководители государственных предприятий и государственных органов, распоряжавшихся сырьевыми и энергетическими ресурсами, производственными площадями, оборудованием и комплектами, «портфелями заказов» и рынками сбыта. Не имея собственной производственной базы, первые предприятия негосударственного сектора начинали действовать, в буквальном и переносном смысле слова, под крышами государственных предприятий. Это, с одной стороны, сковывало инициативу нарождающегося слоя предпринимателей, но с другой стороны, в условиях относительного достатка материальных ресурсов и несовершенного механизма контроля за их использованием на государственных предприятиях, для первой волны предпринимательства были созданы достаточно «щадящие» условия хозяйствования.

Поскольку удельный вес работающих на негосударственных предприятиях в сравнении с количеством работающих в государственном секторе экономики был незначительным, то в кооперативы и малые предприятия была «допущена» узкая прослойка. Структура первой волны предпринимательства по своему происхождению была крайне неоднородной. Костяк негосударственного предпринимательства составили наиболее инициативные и квалифицированные специалисты, которые в условиях государственного сектора не могли реализовать свои потенциальные возможности, в том числе получить достойное вознаграждение за свой труд. В эту же нишу устремились и откровенные «флибустьеры», ловцы фортуны, не отличающиеся особыми способностями, кроме непомерного честолюбия и цинизма. В соответствии со славянским менталитетом «допущенными» в новый сектор оказались и родственники, друзья, а также люди, «нужные» предпринимателям и опекающим их государственным чиновникам.

На первых предприятиях нарождающегося сектора экономики повсеместно применялся труд совместителей – наиболее квалифицированных

работников базовых предприятий. Не вникая в тонкости юридических и экономических коллизий, рядовые работники быстро уяснили, что существенно различающееся трудовое вознаграждение на государственных и негосударственных предприятиях связано не столько с самим трудом, сколько с непонятными для них внутрудовыми отношениями. Изготавливая на одном и том же станке одинаковой трудоемкости деталь, рабочий на государственном предприятии получал значительно меньшую оплату, чем в кооперативе. То, что эта деталь в большинстве случаев изготавливалась на оборудовании и энергии, а нередко из сырья государственного предприятия, и в рабочее время, оплаченное государственным предприятием, для работника уходило на второй план, но у него формировалось убеждение в том, что в новом секторе более выгодная, а следовательно, и более справедливая оплата труда. Создавалась иллюзия, в том числе и не без помощи руководителей кооперативов и идеологов негосударственного сектора экономики, что в кооперативах «манна небесная» просто «валится с неба».

Экономическое расслоение работников государственных предприятий в условиях монопольно-планового хозяйствования, сдерживаемое жесткой «вилкой» между максимальным «потолком» и минимальным уровнем гарантированной заработной платы, в новых условиях приобретало гипертрофированные формы. Создавалась явно конфликтогенная ситуация: на одной территории, под одной крышей, а часто и на одном участке, но по совершенно разным правилам хозяйственной деятельности работали «старые», государственные, и «новые», негосударственные структуры.

В сложных нравственно-психологических условиях оказались руководители государственных предприятий и государственных распорядительных органов. Поскольку деятельность первой волны негосударственного предпринимательства была «переплетена» тысячью нитей с деятельностью государственных предприятий-учредителей, то их руководители либо открыто, либо через посредников, родственников или доверенных лиц «заинтересованно» участвовали в финансово-хозяйственной деятельности нарождающихся структур. Используя правовую чехарду последней трети восьмидесятых и первой половины девяностых годов двадцатого столетия, когда легально функционировали взаимоисключающие юридические нормы, законы и подзаконные акты, заинтересованные руководители госструктур создавали для «нужных» кооперативов и мелких предприятий режим наибольшего благоприятствования. Но, с другой стороны, будучи частью государственной структуры, хозяйственные руководители были вынуждены, хотя бы формально, «играть» по правилам, установленным государством, в соответствии с которыми считалось, что серьезная, законная, достойная и честная деятельность возможна только в рамках государственных предприятий. Кто-то из государственных руко-

водителей открыто перешел в новый сектор, кто-то открыто порвал с ним отношения. Но значительная часть руководителей государственных предприятий пыталась «играть» сразу по двум правилам: публично – по традиционным государственным, латентно – по правилам «новых» структур.

Неповоротливые производственные гиганты государственного сектора на рубеже восьмидесятых и девяностых годов, формально «выпущенные на свободу», но реально, жестко связанные по рукам и ногам прежними инструкциями и психологией плановой экономики, безнадежно отставали от требований времени в мобильности и гибкости в таком непривычном, сложном и тонком виде деятельности, каковым является финансово-коммерческая деятельность. Малые предприятия и кооперативы, не имеющие, в отличие от государственных предприятий, заостренной «вертикали» и морально-психологической привязки к «правильной» плановой экономике, оказались более мобильными. А поскольку старая хозяйственная элита в деятельности кооперативов и малых предприятий имела свои личные экономические интересы, очень быстро была спровоцирована ситуация, когда для значительной части негосударственных организаций торгово-посредническая деятельность по обслуживанию предприятий государственного сектора стала доминирующей. А торгово-посредническая деятельность принципиально отличалась от производственной. В торгово-посреднической деятельности были заложены принципиально иные возможности как заработать, так и «прогореть», «подставить» себя. Руководители первых кооперативов и малых предприятий, «опьяневшие» от свалившейся на них свободы выбора источников приобретения сырья и комплектующих, рынков сбыта готовой продукции, определения механизмов вознаграждения, возможности работы с наличной валютой, но не успев сформировать собственной системы внутренних «тормозов», постоянно «подставляли» себя. В условиях всеобщего спада производства, тотального обнищания большинства населения, потери социально значимых ориентиров, утраты доверия «всех ко всем» у предпринимательских структур все более прочно формировался имидж «кооперативов-спекулятивов». В политических баталиях девяностых годов прошлого века предприятиям негосударственного сектора, как правило, отводилась роль либо «козлов отпущения», на которых перекладывали все беды, свалившиеся на общество, либо «священных коров», о которых запрещалось плохо думать, а тем более говорить.

На постсоветском пространстве вначале в политическо-публицистическом, а затем и в юридическом лексиконе новый сектор экономики зафиксирован как «негосударственный сектор экономики», «негосударственное предпринимательство», что также не явилось «подарком» нарождавшемуся слою предпринимателей и в значительной степени предопределило систему координат, в которой выстраивалась и выстраивается его не только политическая и экономическая сущность (сектор экономики, экономически независимый от государства), но и его социаль-

ная и нравственно-психологическая нагрузка. Не лучшую службу в становлении нового сектора отечественной экономики сослужило неудачно перенесенное из американской культуры определение «негосударственное предпринимательство». История становления государственности США не имеет аналогов. Свою государственность североамериканцы никогда не отвоевывали у других государств, они устанавливали ее во внутренних гражданских войнах, в собственном противоборстве «всех со всеми». В этих условиях сформировался особый, типично американский, культ свободной, независимой ни от кого, в том числе и от государства, личности. Не только на уровне рационального сознания, но и подсознания американский менталитет зафиксировал «договорную» основу государства, в соответствии с которой государство и все его институты необходимы только в тех пределах, в которых обеспечивают личную свободу каждого гражданина. Способность обеспечить свою жизнь без государства, не обращаясь к нему за помощью, а следовательно, и не зависеть от него – удел настоящих американцев. В системе индивидуалистически либеральной американской культуры понятие «негосударственный сектор экономики» расшифровывается как независимое от государства экономически свободное, с индивидуальной экономической ответственностью дело, достойное уважения «настоящих американцев».

Государственность восточных славян формировалась в иных условиях. За свою самобытность, свою свободу восточные славяне вели практически непрекращающиеся войны и с внешними врагами, и между собой. Святость государя, государева дела, самого государства были хоть и жесткими, а часто и жестокими, но важнейшими и, возможно, единственно реальными «скрепами», позволяющими славянам побороть внутренние распри, «собраться», консолидироваться для противоборства с чуждым, враждебным внешним миром и для созидательной деятельности друг с другом. Поэтому в менталитете восточных славян политико-экономическая категория «негосударственная экономика» расшифровывается иначе, чем в американском: основная нагрузка в данном словосочетании ложится на негосударственная и психологически легко трансформируется в экономику, противопоставленную государству. Нравственно-психологические категории «негосударственный», «внегосударственный» и «антигосударственный» в славянском менталитете оказываются если не идентичными, то очень близкими друг другу. В том или ином случае в сознании большинства восточных славян понятие «негосударственный сектор» положительных эмоций не вызывает.

Эта же ошибка была в свое время допущена и при определении правового термина для обозначения субъекта негосударственного предпринимательства – «частный предприниматель». Социокультурный код, менталитет славян «напоминает», что *часть* в социальном организме не может выполнять функции *целого*, в силу чего понятие «частное» у восточных

славян не является синонимом польского «приватное». (Сравните также с англоязычным «privacy» – невмешательство в жизнь другого.) Социально-экономические категории «частный собственник», «частный предприниматель» у восточных славян легко трансформируются в нравственно-психологическую категорию «частник». А это уже приговор. Неудачно сконструированное понятие «частный предприниматель» было грубой ошибкой, заранее обрекающей нарождающийся «средний класс» на дискомфорт, психологическое отторжение большей частью населения. Не лучшей заменой юридическому понятию «частный предприниматель» (ЧП) стала конструкция «индивидуальный предприниматель» (ИП). Результаты социологического исследования показали, что белорусскими респондентами *индивидуализм* определен в качестве отрицательной ментальной характеристики. Это обстоятельство также не может не накладывать своего негативного воздействия на самый многочисленный и самый нестабильный сегмент предпринимателей.

Спустя полтора десятка лет после появления и реализации первых надежд и первых иллюзий о новых формах трудовых отношений становится все более очевидным, что реальные трудности со становлением отечественного предпринимательства связаны не только с формированием новых правовых, экономических, политических, организационных структур. Реальное становление негосударственного сектора экономики не в меньшей мере предопределено и формированием позитивного общественного мнения, культурно-цивилизационного поля, поддерживающего становление нового реального сектора экономики. Реализация данной задачи в значительной степени зависит от самого предпринимательства, его способности «изнутри» создать собственные нравственно-культурные, этико-психологические правила, по которым должны «играть» субъекты негосударственного сектора экономики, обеспечивая не только свою высокую экономическую, но и высокую социальную рентабельность.

К сожалению, в прошедшие годы дискуссии вокруг предпринимательства осуществлялись в основном на политическом и экономическом рубежах. «Гром и молнии», боевой азарт, царящие на этих рубежах, лишали возможности оппонентов как с одной, так и с другой стороны беспристрастно оценить социально-нравственные аспекты этой сложной, внутренне противоречивой социально-экономической подсистемы. В этой суматохе слабее всех вырисовывались реальные процессы формирования сложных социокультурных аспектов предпринимательства. Незаангажированным аналитикам, как и большинству реальных предпринимателей, становится все более очевидным, что трудности со становлением новых форм предпринимательства заключаются не только в экономической, организационной и правовой недоработке, но и в непонимании более глубинных процессов. За полтора десятка лет законотворчества уже принято более

чем достаточно юридических нормативов, позволяющих осуществлять предпринимательскую деятельность на цивилизационных началах. Созданы для этого и финансово-экономические институты, существуют и необходимые организационные структуры. Вопрос упирается в людей, оказывающих осознанное или неосознанное, открытое или неявное сопротивление внедрению этих актов. Практика последних полутора десятков лет показала, что от простой замены, скажем, старого, консервативно мыслящего государственного аппарата служащих на новый, демократично-рыночно мыслящий, смены национально-ориентированного состава государственных служащих на открытый для международного сотрудничества ситуация принципиально не меняется. Если оставить в стороне ничего общего с серьезным анализом не имеющие попытки объяснить этот «сизифов труд» злобностью «левых» или «правых», «окопавшихся» или вновь «внедрившихся» врагов, то следует признать, что дело здесь не в отдельном человеке или не в отдельных группах людей, и даже не в каком-то конкретном социальном институте, а в чем-то более глубинном.

Известно, что изменение социальной структуры, социальной конфигурации общества изменяет социальные, духовные ценности и ориентиры общества. Но, в свою очередь, и измененные социокультурные ценности, духовно-ценностные ориентиры по своим законам перестраивают окружающий мир. Первая часть этих взаимоотношений для большинства исследователей очевидна, что называется, лежит на поверхности. Вторую, не менее сложную и не менее важную часть взаимоотношений социально-экономических и социокультурных ценностей общества, заключающуюся в том, что отечественное негосударственное предпринимательство должно сформировать собственную внутреннюю нравственно-психологическую, культурно-этическую саморегулирующуюся систему свободной и ответственной деятельности, – этот неудобный, политически невыигрышный компонент большинство исследователей стараются не «замечать». Для таких аналитиков наиболее употребляемым является аргумент о бессмысленности изобретения собственного велосипеда: ничего не нужно придумывать, следует использовать правила, применяемые «во всем мире». Но это не так. Любые общественные отношения, в том числе и социально-экономические, имеют две подсистемы: общецивилизационную, рационально-правовую, национальную, социокультурную. Подсистема социально-экономических отношений достаточно легко рационализируется и описывается, а поэтому и представляется всеобщей, интернациональной, объективной и независимой от культурных, национально-ментальных особенностей. Но дело в том, что социокультурная часть человеческих отношений базируется на культуре, традициях этноса, нации, региона. К тому же культурно-ментальные нормы, будучи зафиксированными не столько в сознании, сколько в подсознании, часто выступают в форме латентных

«предрассудков», трудно поддающихся описанию. Диалектика взаимодействия цивилизационных и культурных норм проявляется в том, что цивилизационные, по своей сути, межнациональные, международные нормы взаимодействия призваны дополнить и обеспечить межсоциальную и межгосударственную интеграцию, но не могут заменить этнонациональные ментальные, социокультурные нормы, традиции, обычаи. Сложность взаимодействия цивилизационных и культурных норм заключается в том, что они имеют различное происхождение и выполняют различные функции. Культура нации, этноса и даже региона является в значительной степени самодетерминированной, вызванной к жизни собственными причинами, является результатом сложного, длительного процесса взаимодействия естественно-природных, социокультурных и геополитических факторов. Именно менталитет, зафиксированный в социокультурных нормах, является внутренним духовно-нравственным «скрепом» нации. Цивилизационные межсоциальные, межгосударственные нормы, являясь продуктом сознательной договоренности и компромиссов, обеспечивают возможность сосуществования и взаимодействия различных этнонациональных и социально-групповых культур и субкультур. При этом цивилизационные нормы не могут заменить ни этнонациональных, ни социально-групповых субкультур. В связи с тем что этнонациональные нормы не могут обходиться без взаимодействия друг с другом посредством договорных, цивилизационных норм, современный мир может существовать, не иначе как обеспечивая баланс двух существенно различающихся и взаимодополняющих регуляторов человеческого взаимодействия: постоянно развивающихся динамичных цивилизационных и достаточно стабильных консервативных этнонациональных культурных норм. Диалектическое единство этих двух уровней, двух подсистем человеческой взаимодейтельности и определяет два ее лица. Цивилизационно-рациональная составляющая определяет социальную деятельность как унифицированную интернациональную, интерсоциальную, единую для «всех». Национально-культурная составляющая взаимодейтельности делает каждое ее проявление в условиях конкретной культуры уникальной, отличной от других проявлений. Таким образом, не противопоставление, не антагонизм между общечеловеческими универсальными и уникальными национальными формами, принципами и методами общественной взаимодейтельности, а их диалектическое единство является необходимым условием существования общества.

Учитывая, что рационально осмысливаемые цивилизационные отношения, в том числе и ввиду их условности, договоренности более динамичны, а культурные более консервативны, разноскоростная динамика развития этих составляющих особенно остро ощущается в переломные моменты общественного развития. Подчеркнем, что разрыв, противоречие между более

устойчивым национально-культурным и более динамичным рационально-цивилизационным компонентами носит объективный характер. Без этого в общественном развитии начинается застой, или стагнация. Но этот отрыв не может превышать прочностных возможностей национально-региональной культуры. При достижении критической точки рассогласования между культурной и цивилизационной компонентами вступает в действие «закон маятника». Чем дальше вперед (или назад) ушел один из компонентов, тем больше назад (или вперед) от точки «оптимального равновесия» отбрасывает ее маятник, что в свою очередь обуславливает новое движение маятника в противоположную сторону. Но это обстоятельство вовсе не означает, что общество лишено возможности осознанно управлять процессом рационализации своих отношений. Отнюдь. Однако при этом необходимо уважительно относиться как к цивилизационным рационально-договорным нормам, какими бы сложными и трудными они ни представлялись, так и к этнонациональным духовно-культурным составляющим, какими бы несовершенными и консервативными они ни представлялись. Неприятие цивилизационных норм общественного взаимодействия обуславливает ностальгические попытки «возврата назад», к прежним социальным отношениям, игнорирование же этнонациональных и социокультурных нормативов предопределяет требования быстрых, радикальных и безрассудных «общецивилизационных» общественных перемен.

То, что у разных национальных культур потребность и способность к сохранению или модернизации общественных отношений существенно различаются, хорошо просматривается на примере новых государств, вышедших из недр распавшегося Советского Союза. Если для стран Балтии выход из состава СССР явился практически достаточным условием для динамического и, надо полагать, эффективного усвоения рационально-рыночных цивилизационных общественных отношений, западноевропейских стандартов, то для всех других республик Содружества Независимых Государств утрата привычных регуляторов общественной жизни вызвала паралич хозяйственной деятельности. Попытки активизировать ее с помощью новых, более прогрессивных законодательных актов, путем обновления или радикальной замены политической правящей элиты, искусственного обострения социально-экономических противоречий типа «шоковой терапии», равно как и другими цивилизационными мерами, проходят как будто в параллельном мире, имеющем очень отдаленное отношение к реальной жизни.

В силу того что социокультурные нормы всегда этнонациональны, то их, в отличие от механических систем (например, технологического оборудования), нельзя переместить с территории одного государства на территорию другого. Следовательно, белорусская общественная система, во-первых, обязана освоить, «впитать» в себя уже проверенные опытом в других странах

универсальные, прежде всего правовые нормативы. И во-вторых, она обязана с учетом положительных элементов чужого опыта обеспечить формирование своей собственной национальной современной социокультуры. Национальная модель общественного устройства Беларуси не рождается на голом месте, оно, являясь «плотью от плоти» «старого» общества, не может не нести в себе ценностно-ориентационные, смыслообразующие компоненты общества – как положительные, так и отрицательные традиции, обычаи, предрассудки. И простой «выход» за пределы «устаревших» культурных норм для того, чтобы стать такими же, как «во всем мире», малоперспективен. В свое время Э. Дюркгейм, описывая механизмы общественного развития, трансформации традиционного общества в индустриальное, отмечал его двойственность: социальная динамика подрывает механизмы коллективного контроля, размывает старые моральные нормы, характерные для старого времени с его консервативной традиционной культурой. Это на какой-то период действительно освобождает личность, делает ее более автономной и независимой в выборе способов достижения цели. Но парадокс заключается в том, что для большинства индивидов предоставленной свободой реально воспользоваться не представляется возможным, так как и другие взаимодействующие с ними субъекты также освобождаются от старых моральных норм и ценностей, не успев сформировать новых. Это и является базой для формирования *аномии* – кризисного состояния общества, в котором большинство членов к культурным нормативам относятся либо равнодушно, либо откровенно негативно. В результате наступает такое несоответствие между сформированными, предписанными всеобщими целями (например, жить так, как во всем цивилизованном мире) и реальными методами их удовлетворения, когда отклоняющееся, девиантное поведение становится не исключением, а нормой. В таком случае не отдельный человек, а общество в целом вынуждено жить в двух мирах: в одном – «правильном», но нереальном, а во втором – «неправильном», но реальном.

«Раздвоенность» социальных целей и нормативов особенно сильно давит на предпринимателей. С одной стороны, они объективно заинтересованы в том, чтобы в обществе работали стабильные экономико-правовые нормативы. С другой стороны, «раздвоенная» система ценностей, нравственных стандартов подталкивает их к нарушению юридических нормативов и хотя бы в «порядке исключения» и исключительно «для пользы дела» провоцирует к игнорированию «устаревших» или «неправильных», «несправедливых» нормативов. Отсылать каждого конкретного предпринимателя к «золотому правилу»: поступать по отношению к другим субъектам взаимодействия так, как ты хочешь, чтобы другие поступали по отношению к тебе, – конечно же бесполезно, но малоэффективно. Поэтому для того чтобы белорусское предпринимательство стало цивилизованным, необходимо, как минимум, восстановить в своих правах и вклю-

чить в работу этнонациональный, культурно-нравственный компонент хозяйственной предпринимательской деятельности.

Мировая практика показала, что одним из обязательных условий становления негосударственного предпринимательства является синхронизация экономических и социокультурных регуляторов их деятельности. Великая заслуга Макса Вебера перед цивилизованным западноевропейским предпринимательством заключается в том, что он в своем знаменитом труде «Протестантская этика и дух капитализма» сумел выделить нравственно-этический компонент предпринимательской деятельности не в качестве следствия и дополнения, а в качестве смысло- и структурообразующего элемента современного ему капитализма. Отдавая должное великому социальному исследователю классического капитализма, следует иметь в виду, что перенести веберовские постулаты в современную отечественную реальность не представляется возможным. Ведь условия формирования белорусского предпринимательства отличаются от веберовских не только временем и местом действия, но и культурно-цивилизационной субстанцией, человеческим «материалом».

В этой связи следует признать, что к пока еще мало исследованным аспектам становления белорусского негосударственного предпринимательства относится и механизм влияния менталитета, общей культуры общества, господствующих моральных норм, ценностей, приоритетов, запретов, табу и на специфику формирования отечественного предпринимательства. И наоборот, влияние новых социально-экономических отношений, негосударственного предпринимательства на культуру, духовно-нравственные ценности, менталитет современных белорусов. Белорусское общество проходит свой непростой путь по формированию социокультурных механизмов, морально-психологического климата, обеспечивающего и стимулирующего новаторскую свободную и ответственную самодеятельность предприимчивых людей, для которых экономическая целесообразность является не самоцелью, а способом обеспечения социальной целесообразности. Для этого в социопсихокоде белорусов есть необходимые предпосылки. В менталитете восточных славян материальное богатство само по себе никогда не являлось самодостаточной целью. Вместо подозрительной, социально неопределенной категории «богатство» в восточнославянских языках чаще употребляется «благосостояние», которое является производным как от физической категории «состояние», так и нравственно-духовной категории «благо». Славянский менталитет определяет благосостояние не как любой материальный достаток, а только как тот достаток, который, во-первых, произведен с благими намерениями, а во-вторых, производит благо. Другим эквивалентом категории «богатство» у славян является категория «добро». Все оптимистические славянские сказки, былины заканчиваются смысло- и целеполагающими алгоритмами: «И стали они жить-поживать, да добра наживать». «Добро» в мен-

талитете славян имеет четко выраженную нравственно положительную нагрузку и расшифровывается и как душевная щедрость, и как материальный достаток. «Добро» у славян уравнивает две субстанции человеческого бытия: материальную (материальный достаток) и духовно-нравственную (добрый человек). Если «богатый человек» в системе нравственных координат восточных славян, как правило, вызывает подозрение, то «добрый человек» рассматривается однозначно положительно. Категории «благо» и «добро» в восточнославянских языках являются синонимами и наиболее адекватно передают двусложную систему координат измерения сущности человеческого бытия, в которой уровень материального достатка, обеспечивающего достойное физическое существование человека, гармонично сочетается с духовным компонентом, обеспечивающим достойное духовное, социальное бытие индивида. Таким образом, в славянском менталитете изначально заложена устойчивая потенциальная возможность гармоничного сочетания экономической эффективности предпринимательства с социальной гуманностью, нравственным добром.

Негосударственное предпринимательство в Беларуси, несмотря на совершенно реальные достижения, далеко не полностью раскрыло свои потенциальные возможности. В исследовании респондентам было предложено назвать причины, сдерживающие развитие негосударственного сектора экономики Беларуси. Полученные результаты приведены в табл. 5.2.

Таблица 5.2

Рейтинг причин, сдерживающих развитие негосударственного предпринимательства

Причина	Процент от числа опрошенных	Рейтинг
Необоснованно высокие налоги	62,1	1
Отсутствие у правительства четкой программы, непоследовательность в реализации экономической политики	59,0	2
Отсутствие необходимой правовой базы и юридических гарантий	55,4	3
Произвол государственных чиновников	44,7	4
Поборы со стороны официальных структур (взяточничество)	42,9	5
Поборы со стороны преступных структур (рэкет)	38,8	6
Сопrotивление административно-управленческих органов	30,1	7

Причина	Процент от числа опрошенных	Рейтинг
Некомпетентность органов власти и управления	27,7	8
Низкий уровень подготовки предпринимателей	27,5	9
Неорганизованность предпринимателей	20,2	10
Зависть к предпринимателям	19,1	11
Необязательность, ненадежность партнера	16,6	12
Отсутствие органов, обеспечивающих предпринимателей сырьем и комплектующими	15,5	13
Бездействие союзов предпринимателей	14,1	14
Низкая мотивация труда работников	12,9	15

Для понимания принципиальных особенностей развития негосударственного предпринимательства в Беларуси причины, сдерживающие его развитие, в исследовании разделены на две группы:

1. *Макросоциальные* причины (в представлении респондентов, зависящие от государственных структур и не зависящие от предпринимателей), к которым отнесены:

- необоснованно высокие налоги. На них, как на причину, сдерживающую становление негосударственного предпринимательства, указали 62,1 % респондентов;
- отсутствие у правительства четкой программы, непоследовательность в реализации экономической политики (59,0 %);
- отсутствие правовой базы и юридических гарантий (55,4 %);
- произвол государственных чиновников (44,7 %);
- поборы со стороны официальных структур (взятничество) (42,9 %);
- поборы со стороны преступных структур (рэкет) (38,8 %);
- сопротивление административно-управленческих органов (30,1 %);
- некомпетентность власти и управления (27,7 %);
- отсутствие органов, обеспечивающих предпринимателей сырьем и комплектующими (15,5 %).

Средняя «плотность» макросоциальных причин, сдерживающих развитие предпринимательства в Беларуси, составила 41,8 %. Следует отметить, что при определении главных причин, предопределяющих недостаточно эффективную деятельность предпринимательских структур, белорусские респонденты не отличаются оригинальностью. Скорее всего, нет ни одного государства, в котором предприниматели не сетовали бы на необоснованно высокие налоги, на отсутствие у правительства четкой, последовательной экономической политики и на недостаточную

правовую базу, регулирующую деятельность негосударственного сектора экономики. Но вместе с тем столь высокий процент респондентов (а ведь среди них не только представители негосударственного сектора экономики) с негативным мнением о способности государства устранить первостепенные причины, сдерживающие развитие негосударственного предпринимательства, отнюдь не способствует формированию здоровых партнерских отношений между обществом, государством и предпринимательскими структурами.

Не может не вызывать тревогу и существующее общественное мнение о таких опасных причинах, сдерживающих развитие негосударственного сектора экономики, как «поборы со стороны официальных структур (взяточничество)» и «поборы со стороны преступных структур (рэкет)». Причем, по мнению респондентов, распространенность чиновничьего «рэкета» даже превышает откровенно преступный рэкет. Еще раз подчеркнем, определенная респондентами значимость причин, сдерживающих развитие негосударственного сектора экономики, не подтверждается документальными фактами. Но представленные результаты раскрывают общественное мнение, а оно оказывает не меньшее влияние, чем установленные в законном порядке факты. Поэтому одной из неотложных задач всех государственных институтов, в том числе и средств массовой информации, является формирование здоровых, продуктивных отношений общества и государства с одним из сегментов реального сектора экономики – негосударственным предпринимательством.

2. *Внутрикорпоративные* причины, сдерживающие развитие негосударственного предпринимательства (зависящие в основном от предпринимателей и их структур):

- низкий профессиональный уровень подготовки предпринимателей. На эту причину указали 27,5 % предпринимателей;
- необязательность, непорядочность партнеров (16,6 %);
- бездействие союзов предпринимателей (14,1 %);
- низкая трудовая мотивация работников (12,9 %).

Средняя «плотность» внутрикорпоративных причин, сдерживающих развитие негосударственного предпринимательства в Беларуси, составила, по мнению респондентов, 17,8 %.

Сопоставление удельного веса первого и второго блоков показывает, что само предпринимательство, по мнению респондентов, содержит минимум причин, сдерживающих его развитие. По мнению опрошенных респондентов, основные причины неудовлетворительного развития негосударственного сектора лежат за его пределами, и их решение зависит только от государственных органов. Не вызывает со-

мнения, что противоречивость, непоследовательность отношения государства к новому сектору экономики на всех его этажах, начиная с законодательных органов до самого мелкого государственного чиновника, существенно влияет на результативность и самочувствие негосударственных предпринимателей. Но очевидно и другое: негосударственное предпринимательство Беларуси не может не нести в себе свои собственные противоречия. Вряд ли можно рассчитывать на эффективное саморазвитие любого социального института, не способного зафиксировать свои собственные противоречия. Внешними структурами, в том числе и государственными, может и должна быть оказана помощь в их разрешении, но органично разрешить свои собственные противоречия способно только само же предпринимательство. Эту болезнь «детскости» белорусскому негосударственному предпринимательству еще предстоит преодолеть.

Для понимания перспектив и основных контуров развития негосударственного предпринимательства важно учитывать, какие мотивы заставляют идти в предпринимательство, чем привлекает негосударственный сектор экономики, для достижения каких целей можно связывать с ним свою судьбу? Ответы на данные вопросы представлены в табл. 5.3.

Таблица 5.3

Мотивы выбора негосударственного сектора

Мотив выбора	Процент от числа опрошенных	Рейтинг
Способ обеспечить высокий уровень жизни, хорошо заработать	66,3	1
Быть независимым	48,1	2
Нести реальную ответственность за результаты своей деятельности	28,5	3
Возможность работать в свободном режиме, без перегрузок	26,0	4
Полнее реализовать свои профессиональные качества	25,6	5
Полнее реализовать свои личные качества	24,2	6
Занять престижную должность, добиться уважения в обществе	22,4	7
Создать высокую деловую репутацию	15,7	8
Иметь близких по убеждениям коллег	10,7	9
Решать важные общественно значимые задачи	8,4	10
Работать над сложными, нестандартными проблемами	7,0	11

Результаты исследования свидетельствуют о том, что из одиннадцати мотивов, предложенных респондентам, главным мотивом позитивного отношения к негосударственному сектору экономики является *возможность обеспечить высокий уровень жизни, возможность хорошо зарабатывать*. Второй по значению зафиксирована возможность *быть независимым*, которая, однако, опять же понимается как материальная независимость. Эта «независимость» слабо связана с реальной ответственностью за свой участок работы, без чего настоящая производственная независимость просто невозможна и превращается в свою противоположность – в безответственность, в потребительский эгоизм. Только 28,5 % опрошенных респондентов в качестве мотива выбора негосударственного сектора указали *возможность нести реальную ответственность за результаты своей деятельности*.

Известно, что на любой стадии развития общества труд выполняет три основные функции. Во-первых, он является источником благосостояния общества; во-вторых, выступает средством, мерилем распределения и получения человеком тех благ, которыми располагает общество; в-третьих, для разных категорий людей в различной степени труд является внутренней потребностью, способом развить и проявить свои творческие, созидательные потенции. Исследование показывает, что в настоящее время для подавляющего большинства опрошенных труд не осознается в качестве общественно-созидающего средства, что он представляется средством удовлетворения личных, прежде всего материальных потребностей. Для большинства опрошенных респондентов труд в негосударственном секторе экономики не является средством самоутверждения, самореализации. Этот вывод подтверждается и тем, что только каждый четвертый респондент отмечает, что работа в негосударственном секторе экономики дает возможность полнее реализовать свои профессиональные и личные качества, занять престижную должность, добиться уважения в обществе.

Одной из причин, вызвавшей социальное обесценивание труда, является недопустимая диспропорция между популяризацией сферы производства и сферы потребления. Навязчивая реклама дорогостоящих, престижных товаров, курортов и мест развлечения, конкурсов красоты, бесконечных публичных «тусовок» эстрадной и политической элиты и других «ярмарок тщеславия» на российских телеканалах актуализируют гедонизм, чувственные удовольствия как самоцель. На фоне явно недостаточного внимания к этике и эстетике труда, культу самоограничения, жертвенности во имя высоких целей в обществе

формируется, по своей сути, маргинальная, примитивная субкультура «жить здесь и сейчас».

Тенденции в «атомизации» личности, стремлении к замкнутости на личном благополучии подтверждаются и тем, что только 8,4 % респондентов видят привлекательность негосударственного сектора в возможности решать общественно значимые задачи; а 10,7 % – как возможность иметь близких по убеждениям коллег. На основании вышеизложенного правомерно определить, что реально определившихся «негосударственников» среди опрошенных – не более четверти. Другие респонденты при условии роста доходов на государственных предприятиях будут вполне удовлетворены работой на предприятиях государственного сектора. Цивилизованный, социально ориентированный рынок диктует свои правила игры, актуализирует потребность формирования качеств, соответствующих требованиям рационально-конкурентных отношений. Приоритетными для него являются высокий профессионализм, компетентность, инициативность, самостоятельность, ответственность. Результаты исследования эту внутреннюю готовность, мягко говоря, не подтвердили. Следует подчеркнуть, что иерархия мотивов белорусских предпринимателей не отличается от иерархии мотивов российских предпринимателей, работающих в более благоприятных экономико-правовых условиях. Так, аналитики из Института социальной психологии РАН задавали российским предпринимателям один вопрос: «Какова мотивация их выбора?». Ответы предпринимателей не повторялись, но обнаруживалась интересная тенденция: «год от года усиливалось значение мотива *материальной обеспеченности* и стремление в полной мере *проявить свои способности*. Зато ушли в тень популярные в первые годы разрешенного предпринимательства мотивы *независимости, полезности работы для других* людей, авторитета у окружающих [77, с. 218].

Реальное развитие белорусского негосударственного сектора в ближайшей и отдаленной перспективе будет зависеть от того, какими экономическими и социальными последствиями будет сопровождаться его деятельность. В настоящее время, в отличие от конца 80-х – начала 90-х годов, правомерно говорить о уже реальных экономических и социальных результатах становления негосударственного предпринимательства. Респондентам было предложено оценить некоторые социальные и экономические отличия негосударственного сектора от государственного. Полученные результаты представлены на рис. 5.2.

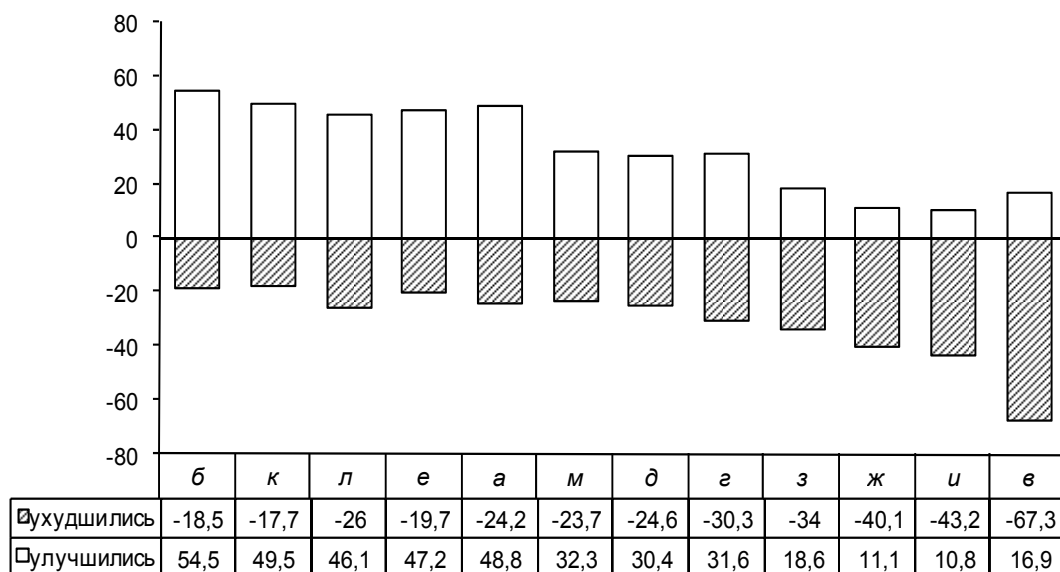

Рис. 5.2. Изменения, происходящие на предприятиях негосударственного сектора в сравнении с предприятиями государственного сектора:

а – экономическая эффективность; *б* – качество продукции и услуг; *в* – цены на товары и услуги; *з* – справедливость в оплате труда, распределении прибыли; *д* – условия труда; *е* – заинтересованность работников в повышении эффективности труда; *ж* – социальная защита работников; *з* – возможность юридической защиты трудовых и гражданских прав; *и* – искренность, человечность, взаимопомощь во взаимоотношениях между работниками; *к* – возможность реализации своих личностных, профессиональных качеств; *л* – рост доходов работников; *м* – благотворительная деятельность

По своей значимости все параметры, отличающие негосударственный сектор экономики от государственного, в исследовании разделены на три группы:

1. *Оптимистическая группа* составлена из параметров, которые в условиях негосударственного сектора экономики выгодно отличаются от аналогичных на государственных предприятиях. К таковым респонденты отнесли: качество товаров и услуг; возможность реализации своих личностных, профессиональных качеств; рост доходов работников; повышение экономической эффективности предприятия и заинтересованность работников в повышении эффективности труда. Эти параметры являются достаточно эффективным мотиватором привлечения работников в негосударственные предприятия.

2. *Группа нейтральных параметров*, которые, по мнению респондентов, в условиях негосударственного сектора экономики практически не отличаются от аналогичных на государственных предприятиях, составлена из следующих: справедливость в оплате труда, распределении прибыли; условия труда; благотворительная деятельность.

3. *Негативная группа параметров*, которые в условиях негосударственного предпринимательства явно уступают аналогичным параметрам на государственных предприятиях, составлена из следующих: повышение цен на товары и услуги; снижение искренности, человечности, взаимопомощи во взаимоотношениях между работниками; ухудшение социальной защиты работников; ухудшение юридической защиты трудовых и гражданских прав.

Зафиксированные на рис. 5.2 данные показывают, что в представлении респондентов тенденции развития отечественного предпринимательства далеки от идеального варианта. Самым значительным последствием становления негосударственного белорусского бизнеса респонденты назвали явно не вызывающий у населения чувства оптимизма показатель – рост цен на товары и услуги.

Как уже было показано выше, по оценке белорусских респондентов, базовым, главным мотивом предпринимательской деятельности в настоящее время является экономическая прибыль. Все остальные мотивы играют подчиненную, обслуживающую обеспечение экономической эффективности, роль. В таком случае рейтинговый ряд положительных и отрицательных последствий становления негосударственного сектора будет выстроен следующим образом:

- качество продукции и услуг (1,46);
- возможность реализации своих личностных, профессиональных качеств (1,29);
- заинтересованность работников в повышении эффективности труда (1,1);
- экономическая эффективность (1,0);
- рост доходов работников (0,81);
- благотворительная деятельность (0,34);
- условия труда (0,23);
- справедливость в оплате труда, распределении прибыли (0,05);
- возможность юридической защиты трудовых и гражданских прав (-0,63);
- социальная защита работников (-1,18);
- искренность, человечность, взаимопомощь во взаимоотношениях между работниками (-1,32);
- цены на товары и услуги (-2,05).

В случае если экономический мотив деятельности предпринимательства будет самодостаточным и не будет ограничиваться другими мотивами, правомерно спрогнозировать, что при повышении экономической прибыли предпринимателями, условно говоря, на 100 % качество товаров и услуг вырастет на 146 %, но цены на товары и услуги вырастут на 205 %. Зафиксирована тревожная картина. По мнению респондентов, экономическая эффективность будет повышаться не столько за счет повышения каче-

ства, сколько за счет повышения цен на товары и услуги. При таком сценарии развития негосударственного сектора экономики возможность реализации работниками личностных, профессиональных качеств увеличится на 129 %, но искренность, человечность, взаимопомощь в отношениях между людьми уменьшится на 132 %. Заинтересованность работников в повышении эффективности труда повысится на 110 %, но доходы работников вырастут только на 81 %, а справедливость в оплате труда, распределении прибыли вообще вырастет только на 5 %. В последнем случае, в представлении респондентов, повышение экономической эффективности будет вызывать не повышение оплаты труда работников, а ее несправедливое перераспределение.

Подчеркнем, что этот сценарий мы смоделировали на основании ощущений респондентов. Реальная действительность будет отличаться от него. Но в любом случае очевидно, что требуется коррекция поведения менеджеров негосударственного сектора экономики и средств массовой информации по формированию позитивной картины предпринимательства. Предприниматель без экономической прибыли работать не может и не должен. Это не только экономически безрассудно, но и морально ущербно, постыдно. Быть просто «добрым» и просто «предприимчивым», «крутым» возможно и просто. Но сделать моральную целесообразность экономически полезной обществу, а экономическую целесообразность – моральной трудно, но возможно. Настоящие предприниматели, совмещающие экономическую и социально-нравственную целесообразность, достойны общественного признания и уважения. Л. Н. Гумилев в составе этноса выделил два типа активных людей, один из них – «*пассеисты*», люди, ощущающие себя промежуточным звеном между прошлым и будущим, чувствующие личную ответственность за них, основной отличительной чертой которых является отсутствие личной заинтересованности. Не только свой труд, но и свою жизнь эти люди жертвуют во имя великих общественных идей. Удельный вес этих людей сокращается, им на смену приходят *актуалисты*. Люди этого склада забывают прошлое и не хотят знать будущего. Они хотят жить сейчас и для себя. Они мужественны, энергичны, талантливы, но то, что они делают, они делают для себя. Они тоже совершают подвиги, но ради собственной алчности, они ищут высокого положения, чтобы насладиться своей властью, ибо для них реально только настоящее, под которым неизбежно понимается свое личное, ...когда процент людей этого склада в составе этноса увеличивается, то наследство, скопленное их жертвенными предками, быстро растрачивается, и это производит обманчивое впечатление изобилия, почему и считается расцветом» [23, с. 94].

Тип предпринимателей-пассеистов – собственных Морозовых и Третьяковых – белорусскому обществу еще предстоит сформировать. Для

них предпринимательский успех будет достигаться не вопреки, не в противоборстве с другими контрагентами (государством, партнерами, клиентами), а вместе с ними. Правовые нормативы, сколь бы совершенными они ни были, способны лишь дополнить, но не заменить культурно-нравственные регуляторы взаимодействия предпринимателей с государством, с клиентами и друг с другом. Этический императив «прибыль превыше всего, но честь выше прибыли», выстраданный дореволюционными российскими предпринимателями, является механизмом внутренней саморегуляции, уравнивающим экономические и социально-нравственные компоненты. «Не только выгоды и материальные блага формируют стереотипы поведения людей! Их любовь и ненависть в значительной мере связаны с подсознательной стихией психики, благодаря чему слова “свой” и “чужие” – не абстрактные понятия, а ощущение действительно существующих этнических полей и ритмов» [23, с. 396, 397].

Каждый работник, принимая решение о выборе государственного либо негосударственного сектора экономики, делает этот выбор с уверенностью или хотя бы с надеждой на то, что, в конце-то концов, уж если не во всем, то в главном, он выиграет. И естественно, его самочувствие, его уровень комфортности в значительной степени определяется удовлетворенностью его основных социальных потребностей. Для проверки этой гипотезы в анкете был сформулирован вопрос: «Оцените, пожалуйста, как изменились условия на негосударственных предприятиях (в сравнении с государственными)?». Общая картина сопоставления основных параметров деятельности государственного и негосударственного секторов экономики представлена на рис. 5.3.

В зависимости от направления и глубины изменения технологические, организационные, экономические и социальные условия негосударственного сектора экономики разделены на три группы: позитивные, нейтральные, негативные.

В *группу позитивных* отнесены условия, отличающиеся в позитивную сторону от аналогичных условий на предприятиях государственного сектора экономики:

- уровень оплаты труда;
- обновление техники и технологии;
- заинтересованность рядовых работников в получении предприятием прибыли, дохода;
- организация трудового процесса (ритмичность, обеспеченность сырьем и комплектующими);
- уровень механизации и автоматизации;
- система повышения профессионального уровня работников.

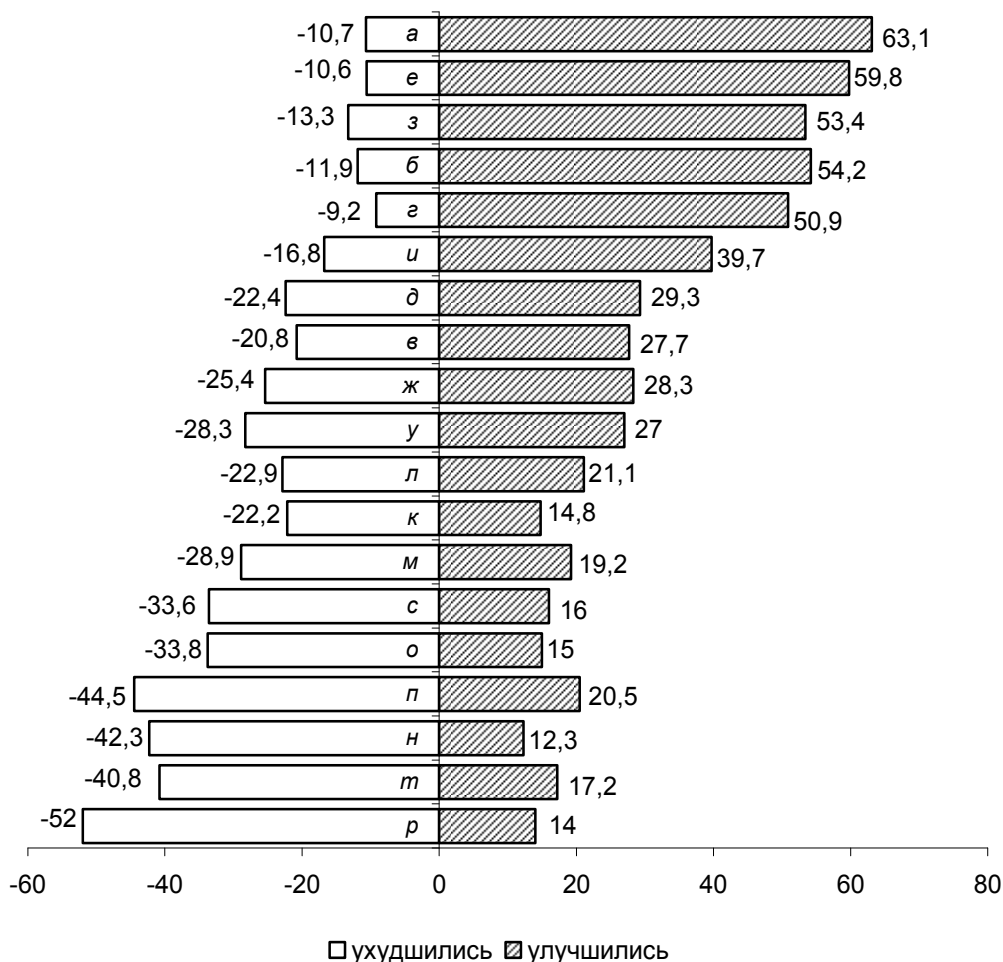

Рис. 5.3. Изменение условий на негосударственных предприятиях по сравнению с государственными:

а – уровень оплаты труда; *б* – организация трудового процесса (ритмичность, обеспеченность сырьем и комплектующими); *в* – условия труда (санитарно-гигиенические и техника безопасности); *г* – уровень механизации и автоматизации; *д* – социально-бытовые условия на производстве (столовая, буфет, душевые, раздевалки); *е* – обновление техники и технологии; *ж* – справедливость в распределении прибыли, дохода; *з* – заинтересованность рядовых работников в получении предприятием прибыли, дохода; *и* – система повышения профессионального уровня работников; *к* – теплота, искренность, человечность во взаимоотношениях между работниками; *л* – бюрократические формальности на производстве; *м* – справедливость в отношениях между работниками и предпринимателями; *н* – социальная защита работников в случае болезни, в старости; *о* – возможность юридической защиты трудовых и гражданских прав; *п* – возможность получить или построить жилье; *р* – возможность получить льготную путевку в санаторий, дом отдыха; *с* – возможность определить ребенка в ясли, детсад; *т* – возможность направить ребенка в летний лагерь отдыха; *у* – отпуск

Обращает на себя внимание тот факт, что четыре из шести параметров позитивной группы, по мнению белорусских респондентов, являются

организационно-экономическими и два – технологическими. В данной группе не представлены ни экономические, ни социальные параметры.

Нейтральная группа состоит из параметров, не отличающихся от аналогичных на предприятиях государственной структуры. К таковым отнесены:

- социально-бытовые условия на производстве (столовая, буфет, душевые, раздевалки);
- условия труда (санитарно-гигиенические и техника безопасности);
- справедливость в распределении прибыли, дохода;
- возможность работать в желательном режиме (начало рабочего дня, отпуск);
- бюрократические формальности на производстве;
- теплота, искренность, человечность во взаимоотношениях между работниками.

Подчеркнем, что в нейтральную группу респонденты включили как организационные условия (бюрократические формальности на производстве), так и социально-психологические (теплота, искренность, человечность во взаимоотношениях между работающими), социально-бытовые условия труда (техника безопасности, столовые, раздевалки, буфеты, душевые), а также и справедливость в распределении прибыли, дохода. Таким образом, во-первых, по этим параметрам негосударственная система экономики находится в тех же условиях, что и предприятия государственной структуры. Правомерно предположить, что, во-первых, состояние этих условий в минимальной степени зависит от формы собственности, что эти параметры как раз и предопределены ментальными установками белорусов, и, во-вторых, в мотивации выбора работниками государственного либо негосударственного сектора экономики эти параметры существенной роли не играют.

Особенно тревожное положение респонденты зафиксировали в отношении условий, отнесенных опрошенными в последнюю, *негативную группу*. К условиям, которые, по мнению респондентов, на предприятиях негосударственной формы собственности в сравнении с государственными предприятиями существенно ухудшились, отнесены:

- справедливость в отношениях между работниками и предпринимателями;
- возможность определить ребенка в ясли, сад;
- возможность юридической защиты трудовых и гражданских прав;
- возможность получить или построить жилье;
- социальная защита работников в случае болезни и старости;
- возможность направить ребенка в летний лагерь отдыха;
- возможность получить льготную путевку в санаторий, дом отдыха.

Примечательно, что негативная группа параметров состоит из условий, обеспечивающих возможность удовлетворения *социально-личностных потребностей* работников. Результаты исследования показывают, что основная «линия напряжения», образующая механику внутренних противоречий предпринимательства, расположена в разрыве между необходимостью удовлетворения первичных социальных потребностей работников и реальными возможностями их удовлетворения. Ведь большинство из параметров социально-личностной группы носят неэластичный характер. Нельзя перенести «на потом» ощущение несправедливости в отношениях между работниками и предпринимателями, ощущение недостаточной возможности юридической защиты трудовых и гражданских прав, неуверенности в своей социальной защите в случае болезни и старости или в получении льготной путевки в санаторий или дом отдыха.

Отдельным блоком следует выделить социально-личностные параметры, вызывающие наибольший дискомфорт у самой продуктивной группы работников – молодых людей, имеющих профессию, опыт и... семью. Тревога по поводу трудностей с получением или постройкой жилья, определением ребенка в ясли, сад, направлением ребенка в летний лагерь отдыха создает ситуацию непростого выбора между должным исполнением социальной роли отца или матери и реализацией своей профессионально-продуктивной роли.

Правомерно предположить, что в дальнейшем узел социальных противоречий в предпринимательстве будет затягиваться еще более туго. Ведь крупные промышленные предприятия – владельцы социальной инфраструктуры – сами, оказавшись в сложной экономической ситуации, безусловно, и дальше будут ужесточать линию на коммерциализацию детских дошкольных учреждений, лагерей отдыха, домов отдыха, профилакториев, плавательных бассейнов, стадионов и т. п. Это обстоятельство ставит в повестку дня необходимость формирования региональной социальной инфраструктуры предпринимательства. Большинству предприятий негосударственного сектора экономики в одиночку создавать «свою» социальную инфраструктуру просто не реально, это можно сделать только объединив усилия.

Таким образом, результаты социологического исследования проблем становления негосударственного сектора экономики, его взаимосвязи с национальным менталитетом современных белорусов позволяют сделать следующие выводы:

1. В представлении белорусских респондентов, негосударственный сектор экономики выгодно отличается от государственного сектора экономико-организационными и технологическими преимуществами. Эти преимущества и впредь будут привлекать к себе людей творческих, желающих улучшить свое материальное благополучие «здесь и сейчас».

Но предприятия негосударственного сектора экономики, в ощущении респондентов, проигрывают предприятиям государственного сектора по социальным показателям. А значение социально-духовных, традиционно-патриархальных, коллективистских ценностей в менталитете современных белорусов сопоставимо с экономическими. Не менее половины респондентов поставлены перед выбором: выбрать экономико-организационные и технологические преимущества негосударственного сектора экономики за счет ухудшения социально-личностных условий или потерять экономико-организационные преимущества, но обеспечить социальные гарантии для себя и своей семьи на предприятиях государственного сектора экономики?

2. В условиях негосударственного предпринимательства исчезают или существенно ослабевают привычные для государственного сектора экономики внешние механизмы контроля (госприемка, ОТК, нормировщики, табельщики и т. п.). Восполнить же эту утрату внешних регуляторов смогут только «внутренние» контролеры: личная и социальная ответственность, эрудированность, интеллигентность, совесть, доброта, деликатность, терпимость работников. Этот социокультурный «человеческий» срез нарождающегося общественного сектора является необходимым условием развития и практически неисчерпаемым источником повышения его экономической и социальной эффективности. Белорусский негосударственный сектор экономики потенциально обладает необходимыми ментальными характеристиками.

3. Основные противоречия негосударственного сектора экономики располагаются не вовне, а внутри системы, не только и не столько политические, правовые и экономические, сколько внутренние социокультурные, социально-нравственные аспекты являются резервом дальнейшего развития негосударственного предпринимательства Беларуси. Формирование благоприятного климата для развития предпринимательства в значительной степени зависит от самих предпринимателей, их способности консолидироваться не столько для противоборства с властными структурами, сколько для самоорганизации и самоочищения. Предпринимательство должно внутренне созреть и найти в себе силы для дистанцирования, отторжения из своего круга различного рода «флибустьеров», откровенных ловцов фортуны, не имеющих ничего общего с деловой предприимчивостью. Отечественному предпринимательству предстоит сформировать собственные мотивационные модели поведения Морозовых и Третьяковых, органично сочетающих экономически эффективную предпринимательскую деятельность с социально-созидающей, высокогражданской деятельностью. Создание социокультурного поля, в котором хорошим предпринимателем быть престижно, а плохим – стыдно, зависит не только от властных структур и средств массовой информации, но и от самих предпринимателей.

4. Обществу еще предстоит трудное осознание того, что рынок, рыночные отношения – это не только особая форма экономических и правовых отношений, но и особые формы мировоззрения и мироощущения, особая система и структура культурно-нравственных отношений, позволяющих одним, менее способным и менее удачливым членам общества, более или менее спокойно переносить соседство и взаимное сосуществование с более удачливыми и более богатыми, а более способным, более удачливым предпринимателям сформировать механизмы внутренних «тормозов», позволяющих в нужное время останавливать разыгравшийся аппетит, без внешнего принуждения «подавить» действие жестких законов конкуренции и вместе с механизмами экономической эффективности включить механизмы социальной справедливости и социальной солидарности.

5. Противоречивость в формировании нового социального слоя белорусских предпринимателей определяется и тем, что, с одной стороны, более высокая экономическая эффективность является достаточно сильным стимулом для привлечения в эту сферу энергичных, динамичных, инициативных членов общества. С другой стороны, над ними висит «дамоклов меч» общественного порицания за нарушение общепринятых, господствующих в обществе норм. Все это и предопределяет нравственно-психологическую ситуацию социального напряжения, когда более высокая экономическая эффективность обеспечивает сравнительно высокий материальный достаток негосударственных предпринимателей, но лишает их общественной и государственной нравственно-психологической поддержки, без которой они, сами являясь частью общества, ощущают состояние виновных и отвергнутых обществом. Чувство неустойчивости, временности своего состояния подталкивает «новых» белорусов к нарушению не только нравственных, но и юридических нормативов, нравственному оправданию выхода за пределы «устаревших», «антипрогрессивных» юридических и нравственных нормативов. Именно поэтому субкультура «новых» белорусов, так же как и «новых» русских, даже во внешних атрибутах выходит за пределы идеальности.

6. Отношение властных структур к становлению негосударственного сектора является внутренне противоречивым. С одной стороны, более высокая экономическая эффективность частного негосударственного предпринимательства создает надежную базу для самозанятости населения, создания дополнительных рабочих мест и базы налогообложения, что и обуславливает легитимную заинтересованность властных структур в формировании этого сектора. С другой стороны, властные структуры, будучи частью общества, а выборные законодательные органы, напрямую зависящие от настроения избирателей, не могут устойчиво проповедовать ценности, отличные от общественных.

7. Изложенные как положительные, так и негативные тенденции в формировании негосударственного предпринимательства в Беларуси являются динамичными, постоянно изменяющимися. Перспективы развития нового сектора экономики будут определяться конкретными действиями как властных структур, политиков, так и союзов предпринимателей, средств массовой информации, других социальных институтов по формированию культурно-цивилизационного поля, общественного мнения, благоприятных для развития частной инициативы, предприимчивости, рачительной хозяйственной деятельности, соединенной с социально значимыми программами.

8. Белорусская модель негосударственного предпринимательства будет отличаться от западноевропейских и североамериканских моделей большей выраженностью коллективистских и социально-духовных начал.

5.3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Генетически однородные понятия «государственность» и «государство» имеют не только общие, но и существенно различающиеся черты. Беларусь как суверенное государство существует только с 1991 года. Но белорусская государственность намного старше белорусского государства. Элементы белорусской государственности имеют древнюю историю. Они присутствовали на территории Беларуси в структуре Туровского и Полоцкого Княжеств, в структуре Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, в составе Российской империи и СССР. Белорусская земля родила и воспитала целую плеяду государственников, проявивших свои способности в перечисленных выше государственных образованиях. Но с проблемой построения собственного государства Беларусь столкнулась только в последнее десятилетие XX века.

Еще совсем недавно на постсоветском пространстве правовое государство предполагалось как самодостаточное понятие. Считалось, что в самой категории «правовое государство» заложены главные системообразующие принципы нового нетоталитарного, свободного, открытого гражданского общества. И задача заключается в создании систематизированного «правового поля», регулирующего основные формы общественного взаимодействия. Особенных трудностей на этом пути не ожидалось. Западные цивилизации со времен Римского права достаточно полно отработали как теоретико-методологические, так и практико-методические уровни формирования и применения правовых норм во всех сферах: от международного до интимно-межличностного, семейного права.

Практика применения хорошо адаптированных к условиям западноевропейской и североамериканской культур правовых механизмов на постсоветском пространстве вообще, а в Беларуси в частности, показала сложность правостроительного процесса. Очень быстро в правовом строительстве в Беларуси, как и в других новых постсоветских государствах, стали проявляться непрогнозируемые, неприятные вещи. Во-первых, «узаконивание» правовых норм требует их легитимизацию, утверждение представительскими органами власти. Представительная, законодательная власть, будучи выборной и подотчетной избирателям, не может оторваться от господствующих в обществе представлений о взаимодействии механизмов регуляции общественного взаимодействия законности и справедливости. Но главная опасность и «ловушка» волонтаристского правового строительства заключается в системе реализации принятых законов. Ведь после принятия законов начинается этап разработки механизма их применения: инструкций, положений, распоряжений, приказов, других подзаконных актов. Особенность данного этапа правовой деятельности заключается в том, что авторами и исполнителями этого уровня «правового поля» являются субъекты государства, напрямую малозависящие и от электората, избравшего законодателей, и от самих законодателей. Именно на этом уровне «конфигурация» правовых норм часто изменяется столь существенно, что идея, дух закона от первоначально задуманного изменяются до противоположного.

На следующем этапе, в процессе непосредственной реализации правовых норм, его соисполнителем, автором становится, по сути, все общество, которое в соответствии с присущими ему базовыми ценностями, собственными представлениями о «правильном» и «неправильном» жизнеустройстве, собственными ментальными характеристиками «исправляет» все «неточности», все «неправильности», допущенные при принятии как законов, так и подзаконных актов. Соразмерив разрыв между первоначальной идеей «правильного» общественного обустройства и фактической ее реализацией, государственные институты начинают следующий «виток» по разработке, принятию и реализации более «правильных» законов, которые в очередной раз «исправят» исполнители.

В реальной действительности все народы, в том числе и западноевропейские, имеют не только общие для всех, но и существенно различающиеся национальные особенности государственности. Попытки подогнать государственные формы под любой шаблон обречены на неудачу. В этой связи мы солидарны с Л. Н. Гумилевым в том, что «...нас не может не огорчать весьма распространенное мнение, будто все государственные формы, общественные институты, этнические нормы и даже манеры изло-

жения, не похожие на европейские, – просто отсталые, несовершенно и неполноценные. Банальный евроцентризм достаточен для обывательского восприятия, но он не годен для научного осмысления разнообразия наблюдаемых явлений. Ведь с точки зрения китайца или араба неполноценными кажутся западные европейцы» [23, с. 59–60].

Поскольку и законодатели, и государственные чиновники, трактующие и организующие механизмы исполнения законов, и граждане – исполнители законов, во-первых, вынуждены исходить из социально-экономических и геополитических реалий, во-вторых, «нагружены» этнонациональными ментальными характеристиками, постольку реальное правовое государство всегда конкретно-исторично.

Реальная национальная модель государственности схематично изображена на рис. 5.4 как производная между теоретическим пониманием государства и этнонациональной культурой, этнонациональным менталитетом.

Величина «вилки» между этнонациональным менталитетом и реальной формой государственности в различные периоды развития общества существенно изменяется. В революционные эпохи перестройки общества под влиянием популистских настроений реальная государственность приближается к нормативам, зафиксированным в социокультурных нормах менталитета «победившего» общества, социального класса (слоя); после достижения «победы» реальная государственность смещается в сторону «правильной» государственности.

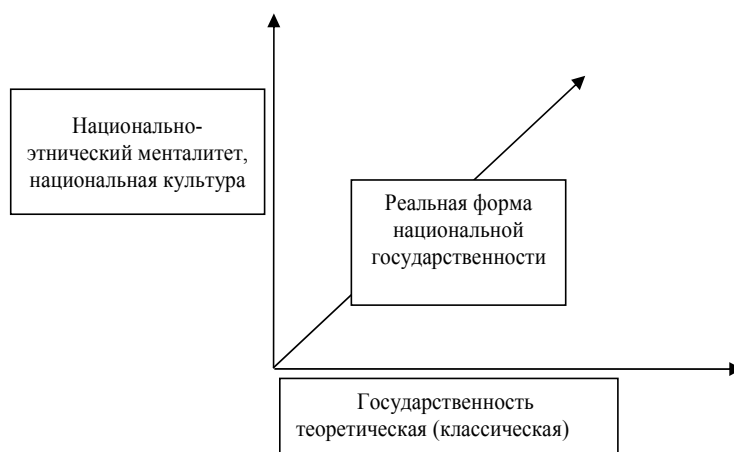

Рис. 5.4. Схематичная модель национальной формы государственности

Социально-политические коллизии конца XX – начала XXI века в восточнославянских государствах подтвердили эту закономерность. Реально государственное строительство постоянно корректируется представлением населения, электората о желательном общественном обустройстве, о функциях и объемах, которые государство должно для этого выполнять.

Имеющийся в распоряжении человечества опыт убедительно показал, что сущность и механизмы государственности изменяются не только во времени, они отличаются и в пространстве. Как совершенно справедливо отмечал Л. Н. Гумилев, «...понятие “государство” во всех перечисленных случаях различно и в переводе незаменимо... нюансы различия оказываются подчас значительнее элементов сходства, а это определяет поведение участников истории: что кажется чудовищным европейцу, естественно для монгола и наоборот. Причина не в разной этике, а в том, что предмет, в данном случае государство, не идентичен» [23, с. 59].

Для исследования особенностей белорусской модели государственности респондентам было предложено ответить на вопрос, какие функции должно выполнять государство и в каком объеме оно эти функции выполняет. Полученные данные представлены в табл. 5.4.

Результаты исследования показали, что средневзвешенная желательная «плотность» оценки участия государства в жизни общества составляет 58,7 %, тогда как средневзвешенная оценка реальной деятельности государственных институтов в жизни общества составила 34,7 %.

Таблица 5.4

**Представления белорусских респондентов о функциях,
которые должно выполнять государство,
и о выполнении государством этих функций**

Функции	Должна выполняться, %	Выполняется, %	Индекс напряженности
Государство обеспечивает соблюдение демократических норм и правил	73,5	29,7	+2,5
Государство обеспечивает единство общества, нации, согласовывает интересы различных групп населения	71,7	36,0	+2,0
Государство обеспечивает социальную справедливость в обществе	77,8	21,6	+3,6
Государство полностью берет на себя заботу о благосостоянии своих граждан и обеспечивает их в случае беды и старости при обязательном контроле обществом деятельности государственных органов	71,7	36,1	+2,0

Функции	Должна выполняться, %	Выполняется, %	Индекс напряженности
Государство полностью берет на себя заботу о благосостоянии своих граждан и обеспечивает их в случае беды и старости при отсутствии обязательного контроля обществом деятельности государственных органов	48,8	25,0	+2,0
Государство имеет право совершать все, что считает нужным для пользы общества	33,0	53,0	-1,6
Каждый человек рассчитывает только на себя и не надеется на помощь государства, а государство не вмешивается в частную жизнь человека	34,5	47,0	-1,7
Все, что служит благу государства, служит благу отдельного гражданина	55,9	32,4	+1,7
Все, что служит благу отдельного гражданина (в рамках закона), служит благу государства	61,0	31,6	+1,9
<i>Среднее по всем функциям</i>	58,7	34,7	+1,7

В целом по всем характеристикам положительный индекс напряженности составил +1,7. Другими словами, белорусские респонденты выразили желание, чтобы государственные институты проявляли свою активность в 1,7 раза больше, чем они делают это в настоящее время. Следует отметить, что в данном случае зафиксирована нормальная закономерность в социологических измерениях, когда идеальные оценки превышают реальные. Развивающееся общество и человек всегда стремятся к лучшим результатам. Вместе с тем следует подчеркнуть, что при оценке выполнения государством конкретных функций в исследовании зафиксированы существенные различия между ожидаемыми и реально выполняемыми уровнями (рис. 5.5).

Так, по мнению респондентов, относительно благополучно дело обстоит с выполнением такой патерналистской государственной функции, как служение благу государства, и, таким образом, – благу граждан, на необходимость которой указало 55,9 % опрошенных респондентов, тогда как на фактическое исполнение этих функций указало 32,4 % респондентов. В данном случае индекс напряженности оказался опти-

мальным (+1,7). Более напряженная ситуация зафиксирована при оценке либеральной функции государства, направленной на *обеспечение благосостояния своих граждан*, и, таким образом, – на *обеспечение блага государства* (61,0 : 31,6). При оценке всех вышеперечисленных функций разница между ожидаемым уровнем и фактическим уровнем их исполнения положительный индекс напряженности составил примерно 2, соотношение желательного участия и реальных действий государства в выполнении социальной функции – *заботы о благосостоянии своих граждан, обеспечения их в случае болезни и старости, но при обязательном контроле обществом деятельности государственных органов* составило 71,7 : 36,1, интегративной функции государства – *деятельности по обеспечению единства нации и согласованию интересов различных групп населения* (71,7 : 36,0), патерналистской государственной функции – *обеспечении благосостояния своих граждан при отсутствии обязательного контроля обществом деятельности государственных органов* (48,8 : 25,0).

Наибольшее несоответствие между желательным и реальным уровнем респондентами зафиксировано при оценке выполнения государством такой функции, как *обеспечение социальной справедливости в обществе* (77,8 : 21,6). Индекс напряженности в данном случае является критическим (+3,6). По мнению респондентов, эту функцию государство выполняет только на 27,8 % от ожидаемого. Чуть меньший разрыв между желательным и реальным уровнями зафиксирован при оценке такой функции, как *обеспечение демократических норм и принципов* (73,5 : 29,7). Эту функцию государство, по мнению респондентов, выполняет на 40 %, а индекс напряженности в данном случае составил +2,5.

В особую группу следует выделить две функции, реальное выполнение которых, по мнению респондентов, в отличие от всех остальных, существенно превышает их желательный уровень. К таковым отнесены: *право государства совершать все, что считает нужным для пользы общества* (33,0 : 53,0).

В данном случае респонденты выразили неудовлетворенность в связи с превышением государством своих полномочий совершать действия, с точки зрения государственных институтов полезные для общества, без санкций самих граждан. Здесь индекс напряженности является отрицательным (-1,6).

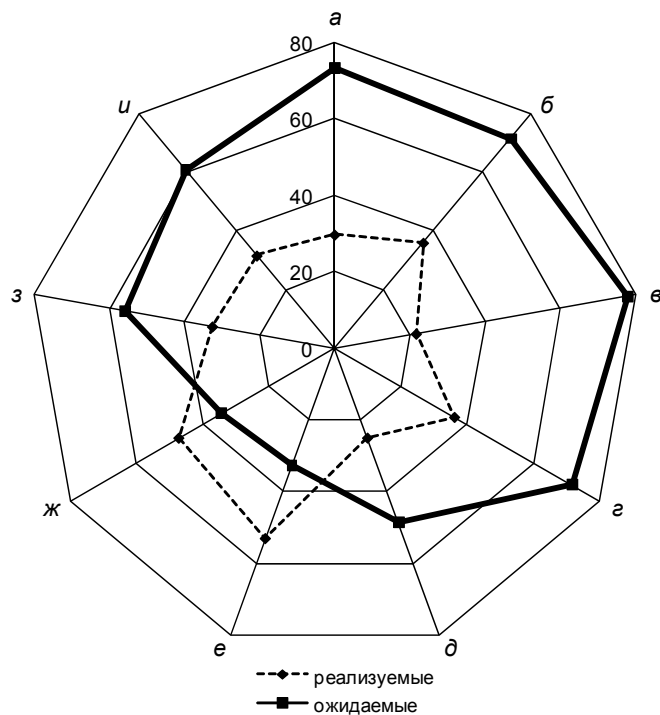

Рис. 5.5. Модель идеального уровня выполнения государством своих функций и оценка их фактического исполнения:

а – государство обеспечивает соблюдение демократических норм и правил; *б* – государство обеспечивает единство общества, нации, согласовывает интересы различных групп населения; *в* – государство обеспечивает социальную справедливость в обществе; *г* – государство полностью берет на себя заботу о благосостоянии своих граждан и обеспечивает их в случае беды и старости при обязательном контроле обществом деятельности государственных органов; *д* – государство полностью берет на себя заботу о благосостоянии своих граждан и обеспечивает их в случае беды и старости при отсутствии обязательного контроля обществом деятельности государственных органов; *е* – государство имеет право совершать все, что считает нужным для пользы общества; *ж* – каждый человек рассчитывает только на себя и не надеется на помощь государства, а государство не вмешивается в частную жизнь человека; *з* – все, что служит благу государства, служит благу отдельного гражданина; *и* – все, что служит благу отдельного гражданина (в рамках закона), служит благу государства

Аналогичная ситуация зафиксирована и при оценке выполнения государством проповедуемых сторонниками либерального общественного устройства, в котором *каждый рассчитывает сам на себя и не надеется на помощь государства, а государство не вмешивается в частную жизнь граждан* (34,5 : 47,0). В данном случае индекс напряженности также является отрицательным и равняется $-1,7$. Неудовлетворенность респондентов «перебором» государства в реализации этих функций симптоматична. По сути дела, белорусские респонденты оказались намного прозорливее ра-

дикальных политиков как правого, так и левого толка. Наиболее приемлемыми являются общественные отношения, в которых государство без волеизъявления своих граждан не имеет права делать то, что оно считает полезным обществу, но и не имеет права оставлять граждан без своей помощи даже в обмен на свое невмешательство в частную жизнь граждан.

Для наглядного представления о допустимой векторности и доверительности граждан в расширении или уменьшении государством своих функций нами сконструирована модель, схематично раскрывающая соотношение идеальных (желательных) и реализуемых уровней осуществления государством своих функций (рис. 5.6).

В построенной модели отсутствует альтернатива для государственной функции *обеспечения социальной справедливости в обществе*. Но сопоставление желательного и реально выполняемого уровней данной функции показывает, что именно здесь зафиксирована наибольшая напряженность. У этой функции зафиксированы наибольший желательный уровень (77,8 %) и наименьшая ее фактическая оценка (21,6 %). Огромная неудовлетворенность (индекс напряженности +3,6) между желательным уровнем и оценкой фактического обеспечения государством принципа справедливости определяет векторность и величину коррекции всех остальных функций, которые будут оцениваться через реализацию функции социальной справедливости.

Исходя из вышеизложенного, алгоритм изменения государственных функций может быть обозначен следующим образом: усиление действенности механизмов, обеспечивающих социальную справедливость, обеспечение единства нации; согласование интересов различных групп населения; соблюдение демократических норм и принципов; ослабление всеобщего патронирования государством всех граждан и усиление контроля общества за деятельностью государственных органов.

Важным аспектом построения реальной модели белорусской государственности является национально-культурное содержание такой ментальной характеристики, как «законопослушание». Ведь само понятие «законопослушание» в рамках конкретных этнонациональных культур имеет различную структуру. В западной культуре законопослушание, в самом общем плане, обозначает следование «букве» закона, тому закону, который на бумаге. В восточных, в том числе и славянских, культурах законопослушанием обозначают следование не столько букве, сколько «духу» закона, закону, который в душе, закону совести.

Может ли быть юридический закон несправедливым? Справедливо ли все, что законно, или законно ли все, что справедливо? Дилемма, не существующая в системе правового сознания западных культур и цивилизаций и вечно мучающая, терзающая славянскую душу. Со времен Аристотеля в западной культуре понятия «справедливость» и «законность» по своей сути тождественны. Все законное является справедливым, а все справедливое – законно.

Каждый человек рассчитывает только на себя и не надеется на помощь государства, а государство не вмешивается в частную жизнь граждан

Государство полностью берет на себя заботу о благосостоянии своих граждан и обеспечивает их в случае беды и старости при отсутствии обязательного контроля обществом деятельности государственных органов

Рис. 5.6. Модель векторности и доверительности белорусских граждан в осуществлении государством своих функций

Для западного типа общества именно цивилизационные, выступающие в форме правовых, нормы являются главным скрепом общества. «Пусть пропадет весь мир, но восторжествует право!» – один из постулатов и, возможно, главный постулат древнеримского права, достаточно убедительно и наглядно выражающий максимум соотношения справедливости и законности. В восточной культуре со времен Конфуция понятия «справедливости», данной людям небом, и законов, написанных людьми, не

совпадают. Человеческие законы могут быть несправедливыми, тогда как божественная справедливость всегда совершенна, а потому и законна. Исходя из этого право может быть только необходимым атрибутом, составной частью справедливости. Но справедливость далеко не исчерпывается правом. Идея справедливости является суперпринципом и раннего христианства. Ведь само христианство возникло как противоправное, противоречащее юридическим нормам как Иудеи, так и Римской империи, но социально справедливое, обеспечивающее выживание угнетенных, бесправных рабов. Многовековая непрерывная борьба иудейского этноса сформировала уверенность в том, что добиться на земле справедливости невозможно. Справедливость могла быть установлена неземной трансцендентной высшей силой – Богом. Поэтому раннехристианская справедливость земной жизни людей была облечена в форму законов божьих.

В отличие от раз и навсегда данной абсолютной трансцендентной сущности справедливости, в понимании Платона и Гегеля, существующей независимо от индивидов и государства, у восточных славян сформировалось представление о человеческой, земной сущности справедливости. В мировоззренческой картине восточных славян понятие социальной справедливости носит не только эмоционально-психологическую, но и социально-регулятивную нагрузку. Выживание в сложнейших природно-климатических и геополитических условиях научило тому, что справедливое отношение между людьми выше законного. Преступление против совести у восточных славян всегда были более тяжкими, чем преступления против закона. Буква закона всегда котировалась ниже духа закона, а понятие «буквоед», как правило, ассоциировалось с бездушным, бессердечным человеком. В отличие от однополярной, линейной западноевропейской модели абсолютной трансцендентной справедливости, восточнославянская система справедливости многомерна и поликоординатна. В рамках славянского менталитета в процессе сопоставления несоразмерных, разнокоординатных величин происходит мучительный эмоционально-нравственный выбор между государственной законностью и человеческой справедливостью.

Для расшифровки понимания современными белорусами понятия справедливости в исследовании использовано пять элементов социальной справедливости в распределении материальных благ. Конструирование принципов социальной справедливости осуществлялось из следующих переменных:

- наличия и размера капитала;
- личных качеств (личная инициатива, способности, квалификация);
- необходимости делиться со слабыми и бедными;
- ничем не ограниченного полного равенства в получении благ.

Представленные на рис. 5.7 результаты анкетного опроса показали, что среди пяти принципов социальной справедливости респонденты в ка-

честве доминирующего определили принцип, в соответствии с которым люди должны получать долю общественных благ в зависимости от личной инициативы, способностей, квалификации, деловых качеств. В конструкции этого принципа из четырех возможных компонент заложена только одна – личностные характеристики. Представляется, что этот принцип устраивает скорее сторонников либеральной, чем социально ориентированной модели государственности.

На второе место белорусские респонденты поставили самую сложную, состоящую из трех переменных, конструкцию принципа социальной справедливости: люди должны получать долю общественных богатств в зависимости от их капиталов, личной инициативы, способностей, квалификации, деловых качеств, но при этом делиться со слабыми и бедными. Если это и есть выражение применяемого сегодня политиками и экономистами понятия «социально ориентированная рыночная экономика», то тогда большинство опрошенных респондентов являются сторонниками именно такого пути.

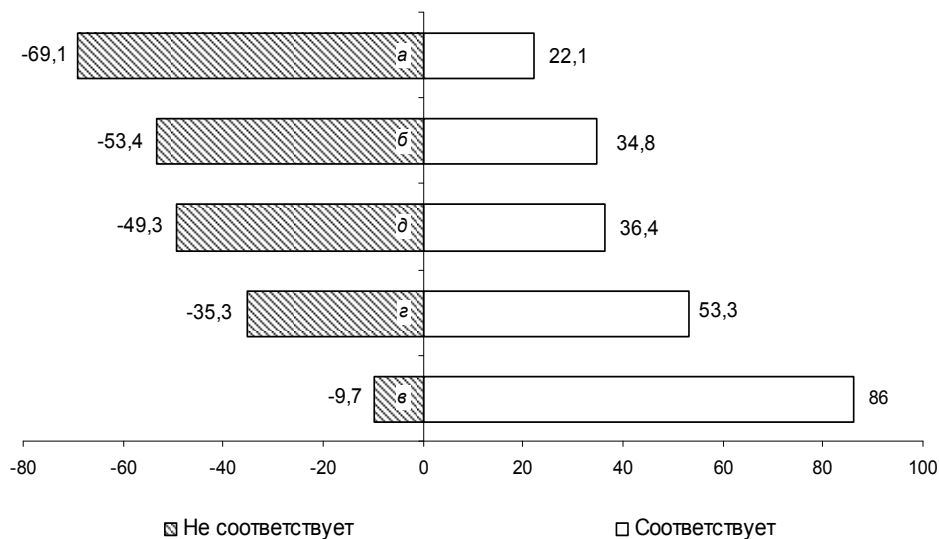

Рис. 5.7. Модель соотношения принципов справедливого распределения материальных благ:

- а* – все люди должны получать равную долю материальных благ;
- б* – люди должны получать долю общественных благ в зависимости от размеров их капиталов;
- в* – люди должны получать долю общественных благ в зависимости от их личной инициативы, способностей, квалификации, деловых качеств;
- г* – люди должны получать долю общественных благ в зависимости от их капиталов, личной инициативы, способностей, квалификации, деловых качеств, но при этом делиться со слабыми и бедными;
- д* – люди должны получать долю общественных благ в зависимости от размеров их капиталов, личной инициативы

Достаточную общественную поддержку у респондентов нашел и принцип социальной справедливости, состоящий из двух переменных: наличия капитала и личностных качеств индивида. Этот принцип, ско-

рее всего, соответствует классической рыночной экономике. Учитывая «общинную закодированность» белорусов, представляется, что часть респондентов, выбравшая этот принцип социальной справедливости, в данных условиях, скорее всего, примет второй, более мягкий, вариант социально ориентированной рыночной экономики.

Оценка респондентами двух принципов, сконструированных нами как альтернативные, служат иллюстрацией диалектического принципа: крайности сходятся. Так, принцип «дикого» капитализма: «все люди должны получать долю общественных благ в зависимости от размеров их капиталов» положительно оценил только каждый четвертый респондент, тогда как 2/3 опрошенных определили, что он противоречит принципам социальной справедливости. Самым непопулярным среди всех оказался принцип «военного коммунизма»: «все люди должны получать равную долю материальных благ». На его дееспособность указали менее 13 % респондентов, тогда как его противниками оказались более 75 % белорусских респондентов.

Представленный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. В мировоззренческой картине современных белорусов нет места для двух крайних путей общественного реформирования: как вульгарного, уравнительного социализма, так и примитивного «дикого» капитализма.

2. Из двух рыночных путей общественного реформирования явное предпочтение отдается социально ориентированной рыночной экономике.

3. Учитывая неизбежный процесс «капитализации» все большей части населения, неизбежно смещение части сторонников вульгарного социалистического принципа в сторону социально ориентированной рыночной государственности.

4. Потребность в социальном равновесии, социальной стабильности будет вытеснять часть сторонников «классического» капитализма на поле социально ориентированной рыночной экономики.

5. При благоприятных стабильных социально-экономических условиях поддержка модели социально ориентированной рыночной государственности будет увеличиваться, и наоборот, дестабилизация социально-экономической ситуации, падение жизненного уровня будет неизбежно вызывать у белорусов «полевение» общественного сознания, общественных идеалов.

Подчеркнем, что реальная модель белорусской государственности будет определяться оптимальным балансом двух основных механизмов социального взаимодействия: во-первых, законопослушания и, во-вторых, сопричастности, справедливости. Для определения оптимальных пропорций и специфики взаимодействия принципов законопослушания и справедливости как условий построения национальной модели государственности, соот-

ветствующей базовым ментальным характеристикам белорусов, в исследовании были сгруппированы ментальные характеристики с элементами законопослушания, справедливости и сопричастности (табл. 5.5).

Таблица 5.5

**Соотношение правосодержащих ментальных характеристик
и характеристик с содержанием сопричастности и справедливости
в автопортрете и идеальном портрете белорусов**

Характеристика	Самооценка, %	Идеальная оценка, %	Индекс напряженности
Законопослушание	22,8	84,0	3,7
Обязательность, верность слову, принятому решению	20,1	90,0	4,5
Индивидуализм	14,5	-31,2	-3,2
Предприимчивость, расчетливость	10,9	47,4	4,3
Соревновательность, конкуренция	10,2	52,9	5,2
Средняя оценка по группе правосодержащих ментальных характеристик, %	15,7	61,6	4,2
Гостеприимство	76,1	88,8	1,2
Теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание	72,7	91,6	1,3
Толерантность	67,0	55,6	0,8
Коллективизм	57,6	60,1	1,0
Уважение младшими старших и забота старших о младших	43,9	90,7	2,1
Уважение традиций, следование им	42,1	86,9	2,1
Созерцательность, мечтательность	41,6	-21,2	-1,5
Чувство локтя, стремление ока- зать помощь представителям своей нации	40,8	84,7	2,1
Духовность	35,9	57,9	1,6
Средняя оценка характеристик с содержанием сопричастности и справедливости	53,1	70,8	1,4

Обращает на себя внимание существенная разница как в уровне самооценок, так и в уровне идеальных оценок двух групп характеристик. Так, средняя самооценка пяти правосодержащих характеристик равняется 15,7 %, тогда как их желательная оценка 61,6 %. Разница в 4,2 раза между ощущениями собственного уровня «законопослушания» и его желательным, иде-

альным уровнем создает «поле» дискомфорта, динамической напряженности, готовности белорусов к усилению этого регулятора социального взаимодействия. Сопоставление данных результатов говорит о том, что белорусские респонденты признают важность правовых регуляторов социального взаимодействия, но... «смещенными» в сторону будущего. Во-вторых, самооценка правосодержащих характеристик оказалась в 3,4 раза ниже самооценок группы ментальных характеристик, содержащих механизмы социального взаимодействия на основе сопричастности и справедливости. Динамическая напряженность (1,4) в группе характеристик является минимальной. Скорее всего, современные белорусы здесь явного дискомфорта не ощущают.

Особенности взаимодействия правовых механизмов и механизмов справедливости, регулирующих, в представлении современных белорусов, общественную взаимодействие, демонстрирует сконструированная нами модель, показанная на рис. 5.8.

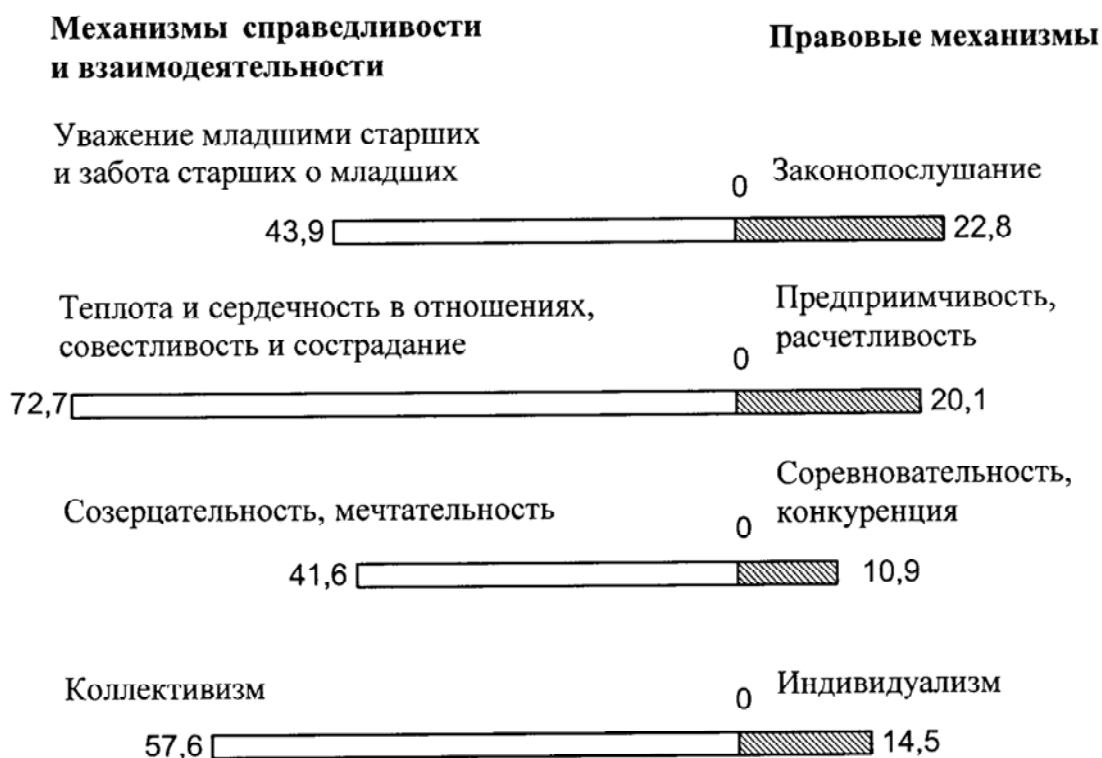

Рис. 5.8. Модель взаимодействия механизмов законопослушания и сопричастности, справедливости в регуляции общественных отношений

Данная модель наглядно демонстрирует, что в представлении современных белорусов значимость, удельный вес механизма правопорядка и механизма справедливости существенно различаются. Значимость механизма регулирования деятельности, основанного на принципах справедливости, сопричастности, в 3,4 раза выше эффективности механизма регули-

рования общественного взаимодействия, основанного на принципе права. Такова реальность. Еще раз подчеркнем, что ментальные характеристики, при их относительной статичности, вместе с тем являются динамичными, развивающимися либо в сторону увеличения, либо в сторону ослабления. Собственная неудовлетворенность низким уровнем обладания правосодержащими ментальными характеристиками уже в ближайшее время внесет определенные коррективы в поведение белорусов.

Разведя по разным полюсам собственные законопослушание и справедливость, сопричастность, белорусы выбрали не аристотелевское государственное понимание справедливости, а скорее конфуцианскую концепцию как следование традициям. Для проверки этого вывода была сконструирована модель, позволяющая раскрыть особенности ощущения государственности белорусов в сопоставлении с государственностью немцев. Подчеркнем, что действенность механизмов «законопослушания» и «сопричастности» и у белорусов, и у немцев дается с точки зрения белорусских респондентов. Напомним, что мы ранжировали различия ментальных характеристик. Рейтинг законопослушания в самооценке белорусов зафиксирован на 14 месте (приведенная оценка 22,8 %) и по своему значению оказался в 3,2 раза ниже, чем самооценка ментальной характеристики *теплота, сердечность в отношениях между людьми, совестливость, сострадание* (72,7 %), занимающей третью ранговую позицию. Эмпатическая характеристика *справедливости и сопричастности* в автопортрете белорусов по своей значимости уступает только таким ментальным характеристикам, как *гостеприимство и трудолюбие*. При оценке семи наций самыми законопослушными, в представлении белорусов, являются немцы. В ментальном портрете немцев *законопослушание* белорусские респонденты поставили на третью ранговую позицию (приведенная оценка 65,1 %). Тогда как *теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание* немцев белорусские респонденты определили на 17 ранговой позиции (приведенная оценка 17,4 %). Особенности взаимоотношения характеристик законопослушания и справедливости, совестливости и сострадания у белорусов и немцев представлены на модели (рис. 5.9).

Графическое изображение индикаторов, «нагруженных» *законностью и справедливостью, теплотой и сердечностью* у белорусов и немцев, наглядно демонстрирует их «зеркальность». С точки зрения белорусских респондентов, высокое *законопослушание* немцев противопоставлено их низкому уровню *теплоты и сердечности во взаимоотношениях между людьми, совестливости и сострадания*. И наоборот, высокому уровню *справедливости, теплоты и сердечности во взаимоотношениях между людьми, сострадания и совестливости* у белорусов противопоставлен низкому уровню *законопослушания*.

**Справедливость, теплота
и сердечность в отношениях
между людьми, совестливость
и сострадание**

Законопослушание

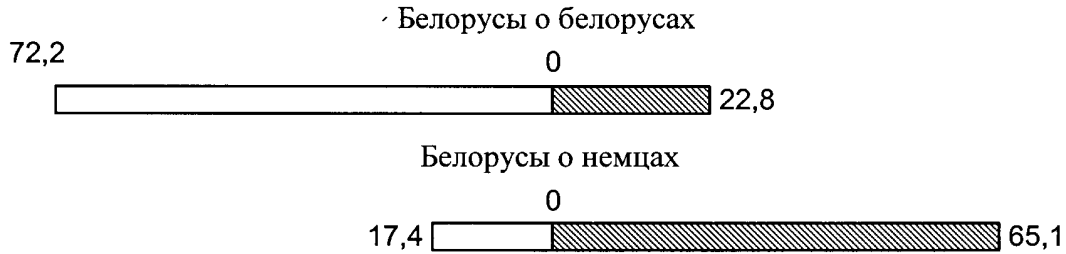

Рис. 5.9. Модель взаимоотношения ментальных характеристик справедливости, теплоты и сердечности в отношениях между людьми, совестливости, сострадания и законопослушания

«Зеркальность» соотношения ментальных характеристик *законопослушания* и *справедливости* у немцев и белорусов является подтверждением того факта, что они, в понимании белорусских респондентов, являются взаимодополняющими и взаимно ограничивающими друг друга. Жесткое следование юридическим нормам ограничивает проявление *совестливости* и *сострадания* (немецкий вариант), и наоборот, реализация *совестливости* и *сострадания* ограничивает проявление *законопослушания* (белорусский вариант). Если для немца справедливо все, что законно, то для белоруса законно только то, что справедливо. Если абстрагироваться от данной дихотомии, то, вне сомнения, устраивающий всех вариант был бы таким: люди должны быть максимально сердечны и максимально законопослушны. Но реальность является более жесткой. Белорусские респонденты в данном случае продемонстрировали понимание того факта, что набор ментальных характеристик не является аналогом набора блюд меню ресторана. Ментальные характеристики взаимосвязаны между собой системной агрегатной связью, вследствие чего усиление одной ментальной характеристики влечет за собой свертывание другой.

Подчеркнем, что современных белорусов явно не устраивает собственный уровень законопослушания. Огромное напряжение (индекс напряженности +3,7) между ощущением собственного уровня *законопослушания* (приведенная оценка 22,8 %) и его идеальным уровнем (84,0 %) заставляет белорусов исправлять этот недостаток. Но в таком случае должна уменьшаться противопоставленная ментальная характеристика – *теплота и сердечность в отношениях между людьми, совестливость и сострадание*. Однако, по оценке современных белорусов, последняя характеристика не только не предполагает уменьшение, но должна увеличиться. Следовательно, усиление правовых механизмов регуляции общественной взаимодействия будет происходить не за счет ослабления механизмов спра-

ведливости и сопричастности, а вместе с их усилением. Поэтому правомерно предположить, что процесс оптимального баланса между правовыми механизмами и механизмами сопричастности и справедливости в регулировании социального взаимодействия будет, во-первых, достаточно продолжительным, а во-вторых, сложным, противоречивым. Это обусловлено тем, что поскольку в представлении восточных славян нормы права и нормы справедливости имеют различное происхождение и выполняют различные функции, постольку они имеют и различающиеся механизмы корректировки. Если нарушение норм права, законопослушания требует их восстановления государственными правоохранительными институтами, то нарушенные нормы справедливости могут быть восстановлены только субъектами взаимодействия. Поэтому оптимальное развитие белорусской государственности должно осуществляться только во взаимосвязи и взаимообусловленности правового поля и ментального поля сопричастности, человеческой справедливости.

Поскольку государство является важнейшим инструментом реализации общественных задач, то национальные особенности белорусской модели государственности будут определяться и выбором гражданами Беларуси способов вывода общества из кризисного состояния. По условиям анкетирования респонденты должны были выбрать наиболее эффективные способы. Полученные результаты представлены на рис. 5.10.

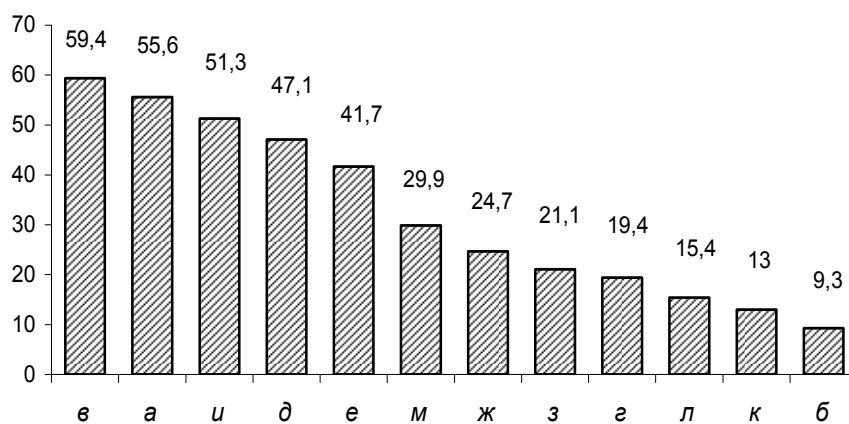

Рис. 5.10. Рейтинговая модель способов выхода из кризисного состояния:

а – более решительное проведение реформ, утверждение частной собственности; *б* – восстановление доперестроечных систем общественной организации; *в* – усиление дисциплины, порядка, ответственности; *г* – возрождение религии; *д* – восстановление связей с братскими, прежде всего славянскими народами; *е* – более решительное продвижение на Запад, в мировое сообщество; *ж* – опора на свои собственные национальные силы; *з* – возрождение национальных нравственных принципов; *и* – формирование современной законодательной базы; *к* – каждый должен рассчитывать сам на себя; *л* – устранение имущественного неравенства; *м* – устранение уравнильного принципа в распределении материальных благ

Графическое изображение оценки способов выхода общества из кризисного состояния наглядно демонстрирует, что по степени значимости они разделены на три группы.

В первую, основную группу отнесены следующие механизмы:

- усиление дисциплины, порядка, ответственности. На этот способ выхода общества из кризисного состояния указало 59,4 % опрошенных респондентов;
- более решительное проведение реформ, утверждение частной собственности (55,6 %);
- формирование современной законодательной базы (51,3 %);
- восстановление связей с братскими, прежде всего славянскими народами (47,1 %);
- продвижение на Запад, в мировое сообщество (41,7 %).

Вторая группа составлена из *среднезначимых* способов, в которую вошли:

- устранение уравнительного принципа в распределении материальных благ (29,9 %);
- опора на свои собственные национальные силы (24,7 %);
- возрождение национальных нравственных принципов (21,1 %).

Самыми малоэффективными способами вывода общества из кризисного состояния белорусские респонденты назвали:

- устранение имущественного неравенства (15,4 %);
- формирование общественных отношений, в которых каждый должен рассчитывать сам на себя (13 %);
- восстановление доперестроечных систем общественной организации (9,3 %).

Таким образом, реальные пути выхода Беларуси из кризиса, в представлении белорусских респондентов, не являются ни «левым» возвращением назад, к дореформенным формам общественной организации, ни «правым» либеральным радикализмом. Потребность в укреплении порядка, ответственности заняла первую ранговую позицию. Но подчеркнем, что этот «непопулярный» метод респонденты связывают не с юридическим произволом, не с *возвращением к дореформенным формам общественной организации*, а с *формированием современной законодательной базы и более решительным проведением реформ, утверждением частной собственности* (на эти способы выхода общества из кризисного состояния указало практически столько же респондентов, сколько и на усиление дисциплины, порядка и ответственности). Равноверная оценка трех главных способов выхода общества из кризисного состояния позволяет сделать правомерное заключение, что респонденты смоделировали *порядок*, в котором *право, закон* должны быть сильными, а *дисциплина, сила* должны быть *правыми*. Белорусские респонденты за-

фиксируют необходимость эффективного, деятельного *правопорядка*, в котором право обеспечивается дисциплиной и порядком, а порядок базируется на правовых нормах, а право и порядок вместе обеспечивают конструктивное реформирование общества. Полагаем, что таким образом респонденты сняли надуманные «страшалки» и левых радикалов о том, что реформирование общества, утверждение частной собственности несовместимо с порядком, и «правых» о том, что требование усиления дисциплины, порядка, ответственности объясняется только ностальгией о доперестроечной общественной организации.

Следует также отметить, что ранжирование основных способов выхода белорусского общества из кризисного состояния показало, что, в представлении белорусов, внешнеполитические ориентиры белорусской государственности должны быть направлены и на Восток – через воссоединение разорванных и организацию новых, соответствующих современным реалиям, связей с братскими, прежде всего славянскими народами, и на Запад, в мировое сообщество. В данном случае зафиксировано понимание белорусскими респондентами того факта, что Беларусь является составным звеном и Востока, и Запада. Взаимодействие со славянскими народами (восточный вектор) обеспечивает синхронность, стабильность и комфорт, движение по западному вектору способствует освоению рационально-деятельных ценностей, необходимых для интеграции во всемирные и европейские экономические, геополитические организации. Следовательно, государственность белорусов будет синтезировать как элементы западноевропейской, так и восточнославянской государственности.

На основании вышеизложенного правомерно сделать следующие выводы:

1. Основные пути государственного строительства белорусские респонденты видят в движении вперед через социально-экономическое реформирование, утверждение частной собственности. Белорусских респондентов, предпочитающих двигаться вперед, по пути реформ, в 9 раз больше, чем ностальгирующих по прошлым порядкам доперестроечной общественной организации. Динамика и гармония общественных отношений, в представлении респондентов, должны обеспечиваться скорее имущественным неравенством (устранение уравнилельного принципа в распределении материальных благ), чем имущественным равенством (устранение имущественного неравенства). Сторонников примитивного имущественного равенства (всем – поровну) среди белорусских респондентов в 3,3 раза меньше, чем сторонников принципа: «от каждого по способностям, каждому – по труду». Этот вывод подтверждается и усиливается при определении респондентами принципов справедливости: сторонников примитивной уравнилельности оказалось в 5,9 раза меньше, чем его противников. Самым популярным принципом социальной справедливости оказался принцип, в соответствии с которым «все люди долж-

ны получать долю общественных благ в зависимости от их личной инициативы, способностей, квалификации, деловых качеств».

2. Более решительное проведение реформ, утверждение частной собственности должны обеспечиваться скорее организационно-дисциплинирующими, чем либеральными механизмами. Так респонденты ответили на споры политиков о том, что важнее для общественного реформирования – предоставление свободы субъектам хозяйствования или обеспечение этих реформ дисциплиной, порядком, ответственностью, т. е. реформирование под контролем, участием и с ответственностью государства. В представлении респондентов, нравственные регуляторы общественного взаимодействия оказались сильно истощенными. Порядок и дисциплина, по мнению респондентов, должны обеспечиваться скорее правовыми, организационно-дисциплинарными механизмами, чем нравственными нормами. Вместе с тем дисциплину и порядок респонденты четко отделили от произвола и вседозволенности государственных структур. Определив в качестве важнейших, равнозначимых приоритетов в гармонизации общественных отношений такие механизмы, как укрепление дисциплины, порядка, ответственности и создание современной законодательной базы, респонденты смоделировали белорусскую государственность, построенную на *правопорядке*, где *право, законы* обеспечивают дисциплину, порядок, а *порядок*, организационно-дисциплинирующие механизмы являются *правовыми*.

3. Опираясь на мнение респондентов, схематично контур белорусской модели государственности можно сформулировать следующим образом: через социально-экономическое реформирование, утверждение частной собственности; в движении как на Восток, прежде всего через восстановление необоснованно разорванных и формирование новых связей с братскими, прежде всего славянскими народами, так и на Запад, в мировое сообщество, интеграцию в европейские, евразийские экономические и геополитические организации; через усиление дисциплины, порядка, ответственности на основе современной законодательной базы; через устранение уравнительного принципа в распределении материальных благ и усиление защитных социальных механизмов недееспособных граждан.

4. Деятельный ряд белорусской государственности может быть выстроен следующим образом: государственные институты должны обеспечивать социальную справедливость, защиту граждан в старости и по болезни, обеспечивать единство нации, согласовывать интересы различных социальных групп.

Функциональная модель белорусского государства может быть определена следующим образом: *демократическое, правовое, социально ориентированное, обеспечивающее активную созидательную деятельность народа, ориентированное на построение сильной, процветающей страны, высокое качество жизни своих граждан.*